

004
З 32

Золотски
Академиј - наук
З 30

001

3-32

5

ЗАПИСКИ АКАДЕМИИ НАУК

Служебный каталог

СИНОДИКЪ

иже во осмой тысящи скончавшихся.

Т 3601

1.3-611

Помяни гди дши оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь иже в' самое нужное время, сея осмая тысящи скончавшихся, иже и не сподобившеса видимо пріяти стыхъ и пречтыхъ и животворящихъ таинъ тѣла, и кровѣ твоея изливаемой во оставленіе грѣховъ и в' поданіе живота вѣчнаго. но токмо в' сокрушеніи срца, в' вѣрѣ и надежди и оупованіи отыдоша. ты сам' гди блгодатию своею невидпмо совершивъ и оупокой. такожде же и не исповѣданіе пріемшихъ, предъ олтаремъ и переп, но пред' простыми и не осщенными, тебѣ творцу своему исповѣдаша своя согрѣшенія. Но аще и пред' худыми, и не осщенными исповѣдашася. но милосердія ради своего, прости имъ вся согрѣшенія ихъ. и сподоби ихъ деснаго твоего стоянія, со всеми стыми, всегда ннѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

187110 de

Общественная
библиотека им. Гоголя
Фундаментальное
отделение

НИГА ИЗЪЯТА

№23726.

86

064 2115
Проверено

Г

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ О ПУТЕШЕСТВІИ, СОВЕРШЕННОМЪ ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
ВЪ КАРСКУЮ ОБЛАСТЬ И ЗАКАВКАЗЬЕ.

Александра Браунта.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи
15-го января 1880 г.

По предложенію своихъ членовъ Л. И. Шренка и А. А. Штрауха, Академія взяла на себя починъ въ естественно-историческомъ изслѣдованіи вновь присоединенной къ Россіи Карской области, и поручила мнѣ посѣтить названную область и Закавказье. Задача моя должна была состоять въ изученіи мѣстной фауны, въ особенности озерной. По возвращеніи изъ экспедиціи мнѣ удалось заручиться, для обработки собраннаго зоологическаго матеріала, сотрудничествомъ цѣлаго ряда специалистовъ. Тѣмъ не менѣе окончательная обработка его потребуетъ еще не мало времени, а потому считаю долгомъ представить Академіи въ настоящее время лишь предварительный отчетъ. Постараюсь выяснять въ немъ свое стараніе оправдать, по мѣрѣ силъ и возможности, оказанное мнѣ довѣріе. Въ случаѣ, если добытые до сихъ поръ результаты побудятъ Академію не оставить начатаго дѣла и повторить экспедицію ближайшимъ лѣтомъ, то плоды обѣихъ экспедицій могли бы быть опубликованы въ связи. — Настоящій предварительный отчетъ содержитъ въ себѣ: 1) краткій маршрутъ моего путешествія 2) нѣкоторыя данныя по изслѣдованію озеръ и 3) характеристику собранной мною коллекціи.

Проверено

I.

Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая, я останавливался въ пути лишь на самое короткое время въ Москвѣ, для осмотра антропологической выставки, а также въ Харьковѣ и Одессѣ, гдѣ ознакомился съ зоологическими коллекціями и имѣлъ случай видѣть опыты надъ размноженіемъ различныхъ видовъ *Anisoplia* и надъ зараженіемъ ихъ паразитными грибами. Болѣе продолжительное время я оставался въ Тифлисѣ, отчасти для того, чтобы заручиться необходимыми путевыми документами, отчасти же для экскурсій въ Боржомъ и Абасъ-Туманъ, отчасти, наконецъ, и для ознакомленія съ Кавказскимъ музеемъ, который, не смотря на свое кратковременное существованіе и неизбежное въ новомъ краѣ универсальное направленіе, весьма богатъ мѣстнымъ матеріаломъ по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія и, спеціально по зоологіи, можетъ гордиться цѣлымъ рядомъ коллекцій, обработанныхъ русскими и заграничными авторитетами.

4 іюня я покинулъ Тифлисъ въ молуканскомъ фургонѣ, вмѣстившемъ въ себѣ и всю мою поклажу, а именно: ящики, драги, сачки, сѣти, батометръ, лоты и даже складную цинковую лодку, для озерныхъ изслѣдованій. Лишь на четвертый день къ вечеру я могъ добраться до сѣверо-западнаго берега Гокчи, до заселенной молуканами деревни Еленовки. Въ теченіе 6-и недѣль деревня эта служила исходнымъ пунктомъ для многочисленныхъ экскурсій по озеру и по его окрестностямъ. Отсюда же мною совершена и 11-п дневная, весьма богатая путевыми впечатлѣніями поѣздка въ долину Аракса и къ Арарагу, при чемъ посѣщена сначала долина Дарачи-чахъ, единственная мѣстность въ окрестностяхъ Эривани, гдѣ лѣтомъ сохраняется свѣжая природная зелень и уцѣлѣлъ еще лѣсъ. Хотя лѣсъ этотъ и молодой (но преимуществу дубъ, отчасти дикая груша), однако въ немъ держатся еще медвѣди. Разставшись съ гостепріимнымъ домомъ проживавшаго въ Дарачи-чахѣ эриванскаго вице-губернатора В. А. Чиховскаго, я спустился къ югу, въ

Эривань. Здѣсь ко мнѣ присоединился Н. Я. Пауль, бывшій воспитанникъ Горыгорецкаго земледѣльческаго института и авторъ статьи о Гокченскихъ рыбахъ. Въ его сообщничествѣ мы извѣздили спаленныя солнцемъ окрестности Эчмιάдзина и Игдыра. Сурмалинскій уѣздный начальникъ П. П. Бежанбековъ, принявъ насъ очень любезно, снабдилъ насъ спльнымъ конвоемъ для дальнѣйшаго слѣдованія по мѣстностямъ, гдѣ въ то время скиталась шайка куртинъ - разбойниковъ, человекъ въ 60. Конвой этотъ сопутствовалъ намъ черезъ Аралыхъ на предгорья Арарата, откуда 6 іюля мною совершено восхожденіе на М. Араратъ, не давшее, впрочемъ, почти никакихъ зоологическихъ результатовъ. На слѣдующій день посѣщены та мѣстность, гдѣ въ 1840 г. засыпана большая деревня Аркурп, и источникъ св. Якова. Отсюда мы вернулись въ Аралыхъ, и затѣмъ, переправившись въ бродъ черезъ Араксъ около Камарлю, достигли, по почтовой дорогѣ, Эривани. 9 іюня я уже могъ заняться въ Еленовкѣ укладкой привезенныхъ съ Араратской поѣздки предметовъ, а нѣсколько дней спустя находится опять въ дорогѣ. Перешагнувъ у Александраполя бывшую нашу границу, я остановился на два дня въ Карсѣ. Губернаторъ Карской области ген.-лейт. В. А. Франклинъ обязательно помѣстилъ меня въ своемъ домѣ и снабдилъ документами, обезпечившими за мною всѣ возможные удобства при исполненіи труднѣйшей моей задачи, пслѣдованія оз. Чалдыра. Обогащенный рыбамп изъ Карсъ-чая, принесенными въ даръ Тифлискимъ гражданиномъ И. В. Баба-насовымъ, и тѣми немногими низшими животными, которыхъ удалось собрать въ изсушенной солнечными лучами окрестности Карса, я поспѣшилъ сначала въ турецкую деревню Зарушадъ. Проживающій здѣсь окружный начальникъ С. Е. Васильевъ имѣлъ любезность лично провести меня на берега Чалдырь-гѣля и водворить въ селеніи Дашбашъ, въ турецкомъ домѣ гостепріимнаго Даштана-аги Шебелева. Названное селеніе, непоказанное на картѣ генеральнаго штаба, находится на южной оконечности той части Чалдыра, которая носитъ названіе Кучикъ гѣль (малое озе-

ро). Въ первые дни непрерывный бурный вѣтеръ не давалъ выѣзжать на озеро; но вслѣдъ за тѣмъ я почти ежедневно предпринималъ болѣе или менѣе отдаленныя поѣздки по водѣ, въ сопровожденіи предоставленныхъ въ мое распоряженіе трехъ черноморскихъ казаковъ. На берегахъ Чалдыра мною проведено всего около двухъ недѣль, т. е. съ 22 іюля до 3 августа; послѣ чего я отправился кратчайшимъ путемъ обратно въ Тифлисъ. Путь этотъ пролегаетъ мимо прежняго нашего пограничнаго озера Хозапина, извѣстнаго между прочимъ по солонцеватой водѣ и полному отсутствію въ немъ рыбы, и дальше черезъ Ахалкалаки, Ахалцыхъ и Боржомъ. Въ Боржомѣ Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому угодно было поинтересоваться результатами моего путешествія и удостоить меня милостиваго приѣма. При этомъ Великій Князь выразилъ желаніе, чтобы мнѣ удалось въ послѣдствіи распространить изслѣдованія и на принадлежащее ему лично озеро Табисцхурп, которое находится въ окрестностяхъ Боржома и отличается своими форелями, не смотря на то, что помещается въ совершенно замкнутомъ кратерѣ. Изъ Тифлиса я переправился черезъ Кавказскій хребетъ по военно-грузинской дорогѣ, и затѣмъ по желѣзной дорогѣ вернулся въ Петербургъ въ среднихъ числахъ августа.

II.

Озерныя изслѣдованія проведены мною по преимуществу надъ двумя обширнѣйшими прѣсноводными бассейнами русской территоріи по ту сторону Кавказа, надъ Гокчей и Чалдыромъ. Лишь мимоходомъ я могъ захватить нѣкоторый матеріалъ въ озерѣ Хозапинскомъ и озерѣ Лавашъ-гѣлѣ.

Громадное озеро Гокча, расположенное среди вулканическихъ горъ, на высотѣ 6340 ф. надъ ур. м., уже такъ часто описывалось естествоиспытателями, что мнѣ достаточно упомянуть лишь о нѣкоторыхъ его особенностяхъ, имѣющихъ соотношеніе къ фаунистическимъ изысканіямъ. Что вулканизмъ, нѣкогда работав-

шій съ мощною силою во всей нагорной Арменіи, еще и теперь не совершенно угасъ въ котловинѣ нашего озера, ясно доказывається періодическимъ повышеніемъ и пониженіемъ его береговъ. По этому важному явленію мною собраны у мѣстныхъ жителей нѣкоторыя данныя, изъ которыхъ оказывается, что въ послѣднія два десятилѣтія вокругъ озера исподоволь обнаружались широкія береговыя полосы и отмели. Единогласныя указанія жителей, впрочемъ, не трудно провѣрить и при помощи новѣйшей карты генеральнаго штаба. На картѣ этой въ Еленовской бухтѣ показано нѣсколько отдѣльныхъ островковъ, которые со времени послѣднихъ съемокъ успѣли слиться между собою и съ берегомъ и образовать полуостровъ. Далѣе, все озеро опоясано камнями и скалами лавы, покрытыми бѣлою корою прѣсноводнаго мергеля. Рыбаки и монахи Севанскаго монастыря помнятъ выходженіе этихъ бѣлыхъ камней изъ воды. Въ противоположность этому повышенію береговъ, какъ увѣряютъ старожилы, лѣтъ 60 тому назадъ на мѣстѣ нынѣшняго Еленовскаго залива было болото съ трясиной. Въ настоящее время тутъ глубина отчасти до 3 и 4 сажень. Колебанія береговъ и дна указываютъ съ большимъ вѣроятіемъ на прежнее пное сцѣпленіе Гокчи съ другими водами, при которомъ только и было возможно первоначальное заселеніе озера извѣстными рыбами и нѣкоторыми другими животными, неводящимися въ единственномъ истокѣ Гокчи, Зангѣ и въ Араксѣ, куда впадаетъ эта рѣка. Будучи около Эривани значительною рѣкою, Занга, впрочемъ, обязана массою своей воды разнымъ притокамъ, а отнюдь не Гокченскому, который подлѣ озера представляется лишь подъ видомъ канавы въ вулканическомъ гравіѣ, шириною всего до сажени, при наибольшей глубинѣ менѣе аршина. Истокъ этотъ отъ времени до времени искусственно прочищается. Нѣсколько отступя отъ озера онъ превращается въ болотистый ручей. Уже Эйхвальдъ приводитъ историческое преданіе, по которому Гокченскій истокъ Занги не болѣе, какъ искусственно вырытый каналъ. Для оцѣнки происхожденія озерной фауны было бы весьма желательно, чтобы геологъ имѣлъ случай изслѣдовать

на сколько тутъ истины. Нынѣшнее ничтожество истока могло бы быть и новѣйшаго происхожденія, образоваться отъ поднятія прибрежной полосы озера. — К. Θ. Кесслеръ, имѣвшій въ рукахъ неизданную карту промѣровъ Гокчи, сообщаетъ, что наибольшая глубина озера, — она найдена въ сѣверномъ его бассейнѣ, — равняется 361 футу. Мнѣ самому приходилось произвести промѣры и драгировать въ различныхъ частяхъ сѣвернаго бассейна: въ Еленовскомъ заливѣ я встрѣтилъ всего глубину отъ $2\frac{1}{2}$ —4 саж., передъ заливомъ, къ монастырскому острову мною вымѣрено на различныхъ мѣстахъ, смотря по удаленію отъ берега, 5,—11,—16 саж. Недоѣзжая съ версту до острова, глубина опять убываетъ. Наибольшей глубины, а именно 34 саж. (238 ф.), мнѣ удалось достигъ приблизительно на срединѣ сѣвернаго бассейна.

Цвѣтъ воды Гокчи снѣій, хотя и не столь насыщенный, какъ напр. Женевского озера. О степени прозрачности воды даетъ приблизительное понятіе тотъ фактъ, что спускаемые съ лодки бѣлые предметы, сачки и драги, исчезаютъ изъ вида лишь на глубинѣ, приблизительно, пяти сажень. — Постоянная температура глубинъ опредѣлена мною впервые, а именно на глубинѣ 238 ф., при помощи термометра Казелла - Миллера, обязательно представленнаго мнѣ директоромъ Главной физической обсерваторіи акад. Вильдомъ. Температура эта равняется всего $4,25^{\circ}$ Ц., стало быть, весьма близка къ температурѣ наибольшей плотности воды. Въ изслѣдованныхъ до сихъ поръ Швейцарскихъ озерахъ постоянная температура, по указаніямъ Фореля, нигдѣ не ниже 5° и доходить и до 8° .

Въ береговой полосѣ дно озера состоитъ изъ упомянутаго бѣлаго кристального известняка, заключающаго въ себѣ раковины такихъ же моллюсковъ, какія и нынѣ обитаютъ въ озерѣ. Съ небольшихъ глубинъ драгой извлекаются покрытые водорослями, *Myriophyllum* и *Potamogeton*, неправильные куски этого известняка, отложившіеся вокругъ раковинъ, а также и отдѣльныя раковины съ легкой только пикрустаціей. Подобная пикрустація

найдена, впрочемъ, и на экземплярахъ *Planorbis*'овъ изъ глубиннаго пояса. Въ послѣднемъ дно устлано плоть весьма нѣжнымъ, мягкимъ, заключающимъ въ себѣ такія мелкія частицы, что онѣ отстаиваются изъ взбаломученной воды лишь черезъ нѣсколько дней. Иль этотъ сѣраго цвѣта, и имѣетъ запахъ сѣрнистаго водорода, какъ и плъ нашихъ прудовъ и болотъ.

Рыбы Гокчи, какъ извѣстно, описаны Филиппи и Кесслеромъ. Мнѣ не удалось ни добыть, ни даже слышать о какомъ бы то ни было видѣ рыбъ, кромѣ приведенныхъ въ работахъ этихъ путешественниковъ. Существуетъ показаніе Оверина, будто въ Гокчѣ встрѣчается еще и угорь, считаемый армянами водяною змѣею. Кесслеръ старается объяснить это показаніе гипотезой не проникаетъ-ли въ Гокчу черезъ Араксъ и Зангу *Petromyzon Wagneri*. Однако въ виду того, что самые опытные рыбаки, знающіе и миногу и угря, отрицаютъ ихъ присутствіе въ озерѣ и говорятъ съ положительностью о водяныхъ змѣяхъ, я вынесъ убѣжденіе, что предполагаемые угри Оверина не что иное, какъ *Tropidonotus natrix*, столь охотно входящіе въ воду. Такимъ образомъ въ нашемъ озерѣ водятся всего только: *Capoeta Sevanji* Fil., *Barbus goktschaicus* Kessl. и форели, которыхъ Кесслеръ съ достовѣрностью различаетъ всего два вида, *Salmo ischhan* Kessl. и *S. gegarkuni* Kessl. Такая бѣдность столь обширнаго и глубокаго озера видами рыбъ ожидаетъ еще объясненія на основаніи геологическихъ и гидрографическихъ данныхъ. Малочисленность видовъ въ Гокчѣ, какъ и вездѣ въ природѣ, искупается многочисленностью особей. Уже Кесслеръ приводитъ, что случается захватить въ одну тоню при длинѣ невода въ 120 саж., до 2000 форелей, а при мнѣ вытасчено за разъ даже 3200 храмуль (*Capoeta*). Однако, подобные случаи составляютъ весьма большую рѣдкость. Еленовскіе рыбаки жалуются на недостатокъ въ рыбѣ и на замѣтное будто бы годъ отъ года уменьшеніе улова. Вину въ этомъ они сваливаютъ на армянскихъ рыбаковъ южнаго берега, пользующихся по ихъ увѣренію, при весьма удобномъ берегѣ, неводомъ самыхъ чудовищныхъ размѣровъ.

Обращаюсь къ низшимъ животнымъ Гокчи, о которыхъ до сихъ поръ было весьма мало извѣстно. Изъ видовъ моллюсковъ, численнѣйшихъ въ третьемъ отдѣлѣ этого отчета, нѣкоторые распространены по всѣмъ глубиннымъ ярусамъ озера. Уже Кесслеру удалось извлечь *Limnaea stagnalis* и *Planorbis carinatus* съ глубины 100 футовъ; мнѣ посчастливилось добыть ихъ даже изъ глубины 238 ф. Стало быть, и тутъ эти мягкотѣлыя обладаютъ указанною впервые Форелемъ для явноголовыхъ Женевского озера способностью наполнять свою легочную полость, смотря по обстановкѣ жизни, то воздухомъ, то водою. Отмѣченное прежними путешественниками отсутствіе въ озерѣ пластинчатожаберныхъ оказалось не безусловнымъ: въ немъ встрѣчается *Pisidium pusillum* Jen., какъ въ береговой, такъ и глубинной области. Въ иныхъ образчикахъ грунтоваго пла какъ живые экземпляры, такъ и пустыя раковины пизидіумовъ составляли немаловажную примѣсь.

Личинки насекомыхъ, въ томъ числѣ въ особенности красныя, живущія въ трубочкахъ изъ пла личинки *Chironomus'a*, оказались въ глубинѣ озера въ большомъ количествѣ. Гидрахниды добыты мною мюлеровскою сѣткою со всѣхъ глубинъ. Изъ ракообразныхъ ни одного декапода, ни одного изопода. Гокченскіе гаммариды весьма однообразны и всѣ могутъ быть отнесены къ виду *Gammarus pulex*. Береговая линія кишитъ ими. Одиночные экземпляры извлечены и изъ глубины 34 с. Они показались мнѣ прозрачнѣе прибрежныхъ. У одного изъ нихъ черная пигментировка глазъ не сплошная, а сѣтеобразно прерванная. Не заключается ли въ этомъ намекъ на слѣдную разновидность *in statu nascenti*? Дафнидами озеро, на сколько я могъ убѣдиться, весьма бѣдно, и между ними нѣтъ бросающихся въ глаза формъ, каковы *Leptodora* и *Bythotrephes*. Многочисленные, частью живые, частью мертвые экземпляры *Cypris* оказались въ глубинномъ плѣ. Циклопиды Гокчи принадлежатъ къ различнымъ родамъ. Одинъ изъ видовъ *Cyclops*, отличающійся краснымъ цвѣтомъ, составлялъ, по крайней мѣрѣ въ данное время года, самое обыкновенное животное

озера. Онъ встрѣчается во всѣхъ ярусахъ, въ особенности около поверхности. Подлѣ самаго берега нельзя было зачерпнуть и стакана воды, безъ того чтобы не получить его въ большомъ количествѣ. Этотъ циклопъ составлялъ главную пищу гаммаридъ, которыми въ свою очередь охотно питаются рыбы.

Отрядъ *Discophora* представленъ въ Гокчѣ родами *Aulastoma*, *Nepheleis* и *Clepsine*. Изъ нихъ можно упомянуть о красной, зеленоватой, просвѣчивающей *Clepsine Leuckarti* Fil. Красныя тубициды водятся въ глубинномъ плѣ. Мелкіе черные коконы червей составляютъ видную примѣсь образчиковъ грунта. Зеленая бадяга, найденная уже и Кесслеромъ, близка къ *Spongilla fluviatilis*. Другой представитель изъ *Cocclenterata Hydra rubra* Lewes. Она попадалась только на камняхъ подлѣ самаго берега. Въ нашемъ Зоологическомъ музеѣ хранится пузырекъ съ гидрами, привезеннымъ съ Гокчи Бэромъ.

Необходимо упомянуть о томъ, что и на значительныхъ глубинахъ мною встрѣчены растительные остатки, большею частью уже въ различной степени разложенія, въ томъ числѣ, впрочемъ, и зеленые обломки *Lemna trisulca*. Присутствіе на днѣ озера этихъ веществъ, очевидно, не образовавшихся въ мрачной глубинѣ, а погрузившихся съ поверхности, важно для питанія животнаго міра. Они, равно какъ и пелагическія растенія, поедаемые порою свободно плавающими обитателями глубины, могутъ доставлять необходимое количество строительнаго матеріала и осѣдлымъ обитателямъ глубинъ, т. е. служить для пополненія той постоянной убыли органическаго вещества, которая пронстекаетъ въ глубинахъ отъ образованія простыхъ, двойныхъ и тройныхъ, продуктовъ органическаго разложенія. Но куда дѣваются эти безпрестанно образующіеся продукты разложенія при отсутствіи раскисляющихъ живыхъ хлорофильныхъ растеній, остается конечно загадкой.

Обращаюсь къ *Чалдыръ-гелю*. Озеро это отстоятъ, по прямой линіи, отъ Карса на 35, а отъ прежней нашей границы на 7

версть. Поверхность его возвышается надъ уровнемъ моря на 6522 ф; стало быть еще нѣсколько болѣе, нежели Гокча. Оно имѣетъ форму удлиненнаго треугольника, обращеннаго болѣе острымъ угломъ на югъ. Наибольшая длина его равняется приблизительно 20, а ширина, въ сѣверной части, 15 верстамъ. Въ тихую, ясную погоду озеро блещетъ не тою чистою синевою, какъ Гокча, а имѣетъ цвѣтъ желтовато-зеленый, характерный для Рейна и Нила. Впрочемъ, это относится лишь до главной площади озера; связанный же съ нимъ узкимъ проливомъ южный придатокъ Кучикъ-гѣль представляется сплнмъ. Это различіе въ отражаемомъ отъ поверхности цвѣтѣ, равно какъ другое окрашиваніе воды, зачерпнутой въ стаканъ (она желтоватѣе), пная глубина и, наконецъ, иной составъ грунта—даютъ намъ право считать южный придатокъ Чалдыра какъ бы отдѣльнымъ озеромъ. Въ Чалдырь впадаетъ довольно много очень ничтожныхъ ручейковъ, а изъ него беретъ начало только одинъ, именно Чалдырь-чай, притокъ Карсъ-чая, изливающего, какъ извѣстно, свои воды черезъ Арпачай въ Араксъ. Озеро опоясывается вулканическими горами, лишенными, подобно берегамъ Гокчи, древесной и кустарной растительности. Нѣсколько дубовыхъ кустарниковъ на западномъ берегу представляютъ послѣдніе жалкіе остатки первоначальныхъ лѣсовъ. Болѣе значительные слѣды дубняка замѣтны на сѣверовосточномъ берегу Гокчи, насупротивъ Еленовки. Мѣсто лѣсовъ на берегахъ Чалдырь-гѣля заступили пастбища и поля, засѣваемые по преимуществу пшеницею и ячменемъ ¹⁾). Прибрежныхъ

¹⁾ Верстахъ въ двухъ на юз. отъ Дашбаша, въ ложбинѣ, усѣянной кочками и поросшей травой расположено продолговатое, примѣрно, полутора-верстное озерцо Лавашъ-гѣль. Оно нанесено на картѣ безъ названія. Осмотръ мѣстности показываетъ, что озерцо первоначально было въ нѣсколько десятковъ разъ обширнѣе своей настоящей площади. По берегу тянется трясина, которая, обрываясь подлѣ воды, представляется въ видѣ пласта торфа толщиной по меньшей мѣрѣ въ аршинъ. Вся окружающая озерцо ложбина устлана тѣмъ же торфомъ. Въ виду полного безлѣсія всего сѣверовосточнаго района Карской области и сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ топливомъ всюду служитъ исключительно кизякъ, было бы въ высшей степени желательно испытать указанный торфъ, какъ горючій матеріалъ.

деревень мало. Онѣ заселены Карапапахами, которые, впрочемъ считаютъ себя природными Турками. Охотою они не занимаются; этимъ объясняется большое количество голенастыхъ и плавающихъ птицъ на озерѣ и та довѣрчивость, съ которою онѣ подпускаютъ къ себѣ челоуѣка. Сюда относятся: *Scolopax*, *Grus cinerea*, *Ciconia alba*, *Anas*, *Larus*, *Pelecanus*, *Carbo* и др. По свидѣтельству Зарушадскаго окружнаго начальника С. Е. Васильева, въ окрестностяхъ Чалдыра встрѣчаются олени (*Cervus elaphus*), и имъ самымъ убитъ большой экземпляръ, рога котораго онъ мнѣ показывалъ. При полномъ безлѣснн окрестностей весьма естественно рождается вопросъ, не забѣгаютъ ли олени случайно изъ другихъ мѣстностей.

Произведенными мною промѣрами опровергается твердо укоренившееся у мѣстныхъ жителей мнѣнн о значительной будто бы глубинѣ озера. Въ Кучикъ-гѣлѣ всюду можно достать до дна весломъ (глубина около $1\frac{1}{2}$ —2 арш.); лишь около пролива, ведущаго въ главное озеро, и въ самомъ проливѣ нѣсколько глубже, до сажени. Главный бассейнъ Чалдыра промѣренъ мною въ нѣсколькихъ, наиболѣе характерныхъ мѣстахъ. Нигдѣ, даже на самой серединѣ, соотвѣтственно тому мѣсту, гдѣ на картѣ генеральнаго штаба обозначена высота озера надъ моремъ, я не нашелъ больше 5 сажень. За то глубина въ $4\frac{1}{2}$ —5 саж. распространена весьма равномерно по всей площади озера, причемъ, сколько я успѣлъ убѣдиться, уже на небольшомъ разстоянн отъ берега становится сразу глубоко. Лишь въ с.-з. бухтѣ, около Мередиза я встрѣтилъ мелкую береговую полосу, богатую растительностью, въ которой охотно держатся сазаны (*Cyprinus carpio var.*) и богаче всего развита низшая животная жпзнь. Здѣсь же изъ воды возвышается нѣсколько скалъ, густо усеянныхъ по ночамъ пелеканами, бакланами и другими плавающими птицами. При указанной ничтожной глубинѣ озера, въ немъ, очевидно, нѣтъ яруса постояннаго затишья: бурные вѣтры, поднимающіеся на озерѣ весьма часто, чуть ли не ежедневно, и при-

томъ внезапно даже въ самые тихіе дни ¹⁾, должны приводить въ колебательное движеніе всю массу водъ, взбаломучивая и илъ на днѣ ихъ. Этимъ объясняется, почему дно озера столь равномернѣо укатано, а также почему чалдырская вода мутная, съ явственно-млечнымъ оттѣнкомъ, замѣтнымъ даже въ самыхъ небольшихъ стклянкахъ. Вода до того мутна, что опускаемые съ лодки предметы скрываются изъ нашихъ глазъ уже на глубинахъ приблизительно аршина. Отъ находящейся постоянно въ водѣ мути, никогда не успѣвающей отстояться, отчасти впрочемъ и отъ пелагическихкихъ нитчатыхъ водорослей, очевидно зависитъ характерный цвѣтъ всего озера.

Дно Чалдыра устлано очень чистымъ и нѣжнымъ, пепельно-сѣрымъ иломъ, который въ иныхъ образцахъ оказался песчуреннымъ жилками ржавчины и имѣлъ запахъ и вкусъ ржавчины. Свойственнаго гокченскому илу сернисто-водороднаго запаха онъ вовсе лишенъ. Причина понятна; она заключается въ ничтожномъ количествѣ разлагающихся органическихъ веществъ, что въ свою очередь зависитъ отъ почти полного отсутствія организмовъ въ самомъ илѣ и на его поверхности. Дѣйствительно, на днѣ озера не нашлось ни улитокъ, ни *Pisidium*, ни гаммаридъ, ни даже столь обыкновенныхъ въ Гокчѣ обитательницъ плыстныхъ трубочекъ, личинокъ гириномусовъ. Найдены лишь (уже мертвыя?) круглыя, черныя яйца насѣкомаго, въ $\frac{1}{2}$ мм. въ діаметрѣ, тѣже самыя, что и въ Гокчѣ. Почти полное отсутствіе организмовъ въ илѣ кажется можно объяснить недостаткомъ покоя на днѣ неглубокаго озера: частицы ила, поднимаемыя волнами, то и дѣло, засыпаютъ животныхъ и растенія, въ немъ поселяющихся. Ясно, что лишь немногіе организмы могутъ переносить такого рода частое погребеніе заживо. Дно Кучикъ-гѣля устлано, вмѣсто нѣжнаго однообразнаго ила, кашецеобразнымъ смѣшеніемъ разложившихся растительныхъ обломковъ, какъ бы разжиженнымъ

¹⁾ Не считаю нужнымъ распространяться тутъ о приключеніяхъ, пережитыхъ мною на озерѣ въ слабой цинковой лодкѣ: ни одна большая экскурсія не обходилась безъ бури.

торфомъ. О ярусѣ постоянной тьмы и постоянной низкой температуры, при максимальной глубинѣ Чалдыра въ 5 саж., конечно, не можетъ быть и рѣчи. Въ очень теплый день, при температурѣ воздуха въ 30° и поверхностнаго слоя воды въ 25°, на пяти саженьяхъ было еще 17,5° по Ц.

Въ фаунистическомъ отношеніи Чалдыръ пока еще вовсе не былъ извѣстенъ. Даже рыбъ не попадалось въ руки зоологамъ, хотя со времени оккупациі края рыболовство уже успѣло организовать на озерѣ. Оно арендуется барышникомъ-армяниномъ за ничтожную плату въ нѣсколько сотъ рублей и переареновано у него духоборцами за пятерную или шестерную сумму. Духоборцы эти, впрочемъ, поселены въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, и лишь временно навѣщаютъ озеро. При мнѣ ихъ не было: они вернулись во свояси на уборку хлѣбовъ, забравъ съ собою и челноки. Поэтому и рыбу покупать было не у кого, и намъ съ казаками приходилось самимъ ловить ее привезенными мною изъ Петербурга мережкой, переметомъ и неводомъ. При этомъ неблагопріятномъ условіи я не могу поручиться за то, что мнѣ удалось добыть экземпляры всѣхъ водящихся въ озерѣ видовъ рыбъ. Тѣмъ не менѣе мною привезено 11 видовъ, изъ коихъ два новыхъ. Въ числѣ этихъ рыбъ находится и форель, фактъ, замѣчательный въ томъ отношеніи, что форели, какъ извѣстно, вообще брезгаютъ мутною водою.

Не менѣе своихъ рыбъ Чалдыръ отличается отъ Гокчи и низшими животными. Изъ явноголовыхъ мною замѣчена лишь *Limnaea ovata* Drap., которой въ Гокчѣ, кромѣ *L. ovata var. papilla* Stud., противопоставляются еще другіе виды лимнеусовъ, равно какъ и *Succinea*, *Planorbis*, *Ancylus*. Изъ пластинчато-жаберныхъ не встрѣчено *Pisidium*, но за то найденъ видъ вовсе недостающихъ въ Гокчѣ ракушекъ; а именно *Anodonta ponderosa* Pfr. Вообще же изъ Чалдыра мною привезено всего два, изъ Гокчи же тринадцать видовъ моллюсковъ. Такого рода разительное числовое различіе не можетъ быть пѣлкомъ отнесено къ неодинаково тщательному изслѣдованію двухъ озеръ; но, явно, въ

значительной степени зависитъ и отъ неодинаковыхъ мѣстныхъ условій. Въ Гокчѣ существуетъ мелкая береговая полоса съ твердымъ грунтомъ, поросшимъ водорослями и другими растеніями, столь необходимыми для улитокъ; въ Чалдырѣ же этого вообще нѣтъ. Только въ одномъ мѣстѣ, какъ уже сказано, въ сѣверо-западной бухтѣ, около Мередица, оказалась мелкая прибрежная полоса съ обильною растительностью: здѣсь-то только и найдена *Limnaea ovata*. Въ этомъ же мѣстѣ пойманъ въ сколько нибудь обильномъ числѣ и *Gammarus* того же типа, какъ и гокченскій; въ другихъ пунктахъ прибрежія попадались лишь единичные экземпляры. Въ упомянутой бухтѣ оказалось и множество *Cypris*. Въ проливѣ между собственно Чалдыромъ и Кучикъ-гѣлемъ, подлѣ самаго берега, подобранъ единственный маленькій экземпляръ *Asellus'a*. Въ Гокчѣ изподъ до сихъ поръ вовсе не найдено *Daphnia hyalina* Leyd. по численности своей составляла господствующее пелагическое животное Чалдыра. Рядомъ съ этою формою, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, пойманы мюллеровскою сѣткою *Leptodora* и самое любопытное изъ низшихъ животныхъ озера—*Bythotrephes*. Нахожденіемъ *Bythotrephes'a* въ такомъ мелкомъ озерѣ, и притомъ между прочимъ и при солнечномъ свѣтѣ, въ полдень у самой поверхности, окончательно опровергается, впрочемъ уже поколебленное, первоначальное мнѣніе Лейдига о томъ, будто бы *Bythotrephes* обитатель исключительно или предпочтительно глубинъ. — Изъ остальныхъ членистыхъ животныхъ замѣчены циклопы, повидимому, другіе чѣмъ въ Гокчѣ, гидрахины съ очень длинными ногами и дискофоры, но, по всей вѣроятности, не болѣе двухъ видовъ. — Найдена *Spongilla*, совершенно иная, нежели въ Гокчѣ. Гидръ мнѣ не попалось; но онѣ, вѣроятно, встрѣчаются въ нашемъ озерѣ, потому что я имѣю ихъ изъ ближайшаго озера Лавашъ-гѣля, косвенно съ нимъ связаннаго ручейками.

Перебирая мысленно сказанное выше о двухъ крупнѣйшихъ посѣщенныхъ мною озерахъ, мы видимъ, что оба расположены въ одной и той же странѣ, на одной и той же вулканической поч-

вѣ, приблизительно одинаково возвышены надъ уровнемъ моря и оба своими истоками принадлежатъ къ системѣ Аракса. Тѣмъ не менѣе между ними есть и большія различія: одно по площади въ 10 разъ обширнѣе другаго и очень глубокое, другое весьма мелкое; одно съ чистыми, хрустально-прозрачными, другое съ мутными водами. Казалось бы при этихъ различіяхъ, животный міръ въ Гокчѣ долженъ бы былъ получить во всѣхъ отношеніяхъ болѣе широкое развитіе, отличаться большимъ разнообразіемъ. Однако, на повѣрку оказывается, что это справедливо лишь для низшихъ животныхъ, и то не безусловно; а для рыбъ замѣчается даже прямо обратное.

III.

Перехожу къ краткой характеристикѣ собранной мною коллекціи.

1) Млекопитающія. Собираніе этихъ животныхъ, равно какъ и птицъ, не входило въ кругъ моихъ занятій; о нихъ мною сдѣланы лишь нѣкоторые случайныя замѣтки, которыя въ свое время и будутъ опубликованы. Къ классу млекопитающихъ относятся лишь слѣдующіе предметы моей коллекціи. Довольно большое число *Arvicola arvalis*, отчасти въ спирту, отчасти въ шкуркахъ, съ береговъ Гокчи и Чалдыра и *Cricetus nigricans* съ Хозанина. Нахожденіе этихъ животныхъ интересно въ томъ отношеніи, что М. Вагнеръ тщетно искалъ около Гокчи мелкихъ, живущихъ въ норкахъ грызуновъ. — Отъ Сурмалинскаго уѣзднаго начальника П. П. Бежанбекова мною получена въ даръ пара рогъ *Ovis anatolica* съ Зорскихъ высотъ около Арарата.

2) Пресмыкающіяся и земноводныя. По опредѣленію академика А. А. Штрауха, собраны слѣдующіе виды: а) въ долинѣ Аракса у подножія Арарата: *Eremias Strauchii*, недавно описанный по тремъ экземплярамъ Кесслеромъ, *E. velox* Pall., *Ophiops elegans* Ménétr., *Stellio caucasicus* Eichw., *Phrynocephalus helioscopus* Pall. б) въ нагорной Арменіи: *Lacerta stirpium* Daud., *S. muralis* Laur., *Coronella austriaca* Laur., *Tropidonotus natrix* L., *Vipera*

ra berus L., *Bufo viridis* Laur., *Rana esculenta* L., *R. temporaria* L.

3) Рыбы. Произведенное К. Θ. Кесслеромъ предварительное опредѣленіе рыбъ приводитъ къ слѣдующему списку:

Salmo ischchan Kessl. и *S. gegarcuni* Kessl. 33 экземпл., изъ которыхъ многіе попорчены. Гокча.

S. armenicus n. sp? Занимаетъ какъ бы среднее положеніе между двумя предыдущими. Чалдырь.

Cyprinus carpio L. var. 1 взросл. и 5 молод. экз. Чалдырь и Карасинька.

C. hungaricus Heckel. 12 экз. Карасинька и Архаджи-гѣль.

Carpoeta fundulus Pall. 10 экз., принадлежащихъ, повидимому, болѣе чѣмъ къ одной разности. Чалдырь и Карсъ-чай. Замѣчательно, что видъ этотъ, очень распространенный въ системѣ Куры и Аракса, замѣняется въ Гокчѣ слѣдующимъ:

C. Sevangi Fil. 47 экзем. очень разл. возр. Гокча.

Barbus caucasicus Kessl. Чалдырь и Карсъ-чай. 55 экз. въ нѣскольк. разновидностяхъ.

B. goktschaicus Kessl. 3 экз., отчасти отличные отъ трехъ же экз., по которымъ описать видъ. Гокча.

B. cyri Fil. 4 экз., повидимому, отлпчающіеся отъ видового типа. Чалдырь.

B. bulatmai Nabl. 3 экз. Кара-су и Карасинька.

B. armenicus Kessl. n. sp. 1 экз. Чалдырь.

Squalius turcicus Fil. 13 экз. Чалдырь и Карсъ-чай.

Тоже var. 2 экз. Карсъ-чай.

Chondrostoma cyri Kessl. var. 3 экземпляра. Карсъ-чай.

Aspius eryhrostomus Kessl.? 2 экз. Чалдырь.

Alburnus fasciatus Nordm. var. 11 экз. Чалдырь и Карсъ-чай.

A. Filippii Kessl. var. 4 экз. Чалдырь.

A. Brandtii Kessl. n. sp. 1 экз. Чалдырь.

4) Молюски. Они составляютъ единственный уже окончательно разобранный отдѣлъ моей коллекціи. Опредѣленію ихъ я обязанъ извѣстному знатоку мягкотѣлыхъ проф. Э. фонъ Мартенсу,

представившему Академіи отдѣльную объ нихъ статью. Мартенсъ указываетъ на общее сходство привезенныхъ мною прѣсноводныхъ моллюсковъ съ западно-европейскими, въ особенности швейцарскими, между тѣмъ какъ сухопутные моллюски составляютъ фауну своеобразную. Извлекаю изъ статьи Мартенса слѣдующій списокъ моллюсковъ:

	Басейнъ Аракса.	Басейнъ Куры.
а) Сухопутныя формы.		
<i>Limax Brandtii</i> Mart. n. sp.	—	Боржомъ.
<i>L. Dymczewiczii</i> Kul.	} Ос. Севанга, Дарачи-чахъ.	—
<i>Vitrina Komarowii</i> Böttg.		Еленовка.
<i>Helix arpatschiana</i> Mss. var. <i>sevanica</i> Mart.	Ос. Севанга.	—
<i>H. globula</i> Kryn.	Еленовка.	—
<i>H. pratensis</i> Pfr.	—	Ацхуръ.
<i>H. atrolabiata</i> Kryn.	—	Боржомъ.
<i>H. obtusalis</i> Ziegl.	—	Каравансарай.
<i>H. Nordmanni</i> Parr.	—	Ахалцыхъ.
<i>H. derbentina</i> Andr.	} — —	Боржомъ и Абасъ-Туманъ.
<i>Bulimus Hohenackeri</i> Kryn. . . .		} — —
<i>B. tridens v. caucasius</i> Mss. . . .	Еленовка.	
<i>Clausilia gradata</i> . Böttg.	—	Боржомъ.
<i>C. Duboisi</i> Charp.	—	Боржомъ.
<i>C. ossetica</i> A. Schm.	—	Боржомъ.
<i>C. foveicollis</i> Parr.	—	Боржомъ.
<i>Succinea putris</i> L.	Ос. Севанга.	—
<i>S. Pfeifferi</i> Rossm.	Еленовка.	—
<i>Cyclostoma costulatum</i> Zgl. . . .	—	Боржомъ.
б) Прѣсноводныя формы.		
<i>Planorbis carinatus</i> var. <i>dubius</i> Hartm.	Гокча.	—

	Басейнъ Аракса.	Басейнъ Куры.
<i>P. marginatus</i> Dr.	Гокча, Занга.	—
<i>P. albus</i> Müller.	Гокча.	—
<i>P. glaber</i> . Jeffr., до сихъ поръ неизвѣстный изъ Закавказья и М. Азін.	Гокча.	—
<i>Limnaea stagnalis</i> var. <i>lacustris</i> Studer	Гокча.	—
<i>L. stagnalis</i> var. <i>turgida</i> Mke. . .	Гокча.	—
<i>L. stagnalis</i> var. <i>goktschana</i> Mss.	Гокча.	—
<i>L. lagotis</i> Schrank.	Гокча, Карсъ-чай.	—
<i>L. ovata</i> Drap.	Чалдырь.	—
» var. <i>papilla</i> Stud.	Гокча.	—
<i>Ancylus fluviatilis</i> Müll.	Дарачи-чагъ.	—
<i>A. lacustris</i> L.	Гокча.	—
<i>Anodonta ponderosa</i> Pfr.	Чалдырь.	—
<i>Unio crassus</i> Retz.	Карсъ-чай.	—
<i>Pisidium pusillum</i> Jen.	Гокча.	—

5) Насѣкомыя. Кромѣ личинокъ и куколокъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ различныхъ ярусахъ озеръ, мною собрано еще на сухопутныхъ экскурсіяхъ болѣе 1000 imagines. Изъ нихъ опредѣлены до сихъ поръ окончательно лишь *Ariagidae*, а именно докторомъ Ф. Θ. Моравицомъ, которому я обязанъ сообщеніемъ слѣдующаго списка:

Bombus niveatus Kriechb. Еленовка и М. Араратъ.

B. altaicus Eversm. М. Араратъ.

B. mesomelas Gerst. Еленовка.

B. calidus Eversm. Еленовка.

B. sorocensis Fabr. Еленовка.

Anthophora aestivalis Panz. Еленовка.

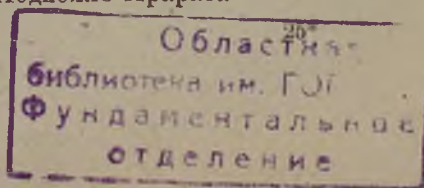
Eucera punctilabris Lep. Еленовка.

Melecta luctuosa Scop. Еленовка.

Halictus 4-cinctus Fabr. Еленовка.

Melitta leporina Panz. Подножіе Арарата.

№ 3726.

Изъ числа жуковъ могла быть опредѣлена хранителемъ нашего музея Э. В. Вольдштедтомъ лишь небольшая часть, а именно 40 видовъ. Между послѣдними оказалось не менѣе 7 видовъ, неприведенныхъ въ новѣйшемъ общемъ сочиненіи Шнейдера и Ледера о кавказскихъ жукахъ. Виды эти суть:

Cicindela littoralis Fabr. Аралыхъ (близь Аракса, въ равнинѣ Арарата).

Calosoma sericeum Fabr. близь Еленовки, на высотѣ около 7000 ф.

Dytiscus marginalis L. Гокча и Занга близь Еленовки

Hydrophilus aterrimus Eschsch. Еленовка.

Capnodis excisa Ménétr. Подножіе Арарата.

Halosimus collaris Fabr. Еленовка.

Leptura quadrifasciata L. Дарачи-чахъ.

6) Паукообразныя. До сихъ поръ отрицалось существованіе скорпионовъ въ окрестностяхъ Гокчи. И дѣйствительно, ихъ не встрѣчали путешественники и о нихъ не знали и мѣстные жители. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось найти во множествѣ на южномъ склонѣ острова Севанга, подъ камнями, *Androctonus ornatus* Nordm. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ доставлены еще три экземпляра съ материка, съ ближайшаго къ Еленовкѣ склона горъ; и наконецъ, тотъ же видъ найденъ мною, тоже впервые, въ двухъ экземплярахъ и около Дарачи-чаха, опять-таки на южной сторонѣ горы. Самые крупные экземпляры въ 55 мм., самые мелкіе въ 24 мм. Относительная длина хвостовой ихъ части различна смотря по индивидуу, а не по возрасту. Между паукообразными изъ Дарачи-чаха оказалась и мелкая фаланга (*Solpuga*). Въ разныхъ мѣстностяхъ пойманы нѣкоторыя *Araneida* и *гидрахниды*. Послѣднія найдены во всѣхъ посѣщенныхъ мною озерахъ. Опредѣленіе ихъ произведено отличнымъ гидрахнологомъ проф. Нейманомъ въ Скарѣ. Гидрахниды эти суть: 1) *Atax crassipes* (M.) Bruz., 2) *Nesaea ungviculata* Koch, 3) *N. virens* Koch, 4) *N. coccinea* Koch и 5) *Hydrachna globosa* (De Geer) Koch.

7) Ракообразныя. Изъ десятиногихъ мною привезенъ всего

только экземпляръ *Telphusa ibera* Güld, пойманный въ рѣчкѣ Карасинькѣ близъ Аралыха. *Oniscida* опредѣлены г. Будде-Лундомъ въ Копенгагенѣ. Они суть слѣдующіе:

Armadillium vulgare Latr. Абасъ-Туманъ.

Hemilepistus elongatus n. sp. Ташбурунъ (равнина Арарата).

Cylisticus iners n. sp. Дарачи-чахъ, Дашбашъ (Чалдырь).

Porcellio Rathkei Brdt. Дарачи-чахъ, Еленовка, Дашбашъ.

Porcellio orientalis Uljanin. Еленовка.

Въ Чалдырѣ подлѣ самаго берега пойманъ экземпляръ *Asellus*'а длиною всего въ 3 мм. При общемъ сходствѣ съ молодыми *A. aquaticus* auct., нашъ экземпляръ замѣтно отличается своими нижними усиками, тонкими и равняющимися, приблизительно, не всей, а лишь половинѣ длины тѣла. Уловъ по части *дафниды* сводится къ слѣдующимъ немногочисленнымъ видамъ:

Daphnella brachyura Liévin. Хозапинъ-гѣль, подлѣ берега, массаи. Величина ихъ достигаетъ цѣлаго миллиметра.

Daphnia hyalina Leydig. Чалдырь и Кучикъ-гѣль кишатъ ими на поверхности и въ глубинѣ. Тотъ же видъ водится и въ Лавашъ-гѣлѣ, а также въ Гокчѣ. Какъ въ Чалдырѣ, такъ и въ Гокчѣ попадались, несмотря на лѣтнее время, единичные экземпляры съ готовыми зимними яйцами.

D. magna Strauss. малочисленные недѣлимые изъ береговой полосы Хозапина. Одинъ изъ нихъ съ готовымъ эфипіемъ.

D. sima O. Fr. M. Лавашъ-гѣль.

Eurycerus lamellatus O. Fr. M. Лавашъ-гѣль.

Lynceus quadrangularis O. Fr. M. Лавашъ-гѣль.

Leptodora hyalina Lillj. Чалдырь и Кучикъ-гѣль, на всѣхъ глубинахъ.

Bythotrephes longimanus Leydig. Чалдырь и Кучикъ на всѣхъ глубинахъ. Раньше прѣсноводный *Bythotrephes*, на сколько мнѣ извѣстно, найденъ былъ въ Россіи только одинъ разъ, именно Федченко въ глубокомъ озерѣ (Рузскаго уѣзда), о чемъ мелькомъ упоминаетъ Ульянинъ. Замѣчательно, что въ Чалдырѣ *Bythotrephes* достигаетъ гораздо большей величины, нежели въ западной

Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хвостовой шипъ его относительно короче: измѣренія мои показали, что придатокъ этотъ, по мѣрѣ подрастанія индивидуумовъ, становится относительно все короче и короче.

Въ различныхъ глубинахъ Гокчи, въ Чалдырѣ и Карсъ-чаѣ пойманы *Cypris*, къ изученію которыхъ впрочемъ еще не приступлено. Что касается, наконецъ, *копенодъ* изъ посѣщенныхъ мною озеръ, то опредѣленіе ихъ принялъ на себя опытный псѣлѣдователь по части этихъ животныхъ Н. А. Кричагинъ.

8) Черви. Между ними преобладаютъ дискофоры, опредѣленіемъ которыхъ обѣщаль заняться первый авторитетъ по систематикѣ кольчатыхъ, проф. Грубе въ Бреславлѣ.

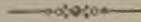
9) Целентераты. *Hydra rubra* Lewes изъ Гокчи и Н. sp. изъ Лавашъ-гѣля, а также два вида бадягъ, одинъ изъ Гокчи, другой изъ Чалдыра, служатъ представителями этого типа животныхъ. Новѣйшій монографъ русскихъ бадягъ В. И. Дыбовскій подвергнувъ тщательному предварительному осмотру полученные отъ меня образчики. Зеленаго цвѣта гокченскій видъ, по мнѣнію г. Дыбовскаго, могъ бы быть тождественъ со *Spongilla fluviatilis auct.*; грязновато-бѣлый же, чалдырскій, замѣчательно сходенъ съ *Spongilla sibirica*, вновь описанною самимъ Дыбовскимъ изъ оз. Пахабиха въ Спбири. «Gemmulae чалдырской *Spongilla* снабжены толстой, состоящей изъ двухъ слоевъ обложкой. Внутренній слой безструктурный, внѣшній, напротивъ того, составленъ изъ большихъ полигональных клѣточекъ. Этотъ слой обложенъ многочисленными покровными иглами (*Belegnadeln*), имѣющими видъ *бурристыхъ* палочекъ длиною въ 0,04, толщиной въ 0,004 мм. Точно такія же *Gemmulae* имѣетъ и *Sp. sibirica*; тогда какъ ни одинъ изъ европейскихъ видовъ не показываетъ ничего подобнаго». В. И. Дыбовскій надѣется вернуться къ изученію армянскихъ бадягъ, коль скоро у него будутъ опять подъ руками его собственные, необходимые для сравненія, препараты.

10) Растенія. Чтобы получить хотя бы только нѣкоторое

понятіе о растительности озеръ, столь важной для животнаго міра, мною собраны и нѣкоторыя водяныя растенія. Изъ нихъ явнобрачныя опредѣлены К. Э. Мейнстаузеномъ; водоросли же будутъ просмотрены Х. Я. Гоби.

Химическимъ анализомъ образчиковъ воды изъ Гокчи и Чалдыра обѣщаль заняться знаменитый нашъ гидрологъ проф. К. Шмидтъ въ Дерптѣ. О свойствахъ грунта этихъ озеръ и заключающихся въ нихъ діатомовыхъ водоросляхъ уже представлена Академія записка проф. Ф. А. Фореля.

Вышепзложенныя данныя могутъ, какъ я надѣюсь, служить доказательствомъ тому, что порученная мнѣ экспедиція не осталась безплодною. При новыхъ озерныхъ изысканіяхъ Гокча, какъ наиболѣе изслѣдованный бассейнъ, могла бы на первое время остаться въ сторонѣ; но зато Чалдырь настоятельно нуждается еще въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, уже ради пополненія списка рыбъ. Далѣе было бы весьма важно включить въ кругъ дальнѣйшихъ изслѣдованій такіе вполне замкнутые водоемы, какъ Табисцхурское озеро и, если возможно, затронуть также почти непочатые до сихъ поръ Ванъ и Урмію, на которые указываетъ и проф. Мартенсъ въ статьѣ о собранныхъ мною молюскахъ. Хотя Ванъ и Урмія находятся за предѣлами Россіи, тѣмъ не менѣе они относятся къ той же фаунистической области, какъ и наши озера по ту сторону Кавказской гряды.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ORCHIS MACULATA.

Записка Н. А. Монтеверде.

Читана въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленіи 12 февраля 1880 г.

(Съ таблицою чертежей.)

Приступая къ изученію исторіи развитія орхидныхъ, я имѣлъ главнымъ образомъ цѣлью прослѣдить, какъ можно тщательнѣе, развитіе зародышей, начиная съ первыхъ дѣленій до ихъ созрѣванія; вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ въ виду изслѣдовать, дѣйствительно-ли нѣтъ никакой правильности въ образованіи перегородокъ и, наконецъ, постараться найти сходство съ остальными однопольными уже въ періодъ самаго ранняго развитія зародышей.

Прежде чѣмъ перейти къ самому изложенію, нужно упомянуть о появившихся за послѣдніе годы статьяхъ Флейшера и Фитцера.

По выраженію Флейшера, орхидныя растенія занимаютъ между однопольными совершенно исключительное положеніе по отношенію ихъ исторіи развитія. Основываясь на рисункахъ Гофмейстера, Флейшеръ говоритъ, что весь зародышъ происходитъ изъ одной вздувшейся клѣтки поддерживающей пити (Vorkeim); послѣ обычнаго дѣленія на квадранты всякая правильность и законность въ образованіи перегородокъ исчезаетъ, такъ что зрѣлое сѣмя состоитъ изъ нѣсколькихъ дюжинъ клѣтокъ безо всякой дифференцировки; на нижнемъ концѣ зародыша находится поддерживающая нить, состоящая обыкновенно изъ двухъ клѣтокъ, изъ которыхъ верхняя переходитъ въ зародышъ. При проростаніи сѣмянъ появляется нѣсколько точекъ наростанія (Vegeta-

tionspunkte) и по всей поверхности зародыша вырастают корневые волоски, за исключениемъ нижняго конца; во все время проростанія замѣчается не только полное отсутствіе внутренней симметрической дифференцировки, но даже отсутствіе сѣмянодоли и главнаго корня.

Однако такое заключеніе, какъ показалъ Пфитцеръ, оказалось ошибочнымъ. По его изслѣдованіямъ, въ образованіи зародыша у *Orchis latifolia* принимаютъ участіе не одна, но три или четыре кѣтки поддерживающей нити, въ которыхъ образуется по двѣ крестообразно расположенныхъ продольныхъ перегородки; каждый изъ происшедшихъ такимъ образомъ слоевъ дѣлится на четыре центральныхъ кѣтки и четыре периферическихъ; периферическія кѣтки не эквивалентны дерматогену, такъ какъ онѣ могутъ дѣлиться тангентальными перегородками. Кѣточка поддерживающей нити, ближайшая къ зародышу (3-я или 4-я изъ первоначальныхъ кѣтокъ), есть кѣтка гипофизы. — Дальнѣйшее развитіе зародышей было прослѣжено тѣмъ же изслѣдователемъ при проростаніи сѣмянъ. Здѣсь уже выяснилось, что исторія развитія орхидныхъ не отличается отъ остальныхъ однодольныхъ. У основанія зародыша т. е. на концѣ, обращенномъ къ поддерживающей нити, появляются корневые волоски въ довольно большомъ количествѣ; на противоположномъ концѣ мало по малу образуется сѣмянодоля, которая изъ первоначально горизонтальнаго положенія переходитъ въ положеніе вертикальное, вслѣдствіе разбуханія средней части зародыша, такъ что сѣмянодоля съ тою частью зародыша, которая покрыта волосками, образуетъ уголь. Въ средней же части насупротивъ сѣмянодоли вскорѣ образуется зачатокъ листа, а между нимъ и сѣмянодолею появляется точка наростанія (*Vegetationspunkt*). Во все время проростанія нѣтъ и слѣда развитія корня.

Для просвѣтленія зародышей, сохранявшихся все время въ спирту, я употреблялъ спиртъ, ѣдкое кали и уксусную кислоту. Самые молодые зародыши обыкновенно лежали въ 10% растворѣ ѣдкаго кали не болѣе двухъ дней; но чѣмъ зародыши болѣе раз-

виты, тѣмъ долѣе они должны оставаться въ ѣдкомъ кали. Иногда она просвѣтляется при этомъ сравнительно скоро (чрезъ 5—6 дней), иногда же только послѣ 14 дней; въ послѣднемъ случаѣ клѣтки отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія ѣдкаго кали такъ сильно разбухаютъ, что теряютъ свою первоначальную форму; поэтому лучше оставлять ихъ недѣли на 3 — 4 въ слабомъ растворѣ ѣдкаго кали. Въ иныхъ случаяхъ для большей ясности нужно продержать зародыши нѣкоторое время въ уксусной кислотѣ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній относительно первыхъ поперечныхъ перегородокъ, я сравнивалъ величину клѣтокъ возможно большаго числа зародышей, обработанныхъ совершенно одинаковымъ образомъ и срисованныхъ при одномъ и томъ же увеличеніи.

Самый молодой зародышъ *Orchis maculata* состоялъ изъ двухъ клѣтокъ неравной величины: верхней маленькой и нижней почти вдвое большей; эта послѣдняя дѣлится второю поперечною перегородкою на среднюю маленькую клѣтку (b) и нижнюю — большую (рис. 1, 2). Обѣ эти перегородки обыкновенно наклонены другъ къ другу подъ большимъ или меньшимъ угломъ. За тѣмъ въ самой верхней клѣткѣ (a) появляется первая продольная перегородка, которая дѣлитъ ее на двѣ равныя части, иногда же на двѣ неравныя, вслѣдствіе чего, когда зародышъ разовьется нѣсколько болѣе, часто одна изъ клѣтокъ принимаетъ видъ верхушечной. Вскорѣ въ нижней клѣткѣ появляется новая поперечная перегородка и одновременно съ нею — вторая продольная перегородка въ клѣткѣ (b), стоящая относительно первой подъ угломъ 45° или 90° (рис. 3, 4α, 4β).

Слѣдующія поперечныя перегородки въ двухъ нижнихъ клѣткахъ образуются вставочнымъ путемъ, такъ что получаются четыре клѣтки, изъ которыхъ каждая снова дѣлится поперечною перегородкою на двѣ, что однако не всегда случается. Изъ этихъ восьми клѣтокъ, семь нижнихъ образуютъ поддерживающую нить и при дальнѣйшемъ развитіи зародыша отмираютъ, между тѣмъ

какъ верхняя (с) принимаетъ участіе въ образованіи зародыша (рис. 6, 7).

Послѣ образованія двухъ первыхъ продольныхъ перегородокъ въ клѣткахъ (а) и (b) появляются еще двѣ новыя, поставленныя на крестъ относительно первыхъ, и при томъ сначала въ клѣткѣ (а), а потомъ уже въ клѣткѣ (b); такъ что двѣ продольныя перегородки верхней клѣтки или сливаются съ перегородками нижележащей клѣтки (b), или же составляютъ съ ними уголъ около 45° (рис. 5, 7). Относительное положеніе этихъ перегородокъ сохраняется при дальнѣйшемъ развитіи зародыша, какъ видно на рис. 16, 17.

Такимъ образомъ зародышъ образуется не изъ одной клѣтки поддерживающей нити, какъ описываетъ Флейшеръ, и не изъ трехъ или четырехъ, какъ утверждаетъ Пфитцеръ, но только изъ двухъ.

Если сравнить теперь первыя стадіи развитія *Orchis maculata* съ другими однодольными, а именно съ *Brachypodium* (изъ сем. Gramineae), описаннымъ Ганштейномъ, то нельзя не найти между ними довольно много сходства. Это сходство выражается не только по внѣшней формѣ, но и въ относительномъ положеніи двухъ первыхъ поперечныхъ перегородокъ, въ появленіи продольныхъ перегородокъ въ двухъ верхнихъ клѣткахъ, и, наконецъ, въ томъ, что одна изъ клѣтокъ зачастую принимаетъ видъ верхушечной. Хотя Ганштейнъ и не приводитъ зародыша съ однимъ дѣленіемъ, но по аналогіи можно заключить, что вторая поперечная перегородка появляется тоже въ нижней клѣткѣ.

Здѣсь нужно упомянуть о нѣкоторомъ различіи въ образованіи зародыша между *Orchis maculata* и *Alisma plantago*, принимаемою за типъ однодольныхъ. У *Orchis* весь зародышъ, первоначально состоящій изъ трехъ клѣтокъ, образуется изъ двухъ верхнихъ клѣтокъ и частью изъ нижней; зародышъ же *Alisma plantago* образуется изъ верхней клѣтки и частью изъ средней. Въ появленіи же первыхъ крестообразно расположенныхъ продольныхъ перегородокъ замѣчается полнѣйшее сходство.

Послѣ распаденія клѣтокъ (а) и (b) на квадранты, клѣтки верхняго слоя дѣлятся поперечными перегородками, отчего онъ является двуслойнымъ; впрочемъ иногда поперечныя перегородки появляются сперва въ нижнемъ слое. — Вообще же дѣленія въ верхней половинѣ (а) происходятъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ нижней, какъ внутри зародыша, такъ и на поверхности. — Одновременно съ распаденіемъ верхняго слоя (а) на два происходитъ отдѣленіе внутреннихъ клѣтокъ отъ наружныхъ посредствомъ перегородокъ, идущихъ параллельно наружной поверхности зародыша, иногда же косорадіальными перегородками; въ послѣднемъ случаѣ обѣ клѣтки обыкновенно дѣлятся на двѣ наружныхъ и на двѣ внутреннихъ перегородками, параллельными наружной поверхности зародыша (рис. 8, 11). Совершенно такія же дѣленія встрѣчаются и у зародышей *Alisma plantago*.

Каждый изъ трехъ слоевъ состоитъ теперь изъ четырехъ внутреннихъ и четырехъ наружныхъ клѣтокъ. Наружныя клѣтки, какъ уже замѣтилъ Пфитцеръ, не составляютъ еще постоянной ткани, соответствующей дерматогену, такъ какъ впослѣдствіи эти клѣтки дѣлятся тангентальными перегородками (рис. 15). — Что же касается внутреннихъ клѣтокъ, то онѣ дѣлятся снова перегородками параллельными наружной поверхности зародыша или параллельными стѣнкамъ первоначальныхъ продольныхъ перегородокъ (рис. 11). — Въ концѣ концовъ въ поперечномъ разрѣзѣ получается слѣдующій рисунокъ: четыре внутреннихъ клѣтки, окруженныя 6 — 8 средними клѣтками, за которыми слѣдуетъ наружное кольцо периферическихъ клѣтокъ (рис. 14). Соответствуютъ ли эти ткани *plerom*'у и *periblem*'у у *Alisma plantago*, мнѣ показать не удалось, такъ какъ клѣтки въ этомъ направленіи почти не дѣлятся до созрѣванія зародыша. Съ этого времени зародышъ растетъ преимущественно въ длину, образуя дѣленія посредствомъ перегородокъ въ горизонтальномъ направленіи (рис. 15); въ ширину же и толщину число слоевъ не увеличивается, увеличивается только въ каждомъ слое число клѣтокъ, которыя дѣлятся перегородками перпендикулярными къ поверхности.

При разсматриваніи поперечныхъ и оптическихъ разрѣзовъ, кромѣ того можно замѣтить, что число клѣтокъ въ верхней половинѣ гораздо больше, и при томъ онѣ достигаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ клѣтки нижней половины; такъ рис. 14 показываетъ преобладаніе дѣленій въ верхней половинѣ зародыша; это видно изъ того, что число клѣтокъ больше, а размѣръ ихъ меньше.

Слѣдя за однимъ изъ квадрантовъ верхней и нижней половины зародыша, можно прослѣдить какъ постепенное образованіе перегородокъ перпендикулярныхъ къ поверхности, такъ и границу между обѣими половинами ¹⁾. Въ первое время развитія зародыша перегородки обыкновенно бываютъ поперечныя или продольныя, но впоследствии клѣтки могутъ дѣлиться и по другимъ направленіямъ (рис. 13, 16, 17). — Характерное дѣленіе происходитъ въ самыхъ верхнихъ клѣткахъ: здѣсь каждая клѣтка большею частью дѣлится перегородкою паралельною стѣнкамъ первоначальныхъ продольныхъ перегородокъ, чрезъ что получаютъ двѣ клѣтки: одна, имѣющая видъ сферическаго треугольника, а другая — продолговатая; въ этой послѣдней появляется затѣмъ перегородка перпендикулярная къ предыдущей, вслѣдствіе чего самая верхняя клѣтка снова принимаетъ первоначальную треугольную форму (рис. 17).

Кромѣ двухъ верхнихъ клѣтокъ въ образованіи зародыша принимаетъ участіе еще и третья клѣтка с), которую принято считать клѣткою гипофизы. Обыкновенно эта клѣтка, раздѣляясь поперечною перегородкою, получаетъ въ верхней клѣткѣ одну или двѣ крестообразно-расположенныхъ продольныхъ перегородки, и въ этомъ состояніи остается безъ измѣненія до созрѣванія сѣмени. Но въ другихъ случаяхъ въ ней образуется еще нѣсколько продольныхъ и поперечныхъ перегородокъ, такъ что она занимаетъ всю нижнюю часть зародыша.

¹⁾ Для наглядности контуры квадрантовъ очерчены нѣсколько сильнѣе, впрочемъ у многихъ зародышей границы эти ясно видны сами по себѣ, вслѣдствіе того, что стѣнки этихъ перегородокъ нѣсколько толще остальныхъ.

Однако не всё зародыши *Orchis maculata* развиваются по вышеизложенному типу; некоторые из них представляют большія или меньшія отклоненія, затрудняющія въ значительной степени, въ особенности въ зрѣлыхъ сѣменахъ, различать продуктъ дѣленія верхней клѣтки отъ нижней.

При развитіи въ большинствѣ случаевъ, которое поэтому можно принимать за нормальное развитіе, продуктъ дѣленія верхней клѣтки занимаетъ половину всего зародыша или нѣсколько больше. Но встрѣчаются зародыши, у которыхъ верхняя часть получаетъ такой сильный перевѣсъ надъ нижней, что эта послѣдняя является въ видѣ очень незначительнаго слоя, какъ можно замѣтить на рис. 12, представляющемъ оптическій разрѣзъ такого зародыша; здѣсь верхняя часть состоитъ изъ 16 клѣтокъ, между тѣмъ какъ нижняя только изъ 4, и при томъ очень маленькихъ.

Другое отклоненіе состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе сильнаго односторонняго развитія нижней части зародыша, верхняя какъ-бы сдвигается на сторону и принимаетъ косоое положеніе. Когда подобный зародышъ превратится въ зрѣлое сѣмя, разграничить обѣ части не удастся (рис. 10 α , 10 β).

Сравнимъ теперь съ *Alisma plantago* полученные результаты и изслѣдованія Пфитцера надъ проростаніемъ орхидныхъ растений и посмотримъ, нельзя ли найти въ исторіи развитія *Orchis* и *Alisma* болѣе полнаго сходства.—Для этого прежде всего нужно было изслѣдовать, появляется ли у двуклѣтнаго зародыша *Alisma* вторая поперечная перегородка въ нижней клѣткѣ, какъ у *Orchis*, или же въ верхней. Долго я не могъ отыскать желаемаго зародыша; наконецъ, по совѣту проф. Фаминцына, я окрашивалъ зародыши карминомъ, при чемъ клѣточные ядра окрашивались сильнее, и по числу ядеръ можно было уже безъ сомнѣнія сказать, состоитъ-ли зародышъ изъ двухъ или изъ трехъ клѣтокъ.—Изъ этихъ наблюденій оказалось, что двуклѣтный зародышъ *Alisma* состоитъ изъ нижней большой вздутой клѣтки и верхней удлиненной (рис. 9); въ этой послѣдней появляется вторая поперечная перегородка, дѣлящая эту клѣтку на верхнюю полукруглую клѣ-

точку и среднюю цилиндрическую. Затѣмъ въ средней клѣткѣ образуется постепенно одна за другою еще нѣсколько поперечныхъ перегородокъ.—По наблюденіямъ проф. Фаминцына надъ *Alisma plantago*, изъ самой верхней клѣтки зародыша образуется сѣмянодоля, изъ второй, нижележащей клѣтки—стеблевая почка, изъ третьей—корень; остальные же клѣтки образуютъ поддерживающую нить. Во все время развитія зародышей эти три части совершенно обособлены и рѣзко разграничены. У орхидныхъ въ зрѣлыхъ сѣменахъ также можно во многихъ случаяхъ прослѣдить довольно ясно продуктъ дѣленія двухъ верхнихъ клѣтокъ зародыша, какъ съ поверхности, такъ и въ оптическомъ разрѣзѣ.

Если мы теперь сравнимъ зародыши *Orchis maculata* съ зародышами *Alisma*, не обращая вниманія на большую вздутую клѣтку этой послѣдней, то развитіе зародышей *Orchis*, начиная съ отложенія первой поперечной перегородки и до созрѣванія сѣмени, сводится почти совершенно на развитіе зародышей *Alisma plantago*.

Съ другой стороны, какъ уже упомянуто выше, изъ работы Пфитцера выяснилось, что изъ верхней части зародыша *Orchis latifolia* образуется сѣмянодоля, изъ средней части—стеблевая почка, а изъ самага основанія вырастаютъ корневые волоски. Принимая во вниманіе, что зародыши орхидныхъ сходны съ остальными однодольными не только при проростаніи, когда они вполнѣ сформировались, но уже съ самага ранняго ихъ развитія, можно принять, что изъ верхней клѣтки зародыша произойдетъ впоследствии сѣмянодоля, а изъ второй ниже лежащей—стеблевая почка. Что-же, касается третьей клѣтки, считаемой обыкновенно клѣткою гипохизы, то по аналогіи съ *Alisma plantago* ее скорѣе можно приравнять клѣткѣ, дающей у *Alisma plantago* главный корень, здѣсь же недоразвивающійся.

Только по окончаніи своей работы я познакомился съ недавно вышедшей статьей Треба (Треб) объ эмбриологіи орхидныхъ.

Этотъ ученый изучаетъ развитіе зародышей главнымъ обра-

зомъ съ физиологической точки зрѣнія, описывая между прочимъ и строеніе ихъ. Изслѣдуя микрохимическимъ анализомъ различныя вещества, заключающіяся въ зародышахъ, Требъ нашелъ, что весь зародышъ можно раздѣлить на двѣ части, имѣющія различныя физиологическія отправления: на поддерживающую нить и собственно зародышъ. Назначеніе поддерживающей нити состоитъ въ томъ, чтобы поглощать питательныя вещества и переносить мало по малу въ зародышъ, который и скопляетъ ихъ въ своихъ клѣткахъ въ видѣ запаснаго матеріала.

Оставляя въ сторонѣ физиологическія изысканія Треба, я изложу нѣсколько подробнѣе все, что относится къ строенію зародышей.

Всѣ орхидныя растенія, описанныя Требомъ, по отношенію ихъ исторіи развитія можно повидимому раздѣлить на три главные типа. Къ первому типу относятся зародыши, у которыхъ совершенно ясно обособляется поддерживающая нить (*suspenseur*); собственно же зародышъ образуется изъ двухъ нижнихъ клѣтокъ *proembryon*¹⁾. Сюда относятся: *Orchis latifolia*, *Orchis maculata*, *Anacamptis pyramidalis*, *Herminium Monorchis*, *Platanthera bifolia*, *Serapias Lingua*; *Cypripedium barbatum*, *Cypripedium venustum*; *Sobralia macrantha*. Исключеніе составляютъ *Epidendrum ciliare* и *Laelia Brysiana*, у которыхъ уже первая поперечная перегородка отдѣляетъ зародышъ отъ поддерживающей нити; впрочемъ, судя по рисункамъ, здѣсь довольно трудно прослѣдить что образуется изъ нижней клѣтки и что изъ верхней, вслѣдствіе того, что клѣтки дѣлятся большею частью поперечными перегородками, такъ что иногда получается цѣлый рядъ клѣтокъ, раздѣленныхъ только одною продольною перегородкою.

Относительно *Orchis latifolia* Требъ говоритъ, согласно съ

¹⁾ Зародыши поставлены такимъ образомъ, что микроуле обращено кверху.—Оплодотворенное яичко обыкновенно измѣняется въ «*proembryon*»; этотъ же дифференцируется въ поддерживающую нить (*suspenseur*) и въ зародышъ (*embryon*). Treub.

тѣмъ, что я нашелъ для *Orchis maculata*, что зародышъ образуется изъ двухъ нижнихъ клѣтокъ проembryo; однако послѣ появленія въ каждой изъ нихъ по одной продольной перегородкѣ клѣтки перестаютъ дѣлиться по общей схемѣ. Верхній этажъ принимаетъ относительно слабое участіе въ развитіи зародыша. Эпидермисъ дифференцируется только впоследствии. Клѣточка же гипофизы дѣлится на 2—4 клѣтки и дополняетъ зародышъ.

Изъ числа растений этой группы наибольшаго развитія достигаетъ *Sobralia macrantha*. Хотя Требъ и утверждаетъ, что зародыши ея развиваются изъ трехъ клѣтокъ проembryo, но, судя по рисункамъ, зародышъ образуется только изъ двухъ нижнихъ, третья же клѣтка, какъ и у остальныхъ пмъ описанныхъ растений, играетъ также роль придаточной клѣточки (*hypophyse*), только здѣсь продольная перегородка появляется въ ней очень рано. Раннее развитіе этой клѣтки у *Sobralia* еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что ее слѣдуетъ считать не за клѣтку гипофизы, а за ту клѣтку, которая даетъ у другихъ однодольныхъ корень. — «Большая часть зародыша *Sobralia* занята продуктомъ дѣленія нижней клѣтки»; вскорѣ на верхушкѣ его (*la partie apicale*) образуется сбоку небольшое углубленіе, которое въ зрѣлыхъ сѣменахъ увеличивается, а края этого углубленія начинаютъ приподниматься.» — Верхнюю часть зародыша (*la partie apicale*) Требъ, согласно съ Фитцеромъ, приравниваетъ сѣмянодолѣ. «Полное же развитіе сѣмянодоли и образованіе стеблевой почки происходитъ, вѣроятно, при проростаніи».

Нужно замѣтить, что во всѣхъ зародышахъ вышеупомянутыхъ растений можно очень ясно различить границу между продуктами дѣленія обѣихъ нижнихъ клѣтокъ проembryo, изъ которыхъ развился зародышъ.

У растений втораго типа поддерживающей нити не образуется вовсе, такъ что вся клѣтка яичка предназначена для зародыша (*Sistera ovata*, *Epipactis palustris*, *Cypripedium spectabile*, *Epipactis latifolia*). Первая поперечная перегородка дѣлитъ яичко на двѣ части, пзъ которыхъ каждая развивается своимъ путемъ;

эту перегородку, какъ замѣчаетъ Требъ, можно ясно видѣть даже у совершенно зрѣлыхъ сѣмянъ.

Наиболѣе характерное развитіе происходитъ у зародышей третьей группы, куда принадлежатъ *Phalaenopsis grandiflora*, *Phalaenopsis Schilleriana*, *Stanhopea oculata*. У *Phalaenopsis grandiflora* оплодотворенное яичко дѣлится поперечною перегородкою на двѣ клѣтки: верхняя клѣтка имѣетъ совершенно специальное назначеніе и гомологична поддерживающей нити остальныхъ орхидныхъ; она дѣлится продольными перегородками на вѣсколько клѣтокъ, которыя превращаются въ длинныя нити, служащія для всасыванія веществъ. — Нижняя же клѣтка, изъ которой впоследствии образуется зародышъ, всегда дѣлится сначала поперечною перегородкою; послѣ чего появляются продольныя перегородки сперва въ нижней, а потомъ въ верхней клѣткѣ.

Хотя Требъ и разъяснилъ въ своей статьѣ первыя стадіи развитія зародышей орхидныхъ, однако я рѣшаюсь представить свою работу въ видахъ того, что изслѣдованія мои привели къ нѣсколькимъ новымъ результатамъ. — Что касается до *Orchis maculata*, то я нашелъ довольно правильную послѣдовательность въ образованіи перегородокъ: сначала происходитъ правильное дѣленіе на квадранты, отдѣленіе наружныхъ клѣтокъ отъ внутреннихъ, послѣ чего клѣтки, размножаясь, образуютъ все большее и большее число этажей. — На сходство въ исторіи развитія орхидныхъ съ другими однодольными уже съ отложеніемъ первыхъ перегородокъ мною было указано выше. — Кромѣ того какъ у *Orchis maculata*, такъ и у всѣхъ почти зародышей, описанныхъ Требомъ, можно очень ясно прослѣдить первую поперечную перегородку, которая отдѣляетъ верхнюю часть зародыша отъ нижней; это обстоятельство еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что это не есть простая случайность, но что эти двѣ части останутся обособленными и при проростаніи, и что изъ продукта дѣленія верхней клѣтки разовьется впоследствии сѣмянодоля, а изъ нижележащей клѣтки стеблевая почка.

ИЗВЛЧЕНІЕ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСЪДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

засъданіе 11 января 1880 г.

Доведено до свѣдѣнія Собранія печальное извѣстіе о смерти почетнаго члена Академіи, генералъ-адъютанта графа Павла Николаевича Игнатъева, скончавшагося въ Петербургѣ 20 декабря 1879 г.

Доложенъ списокъ сочиненій, представленныхъ до 1 января на XXIV соисканіе наградъ графа Уварова.—Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для присужденія премій, на основаніи § 12 Положенія о наградахъ графа Уварова, общимъ собраніемъ назначена комсія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. Академиковъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. К. Наука, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго.

Губернскій секретарь М. В. Красуцкій, при писъмѣ изъ Одессы отъ 22 декабря, доставилъ, для соисканія Ломоносовской преміи, сочиненіе свое подъ заглавіемъ «*Древность малороссійскаго языка.*»

Академикъ Императорской Академіи художествъ М. П. Боткинъ доставилъ экземпляръ изданнаго имъ сочиненія, подъ заглавіемъ: *Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка СПб. 1880.* — Положено книгу сдать въ бібліотеку, а г. Боткина благодарить именемъ Академіи.

Непремѣнный секретарь сообщилъ, что Вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей тайн. совѣтникъ Н. И. Мурзакевичъ сообщилъ ему, что Общество, предполагая издать Описаніе Таврической губерніи Палласа и сочиненіе Гильденштедта о путешествіи его въ южныя провинціи Россіи, съ историческими и археологическими примѣчаніями, проситъ Академію оказать содѣйствіе этому предпріятію доставленіемъ въ Общество рукописныхъ картъ Таврической и Екатеринославской губерній, если такія карты имѣются въ Академіи.—Положено передать эту просьбу на заключеніе Академпка А. А. Куника.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ (отношеніемъ отъ 22 декабря) 2) Дерптскій университетъ (отношеніемъ отъ 5 января), 3) Королевская Липпейская Академія въ Римѣ (отн. отъ 16 декабря н. ст.), 4) Лисабонская Академія Наукъ (отн. отъ 25 сентября н. ст.), 5) Академія наукъ и словесности въ Копенгагенѣ (отн. отъ 3 января н. ст.) и 6) Библіотека Бреславскаго университета (отн. отъ 18 декабря н. ст.).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академію въ даръ разными учрежденіями и лицами.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. 1879. Ноябрь. № 7. СПб.

Технической Листокъ. Прибавленіе къ тому IX журнала: «Записки Кіевск. Отд. Императорскаго Русскаго Техническаго Общества». 1879. № 21.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1879. № 4. Варшава.

«Филологическія Записки». Выпуски IV—V. 1879. Воронежъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1879. Декабрь. Кіевъ.

Университетскія Извѣстія. 1879. Ноябрь. Кіевъ.

Церковный Вѣстникъ. 1879. №№ 49—52. СПб.

Journal of the Royal Microscopical Society. Vol. II № 7. 1879. London.

Memorie della Società degli spettroscopisti italiani. Dispensa 8. Agosto 1879. Palermo.

Peabody Institute of the city of Baltimore. Twelfth Annual Report of the Provost. June 1, 1879. Baltimore.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. 1879. 3e Série. Tome XIII № 10. Bruxelles.

Société belge de Microscopie. Procès-verbal de la séance du 27 novembre 1879. Bruxelles.

Mittheilungen aus der zoologischen Station zu Neapel zugleich ein Repertorium für Mittelmeerkunde. Erster Band. Heft. I, II, III, IV.

Instructions craniologiques et craniométriques de la Société d'anthropologie de Paris. (Extrait des Mémoires de la Société d'anthropologie. T. II 2° Série). Paris.

Bulletin de l'Académie de Médecine 2° Série. Tome VIII №№ 50, 51. 1879. Tome IX. №№ 1, 2. 1880. Paris.

Proceedings of the Royal Geographical Society. Vol. I 1879. New-monthly series Vol. II. № 1. January 1880. London.

Nouvelles archives du Muséum d'histoire naturelle. 2° Série. Tome 2°. 1-er fascicule. Paris.

Zeitschrift für Museologie und Antiquitätenkunde sowie verwandte Wissenschaften. Erster Jahrgang. Dresden. 1878.

Meyer, A. B. Dr Mittheilungen aus dem K. zoologischen Museum zu Dresden. 3 Heft. Dresden. 1878.

Bericht über die Verwaltung der Königlichen Sammlungen für Kunst und Wissenschaft zu Dresden in den Jahren 1876 und 1877. Dresden. 1878.

Ergebnisse von fünfzigjährigen Beobachtungen der Witterung zu Dresden berechnet aus den meteorologischen Tagebüchern des königl. mathematisch-physikalischen Salons zu Dresden und im Auftrage der Generaldirection der königl. Sammlungen für Kunst und Wissenschaft. Dresden. 1879.

Archiv für Litteraturgeschichte herausgegeben von Dr Franz Schnorr von Carolsfeld, k. Bibliothecar in Dresden. Band VIII. Heft. 2, 3, 4. Leipzig.

Verzeichniss der neuen Werke der königl. öffentlichen Bibliothek zu Dresden 1878. Herausgegeben von Paul Emil Richter. Dresden.

Württembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde. Jahrgang 1878. I, II und III, IV und V Heft.

Monatsbericht der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. September und October 1879.

Atti dell'Academia pontificia de' nuovi lincei. Anno XXXII. Sessione III del 16 febbraio. Sess. 1, 21 December 1879. Roma.

Bulletin de la Société de géographie. Paris. Novembre 1879.

Société de géographie commerciale de Bordeaux. Bulletin №№ 1, 2. (2° Série) 1880. Bordeaux.

Deutsche Seewarte. Monatliche Übersicht der Witterung. August. 1878. Kiel.

Bulletin de la Société des Sciences naturelles de Neuchatel. Tome XI. 3° cahier. Neuchatel.

Observations météorologiques publiées par la Société des sciences de Finlande. Année 1877. Helsingfors.

Öfversicht af finska Vetenskaps — Societetens förhandlingar. XXI. 1878—1879. Helsingfors.

Rapports présentés au deuxième congrès météorologique international de Rome par le Dr C. Pittet. Florence 1879.

Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft. № 19. 1880.

Bulletin de la Société mathématique de France. Tome VII. № 6. 1879. Paris.

Bulletin de la Société géologique de France. 3° Série Tome 6. 1878. № 8. Paris.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tome XI. Indici degli articoli e dei nomi. Roma 1878.

Tromso Museums Aarshefter. II.—Tromso. 1879.

Erdélyi Muzeum. 1 sz. VII évtolyam 1880. 1. Januar.

Delesse. Explosion d'acide carbonique dans une mine de houille. (Extrait des Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences, t. LXXXIX séance du 17 novembre 1879). Paris.

Julio Firmino Judice Biker. Supplemento à colleccáo dos tratados, convensãos, contratos e actos publicos celebrados entre a corôa du Portugal e as mais potencias desde 1640. Romo XXX Parte I, II.

Wácslav Wladiwoj Tomek. Jan Žižka. O sepsáni Žiwotopisse jeho pokusil se Wácslav Wladiwoj Tomek. W Praze. 1879.

Draper, Henry. On the coincidences of the Bright Lines of the Oxygen Spectrum with Bright Lines in the Solar Spectrum. (Reprinted from the Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. Vol. XXIX № 8).

Scacchi, Arcangelo. Ricerche chimiche sulle incrostazioni gialle della lava vesuviana del 1631. Memoria prima di Arcangelo Scacchi. Roma. 1879.

ЗАСЪДАНІЕ 1 ФЕВРАЛЯ.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Собранія окончена печатаніемъ и выпущена въ свѣтъ книжка 2-я тома XXXV *Записокъ Академіи*, съ приложеніемъ № 2, Г. Вильда, *Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1877 и 1878 года*.

Преподаватель Николаевской Царскосельской гимназіи И. Тихо-

міровъ, при письмѣ отъ 15 января, представилъ рукописное сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: *О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ мѣтописей*, составленное по задачѣ, предложенной Академію для сопсканія поощрительной Уваровской преміи. — Положено включить это сочиненіе въ число трудовъ, представленныхъ на XXIV Уваровскій конкурсъ.

Варшавскій университетъ (отношеніями отъ 12 октября и 24 декабря 1879 г.), Музей естественной исторіи въ Ліонѣ (отн. отъ 27 января 1880 г.), Академія наукъ въ Будапештѣ (отн. отъ 31 января 1880 г.) и Астрономическая обсерваторія въ Вѣнѣ (отн. отъ 25 августа и 25 ноября 1879 и 1 февраля 1880 г.) благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи.

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ разными учрежденіями и лицамъ:

Труды Общества Испытателей Природы при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 1878 года. Т. XII. Харьковъ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ VI. № 1.—1879. Тифлисъ.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. № 8. Декабрь. 1879. Спб.

Математическій Сборникъ Т. 9. Выпускъ 3-й. Москва.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ 4. 1879. Спб.

Записки Уральскаго Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. Томъ V. Выпускъ 2. Екатеринбургъ.

Краткій указатель Музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Изданіе седьмое дополнительное. Одесса. 1879.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1880. № 1. Кіевъ.

Воскресное Чтеніе. 1880. №№ 1. 2. Кіевъ.

Университетскія Извѣстія. 1879. Декабрь. Кіевъ.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ XXIX. Москва. 1879.

Филологическія Записки. Выпускъ VI. Воронежъ. 1879.

Atti della B. Academia dei Lincei. Anno CCLXXVII 1879 — 80. Serie terza. Transunti. Volume IV. Fascicolo 1° Dicembre. 1879. Roma.

Proceedings of the Royal Geographical Society Vol. II № 2. New Monthly series. 1880.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienz. e matematiche e fisiche. Tomo XII. Settembre 1879. Roma.

Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft. №№ 1 — 2. 1880. Berlin.

Bulletin de l'Académie de médecine. 2e Série. Tome IX №№ 3, 4, 5 — 1880. Paris.

Annual report of the curator of the Museum of Comparative Zoology at Harvard College to the president and Fellons of Harvard College, for 1878—79. Cambridge.

Bulletin of the Museum of Comparative Zoölogy at Harvard College. Vol. V №№ 15, 16—1879. Cambridge.

The American Journal of otology. January, 1880. New York.

Bulletin de la Société botanique de France. Tome XXVI. (Deuxième Série.—Tome 1er) 1879. Paris.

Württembergische Vierteljahrshefte für Landesgeschichte. Jahrgang II.—1879— Heft.—I—IV. Stuttgart.

Verhandlungen der physikal.—medizin. Gesellschaft in Würzburg. Neue Folge. XIV Band. 1 und 2. Heft. Würzburg.

Boletin de la Sociedad de geografia y-estadística de la republica mexicana. Tercera época. Tomo IV. Números 6 y 7. México.

Archiv der Mathematik und Physik. 64 Theil. 4te Heft Leipzig.

Monatsbericht der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. November 1879.

Annual reports of the president and Freasurer of Harvard College. 1878.—79. Cambridge. 1880.

Deutsche Seewarte. Monatliche Übersicht der Witterung. 1878. September, November. Kiel.

Daubrée, A. Etudes synthétiques de géologie expérimentale. Deuxième partie. Application de la méthode expérimentale à l'étude de divers phénomènes cosmologiques. Paris. 1879.

Plantamour, Ph. Des mouvements périodiques du sol accusés par des niveaux à bulle d'air. Genève. Особый отгискъ изъ «Bibliothèque Universelle. Archives des sciences physiques et naturelles 3e période. Tome II № 12—1879)»

Julio Firmino Judice Biker. Supplemento a collecçoo das tratados convenções, contratos e actos publicos ceiebrados entre a carôa de Portugal e as mais potencias desde 1840. Tomo XX. Lisboa 1879.

George A. Gibson. The sequence and duration of the cardiac modements. Edinburch.

Lortet, D^r et E. Chantre, Etudes paléontologiques dans le bassin du Rhone. Période tertiaire. Recherches sur les mastodontes et les faunes mammalogiques qui les accompagnent. Lyon. 1879.

C. W. Borchardt, Sur une classe de transformations du second ordre des fonctions hyperelliptiques à deux variables. Paris 1879.

C. W. Borchardt. Theorie des arithmetisch — geometrischen Mittels aus vier Elementen. Berlin. 1879.

C. W. Borchardt. Zur Theorie der Elimination und Kettenbruch-Entwicklung. Berlin. 1878.

засѣданіе 7 марта 1880 г.

Читано отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія 23 февраля, о томъ, что на всеподданнѣйшемъ его докладѣ при представленіи адреса Академіи съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ ея членовъ по случаю двадцатипятилѣтія славнаго царствованія Его Императорскаго Величества, Государь Императоръ, въ 20 день февраля, Собственноручно начертать изволилъ «благодарить».

Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 23 февраля, увѣдомляетъ, что препровожденные Академію въ Министерство Народнаго Просвѣщенія экземпляры XXXII, XXXIII и XXXIV томовъ ея Записокъ были представлены Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Алексію Александровичу, и что Его Высочеству благоугодно было поручить выразить Академіи искреннюю признательность за доставленіе означенныхъ книгъ.

Доведено до свѣдѣнія Собранія печальное извѣстіе о смерти Почетнаго члена Академіи, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Барона Вильгельма Карловича Ливена, послѣдовавшей въ Петербургѣ 2 февраля сего года.

Статскій совѣтникъ А. Викторовъ, письмомъ изъ Москвы отъ 3 февраля, благодаритъ за избраніе его въ члены корреспонденты Академіи и увѣдомляетъ о полученіи диплома на это званіе.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи: 1) Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (отнош. отъ 4 февраля), 2) Королевское Общество въ Лондонѣ (отнош. отъ 8 іюля 1879 г.). 3) Лондонское Зоологическое Общество (отнош. отъ 14 января), 4) Королевское Общество въ Эдинбургѣ (отношен. отъ 20 февраля) 5)

Институтъ Наукъ и Словесности въ Миланѣ (отнош. отъ 26 февраля), 6) Общество Мехитаристовъ Св. Лазаря въ Венеціи (отнош. отъ 25 февраля) и 7) Королевская Обсерваторія на Мысѣ Доброй Надежды (отнош. отъ 15 января).

Представлены Общему Собранію сочиненія присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами: положено сдать эти сочиненія въ библіотеку и за доставленія ихъ благодарить.

засѣданіе 4 апрѣля 1880 г.

Читано отношеніе Симбирскаго Губернскаго Предводителя Дворянства на имя Академіи, отъ 26 марта, слѣдующаго содержанія:

«Имѣю честь препроводить на распоряженіе Академіи Наукъ копію съ постановленія Симбирскаго Губернскаго Собранія Дворянства, состоявшагося 15 декабря 1879 г. объ учрежденіи преміи Симбирскаго Дворянства имени Его Императорскаго Величества.»

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о вышеозначенномъ опредѣленіи Симбирскаго Дворянства, Высочайше соизволилъ изъявить на учрежденіе преміи Свое согласіе.»

«Въ силу Высочайше утвержденаго постановленія Дворянства, имѣю честь покорнѣйше просить Академію Наукъ не отказать взять на себя трудъ выработать подробную програму на соисканіе преміи, учрежденной Дворянствомъ въ память 25 лѣтія Царствованія, опубликовать вызовъ желающимъ представить свои сочиненія соотвѣтствующія составленной Академіей програмѣ, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.»

«Капиталъ, пожертвованный Дворянствомъ, обращенъ въ процентныя бумаги и хранится въ Дворянской кассѣ. Премія будетъ высылаться, по полученіи увѣдомленія о томъ, что она присуждена извѣстному лицу за трудъ, вполне соотвѣтствующій програмѣ, или въ Академію Наукъ, или по тому адресу, который будетъ указанъ.»

По выслушаніи этого дѣла, Общее Собраніе положило поручить комисіи изъ Непремѣннаго Секретаря и гг. Академикомъ А. Θ. Бычкова, А. А. Куника и Н. Н. Алексѣева составить и представить на заключеніе Конференціи проектъ правилъ объ означенной преміи.

Управляющій дѣлами Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба генер.-адъютантъ Обручевъ, отношеніемъ отъ 2 апрѣля сообщаетъ, что состоящій по гвардейской кавалеріи ротмистръ Туганъ-Мир-

за-Барановскій, занимаюсь составленіемъ историческаго очерка вооруженныхъ силъ Россіи, встрѣтилъ надобность пользоваться хранящимися въ Академіи бумагами князя Александра Даниловича Меншикова, необходимыми для пополненія свѣдѣній о кавалеріи временъ Петра Великаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-адъютантъ Обручевъ проситъ допустить г. Тугана-Мирзу Барановскаго къ занятіямъ этими бумагами въ Академіи.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, выпискою изъ протокола засѣданія своего отъ 20 марта ст. III. представляетъ объ исходатайствованіи присылки въ Академію на нѣкоторое время нужной для занятій Отдѣленія хранящейся въ соборной церкви Св. Краля въ Софіи, въ Болгаріи, рукописи XVI вѣка (въ кожаномъ переплетѣ in 8°), подъ заглав.: «*Служба и житіе Св. Николая Софійскаго*». Положено войти съ Департаментомъ Внутреннихъ Сношеній Минист. Иностр. Дѣлъ въ сношеніе относительно доставленія означенной рукописи въ Академію, срокомъ на 3 мѣсяца.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за представленныя имъ изданія Академіи: 1. Императорское Общество акклиматизаціи животныхъ и растений (отношеніемъ отъ 9 и 23 марта), 2. Императорское Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи (отношен. отъ 31 марта), 3. Казанское реальное училище (отношен. отъ 24 марта) 4. Музей естественной исторіи въ Ліонѣ (отношен. отъ 27 марта) 5. Библіотека Тюбингенскаго Университета (отношен. отъ 1 апрѣля), 6. Библіотека Бреславскаго Университета (отношен. отъ 23 марта) 7. Зенкенбергское Общество естествоиспытателей въ Франкфуртѣ на М. (отнош. отъ 1 декабря 1879 г.) 8. Голландское Общество Наукъ въ Гарлемѣ (отнош. отъ 25 марта 1879 г.) 9. Библіотека Лейденскаго Университета (отнош. отъ 27 сентября 1879 г. и 24 марта 1880 г.) 10. Королевская Линцейская Академія въ Римѣ (отношен. отъ 2 апрѣля 1880) и 11. Общество естественной исторіи въ Батавіи (отношен. отъ 24 іюля 1879 г.).

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами. Положено передать эти сочиненія въ Библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 15 ЯНВАРЯ 1880 Г.

Академикъ Г. И. Вильдъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о полной теоріи двунитнаго магнитометра и о новыхъ способахъ для опредѣленія абсолютнаго горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма, равно какъ и коэффициентовъ температуры и индукціи магнитовъ (*Vollständige Theorie des Bifilarmagnetometers und neue Methoden zur Bestimmung der absoluten Horizontal-Intensität des Erdmagnetismus so wie der Temperatur-und Inductions- Coefficienten der Magnete*). Въ читанной имъ по этому предмету запискѣ, г. Вильдъ заявляетъ о предлагаемомъ имъ усовершенствованіи Гаусовой теоріи двунитнаго магнитометра принятіемъ въ расчетъ опущеннаго Гаусомъ крученія нитей прикрѣпленія, а также индукція земнаго магнетизма на двунитный магнитъ. Это усовершенствованіе, по свидѣтельству г. Вильда, вполне устраняющее замѣчавшіяся уклоненія выводовъ этой теоріи отъ показаній опыта, привели его къ превосходному и несомнѣнному способу опредѣлять помощью двунитнаго магнитометра двѣ вспомогательныя постоянныя при магнитныхъ измѣреніяхъ, а именно коэффициенты температуры и индукціи. Сверхъ того, на этомъ усовершенствованіи г. Вильдъ основываетъ новый методъ находить, при помощи двунитнаго магнитометра, и абсолютное опредѣленіе напряженности земнаго магнетизма, причемъ нѣкоторыя небольшія неудобства, съ которыми былъ сопряженъ прежній Гаусовскій методъ, также удачно устраняются. Къ сему г. Вильдъ присовокупилъ, что въ свое время онъ представитъ Академіи болѣе подробное сочиненіе объ этомъ предметѣ, а также полныя измѣренія горизонтальной напряженности помощью приборовъ, которые теперь изготовляются на началахъ означеннаго метода. — Записка г. Вильда появится въ Бюлетенѣ.

Академикъ А. С. Фаминцынъ представилъ и прочелъ записку о разложеніи углекислоты растеніями, подъ вліяніемъ искусственнаго свѣта (*Die Zerlegung der Kohlensäure durch Pflanzen bei künstlicher Beleuchtung*). Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академики К. И. Максимовичъ и А. С. Фаминцынъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Мемуарахъ, записку почетнаго члена Академіи А. А. Бунге о географическомъ распространеніи семейства *Chenopodiaceae* (*Pflanzengeographische Beobachtungen über die Familie der Chenopodiaceen*). Предпославъ своимъ

выводамъ критическій списокъ всѣмъ доселѣ извѣстнымъ видамъ Солончаковыхъ, авторъ высказываетъ въ этой запискѣ свое убѣжденіе, что Солончаковыя составляютъ позднѣйшія образования, появившіяся вездѣ тамъ, гдѣ осушались древніе морскіе бассейны. Послѣ изученія географическаго распредѣленія различныхъ видовъ, родовъ и группъ этого семейства, авторъ нашелъ десять такихъ древнихъ морскихъ котловинъ или бассейновъ, пѣз которыхъ каждому свойственны особыя формы и въ каждомъ преобладаютъ особенная какая либо группа. Изъ двухъ главныхъ подраздѣленій Солончаковыхъ: *Ciclolobeae* и *Spirolobeae*, первыя преобладаютъ въ такъ называемомъ Новомъ свѣтѣ и представляютъ простѣйшія формы, вторыя въ Старомъ свѣтѣ. Что же касается отдѣльныхъ бассейновъ, то крайними противоположностями являются съ одной стороны Австралійскій бассейнъ, въ которомъ вышеорганизованныхъ *Spirolobeae* не находится, съ другой стороны Арало-каспійская низменность, въ которой всего болѣе преобладаютъ *Spirolobeae*, а изъ нихъ высшая группа всего семейства — *Anabaseae*. Свое донесеніе объ этомъ сочиненіи названные академики оканчиваютъ замѣчаніемъ, что новый трудъ г. Бунге, разрабатывающій данныя ботанической географіи въ тѣсной связи съ организаціей и классификаціею самыхъ растений, безъ сомнѣнія, примется съ такимъ же одобреніемъ, какъ и первый его трудъ: *Labiatae persicae*. Оба труда обозначаютъ новое направленіе въ наукѣ, — направленіе, принадлежащее исключительно нашему почтенному сочлену. По стопамъ его можетъ слѣдовать только тотъ, кто, подобно ему, сначала всесторонне и точнѣйшимъ образомъ изучилъ организацію и систематику подлежащаго географическому изученію семейства.

Акад. Э. Б. Шмидтъ представилъ новый трудъ члена-корреспондента Академіи Освальда Геера о сибирскихъ растеніяхъ Юрской формаціи (*Nachträge zur Jura-Flora Sibiriens, gegründet auf die von Herrn Richard Maak gesammelten Pflanzen*), причемъ объяснилъ, что въ этомъ сочиненіи разобрано до 40 растеній изъ извѣстной, уже классической мѣстности для Юрской флоры — Усть-Балей, на Ангарѣ. Въ этомъ числѣ оказалось 15 формъ новыхъ для этой мѣстности, такъ что во всей флорѣ Усть-Балейской теперь считается 63 вида. Изъ этихъ 15 формъ, 10 совершенно новыя, а 5 были уже раньше извѣстны изъ другихъ мѣстностей Сибири и Европы. Но и для познанія другихъ растеній, бывшихъ уже раньше извѣстными изъ Усть-Балейской мѣстности, новый трудъ г. Геера

доставляетъ важныя дополненія. Положено напечатать это сочиненіе въ Мемуарахъ Академіи.

Акад. Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили и предложили напечатать въ Запискахъ Академіи предварительный отчетъ А. О. Брандта о совершенномъ имъ, по порученію Академіи, путешествіи въ Карскую область и въ Закавказье.

Акад. Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку Берлинскаго профессора Мартенса о молюскахъ, собранныхъ д-ромъ А. Брандтомъ въ Русской Арменіи (*Aufzählung der von D-r Alexander Brandt in Russisch-Armenien gesammelten Mollusken*).

Акад. Г. И. Вильдъ сообщилъ, что состоящее при Главной Физической Обсерваторіи Отдѣленіе морской метеорологіи, продолжая обрабатывать наблюденія надъ вѣтрами, дующими на русскихъ моряхъ, нынѣ окончило вычисленія наблюденій, произведенныхъ надъ вѣтрами на береговыхъ станціяхъ и на маякахъ Бѣлаго моря. Выводы изъ этихъ вычисленій г. Рыкачевъ употребилъ для изслѣдованія о распредѣленіи вѣтровъ на этомъ морѣ подобно тому, какъ прежде того имъ это сдѣлано для вѣтровъ Балтійскаго моря. Акад. Вильдъ, представляя Академіи записку г. Рыкачева объ этомъ предметѣ (*Ueber die Vertheilung der Winde ü ber dem Weissen Meer*), предложилъ напечатать ее въ Метеорологическомъ Сборникѣ, присовокушивъ къ сему, что на русскомъ языкѣ она появится въ Морскомъ Сборникѣ.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія: 1) В. Я. Буняковскаго, *О наибольшихъ величинахъ въ вопросахъ, относящихся къ нравственному ожиданію* (Прилож. № 1 къ XXXVI т. Записокъ Академіи); 2) В. Вольфсона, *Эмбриональное развитіе *Lymanus stagnalis** (Прилож. къ XXXVI т. Записк. Акад.); 3) *V. Möller, Die Foraminiferen des russischen Kohlenkalks* (Mém. de l'Acad. XXVII, № 5) и 4) Г. Вильда, *Инструкція для метеорологическихъ станцій*.

Г. Прозоровъ представилъ Академіи записку о рѣшеніи уравненій по способу Невтона (*Sur la resolution des équations par la méthode de Newton*). Положено передать для разсмотрѣнія Акад. Н. Н. Алексѣеву.

Г. Кармановъ, при письмахъ изъ Свеаборга отъ 26 декабря 1879 г. и 14 января сего года, представилъ записку объ автома

тическомъ регуляторѣ тока. Положено передать для разсмотрѣнія гг. Акад. Г. И. Вильду и А. В. Гадолину.

Г. Рейншъ доставилъ записку о мукоринахъ въ каменномъ углѣ (*Die Auffindung von Mucorinen in der Steinkohle*). Положено передать для разсмотрѣнія А. С. Фаминцыну.

Отставной поручикъ Вортманскій представилъ записку о дѣленіи угла на три равныя части. При этомъ Непремѣнный Секретарь доложилъ, что въ Академію нерѣдко доставляются, для разсмотрѣнія, сочиненія объ означенной задачѣ, а также о точной квадратурѣ круга и о вѣчномъ движеніи. Такъ какъ подобныя задачи, по самому существу своему, не допускаютъ рѣшенія, то разсмотрѣніе относящихся къ нимъ сочиненій издавна признано Академіею безцѣльнымъ. Принимая во вниманіе, что пересылка ихъ въ Академію напрасно вовлекаетъ ихъ авторовъ въ хлопоты и расходы, Непремѣнный Секретарь представилъ Отдѣленію, не признаетъ ли оно полезнымъ напечатать отъ Императорской Академіи Наукъ извѣщеніе о томъ, что Академія, подобно всѣмъ другимъ ученымъ учрежденіямъ, не входитъ въ разсмотрѣніе такихъ сочиненій, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда они ей присылаются, она оставляетъ ихъ безъ вниманія. Одобрено.

Членъ-корреспондентъ Академіи, заслуженный профессоръ Ф. Э. Биддери, письмомъ изъ Дерпта отъ 4 января, благодаритъ за почетную Беровскую медаль, присужденную ему въ мпнувшемъ году.

Горный инженеръ И. Лопатинъ, при письмѣ изъ Красноярска отъ 19 декабря 1879 г., представилъ, въ дополненіе къ своему отчету о поѣздкѣ въ 1877 г. на Подкаменную Тунгузку, двѣ маршрутныя карты этой поѣздки. Положено передать ихъ для разсмотрѣнія Акад. Ф. Б. Шмидту.

Акад. А. А. Штраухъ донесъ, что учитель Ставропольской гимназіи В. Ф. Миловидовъ принесъ въ даръ Зоологическому музею Академіи коллекцію птицыхъ яицъ, собранныхъ въ Ставропольской губерніи; причѣмъ прпсовокупилъ, что эта коллекція состоитъ изъ 200 экземпляровъ, принадлежащихъ 48 видамъ птицъ и имѣетъ большую научную важность, такъ какъ Ставропольская губернія почти неизвѣстна въ орнитологическомъ отношеніи. Положено за это пожертвованіе благодарить г. Миловидова именемъ Академіи.

засѣданіе 29-го января 1880 г.

По открытіи засѣданія, Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о смерти члена корреспондента Академіи, тайн. совѣт. Александра Абрамовича Воскресенскаго, скончавшагося 21 января, въ Петербургѣ.

Академики Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили и предложили напечатать въ Запискахъ Академіи сочиненіе д-ра В. Я. Данилевскаго, подъ заглавіемъ: «Опытное фізіологическое доказательство закона сохраненія энергіи».

Академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили и предложили напечатать въ Запискахъ Академіи отчетъ ученаго хранителя зоологическаго музея И. С. Полякова о поѣздкѣ, совершенной имъ лѣтомъ прошедшаго года, по порученію Академіи, для антропологическихъ изслѣдованій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ центральной и восточной Россіи.

Академики Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили записку Г. В. Струве о судебно-химическомъ изслѣдованіи подозрительныхъ кровяныхъ пятенъ (*Beitrag zur gerichtlich-chemischen Untersuchung von auf Blut verdächtigen Flecke*). Положено напечатать въ Бюлетенѣ Академіи.

Почетный членъ Г. В. Абихъ, при письмѣ изъ Вѣны отъ (5—17) января, представилъ записку о произведенныхъ имъ помощью барометра гипсометрическихъ опредѣленіяхъ въ Арменіи (*Ein Cyclus fundamentaler barometrischer Höhenbestimmungen auf dem Armenischen Hochlande*). — Положено передать эту записку, вмѣстѣ съ письмомъ г. Абиха, на разсмотрѣніе Академикомъ Г. И. Вильда и А. В. Гадолина.

Учитель рисованія въ Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, художникъ П. М. Комаровъ, при письмѣ отъ 26 декабря 1879 г., доставилъ акварельные рисунки Томской флоры, исполненные имъ съ натуры въ 1878 и 1879 гг. въ окрестностяхъ Томска, и проситъ Академію принять эти рисунки въ даръ, если они будутъ найдены сколько нибудь любопытными въ научномъ отношеніи. Къ рисункамъ приложены указанія о времени, когда сорваны изображенные цвѣты, и о величинѣ самыхъ растений. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Комаровъ изъявляетъ готовность дѣлать рисунки видовъ, типовъ, одежды, жилищъ и вообще этнографическихъ предметовъ, если Академіи представится въ томъ надобность, и присовокупляетъ, что у него уже имѣются альбомы Илійскаго края и Тяньчъ-

Шаня съ его ледниками. — Положено доставленные г. Комаровымъ рисунки Томской флоры передать для разсмотрѣнія Академику К. И. Максимовичу; выписку же изъ вышеприведеннаго письма относительно этнографическихъ рисунковъ сообщить Академику Л. И. Шренку.

Вѣнская Академія Наукъ, въ дополненіе къ отношенію своему отъ 30 января 1875 г., доставила изданный ею второй мемуаръ г. Векса объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ (*Zweite Abhandlung über die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen. Wien 1879*). — Положено передать для разсмотрѣнія въ комисію изъ Академиковъ Г. П. Гельмерсена, Г. И. Вильда и А. В. Гадолина.

ЗАСѢДАНІЕ 12 ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА.

По открытіи засѣданія Академикъ А. М. Бутлеровъ обратился къ Отдѣленію съ слѣдующими словами:

«Тяжкія утраты, одна за другою, постигли нынѣ нашу Академію, и одной изъ нихъ суждено было выпасть на долю моей науки: три дня тому назадъ проводили мы въ могилу прахъ нашего славнаго, незабвеннаго сотоварища Н. Н. Зинина. Съ его потерею знаменитое имя вычеркнуто изъ списка нашихъ наличныхъ сочленовъ; но имя это вписано неизгладимо въ лѣтописи науки. Глубокое уваженіе списало оно не въ одной Россіи: свидѣтельствомъ тому служитъ давнее избраніе Николая Николаевича въ корреспонденты Французской Академіи Наукъ, въ Почетные члены Берлинскаго и Лондонскаго Химическыхъ Обществъ и разныхъ другихъ ученыхъ учреждений.

Между многочисленными научными заслугами покойнаго достаточно указать здѣсь на открытіе имъ того общаго способа превращенія нитрованныхъ тѣлъ въ амидо-производныя, которымъ пользуется нынѣ еще молодая, но уже могучая отрасль химической промышленности приготовленія анилиновыхъ и другихъ подобныхъ красокъ. Необыкновенныя точность и опредѣленность впервые сообщаемыхъ фактовъ составляли характерную черту ученыхъ работъ покойнаго академика; обыкновенно онъ не ограничивался качественными данными, но давалъ и количественныя указанія; примѣняя къ дѣлу его предписанія, не приходится идти ощупью, искать условій реакціи: для полученія желаемого результата нужно быть лишь точнымъ исполнителемъ. Но если наша на-

ука вообще потеряла въ лицѣ Николая Николаевича одного изъ наиболѣе выдающихся своихъ представителей, то русская химія лишилась въ немъ того, кому по преимуществу обязана она своимъ вступленіемъ въ самостоятельную жизнь, и тѣмъ виднымъ мѣстомъ, какое отводится ей теперь западно-европейскими учеными. Имя Зинина открываетъ собою цѣлый рядъ именъ русскихъ химиковъ, сдѣлавшихся извѣстными въ наукѣ, а большинство этихъ химиковъ ученики Зинина или ученики его учениковъ. А его учениками нерѣдко являлись и тѣ, которымъ не приходилось прямо пользоваться его преподаваніемъ; свои глубокія, безкорыстная любовь и преданность знанію вообще умѣлъ вселить онъ во всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, соприкосновеніе же это было обширно, такъ какъ глубокая, живой и оригинальный умъ Николая Николаевича, соединенный съ всегдашней пріятливостью и замѣчательной скромностью, всюду тотчасъ влекъ къ нему молодыхъ ученыхъ и дѣлалъ его центромъ, около котораго группировались обыкновенно не одни химики, но и специалисты всѣхъ отраслей естествознанія и врачи. Это одухотворяющее, возбуждающее научный энтузіазмъ влияние моего покойнаго учителя оцѣнено всеми, кто имѣлъ счастье, подобно мнѣ, начать свое практическое знакомство съ наукой подъ его ближайшимъ руководствомъ. Въ рѣчахъ, пропнесенныхъ надъ его гробомъ, окруженномъ многочисленной толпой учениковъ и почитателей, ярко выразилось то, что высказывалъ я здѣсь.

Отличный ученый, незамѣнимый руководитель въ практическихъ занятіяхъ по химіи, Н. Н. Зининъ былъ и замѣчательнымъ лекторомъ: читалъ ли онъ лекціи или, предъ компетентной аудиторіей, дѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ, его живая, образная рѣчь ярко рисовала въ воображеніи слушателей все то, что имъ излагалось.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, положеніе страдающаго, тяжело больнаго сотоварища нашего представлялось крайне серьезнымъ; эта опасность была близка, но внезапный и рѣзкій поворотъ къ улучшенію вызвалъ надежду въ окружающихъ и поднялъ духъ и силы самого больнаго. Казалось, можно было рассчитывать, что бѣда миновала, что исцѣленіе возможно, какъ вдругъ, внезапный приступъ прежнихъ припадковъ въ сутки съ небольшимъ положилъ конецъ всему. Тѣмъ тяжелѣе поражаетъ эта смерть, сначала грозившая близки, а потомъ сдѣлавшаяся неожиданной. Теплое благодарное, неизгладимое воспоминаніе объ усопшемъ сохранять не

одни его ученики, но и всѣ, имѣвшіе случаи узнать его ближе и оцѣнить вполнѣ; имя же Зинина будутъ всегда глубоко чтить тѣ, которымъ дороги и близки къ сердцу успѣхи и величіе науки въ Россіи».

Академикъ О. В. Струве представилъ и прочелъ записку объ относительномъ движеніи двухъ звѣздъ въ системѣ 61 Лебеда (*Etudes sur le mouvement relatif des deux étoiles dans le système de 61 Cygni*). Она будетъ напечатана въ Мемуарахъ Академіи.

Академики Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ, разсмотрѣвъ, по порученію Отдѣленія, записку Почетнаго Члена Академіи Г. В. Абиха о произведенныхъ имъ помощью барометра и нисометрическихъ опредѣленіяхъ въ Арменіи, изложили изустно свой отзывъ о ней и предложили напечатать ее въ Мемуарахъ Академіи.

Адъюнктъ А. С. Фаминцынъ представилъ, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Запискахъ Академіи, статью кандидата здѣшняго университета Н. А. Монтеверде объ исторіи развитія *Orchis maculata*.

Академикъ Л. И. Шренкъ донесъ, что ученый хранитель Зоологическаго музея Академіи, И. С. Поляковъ, пожертвовавшій Этнографическому и Антропологическому музею въ прошедшемъ году богатую коллекцію остатковъ каменнаго вѣка изъ разныхъ мѣстъ въ Россіи, нынѣ принесъ въ даръ этому музею:

1) Восемь человѣческихъ череповъ, въ томъ числѣ 7 остяцкихъ изъ окрестностей Обдорска и 1 изъ могилы около Березова.

2) Коллекцію принадлежностей Остяцкаго быта, составленную имъ во время путешествія его лѣтомъ 1878 г., съ зоологическою цѣлью, въ долину р. Оби. Эта коллекція содержитъ въ себѣ разные предметы, относящіеся до домашняго обихода, одежды, украшеній рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, религіозныхъ вѣрованій и пр. всего 108 предметовъ. Многіе изъ нихъ, особенно относящіеся до рыбной ловли и охоты, сдѣланы изъ камня, глины, кости, и какъ по матеріалу, такъ и по своей формѣ, совершенно подобны тѣмъ, которые встрѣчаются въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и въ разныхъ мѣстахъ Россіи между остатками каменнаго вѣка. Служа къ поясненію послѣднихъ, они представляютъ, слѣдовательно, интересъ не только въ этнографическомъ, но и вообще антропологическомъ отношеніи. Кромѣ того, въ означенной коллекціи находятся предметы, собранные въ мѣстахъ, гдѣ находились древнія Остяцкія и Татарскія городища по Оби и Иртышу, обломки, горшковъ, шлаки

железныхъ рудъ, затѣмъ модели употребляемыхъ тамъ же инородцами и русскими: лодокъ, ловушекъ, самострѣловъ и другихъ орудій.

3) Весьма интересную, составленную самимъ г. Поляковымъ коллекцію фотографическихъ изображеній типовъ, костюмовъ и сценъ изъ жизни разныхъ Сибирскихъ народовъ, преимущественно Остяковъ, Обскихъ и Иртышскихъ, а также Самоѣдовъ, Чувашей, Киргизовъ Семипалатинской области, Татаръ Казанскихъ и Тобольскихъ, Черемисовъ, Мордвы и пр. Эта коллекція содержитъ 117 номеровъ, изъ коихъ слишкомъ 90 съ изображеніями типовъ народовъ, и въ томъ числѣ 46 фотографій, снятыхъ подъ личнымъ наблюденіемъ г. Полякова и къ которымъ слѣдовательно имѣются и пояснительныя свѣдѣнія.

Сверхъ того г. Шренкъ заявилъ, что Музей Антропологии и Этнографии получилъ отъ земскаго засѣдателя Курганскаго округа Тобольской губерніи П. И. Пузика въ даръ 12 штукъ каменныхъ орудій, отчасти превосходной отдѣлки, собранныхъ имъ въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи, и что г. Пузикъ проситъ Академію исходатайствовать ему разрѣшеніе раскопать, на его собственные средства, нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ г. Кургана.

По выслушаніи этого сообщенія Отдѣленіе положило благодарить гг. Полякова и Пузика именемъ Академіи за вышеозначенныя пожертвованія, что касается до просьбы г. Пузика о разрѣшеніи произвести раскопку кургановъ, то войти въ сношеніе съ г. Тобольскимъ губернаторомъ объ оказаніи, буде возможно его содѣйствія къ удовлетворенію этой просьбы.

Академикъ Л. П. Шренкъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на то, что въ настоящее время не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что при этнологическихъ розысканіяхъ для рѣшенія вопросовъ о взаимномъ родствѣ разныхъ племенъ и народовъ, едва ли не большее значеніе, чѣмъ измѣренія череповъ, имѣетъ сравнительный разборъ всего строенія и склада лица. Обширное развитіе и распространеніе фотографическаго искусства даетъ нынѣ возможность собирать потребный для подобныхъ изслѣдованій матеріалъ. По этому во всѣхъ антропологическихъ и этнографическихъ музеяхъ составляются коллекціи фотографическихъ типовъ народовъ. Въ Академическомъ музеѣ Этнографии и Антропологии также положено уже начало подобной коллекціи. Выгѣстъ съ фотографіями, принесенными ему въ даръ г. Поляковымъ, въ немъ имѣется уже до 200 фотографическихъ типовъ разныхъ народовъ. Преимущественно

ное вниманіе и въ этомъ отношеніи въ названномъ музеѣ должно быть, конечно, обращено на многочисленныхъ и разноплеменныхъ инородцевъ въ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, въ Музеѣ имѣются уже превосходныя фотографіи разныхъ Сибирскихъ и Амурскихъ народовъ. Но чего пока тамъ еще вовсе нѣтъ, такъ это типовъ инородцевъ Кавказскаго и Туркестанскаго краевъ. Не можетъ быть, однако, сомнѣнія, что такіе существуютъ на мѣстѣ, въ Тифлисѣ и Ташкентѣ. Въ виду сказаннаго, г. Шренкъ предложилъ ходатайствовать предъ Его Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ, а равно просить и Туркестанскаго генералъ-губернатора о содѣйствіи къ пріобрѣтенію для Академіи фотографическихъ изображеній разныхъ народовъ, населяющихъ названный край. Это представленіе Отдѣленіемъ одобрено.

ЗАСѢДАНІЕ 11 МАРТА 1880 Г.

Академики О. В. Струве и А. Н. Савичъ представили записку приватъ-доцента С. П. Глазенапа о *наблюденіяхъ перемѣнной звѣзды β Persei*, причемъ пояснили, что наблюденія произведены въ 1875 и 1876 годахъ около эпохи наименьшаго сіянія означенной звѣзды во время пребыванія автора въ Пулковской Обсерваторіи. Для опредѣленія относительной яркости сіянія звѣзды перемѣнной и сосѣднихъ съ нею звѣздъ постоянного свѣта, г. Глазенапъ употребилъ самый удобный для сего и по этому нынѣ всѣмъ принятый способъ Аргеландера. — Положено означенную статью напечатать въ Запискахъ Академіи.

Академики Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ, разсмотрѣвъ записку члена-корреспондента, профессора В. Л. Грубера объ аномальномъ среднемъ основномъ каналѣ затылочной кости человѣка (*Ueber den anomalen canalis basilaris medianus der Os occipitale beim Menschen*), донесли, что въ этой статьѣ авторъ, пользуясь богатымъ анатомическимъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи, описалъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ видоизмѣненій названнаго канала; поэтому они предложили напечатать этотъ полезный трудъ ученаго анатома въ Мемуарахъ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и предложилъ напечатать въ Метеорологическомъ Сборникѣ записку г. Шпиндлера о *зависимости силы и направленія вѣтра отъ величины и направленія градіента по берегамъ Балтійскаго моря*, при чемъ объяснилъ, что эта записка имѣетъ прямое отношеніе къ прежней дѣятельности

г. Шпиндлера, завѣдывавшего въ Главной Физической Обсерваторіи отдѣломъ штормовыхъ предостереженій. Авторъ излагаетъ свои изслѣдованія надъ важнымъ, какъ для практикн штормовыхъ предостереженій, такъ и для ихъ теоріи, вопросомъ о зависимости направленія и силы вѣтра въ данномъ мѣстѣ отъ распредѣленія атмосфернаго давленія вокругъ этого мѣста. Такая зависимость опредѣляется такъ называемымъ градіентомъ, т. е. уменьшеніемъ барометрическаго давленія, выраженнаго въ миллиметрахъ, на одинъ градусъ меридіана, въ направленіи, нормальномъ къ изобарѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ г. Шпиндлеръ былъ приведенъ къ результатамъ, вполне согласнымъ съ выводами, полученными Клементомъ Деємъ при такихъ же изслѣдованіяхъ для береговъ Западной Европы, причемъ, указавъ на разногласіе этихъ выводовъ съ результатами Лумиса, производившаго подобныя изысканія для С. Америки, пришелъ къ тому важному, въ практическомъ отношеніи, заключенію, что материковые вѣтры, вслѣдствіе испытываемаго ими большаго тренія, слѣдуютъ больше направленію градіента, чѣмъ направленію изобаръ.

Академики Л. И. Шренкъ, Ф. В. Овсянниковъ и А. А. Штраухъ представили и предложили напечатать въ Запискахъ и въ Мемуарахъ Академіи сочиненіе М. Н. Богданова подъ заглавіемъ: «*Сорокопуты Русской фауны и ихъ сородичи*» (*Die Würger der Russischen Fauna*), составленное по матеріаламъ, хранящимся въ Зоологическомъ музеѣ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ, имѣя въ виду, что запасъ изданныхъ въ 1869 г., въ видѣ приложенія къ инструкціи для метеорологическихъ наблюденій, таблицъ для вычисленія такихъ наблюденій совершенно истощился, предложилъ сдѣлать новое изданіе этихъ таблицъ, въ числѣ 600 экз., которые и предоставить въ распоряженіе Главной Физической Обсерваторіи, для разсылки въ метеорологическія станціи.

А. Фонъ-Бургъ, членъ Вѣнской Академіи Наукъ, доставилъ экземпляръ изданной имъ записки, подъ заглавіемъ: *Über die Wirksamkeit der Sicherheitsventile bei Dampfkesseln*.

Библіотекаръ королевской обсерваторіи въ Брюсселѣ А. Ланкастеръ, при письмѣ отъ 25 февраля н. ст., сообщаетъ програму предпринимаемаго имъ, вмѣстѣ съ директоромъ этой обсерваторіи, Ж. Гузо, изданія, подъ заглавіемъ: *Bibliographie générale de l'astronomie, ou catalogue méthodique des ouvrages, des mémoires et des observations astronomiques depuis l'origine de l'imprimerie jusqu'en 1880*.

Профессоръ Горнаго института Романовскіи доставилъ нѣсколько экземпляровъ перваго выпуска составленныхъ имъ *Матеріаловъ для геологій Туркестанскаго края*. — Эти экземпляры розданы гг. Членамъ Отдѣленія.

Академикъ Ѳ. Б. Шмидтъ сообщилъ, что Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предложилъ ему быть представителемъ Общества на имѣющей происходить въ Стокгольмѣ встрѣчѣ профессора Норденшельда при возвращеніи его изъ Сѣверной экспедиціи. Къ сему г. Шмидтъ присовокупилъ, что ему было бы желательно принять это предложеніе тѣмъ болѣе, что поѣздкою съ этою цѣлью онъ могъ бы воспользоваться для изученія въ Скандинавскихъ и въ нѣкоторыхъ Германскихъ музеяхъ такихъ коллекцій, ближайшее знакомство съ которыми ему необходимо при составленіи предпринятой имъ монографіи о русскихъ трилобитахъ. — Отдѣленіе, въ виду этого заявленія, а также признавая умѣстнымъ выразить г. Норденшельду свое уваженіе назначеніемъ на его встрѣчу въ Стокгольмѣ представителя Академіи, положило ходатайствовать о командированіи г. Шмидта, какъ для этой, такъ и вообще для ученой цѣли, въ Швецію, Норвегію и Германію, срокомъ на одинъ мѣсяць.

ЗАСѢДАНІЕ 1 апрѣля 1880 г.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ и прочелъ записку о *наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ въ 1879 г. надъ планетами Марсомъ, Сатурномъ и Нептуномъ*. — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ представилъ и прочелъ предварительную записку о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ, вмѣстѣ съ г. Великимъ, надъ инервациею слюнныхъ желѣзъ (*Zur Inervation der Speicheldrüsen*). — Она появится въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ О. В. Струве сообщилъ Отдѣленію новѣйшія свѣдѣнія о большой кометѣ, усмотрѣнной въ началѣ февраля на Южномъ полушаріи. Комета показалаь внезапно, съ хвостомъ въ 40⁰ длпны, безъ ясно очертаннаго ядра, и была замѣчена одновременно въ разныхъ мѣстахъ: въ Кордовѣ, на мысѣ Доброй Надежды и въ Мельбурнѣ. По полученнымъ нынѣ наблюденіямъ видно, что точныя опредѣленія мѣстъ кометы сдѣланы лишь въ теченіе немногихъ дней, съ 4 по 15 февраля. По вычисленіямъ профессора Вейса

въ Вѣнѣ и професора Винке въ Страсбургѣ, оказывается, что путь кометы вполне представляется элементами большой кометы 1843 г., которая была наблюдаема также лишь въ продолженіе немногихъ дней и появилась прямо въ такомъ блескѣ, что легко было видѣть ее днемъ въ близкомъ разстояніи отъ солнца. По этому нельзя не принять ихъ за одну и ту же комету, пробѣгающую свой путь въ 37 лѣтъ. Такъ какъ комета въ перигелии проходитъ отъ поверхности солнца лишь на разстояніи равномъ небольшой дроби радіуса солнца, а въ афелии выходитъ за предѣлы орбиты Урана, то она несомнѣнно представляется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ тѣлъ нашей солнечной системы.

Тотъ же академикъ представилъ сочиненіе адъюнкты-астронома Николаевской Главной Обсерваторіи д-ра Гассельберга о спектрахъ кометъ и ихъ отношеніи къ спектрамъ нѣкоторыхъ углеродныхъ соединений (*Ueber die Spectra der Cometen und ihre Beziehung zu denjenigen gewisser Kohlenverbindungen*). Рассмотрѣвъ подробно всѣ донныя наблюдавшіеся спектры разныхъ кометъ и сравнивъ ихъ съ собственными изслѣдованіями и опытами, авторъ приходитъ къ заключенію, что 1) свѣтъ кометъ большею частію собственный, дающій спектръ, подобный спектрамъ газовъ, 2) спектръ этотъ представляетъ вообще замѣчательное согласіе съ спектрами углеводородовъ, 3) въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако онъ нѣсколько отъ нихъ разнится, но лишь въ такихъ предѣлахъ, что, вѣроятно, дальнѣйшее изслѣдованіе углеродныхъ соединений при видоизмѣненіи внѣшнихъ обстоятельствъ легко могло бы объяснить эти разности. Вообще изслѣдованіе г. Гассельберга служитъ сильнымъ подтвержденіемъ электрической теоріи кометнаго свѣта. По выслушаніи, Отдѣленіе, по предложенію академиковъ Струве и Гадолина, постановило напечатать сочиненіе г. Гассельберга въ Мемуарахъ.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ записку г. Штелинга «о годичномъ ходѣ испаренія въ Россіи» (*Ueber den jährlichen Gang der Verdunstung in Russland*), причемъ объяснилъ, что хотя наблюденія надъ испареніемъ были издавна производимы на нѣкоторыхъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ, однако до сихъ поръ еще мы не имѣли общей обработки этого важнаго метеорологическаго элемента для какой либо обширной области земель. Это, конечно, состоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что за неизмѣнимъ основательныхъ изслѣдованій о наилучшемъ устройствѣ и установкѣ эвапорометровъ, наблюденія этого рода дѣлаются весьма различ-

ными инструментами и по весьма различнымъ способамъ, а слѣдовательно и полученные въ разныхъ мѣстахъ выводы почти не могутъ быть сравниваемы между собою. Въ доказательство этого г. Вильдъ привелъ тотъ фактъ, что въ Павловскѣ два эвапорометра различнаго устройства и установленные различнымъ образомъ дали въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ столь различныя величины для испаренія, что показанія одного были ровно вдвое больше показаній другаго. Пособіе, полученное Главною Физическою Обсерваторіею отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, дало ей возможность снабдить въ разныхъ частяхъ Имперіи болѣе 20 станцій устроенными, по мысли г. Вильда, эвапорометрами, описанными имъ въ Бюлетенѣ Академіи, и которые могутъ быть употребляемы для наблюденій не только лѣтомъ, но и зимою. Помощью этихъ снарядовъ, установленныхъ по одинаковому способу, полученъ запасъ наблюденій надъ испареніемъ въ Россіи хотя и не обширный, однако могущій исполнѣ служить основаніемъ для сравненій. Обработкою этого матеріала, по порученію г. Вильда, занялся г. Штеллингъ, который и изложилъ результаты своего изслѣдованія въ вышеозначенной запискѣ. Это изслѣдованіе, хотя и основанное на не очень еще большомъ числѣ мѣствъ и числѣ лѣтъ наблюденій, привело однако, относительно годичнаго хода испаренія въ разныхъ частяхъ Россіи, къ выводамъ, свыше ожиданія интереснымъ, которые дѣлаютъ весьма желательнымъ еще большее размноженіе наблюденій надъ этимъ важнымъ метеорологическимъ элементомъ. Не только годичныя амплитуды, но и распредѣленіе испаренія по мѣсяцамъ весьма значительно измѣняются отъ сѣверо-западныхъ частей Имперіи до степей южной Россіи и до области мусоновъ Восточной Азіи. Эти измѣненія весьма удовлетворительно объяснены г. Штеллингомъ помощью извѣстныхъ доселѣ законовъ годичнаго хода температуры и сырости воздуха въ этихъ же мѣстностяхъ. Въ высшей степени интересно приведенное, въ заключеніи этой работы, сравненіе количества испаренія съ количествомъ атмосферныхъ водяныхъ осадковъ (дожда и снѣга); въ этомъ отношеніи Петербургъ и Павловскъ съ одной стороны, а съ другой — Петро-Александровскъ и Нукусъ на Амударьѣ — представляютъ собою крайнія противоположности: въ то время, какъ у насъ количество атмосферныхъ водяныхъ осадковъ во всѣ времена года значительно превосходитъ количество испареній, уносящихся съ поверхности воды въ тѣни, на Амударьѣ, на оборотъ, эти испаренія, по количеству своему, во всѣ времена года значительно пре-

вышаютъ массу атмосферныхъ осадковъ.—Положено записку г-на Штеллинга напечатать въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академики Ф. В. Овсянниковъ, Л. П. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили, съ одобреніемъ для напечатанія въ Мемуарахъ Академіи, записку г. Мейра о сперматогенезисѣ у млекопитающихъ (*Die Spermatogenese bei den Säugethieren*).

Адъюнктъ А. С. Фаминцынъ представилъ, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Монтеверде объ исторіи развитія *orchis maculata* (*Recherches embryologiques sur l'Orchis maculata*).

Академики Г. И. Вильдтъ и А. В. Гадолинъ представили записку г. Хвольсона объ общей теоріи магнитныхъ успокоителей (*Allgemeine Theorie der magnetischen Dämpfer*). — При этомъ они изложили, что предложенное впервые Гауссомъ приблизительное дифференціальное уравненіе движенія качающейся магнитной стрѣлки служило основаніемъ для вычисленія всѣхъ послѣдующихъ наблюденій по этой части. Но при опытахъ, произведенныхъ г. Вильдомъ въ Павловскѣ, лѣтомъ 1878 г., съ цѣлью опредѣлить магнитное наклоненіе индукціоннымъ методомъ Вебера, приближеніе, доставляемое означеннымъ уравненіемъ, оказалось недостаточнымъ, при чемъ была дознана и самая причина этой неточности, заключающаяся въ зависимости одного коэффициента, принимавшагося за постоянный, отъ удлиненія стрѣлки. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость этого коэффициента была экспериментально доказана, при чемъ однако не удалось опредѣлить видъ функціи. Въ запискѣ г. Хвольсона представленной Отдѣленію весною прошлаго года и за тѣмъ появившейся въ Мемуарахъ Академіи, предложены поправки, которыя должны быть вводимы въ вычисленіе показаній качаній магнитной стрѣлки, но только для случая одного, опредѣленнаго предположенія относительно вида этой функціи. Впослѣдствіи оказалось, что тѣ предположенія, которыя были сдѣланы относительно упомянутой функціи въ означенномъ сочиненіи, состоятельны не для всѣхъ случаевъ, такъ какъ ими не могутъ быть объяснены найденныя при опытахъ въ Павловскѣ несогласія съ выводами первоначальнаго приблизительнаго уравненія. Это обстоятельство побудило г. Хвольсона заняться отысканіемъ способа для вывода непосредственно изъ опытовъ необходимыхъ поправокъ, служащихъ для вычисленія формулъ. При этомъ вышеупомянутая функція, которую г. Хвольсонъ называетъ функціею успокоенія, можетъ быть опредѣляема посредствомъ обратнаго рѣ-

шенія. Результаты этого труда изложены г. Хвольсономъ въ запискѣ подъ заглавіемъ «*Общая теорія магнитныхъ успокоителей*», которую сказанные Академики предложили напечатать въ Мемуарахъ Академіи. — Одобрено.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ полученный имъ отъ директора Тифлисской Физической Обсерваторіи Мильберга отчетъ о дѣятельности этой Обсерваторіи за 1879 г.

По § 19-му составленной Академіею и утвержденной г. помощникомъ Его Императорскаго Высочества Намѣстника Кавказскаго инструкции для Тифлисской Обсерваторіи, ея директоръ обязанъ ежегодно доставлять отчетъ объ ученой дѣятельности ввѣреннаго ему учрежденія директору Главной Физической Обсерваторіи, который представляетъ этотъ отчетъ, вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ о немъ, Академіи Наукъ. За тѣмъ Академія сообщаетъ его, съ своимъ заключеніемъ, Главному Управленію Намѣстника Кавказскаго и опредѣляетъ, долженъ ли этотъ отчетъ быть напечатанъ, или нѣтъ, въ приложеніи къ отчету Главной Физической Обсерваторіи.

Въ исполненіе этого постановленія, г. Вильдъ, разсмотрѣвъ Отчетъ г. Мильберга, выражаетъ съ своей стороны полное одобреніе работамъ Тифлисской Обсерваторіи за 1879 г. Такъ какъ новый директоръ ея прибылъ въ Тифлисъ лишь въ третьемъ мѣсяцѣ года, а Обсерваторія, какъ Академіи извѣстно, находилась предъ тѣмъ въ крайне запущенномъ состояніи, то директоръ, конечно, не могъ исполнить въ отчетномъ году всѣ требованія инструкции. Но то, что онъ успѣлъ сдѣлать для приведенія въ порядокъ и улучшенія наблюденій и для возобновленія дѣятельности заведенія во всѣхъ ея частяхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Академія, при назначеніи съ этою цѣлью новаго директора Обсерваторіи, не ошиблась въ своемъ выборѣ, и что, если удастся устранить нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, угрожающія учрежденію, то можно будетъ ожидать отъ него въ будущемъ вполне плодотворной дѣятельности.

Въ настоящее время, не только въ самой Тифлисской Обсерваторіи, но отчасти и въ метеорологическихъ станціяхъ Кавказскаго Намѣстничества, всѣ инструменты: термометры, барометры, анемометры тщательно свѣрены съ привезенными въ Тифлисъ точными копіями нормальныхъ инструментовъ Главной Физической Обсерваторіи. Сверхъ того, въ Тифлисской Обсерваторіи всѣ прочіе приборы исправлены и лучше прежняго установлены и вывѣрены; начаты столь же любопытныя какъ въ научномъ, такъ и въ прак-

тическомъ отношеніяхъ, наблюденія надъ температурою почвы, которыя и ведутся непрерывно съ половины года. Но въ особенности заботы г. Мильберга были обращены на установку и повѣрку магнитныхъ варіаціонныхъ инструментовъ и на производство правильныхъ абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній. Вслѣдствіе этого, мы имѣемъ теперь, впервые послѣ 29 лѣтняго существованія въ Тифлисѣ метеорологической и магнитной обсерваторіи, истинныя среднія величины всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма для этого города за всѣ мѣсяцы, начиная съ іюня 1879 г. — величины, которыя, чрезъ поправку показаній инструментовъ по нормальнымъ приборамъ Павловской Обсерваторіи, получаютъ значеніе истинныхъ абсолютныхъ величинъ.

Въ виду вышеприведеннаго параграфа Инструкціи для Тифлисской Обсерваторіи г. Вильдъ предложилъ напечатать отчетъ г. Мильберга въ приложеніи къ годовичному отчету Главной Физической Обсерваторіи, копию же съ этого отчета, вмѣстѣ съ заключеніемъ Академіи, препроводить Главному Управленію Намѣстника Кавказскаго. — Одобрено.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочпненіе: Dr. W. Dybowski, *Studien über die Spongien des Russischen Reichs*. (Mém. de l'Acad. XXVII, № 6).

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ для свѣдѣнія Академіи экземпляръ циркуляра, разосланнаго отъ имени бюро Международнаго метеорологическаго конгресса, о томъ, что въ сентябрѣ сего года соберется въ Вѣнѣ международная конференція для обсужденія мѣръ къ болѣе дѣятельному приложенію метеорологіи къ земледѣлію и лѣсоводству; при этомъ приложена и програма вопросовъ, которыя предполагается подвергнуть обсужденію конференціи.

засѣданіе 29 апрѣля 1880 года.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и прочелъ четвертую (и послѣднюю) часть своего сочиненія о температурѣ воздуха въ Россіи (*Die Temperatur-Verhältnisse des Russischen Reichs*). — Эта работа будетъ напечатана въ Метеорологическомъ Сборникѣ, въ видѣ приложенія къ оному.

Академикъ О. В. Струве представилъ и прочелъ записку о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ весною 1879 г. надъ кометою

Брорзена (*Beobachtungen des Brorsen'schen Cometen im Frühjahre 1879*).— Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку Ученаго Хранителя Зоологическаго Музея, д—ра А. О. Брандта, о нѣкоторыхъ новыхъ или малоизвѣстныхъ ракообразныхъ животныхъ Средиземнаго моря, полученныхъ Академическимъ Музеемъ отъ извѣстнаго зоолога Филиппи (*Ueber mediterrane Crustaceen aus den Gattungen Stenorhynchus, Achaeus, Inachus, Herbstia und Pisa, unter Benutzung von Materialien des Dr. R. A. Philippi*).

Академики Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили и предложили напечатать въ Бюлетенѣ записку сверхштатнаго Ученаго Хранителя при Зоологическомъ Музеѣ Академіи магистра М. Богданова о двухъ новыхъ видахъ степныхъ куропадокъ, описанныхъ имъ на основаніи матеріаловъ, имѣющихся въ академическомъ музеѣ (*Remarques sur le groupe des Pteroclidés*).— Одобрено.

Тѣ же Академики представили записку дѣйств. ст. сов. Ф. О. Моравица о пчелообразныхъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ Средней Азіи (*Ein Beitrag zur Bienen-Fauna Mittel-Asiens*). Въ этой статьѣ, составленной исключительно по матеріаламъ академическаго музея, а именно по принадлежащимъ ему коллекціямъ Пржевальскаго, Потанина, Доранда, Руссова, Мильберга и Регеля, содержится перечень 182 видовъ Среднеазиатскихъ пчелообразныхъ перепончатокрылыхъ, между которыми нашлось 36 новыхъ.— Эта записка будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ А. М. Бутлеровъ представилъ записку г. Прибытска объ окисленіи эритрита (*Ueber die Oxydationsproducte von Erythris*). Въ этой работѣ авторъ показалъ, своимъ изслѣдованіемъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, эритритъ подвергается окисленію нормально, согласно требованію господствующихъ теоретическихъ представленій, въ мезовинную кислоту. Натура этой послѣдней опредѣлена авторомъ не только посредствомъ анализа, но и превращеніемъ въ виноградную кислоту.— Эта записка будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Г. Монтиньи, при письмѣ изъ Брюсселя отъ 7 апрѣля н. ст. доставилъ восемь изданныхъ имъ записокъ о сверканіи звѣздъ.

ОТДѢЛЕНИЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — Декабрь 1879 года.

Читано письмо П. В. Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясненъ порядокъ расположенія доставленныхъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскихъ пѣсенъ, и испрашиваются дальнѣйшія по этому предмету указанія. По выслушаніи этого письма академикъ Бычковъ изъявилъ готовность пересмотрѣть присланныя г. Шейномъ тетради.

Академикъ Гротъ доложилъ, что, продолжая въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ печатать біографію Державина, онъ въ то же время занимался, для приложенія къ ней, изслѣдованіемъ о языкѣ поэта и составленіемъ по особому плану указателя замѣчательныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ его стихотвореніяхъ. Трудъ этотъ будетъ впоследствии представленъ Отдѣленію.

Академикъ Бычковъ, возвращая взятыя имъ на просмотръ тетради г. Шейна, прочелъ слѣдующій отзывъ: «Собранные г. Шейномъ матеріалы должны быть, по моему мнѣнію, расположены: а) по говорамъ Бѣлорускаго нарѣчія, а не по губерніямъ, и б) въ каждомъ говорѣ въ извѣстной системѣ, то есть сгруппированы въ опредѣленные отдѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что Отдѣленію прежде всего нужно имѣть въ рукахъ тѣ выводы о говорахъ Бѣлорускаго нарѣчія, которые г. Шейнъ извлекъ изъ личныхъ наблюденій и изъ собраннаго имъ матеріала. Затѣмъ было бы весьма желательно, чтобы г. Шейнъ сообщилъ, относятся ли присланные имъ матеріалы по Минской губерніи къ одному говору. Если будетъ полученъ отъ него положительный отвѣтъ, въ такомъ случаѣ распределить матеріалы въ систему будетъ нетрудно. При этомъ при каждой пѣснѣ, сказкѣ и т. п. можетъ быть указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Хорошо было бы получить также свѣдѣніе, нѣтъ ли между собранными матеріалами въ другихъ уѣздахъ такихъ, которые принадлежатъ къ говору, употребляемому въ Минской губерніи, если въ этой губерніи господствуетъ одинъ. Представленные и сгруппированные такимъ образомъ матеріалы дадутъ возможность нанести на карту границы употребленія говора, а это во многихъ отношеніяхъ весьма важно. Отдѣленіе, вполне одобряя этотъ отзывъ, положило сообщить оныи г. Шейну.

По поводу заявленія академика Грота въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій о трудѣ его надъ языкомъ Державина, М. П.

Сухомлиновъ, считая полезнымъ возвратиться къ занимавшей нѣкогда Отдѣленіе мысли о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, прочелъ слѣдующую составленную имъ съ этою цѣлью записку: «Исторія литературнаго языка находится въ неразрывной связи не только съ исторіею литературы, но и съ судьбами народной образованности вообще. Движеніе, совершающееся въ умственной жизни народа, неизбежно отражается и на его литературномъ языкѣ. Сообразно съ этимъ движеніемъ увеличивается запасъ словъ, многія слова получаютъ новое значеніе, измѣняется складъ рѣчи, и т. п. Въ литературномъ языкѣ проявляется своего рода творчество, подобное тому, какое замѣчаютъ въ языкѣ устномъ. По замѣчанію лингвистовъ, одно и то же слово могло быть создано и впервые произнесено въ одно и то же время въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ той внутренней силы, которая врожденна человѣку и составляетъ существенное свойство человѣческой природы. То же самое возможно и въ литературномъ языкѣ: одно и то же слово можетъ явиться подъ перомъ писателей, удаленныхъ другъ отъ друга и мѣстомъ и временемъ, и руководимыхъ единственно чувствомъ языка и потребностію дать мысли своей наибольшее точное выраженіе.

«Независимо отъ постепенной измѣняемости смысла словъ исторія языка должна обращать вниманіе на свойство и количество иностранныхъ словъ, употребляемыхъ писателями различныхъ эпохъ, на выраженія образныя, на любимые эпитеты и другія особенности, рисующія талантъ писателя и литературный вкусъ его времени. Исторія русскаго литературнаго языка слагается изъ данныхъ, добываемыхъ изученіемъ языка отдѣльныхъ писателей. Съ этого и надобно начать». Вслѣдствіе этого академикъ Сухомлиновъ считалъ полезнымъ составить програму для разсмотрѣнія языка отдѣльныхъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ М. И. Сухомлиновъ изложилъ планъ представленнаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Отдѣленіе труда надъ языкомъ Жуковскаго и прочелъ отрывки изъ рукописи этого труда.

Отдѣленіе, находя и съ своей стороны осуществленіе такой мысли весьма желательнымъ, опредѣлило, по дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, приступить на первый случай къ составленію предполагаемой програмы.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую замѣтку: «Въ одномъ изъ предшедшихъ засѣданій предъявля свое переработанное общее повременное обзорѣніе древнихъ памятниковъ русскаго

письма и языка, я выразилъ А. Θ. Бычкову, какъ товарищу, содѣйствовавшему мнѣ своимъ добрымъ участіемъ съ самаго начала моего труда, просьбу предварительно пересмотрѣть этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ и гдѣ что найдетъ опущеннымъ или подлежащимъ поправкѣ, дополнить и исправить. А. Θ. не только не отказался взять на себя эту мелочную работу, но уже сдѣлалъ много важныхъ дополненій и обѣщаль продолжать свои замѣчанія. Считаю по этому долгомъ заявить ему предъ Отдѣленіемъ свою душевную признательность за его научное радушіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляю Отдѣленію свой трудъ для изданія: во 1-хъ, листы изъ Извѣстій 2-го Отдѣленія, гдѣ были помѣщаемы части этого труда, съ поправками и дополненіями, и во 2-хъ, тетрадь вставокъ въ 40 листовъ мною писанныхъ». Положено представленный П. И. Срезневскимъ трудъ препроводить въ тшпографію.

Академикъ Гротъ читалъ выдержки изъ своего труда надъ языкомъ Державина. По связи съ вопросомъ о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, который занималъ Отдѣленіе въ предыдущее засѣданіе, академикъ Срезневскій представилъ рукопись подобнаго труда къ баснямъ Крылова, составленнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вяч. Изм. Срезневскимъ. Рукопись эта была передана на разсмотрѣніе Я. К. Гроту, который, возвращая ее, отозвался, что, по его мнѣнію, напечатаніе этого труда было бы весьма полезно, тѣмъ болѣе, что онъ явился бы первымъ опытомъ подобнаго рода въ нашей литературѣ, при печатаніи же могъ бы еще быть усовершенствованъ и пополненъ составителемъ. Положено возвратить рукопись В. И. Срезневскому для окончательнаго приготовленія ея къ печати.

Адъюнктъ А. И. Веселовскій, представивъ доставленную А. И. Пыпинымъ рукопись: «Старообрядческій Синодикъ», прочелъ нѣкоторыя отрывки изъ нея, съ тѣмъ не признаетъ ли Отдѣленіе полезнымъ напечатать эту рукопись въ академическомъ изданіи. Положено принять ее для напечатанія.

Академикъ Гротъ доложилъ, что при окончательной обработкѣ біографіи Державина ему встрѣтилась надобность просмотрѣть журналы Комитета Министровъ за первое время существованія онаго. Положено просить г. Президента исходатайствовать Я. К. Гроту Высочайшее разрѣшеніе на доступъ въ означенный архивъ.

Академикъ Бычковъ заявилъ, что профессоръ Черновицкаго университета Калужняцкій, занимаясь изслѣдованіемъ о патріархѣ

Евѣиміи, просить о доставленіи ему VI и VII томовъ Извѣстій Отдѣленія. Положено выдать эти томы.

Читано переданное въ Отдѣленіе, по распоряженію г. Президента, письмо къ его сіятельству сенатора С. И. Заруднаго, въ которомъ онъ, представляя экземпляръ своего труда: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ», просить обратить вниманіе Академіи на эту попытку доказать, устраненіемъ иностранныхъ терминовъ, гибкость и отчетливость русскаго языка въ выраженіи понятій, и высказываетъ желаніе, чтобы Академія Наукъ почтила его переводъ какимъ-либо съ этой точки зрѣнія отзывомъ. Рассмотрѣніе труда г. Заруднаго поручено академику Гроту, отзывъ котораго впоследствии былъ одобренъ и напечатанъ въ отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія.

По поводу возбужденнаго въ Отдѣленіи вопроса, не наступило ли теперь время дать ходъ представленной года 1¹/₂ тому назадъ запискѣ А. Н. Пыпина, принятой въ Академіи съ полнымъ сочувствіемъ о предположеніи снарядить ученую экспедицію въ Болгарію, опредѣлено передать эту записку на предварительное обсужденіе въ Императорское Русское Географическое Общество.

Академикъ Гротъ доложилъ, что въ Отдѣленіи получены переданные изъ Общаго Собранія два рукописные тома «Матеріаловъ для русскаго Корнеслова», собранныхъ покойнымъ академикомъ Павскимъ и приведенныхъ въ порядокъ профессоромъ Духовной Академіи Н. И. Барсовымъ. Положено выразить г. Барсову благодарность Отдѣленія за трудъ его надъ этими рукописями, составляющими дорогой памятникъ учености и трудолюбія знаменитаго составителя; самыя же рукописи принять для храненія въ академической Библіотекѣ.

Январь — Май 1880 г.

Адъюнктъ А. Н. Веселовскій доложилъ, что переселившійся въ Петербургъ изъ Болгаріи румынскій уроженецъ г. Сырку предлагаетъ составить, для напечатанія въ *Сборникъ* Отдѣленія, подробное описаніе семи болгарскихъ сборниковъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ съ приложеніемъ хромофотографированныхъ образцовъ и съ извлеченіями

изъ сборниковъ пѣлыхъ сказаній неизвѣстныхъ доселѣ или представляющихъ значительную разницу съ редакціями изданныхъ уже апокрифовъ. Отдѣленіе, находя такой трудъ весьма полезнымъ, опредѣлило, прежде окончательнаго рѣшенія вопроса, просить г. Сырку представить образцы означенныхъ сборниковъ на просмотръ Отдѣленія, при чемъ однакожь сообщить ему, что такъ какъ рукописи относятся ко времени не ранѣе XVII столѣтія, то едва ли нужно будетъ прилагать хромолютографированные снимки.

Затѣмъ А. Н. Веселовскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ продолжаетъ свой трудъ объ источникахъ русскихъ духовныхъ стиховъ и приготовляетъ къ изданію третій отдѣлъ — объ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ.

Академикъ Гротъ представилъ переплетенные по опредѣленію Отдѣленія въ двухъ большихъ томахъ и книжкѣ малаго формата рукописные «Матеріалы Павскаго для объясненія коренныхъ словъ посредствомъ иностранныхъ», недавно принесенные въ даръ Академіи Наукъ наследниками знаменитаго филолога и приведенные въ порядокъ профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Барсовымъ. Положено рукопись эту препроводить, для храненія и общаго пользованія, въ 1-е Отдѣленіе академической Библиотеки.

Академикъ Гротъ, доложивъ, что занимающій нынѣ въ Берлинскомъ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій профессоръ Ягичъ въ письмѣ на имя его окончательно изъявилъ свое согласіе на избраніе его въ члены Отдѣленія р. яз. и сл. на мѣсто недавно умершаго И. И. Срезневскаго, прочелъ составленную вслѣдствіе того записку объ ученыхъ трудахъ Игнатія Викентьевича Ягича. Положено, по произведенной въ Отдѣленіи балотировкѣ, представить эту записку въ Общее Собраніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено: составить записку о трудахъ адъюнкта Академіи А. Н. Веселовскаго для представленія его въ кандидаты на званіе экстраординарнаго академика.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 8 ЯНВАРЯ 1880 Г.

Директоръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ баронъ Ѡ. А. Бюлеръ, отношеніемъ отъ 18 декабря, увѣдомляетъ, что онъ предпринялъ составленіе «Историческаго атласа Москвы», и проситъ Академію оказать ему содѣйствіе въ этомъ предпріятіи доставленіемъ ему на нѣкоторое время имѣющихся въ академической Библіотекѣ старинныхъ плановъ Москвы, преимущественно сдѣланныхъ отъ руки, а также сообщеніемъ своихъ замѣчаній относительно предпріятого имъ труда.—Отдѣленіе, изъявивъ свою готовность содѣйствовать этому полезному труду, поручило Академикъ А. А. Куніку навести справку о томъ, не имѣется ли въ Библіотекѣ Академіи и ея музеяхъ старинныхъ плановъ Москвы, съ тѣмъ, что если такіе найдутся, то они будутъ сообщены барону Бюлеру для временнаго пользованія.

Императорское Одесское Общество исторіи и древностей, при отношеніи отъ 8 декабря, доставило персидскую рукопись, подъ заглавіемъ: Китаби-Хосревъ-ве-Харвнэ, съ 40 картинками, которая отъ давности времени и отъ сырости пришла въ ветхость, при чемъ страницы ея перепутались. вмѣстѣ съ тѣмъ Общество, по немѣнню въ Одессѣ ориенталиста, проситъ Академію рассмотреть эту рукопись и привести ея страницы въ надлежащій порядокъ, по нумераціи. — Положено передать адъюнкту барону В. Р. Розену.

ЗАСѢДАНІЕ 22 ЯНВАРЯ 1880.

Дѣйств. тайн. сов. Н. К. Гирсъ, при письмѣ отъ 17 января, доставилъ экземпляръ отпечатаннаго, по распоряженію Министерства Иностранныхъ дѣлъ, французскаго перевода донесенія профессора Норденшельда о возможности торговаго мореплаванія въ Сибирскихъ водахъ Ледовитаго Океана (*Rapport présenté à Sa Majeste le Roi de Suède et de Norvège par le professeur A. E. Nordenskjöld sur la possibilité de la navigation commerciale dans la mer glaciale de Sibérie. St. Pétersb. 1880*). Положено изъяснить Н. К. Гирсу благодарность Академіи за доставленіе этого интереснаго сочиненія, которое помѣститъ въ Библіотеку Академіи.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ читалъ свое донесеніе о разсмотрѣнной имъ, по порученію Отдѣленія, персидской рукописи,

принадлежащей Одесскому Обществу Исторіи и Древностей. — Положено копию съ этого донесенія сообщить означенному Обществу, съ возвращеніемъ самой рукописи.

Академикъ Б. А. Дорнъ донесъ, что Императорская Археологическая Комисія передала ему для Азіятскаго музея Академіи, доставленные г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ 327 цѣльныхъ и 26 обломковъ желѣзныхъ штампъ хивинскихъ монетъ, конфискованныя во дворцѣ Хивинскихъ хановъ во время Хивинскаго похода 1873 г. — Положено выразить Археологической Комисіи благодарность Академіи за такое обогащеніе ея Музея.

Академикъ Б. А. Дорнъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что Азіятскій музей Академіи получилъ въ даръ отъ д-ра Эйтинга, изъ Страсбурга, 33 Пуническихъ надгробныхъ камней съ надписями. По свидѣтельству г. Дорна, подобные камни могли бы служить украшеніемъ вообще для каждаго музея, а для академическаго музея они составляютъ въ особенности важное приобрѣтеніе, такъ какъ въ немъ вовсе не имѣлось финикійскихъ памятниковъ; къ тому же, пожертвованные г. Эйтингомъ камни, за исключеніемъ двухъ, суть оригиналы тѣхъ памятниковъ, которые описаны имъ въ № 3 тома XVII Мемуаровъ Академіи. Что касается до стоимости этихъ камней, то, по мнѣнію г. Дорна, опредѣлить ее трудно; можно только замѣтить, что при пересылкѣ ихъ въ Петербургъ они были застрахованы въ 3000 марокъ.

ЗАСѢДАНІЕ 4 МАРТА 1880 Г.

Академикъ А. А. Куникъ представилъ записку, подъ заглавіемъ: *Переселеніе Русскихъ изъ Галиціи въ Венгрію, по мысли князя Котляревскаго короля Бѣлы IV.* — Она будетъ напечатана въ видѣ прибавленія къ печатаемымъ Академіею посмертнымъ трудамъ С. А. Гедесона.

Академикъ М. П. Броссе представилъ письмо къ нему члена-корреспондента Академіи Д. З. Бакрадзе изъ Тифлиса, отъ 6 февраля, содержащее въ себѣ предварительное сообщеніе о результатахъ поездки, сдѣланной въ минувшемъ году, по порученію Академіи, съ археологическою цѣлью, въ Багуй, Арбанъ и Артануджу. — Положено извлеченіе изъ этого письма напечатать въ Запискахъ.

Доложено, что, со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія, окончены печатаніемъ и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія: 1) Доклады и приложенія, составившіяся къ Прознанію въ степи черноморскія.

Семать въ царствованіе Петра Великаго, изд. подъ редакціей Н. В. Калачова и 2) F. I. Wiedemann, Syriänisch-Deutsches Wörterbuch.

Д. З. Бакрадзе, письмомъ изъ Тифлиса отъ 6 февраля, благодарить за его избраніе въ члены-корреспонденты Академіи и увѣдомляетъ о полученіи диплома на это званіе.

ЗАСѢДАНІЕ 18 МАРТА 1880 Г.

Академикъ Б. А. Дорнъ представилъ и прочелъ записку о монетахъ бывшихъ туркестанскихъ хановъ (*Ueber die Münzen der Heke oder ehemaligen Chane von Turkestan*).—Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Адъюнктъ бар. В. Р. Розенъ представилъ начало предпринятаго имъ труда объ арабскихъ рукописяхъ Азіятскаго Музея Академіи (*Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique de l'Acad. Imp. des Sciences*), причемъ изложилъ планъ, принятый имъ въ основаніе этого сочиненія, и замѣтилъ, что оно составитъ собою отъ 12 до 15 листовъ.

Академикъ К. С. Веселовскій представилъ и предложилъ напечатать въ Запискахъ Академіи изслѣдованіе Ординатора Акушерскаго Отдѣленія факультетской клиники Казанскаго университета А. Н. Котовщикова *о смертности роженицъ и родильницъ*.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ записку члена-корреспондента Академіи, Мориса Шмидта, о нѣкоторыхъ исправленіяхъ текста Софокловой трагедіи «Трахинянки» (*Textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen*).—Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Непремѣнный секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что современи послѣдняго засѣданія отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ первый выпускъ второй части сокращеннаго Санскритскаго Словаря Академика Бетлинга.

Академикъ Л. Э. Стефани представилъ отъ имени почетнаго члена Академіи, Предсѣдателя Императорской Археологической Комисіи, Графа С. Г. Строганова *Отчетъ Комисіи за 1877 годъ*, съ атласомъ литогр. рисунковъ.

ЗАСѢДАНІЕ 8 АПРѢЛЯ 1880 Г.

Академикъ Б. А. Дорнъ сообщилъ, что опредѣленіемъ Отдѣленія отъ 24 апрѣля 1879 г. было положено набрать и напечатать въ видѣ корректуры извлеченія изъ Оксфордской рукописи сочиненія Гардизи: *Замъ-уль-акбаръ*, сдѣланныя г. Дорномъ въ 1879 г.

и содержація въ себѣ свѣдѣнія о древнихъ русахъ, славянахъ болгарахъ и другихъ народахъ, причѣмъ имѣлось въ виду облегчить чрезъ это вторичную провѣрку этихъ извлеченій. Хотя адъютантъ баронъ В. Р. Розенъ, во время прошлогодняго пребыванія своего въ Оксфордѣ, и сдѣлалъ такую провѣрку, однако вопросъ продолжалъ оставаться въ прежнемъ положеніи: текстъ сочиненія представлялъ столько непреодолимыхъ трудностей, что г. Дорнъ долженъ былъ медлить исполненіемъ своего намѣренія издать текстъ хотя бы только въ видѣ рукописи, сдѣлать же переводъ извлеченій можно было бы только по этому, очень искаженному тексту. Въ настоящее время затрудненія, происшедшія отъ изложенныхъ обстоятельствъ, по большей части устранены. Узнавъ о существованіи другой рукописи Гардизи, принадлежащей маіору Г. Дж. Раверти, въ Англіи, г. Дорнъ обращался къ нему съ просьбою о сличеніи его выписокъ съ означенною рукописью. Это сличеніе, произведенное г. Раверти съ величайшею услужливостію, привело къ тому, что теперь представляется возможность дать вполне понятный текстъ и такой же переводъ его, хотя было бы полезно сличить текстъ еще съ какою либо третьею, хорошею рукописью. Положено напечатать трудъ г. Дорна въ Мемуарахъ Академіи.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ и прочелъ рядъ критическихъ замѣчаній на Омпра и другихъ греческихъ писателей (*Kritische Bemerkungen, VIII*).—Они появятся въ Бюлетенѣ Академіи.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, отношеніемъ отъ 17 марта, благодаритъ Академію за приведеніе въ порядокъ и разсмотрѣніе принадлежащей Обществу персидской рукописи.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕСОРА Н. В. ЯГИЧА,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая вознаградить потерю, недавно понесенную имъ въ лицѣ И. И. Срезневскаго, остановило свое вниманіе на пзвѣстномъ своими учеными трудами по славянской филологіи хорватскомъ уроженцѣ г. Ягичѣ, нынѣ ординарномъ професорѣ славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ университетѣ и издателѣ журнала: Archiv für slavische Philologie.

Игнатій Викентьевичъ Ягичъ родился въ 1838 году въ городѣ Загребѣ (Аграмѣ). По окончаніи полнаго курса наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, гдѣ онъ, между прочимъ, слушалъ Миклошича, Боница и Фалена и выдержалъ полный учительскій экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ, онъ въ 1860 году занялъ мѣсто преподавателя этихъ языковъ въ Загребской гимназіи.

Уже въ 1861 году вступилъ онъ и на ученое поприще своимъ «Замѣчаніями о сербской народной поэзіи» съ формальной точки зрѣнія, то-есть о красотѣ изложенія, о языкѣ и поэтическихъ выраженіяхъ. Этотъ трудъ былъ напечатанъ въ програмѣ Загребской гимназіи; въ слѣдующемъ году г. Ягичъ помѣстилъ въ такой же програмѣ статью о склоненіи существительнаго имени, какъ оно развилось историческимъ путемъ въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и хорватскомъ языкахъ. Въ 1863 году появилось, въ книгѣ «Тысячелѣтіе св. Апостоловъ Кирилла и Меѳодія», его изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ евангелія. Къ 1864 году относятся нѣсколько трудовъ професора Ягича: 1) Въ обширномъ обзорѣ исторіи и литературы южныхъ Славянъ, вошедшемъ въ составъ

Чешскаго энциклопедическаго словаря, ему принадлежит все относящееся къ исторіи языка и литературы Хорватовъ и Сербовъ, и до сихъ поръ еще не имѣется болѣе подробнаго изложенія этого предмета въ полномъ обзорѣ. 2) По порученію австрійскаго правительства, составлена и издана г. Ягичемъ грамматика хорватскаго языка на основаніи церковно-славянскаго, ч. I, въ которой хорватская фонетика впервые разсмотрѣна исторически. Эта грамматика еще и теперь служитъ учебникомъ въ высшемъ класѣ гимназическаго курса. Въ дополненіе къ этому труду онъ же издалъ, частію въ томъ же году, частію въ 1865 и 66, два тома образцовъ древне-хорватскаго языка по памятникамъ глаголической и кирилловской письменности; во второмъ томѣ большая часть примѣровъ извлечена изъ рукописей; текстъ снабженъ введеніями и примѣчаніями. Кромѣ того въ 1864 году г. Ягичъ принялъ участіе въ основаніи литературнаго журнала *Knjževnik* и сдѣлался главнымъ редакторомъ его, завѣдывая филологическою частью. Съ этихъ поръ, въ теченіе трехъ лѣтъ, и здѣсь стали часто появляться труды Игнатія Викентьевича, въ числѣ которыхъ замѣтимъ: *Наша орографія*; *Изъ прошлаго хорватскаго языка, гдѣ между прочимъ помѣщенъ самый подробный разборъ дѣятельности Вука Стеч. Караджича, а также разсмотрѣны сочненія многихъ сербскихъ ученыхъ.* Далѣе: *разборъ эпоса «Сирена», графа Зриньскаго, съ обширными извлеченіями и подробнымъ анализомъ его языка;— обзорѣніе хорвато-сербской литературы за послѣдніе годы;— обзорѣніе археологическихъ памятниковъ Загребскаго музея съ изложеніемъ относящихся къ этой отрасли вѣдѣнія научныхъ вопросовъ;— разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича, и многія другія статьи, которыя для краткости здѣсь не исчисляются.*

Въ то же время къ изданію Ассеманова Евангелія, напечатанному глаголическимъ шрифтомъ подъ редакцію д-ра Рачскаго, профессоръ Ягичъ написалъ обширное введеніе, въ которомъ текстъ этого памятника разобранъ съ грамматической, лексической и критической точкою зрѣнія.

Столь многочисленные труды г. Ягича не могли остаться незамѣченными въ ученомъ мірѣ. Въ 1866 году онъ былъ утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ учрежденной въ Загребѣ Югославянской Академіи наукъ и искусствъ, гдѣ вскорѣ получилъ званіе профессора; затѣмъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ обществъ въ славянскихъ земляхъ; въ 1868 году избранъ членомъ корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго

языка и словесности, а въ 1870 году удостоенъ отъ С.-Петербургскаго университета степени доктора славянской филологіи.

Между тѣмъ дѣятельность г. Ягича болѣе и болѣе развивалась: въ 1867 году онъ издалъ отдѣльно исторію древняго періода сербско-хорватской литературы, которая вскорѣ была переведена на русскій языкъ и издана въ 1871 году въ Казани.

Съ 1867 по 1870 годъ продолжалось сотрудничество его въ изданіяхъ Юго-славянской академіи, при которой онъ одно время состоялъ вторымъ секретаремъ, бывъ прежде секретаремъ иллірійской матицы. Почти въ каждой книгѣ «Рады» Юго-славянской академіи, особливо въ первые годы этого изданія, находятся болѣе или менѣе обширныя статьи г. Ягича, преимущественно критическаго и библиографическаго характера, какъ напримѣръ разборъ исторіи сербской литературы, Новаковича, разборъ новѣйшихъ трудовъ Миклошича, некрологъ Шлейхера. Тутъ же появились и нѣкоторыя изслѣдованія г. Ягича, какъ то: Сравнительная мифологія, по поводу сочиненія Афанасьева; — Новѣйшая вокализація въ сербско-хорватскомъ языкѣ (сочиненіе, вышедшее также отдѣльнымъ изданіемъ); — Паралель между лирикой трубадуровъ и древнѣйшими произведеніями лирической поэзіи въ Рагузѣ; — Паралель между удареніемъ сербо-хорватскимъ и греческимъ, латинскимъ, литовскимъ и латышскимъ; — Матеріалы для исторіи славянской народной поэзіи (вышли также отдѣльнымъ изданіемъ и переведены на русскій языкъ въ Славянскомъ Ежегодникѣ Задерацкаго, въ Кіевѣ).

Професоръ Ягичъ участвовалъ также въ издаваемомъ Юго-славянской академіей журналѣ «Старины» съ самаго основанія его въ 1869 году, помѣстивъ въ немъ тексты нѣкоторыхъ древне-хорватскихъ памятниковъ, а также «описанія и извлеченія изъ разныхъ южно-славянскихъ рукописей», трудъ, который появился и отдѣльнымъ изданіемъ. Онъ принималъ кромѣ того участіе въ изданіи тою же академіей древнихъ писателей сербско-хорватской литературы, предпріятіи, для котораго ему поручено было составить програму. Первый томъ былъ напечатанъ подъ его надзоромъ, и ему принадлежитъ критическій отдѣлъ этого тома; II и III томы изданы исключительно имъ; части IV и V томовъ вышли подъ его редакціей.

Наконецъ и въ Бѣлградскомъ «Гласникѣ» есть два памятника, изъ которыхъ одинъ отчасти, а другой вполне приготовлены къ печати г. Ягичемъ.

Въ 1871 году, по избранію совѣта Императорскаго Новороссій-

скаго университета, Игнатій Викентьевичъ занялъ въ немъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, кафедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, и въ томъ же году командированъ былъ на годъ въ путешествіе по Россіи и за границу для усовершенствованія себя въ санскритскомъ и русскомъ языкахъ, и вскорѣ по возвращеніи, въ 1872 году, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Новоросійскаго университета.

Въ отношеніи къ русскому языку профессору Ягичу, уже прежде изучившіи его, достигъ цѣли своего путешествія въ такой степени, что могъ уже совершенно свободно владѣть этимъ языкомъ не только на письмѣ, но и въ устномъ употребленіи. Однакожъ въ этотъ разъ ему не суждено было прочно водвориться въ Россіи. Въ предыдущіе годы замѣчательная дѣятельность его по славянской филологіи обратила на него вниманіе и германскихъ ученыхъ. Еще въ 1871 году онъ удостоенъ былъ Лейпцигскимъ университетомъ степени доктора философіи; а въ 1874 г., по учрежденіи въ Берлинскомъ университетѣ кафедры славянскихъ нарѣчій, приглашенъ занять ее въ званіи ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего въ октябрѣ помянутаго года и испросилъ увольненіе отъ службы въ Новоросійскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того начинается новая и наиболѣе видная дѣятельность профессора Ягича въ области филологической литературы. Издавъ еще въ 1871 году въ Загребѣ изслѣдованіе «Das Leben der Wurzel *dě* in den slavischen Sprachen», онъ съ 1875 года предпринялъ изданіе журнала «Archiv für slavische Philologie», который, продолжаясь уже 4 года, доставилъ ему почетное имя въ европейской наукѣ.

Было бы слишкомъ долго поименовывать всѣ многочисленныя его изслѣдованія, критическіе разборы, краткія замѣтки и библиографическія обзорѣнія, появлявшіеся въ каждомъ выпускѣ этого изданія, и свидѣтельствующіе о многостороннемъ филологическомъ образованіи автора, о его критическомъ умѣ и обширности обнимаемаго имъ круга изслѣдованій. Болѣе крупныя изъ статей его, помѣщенныхъ въ «Архивѣ», исчислены въ перечнѣ, приложенномъ къ настоящей запискѣ. Уваженіе, заслуженное имъ чрезъ это изданіе въ ученомъ мірѣ, выразилось между прочимъ избраніемъ его: въ 1877 году членомъ Королевскаго Общества наукъ въ Прагѣ, въ 1878 г. ординарнымъ академикомъ Краковской Академіи наукъ и почетнымъ членомъ Археологическаго Общества Siscia въ Кроаціи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о двухъ памятникахъ, въ

недавнее время критически изданныхъ професоромъ Ягичемъ: одинъ съ изслѣдованіемъ на латинскомъ языкѣ—*Зографское Евангеліе* (Берлинъ 1879), другой—*Законъ Винодомскій* съ русскимъ переводомъ, критическими и филологическими замѣчаніями на русскомъ языкѣ. Последнее напечатано въ Петербургѣ Обществомъ любителей древней письменности.

По роду дѣятельности г. Ягича, по его основательному знакомству съ русскимъ языкомъ и предшествовавшимъ обстоятельствамъ его жизни, давно сблизившимъ его съ Россією, естественно было, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности увидѣло въ немъ ученаго, имѣющаго всѣ данныя, чтобы сдѣлаться въ Академіи достойнымъ преемникомъ И. И. Срезневскаго, и потому поспѣшило войти въ сношенія съ Игнатіемъ Викентьевичемъ, который и изъявилъ полное свое согласіе на это избраніе. Нынѣ, по произведенной въ ономъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единогласному положительному результату, Отдѣленіе имѣетъ честь предложить г. Ягича кандидатомъ на избраніе въ экстраординарные академики и при этомъ позволяетъ себѣ надѣяться, что Общее собраніе въ таковомъ отступленіи отъ обычной постепенности, которому въ академической практикѣ было уже не мало примѣровъ, не усмотритъ препятствія къ обогащенію силъ Академіи приобрѣтеніемъ столь заслуженнаго и полезнаго сочлена.

Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій П. В. Ягича.

1861. Pabirci po cvieću našego narodnoga pjesništva, въ Programъ Загребской гимназіи 1861, 4°. 21 стр.
1862. Deklinacija imena samostavnoga kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku, въ Programъ той же гимназіи 1862, 4°. 15 стр.
1863. Evangelije u slovenskom prievodu. Historičkofilologički nacrt, въ книгѣ Tisućnica slovenskih apostolah sv. Cirila i Metoda 4°, 29—66.
1864. Статья Jihoslované въ чешскомъ словарѣ Naučný slovník (тоже отдѣльно, 16°, XV, 419).
- Gramatika jezika hèrvatskoga, osnovana na starobulgarskoj slovenštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu 1864, 8°, IV, 89.
- 1864—1866. Primèri starohèrvatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih knjizevnih starinah, sastavljeni za sedmi i osmi gimnazijalni

- razred. Dio pèrvi. Uvod i primèri staroslovenski, u Zagrebu 1864, 8°. 101, IV. Dio drugi. Uvod i primèri starohèrvatski, u Zagrebu 1866, 8°. XXVI, 192.
1865. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar, iznese ga na svjetlo Dr Franjo Rački, u Zagrebu 1865. lex. 8°. Uvod. I — CXIX. Въ этомъ изданіи введеніе проф. Ягича стр. XII—XCIX.
- 1864—1866. Въ трехъ томахъ журнала Književnik, издававшася подъ редакцію г. Ягича, появились статьи его:
- Годъ I, 1864. Naš pravopis. 1—34, 151—180.
- Primjetbe na Odgovor na Naš pravopis, 186—187.
- Jz prošlosti hrvatskoga jezika, 332—58, 447—85.
- Годъ II, 1865. Slovjensko jezikoslovje. Kratak historičko-filološki nacrt, стр. 78—95, 348—379, 506—537.
- Primjetbe k našoj sintaksi, стр. 176—196.
- Разборъ соч. Вебера (300—1), Миклошича (437—441), Даничица (441—449), Эрбена (449—50), Любича (567—572), Старцевица (572—94), изданія нар. пѣсенъ Матицы Дазматинской (574—5).
- Въ библиогр. извѣстіяхъ переведено путешествіе Коларжа въ Москву (143—146), новѣйшія данныя о Босиѣ (308—9), составл. статья о положеніи триединаго королевства въ европ. статистикѣ (455—7), сообщена замѣтка о древне-сербскомъ текстѣ Александра В. (459).
- Годъ III, 1866. Adrianskoga mora Sirena, hrvatski epos XVII vièka priopćio V. Jagić 336—407. (Разборъ эпоса «Сирена» графа Петра Зриньскаго).
- Cirilski zbornik XVI—XVII stoljeća 121—131.
- Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih Slovjena, 293—297: извлечение съ примѣч. изъ «Древнихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», соч. Срезневскаго.
- Štampana hrvatska knjiga XVI vicka. 306—9.
- Kratak priegled hrvatskosrbske književnosti od posljedne dwie—tri godine. 552—585.
- Starine i njihovo znamenovanje. 48—74.
- Разборъ сочиненія Пыпина и Пасовича (152—156), статей помѣщенныхъ въ проаммахъ хорв. гимназій (310—316), серб. перевода Бауленштейна (157—160).
1867. Historija književnosti naroda hrvatskoga u srbskoga. Knjiga prva; Stara doba, u Zagrebu 1867. 8°. 204. Русскій переводъ:

- Исторія сербско-хорватской литературы В. Ягича. Казань 1871, 8°. 243.
1868. Prilozi k historiji kniževnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, na svièt izdao V. Jagić, u Zagrebu 1868. 8°. 84. Первоначальн. напечат. въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, кн. IX.
- 1867—1870. Прочитавъ публичную лекцію въ первомъ публичномъ засѣданіи новоучрежденной Юго-славянской академіи наукъ, И. В. Ягичъ помѣстилъ въ «Радѣ» слѣдующія свои статьи:
- Кн. I. Разборъ Исторіи сербской литературы Ст. Новаковича. 236—242.
- Кн. II. Gradja za glagolsku paleografiju. 1—36.
- Кн. V. Novija djela Miklošičeva. 209—229.
- Кн. VI. August Šlajher, nekrolog. 180—204.
- Кн. VIII. Komparativna mitologija (по поводу соч. Афанасьева) 188—200. Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. I. Sreznevskoga. 200—210.
- Кн. IX. Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku. 65—156. (Вышло и отдѣльнымъ изданіемъ).
Trubaduri i najstariji hrvatski lirici, 202—234.
- Кн. XI. Разборъ сербской библиографіи, изданной Ст. Новаковичемъ, 260—265.
- Кн. XII. Извѣстіе о путешествіи въ Далмацію съ научной цѣлью, 227—229.
- Кн. XIII. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju, 1—17.
- Кн. XIV. Napredak slovinske filologije poslednjih godina. 169—189. (Продолженіе въ книгѣ XVII. 172—208).
- Кн. XVIII. Критическій разборъ біографіи Крижанпча, написанной Безсоновымъ, 164—205.
- Кн. XXXVII. Gradja za historija slovinske narodne poezije. 33—138. (вышло также отдѣльнымъ изданіемъ, переведено на русскій языкъ).
Въ Старіне помѣщены слѣдующіе труды проф. Ягича:
- Кн. I (1869): Ogledi stare hrvatske proze (три текста, писанные на чакавскомъ нарѣчій). 216—236.
- Кн. III (1871) Život Aleksandra Velikoga (сербско-хорватскій текстъ средневѣковаго перевода, по разнымъ спискамъ) 208—33. (Вышло также отдѣльнымъ изданіемъ).
- Кн. V (1873). Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa 1—109.

- Кн. VI (1874) и кн. IX (1877). Продолженія *Opisi*. 60 — 157 и 91—172. (Три части описаній вышли и отдѣльно подъ тѣмъ же заглавіемъ, и *Zagrebu* 1873—1877. 8°. 281).
- Кн. X (1878). Новый рядъ *opisi i izvodi* (81—157), вышедшій и отдѣльно.
- Къ изданію древнихъ сербско-хорватскихъ писателей (*Stari pisci*) составлена г. Ягичемъ программа (см. I. *Predgovor*) и подъ его надзоромъ вышла:
- Томъ I, — сочиненія Марка Марулича, приготовленный для печати И. Кукулевичемъ, но, какъ видно изъ предисловія, критическая часть принадлежитъ проф. Ягичу. О томахъ II и III см. заниску о его трудахъ. Въ IV томѣ стр. 1—79, въ V томѣ стр. 1—109 вышли подъ его редакцію.
- Въ бѣградскомъ Гласникѣ, кн. XL (1874) издано имъ: Још нешто о животу светога ђурђа Кратовца. 121 — 132. (Прибавл. къ изданному въ XXI кн. Гласника тексту).
- Въ кн. XLII (1875) Гласника: Константинъ философ и ѡегов живот Стефана Лазаревића деспота српскога, по двѣма српско-словенскимъ рукописима издао В. Јагичъ 223—328. Исправци и додатци 372—377.
- На нѣмецкомъ языкѣ издалъ пр. Ягичъ:
- Въ 1871 году *Das Leben der Wurzel de in den slavischen Sprachen*. Agram. 1871, 8°. 73.
- Съ 1875 г., въ 4-хъ томахъ *Archiv für slavische Philologie*, помѣщены слѣдующія его изслѣдованія, не считая болѣе мелкихъ статей:
- Studien über das altslovenisch - glagolitische Zographos-Evangelium*. I. 1—56. II. 201—269.
- Die christlich mythologische Schicht in der russischen Volksepik* I. 82—134.
- Eine serbische Kuhhautsage (mit Anmerkungen von R. Köhler)* I. 153—155.
- Aus dem südslavischen Märchenschatz (mit Anmerk. von R. Köhler)*. I. 267—280, II. 614—642.
- Dunav-Dunaj in der slav. Volkspoesie*. I. 229—334.
- Über einige Erscheinungen des slav. Vocalismus* I. 337—412.
- Bibliographische Übersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Philologie*. I. 465—608.

Condemnatio uvae. Ein serb.-sloven. Text verglichen mit der griech. Originalerzählung I. 611—617.

Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtl. Einleitung. II. 1—110.

Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dijak und ihre Erklärung II. 437—482.

Zum litoslavischen Sprachschatz II. 396—399.

Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen II. 399—400.

Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus III. 95—108.

Die Fälschungen in der Mater Verborum des Prager Codex III. 112—124.

Wie lautete ж bei den Bulgaren? III. 312—358.

Das Datum des Statutes Vinodol IV. 78—86.

Die neuesten Forschungen über die slav. Apostel Cyrill und Methodius IV. 97—128. 297—317.

Die südslav. Volksepik vor Jahrhunderten IV. 192—243.

Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden l in u IV. 386—397.

Woher das secundäre a? IV. 397—412.

Mythologische Skizzen. IV. 412—427.

1879. Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus. Berolini. 4°. XLV, 174.

1880. Законъ Винодольскій. С.-Петербургъ. 4°. 152.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ АДЪЮНКТА АКАДЕМИИ НАУКЪ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Въ 1877 году, послѣ кончины академика Никитенко, членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ былъ, въ званіи адъюнкта, профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Николаевичъ Веселовскій, уже тогда пріобрѣтшій въ ученомъ мірѣ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіями и открытіями въ области западно-европейской, преимущественно средненѣковой литературы, которыми онъ при всякомъ случаѣ пользовался для освѣщенія исторіи отечественной словесности сличеніемъ русскихъ сказаній и памятниковъ съ иностранными. Таковъ былъ главный характеръ ученой дѣятельности нашего новаго сочлена, подробно развитый покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ составленной имъ тогда запискѣ о трудахъ г. Веселовскаго.

Съ тѣхъ поръ эта дѣятельность Александра Николаевича продолжалась съ тою же энергіею и въ томъ же господствующемъ направленіи, съ тою только разницею, что онъ еще болѣе прежняго руководствовался въ ней заботою о примѣненіи добытыхъ изученіемъ западной литературы результатовъ къ объясненію явленій духовной жизни славянскихъ народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе изъ изслѣдованій г. Веселовскаго за послѣдніе годы, какъ можно видѣть изъ приложеннаго къ настоящей запискѣ перечисленія трудовъ его, напечатанныхъ въ 1878 и 1879 годахъ. Изъ нихъ достаточно будетъ здѣсь указать на слѣдующіе: 1) Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ; 2) Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и италіянскія поэмы о гибѣнномъ Радо (оба въ Ж. М. Н. II.); 3) Слово о 12-ти снахъ Шахашши по ркп. XV в.; 4) О славянскихъ редакціяхъ одного апо-

- нѣкоторыхъ губерній Россіи». Приложение къ Запискамъ № 4.
 — см. Веселовскій.
- Красускій, М. В., доставляетъ, для соисканія Ломоносовской преміи, сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: «Древность малороссійскаго языка», стр. 395.
- Крыловъ, см. Вяземскій.
- Куникъ, А. А., акад., членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 395.
- рассматриваетъ просьбу Н. И. Мурзакевича о доставленіи въ Одесское Общество исторіи и древностей рукописныхъ картъ Таврической и Екатеринославской губерній, стр. 396.
- членъ комисіи для составленія проекта правилъ о преміи Симбирскаго дворянства, стр. 402.
- «Переселеніе Русинновъ изъ Галиціи въ Венгрію, по вымысламъ нотаріуса короля Бэлы IV», стр. 428.

Л.

- Ланкастеръ, А., библиотечаръ королевской обсерваторіи въ Брюсселѣ, сообщаетъ программу предпринимаемаго имъ, вмѣстѣ съ Ж. Гузо, библиографическаго изданія, стр. 414 и 415.
- Левшинъ, Алексѣй Иракліевичъ, дѣйств. тайн. сов., почетный членъ Акад.; сообщеніе о его смерти, стр. 313.
- Лерхъ, см. Дорнъ.
- Ливенъ, баронъ Вильгельмъ Карловичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, почетный членъ Академіи, сообщеніе о его смерти, стр. 401.
- Лопатинъ, см. Шмидтъ. 7

М.

- Максимовичъ, К. И., акад., членъ комисіи для присужденія преміи К. М. Бэра, стр. 281.
- рассматриваетъ доставленные г. Комаровымъ рисунки Томской флоры, стр. 409.
- см. Овсянниковъ.
- и акад. А. С. Фаминцынъ представляютъ записку почетнаго члена Академіи А. А. Бунге: «Pflanzengeographische Beobachtungen über die

- Familie der Chenopodiaceen», стр. 404 и 405.
- Мартенсъ, см. Шренкъ.
- Мейръ, см. Овсянниковъ.
- Мёллеръ, см. Шмидтъ.
- Мильбергъ, см. Вильдъ.
- Миловидовъ, см. Штраухъ.
- Миндингъ, Ф. Г., профессоръ Дерптскаго университета, избранъ въ почетные члены Академіи, стр. 317 и 318.
- Монтеверде, Н. А. «Исторія развитія *Orchis maculata*», стр. 384—394.
- см. Фаминцынъ.
- Мовтинъ, Ш., въ Брюсселѣ, доставляетъ восемь изданныхъ имъ записокъ о сверканіи звѣздъ, стр. 421.
- Моравицъ, см. Шренкъ.
- Музеи. Анатомическій и Этнографическій преобразовываются въ Музей по антропологии и этнографіи, стр. 338 и 339.
- Мурзакевичъ, см. Куникъ.

Н.

- Наукъ, А. К., акад., представляетъ записку члена-кор. Академіи профессора Морица Шмидта: «Die Paganos der Septem», стр. 343.
- членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 395.
- представляетъ записку М. Шмидта «Textkritischer Beitrag zu den Trachiniarippen», стр. 429.
- «Kritische Bemerkungen, VIII», стр. 430.

О.

- Обручевъ, генераль-адъютантъ, управляющій дѣлами Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, проситъ допустить ротмистра Туганъ-Мирзу-Барановскаго къ занятіямъ бумагами князя Александра Даниловича Меншикова, хранящимися въ Академіи, стр. 402 и 403.
- Овсянниковъ, Ф. В., акад., членъ комисіи для присужденія награды К. М. Бэра, стр. 281.
- записка, составленная имъ, вмѣстѣ съ г. Великимъ: «Zur Inervation der Speicheldrüsen», стр. 415.
- см. Шренкъ.
- Л. И. Шренкъ, К. И. Максимовичъ, А. А. Штраухъ и Ф. Б. Шмидтъ представляютъ записку гг. Данскаго и Костенича: «Ueber

die Entwicklungsgeschichte der Keimblätter und des Wolff'schen Gangs im Hühnerei», стр. 341.

— и А. А. Штраухъ доносятъ о разсмотрѣнной ими запискѣ г. Вольфсона «объ эмбриональномъ развитіи *Lymnaei stagnalis*», стр. 331.

— представляютъ сочиненіе д-ра В. Я. Данилевскаго: «Опытное физиологическое доказательство закона сохранения энергій», стр. 408.

— представляютъ записку Г. В. Струве: «Beitrag zur gerichtlich-chemischen Untersuchung von auf Blut verdächtigen Flecke», стр. 408.

— доносятъ о разсмотрѣнной ими запискѣ члена-кор. профессора В. Л. Грубера: «Ueber den anomalen canalis basilaris medianus der Os occipitale beim Menschen», стр. 413.

— представляютъ записку г. Мейра: «Die Spermatogenese bei den Säugethieren», стр. 418.

Орловъ, А., представляетъ два рукописныхъ тома «Русскаго корнеслова», составленнаго бывшимъ академикомъ, протоіереемъ П. Павскимъ, стр. 322.

Отношенія благодарственные за академическія изданія, стр. 314, 318, 323, 396, 399, 401, 402 и 403.

— благодарственное Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за приведеніе въ порядокъ и разсмотрѣніе принадлежащей Обществу персидской рукописи «Хозру-не-Ширинъ», стр. 430.

Отчетъ о двадцати первомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Приложеніе къ Запискамъ № 5.

— см. Веселовскій.

— см. Сухоилиновъ.

П.

Павскій, см. Барсовъ.

— см. Гротъ.

— см. Орловъ.

Первушинъ, см. Буняковскій.

Поляковъ, см. Шренкъ.

Помомаревъ, С. И. «Памяти князя П. А. Вяземскаго», стр. 105—224.

Потебня, А. А., членъ-кор. Академіи, награждается золотомъ Уваровскою медалью за рецензію, стр. 322.

Премія Ломоносовская, стр. 323.

— за ученое жизнеописаніе Ломоносова, стр. 229—231.

— К. М. Бэра, см. Присужденіе.

— Симбирскаго дворянства, стр. 402.

Присужденіе наградъ К. М. Бэра въ 1879 году, стр. 281—303.

Пржибытекъ, см. Бутлеровъ.

Прозоровъ, см. Алексѣевъ.

Протоколы. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи:

— Общее Собраніе, стр. 313—326 и 395—403.

— Физико-Математическое Отдѣленіе, стр. 327—342 и 404—421.

— Отдѣленія Русскаго языка и словесности, стр. 422—426.

— Историко-Филологическаго Отдѣленія, стр. 342—343 и 427—430.

Пынинъ, А. П., «Старообрядческій синодикъ», стр. 345—361.

— записка его о предполагаемой ученой экспедиціи въ Болгарію, стр. 425.

Р.

Радловъ, см. Доричъ.

Рейншъ, см. Фаминцинь.

Розень, баронъ В. Р., акад., разсматриваетъ персидскую рукопись, доставленную Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей, стр. 427 и 428.

— «Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique de l'Acad. Imp. des Sciences», стр. 429.

— см. Видеманъ.

Романовскій, профессоръ Горнаго института, доставляетъ нѣсколько экземпляровъ пераго выпуска составленныхъ имъ «Матеріаловъ для геологій Туркестанскаго края», стр. 415.

Рыкачень, см. Вильдъ.

С.

Савичъ, А. П., акад. «Вычисленіе разностей уровней точекъ, которыя соединены между собою геометрическимъ нивелированіемъ и находятся въ вершинахъ угловъ сомкнутыхъ многоугольниковъ», стр. 304—312 и 341.

— «Наблюденія, произведенныя въ 1879 г. надъ планетами Мар-

лога Варлаама и Иоасафа; 5) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ о св. Θεодорѣ (въ Зап. Ак. Н.); 6) Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos (въ Archiv für slav. Philologie). Кроме того, для Исторіи Литературы г. Галахова г. Веселовскимъ составленъ и уже отпечатанъ очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго.

Во вниманіи къ столь неутомимой и плодотворной дѣятельности своего почтеннаго сочлена, Отдѣленіе, по произведенной въ немъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единогласному избранію, считаетъ безотлагательнымъ долгомъ справедливости нынѣ же предложить А. Н. Веселовскаго къ повышенію въ званіе экстраординарнаго академика.

Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго съ 1878 года.

(Продолженіе напечатаннаго въ XVIII томѣ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов.» списка прежнихъ трудовъ его).

1. Критическія и библиографическія замѣтки о разныхъ западно-европейскихъ изданіяхъ по народной литературѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1878 года.
2. Раблэ и его романъ. Вѣстникъ Европы. Мартъ 1878 г.
3. Phol als aethiopischer König. Archiv für slav. Philologie. Т. II, вып. 3, 1878 г.
4. Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Апрѣль 1878 г.
5. Un nouveau texte des Novas del Papagay. Romania, 1878. Avril, № 26.
6. Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1879 г.
7. Слово о 12-ти снахъ Шаханши по ркп. XV вѣка. Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1879. Т. XXXIV.
8. О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Иоасафа, тамъ же, кн. II.
9. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. Archiv f. slav. Philol. III. 1879 г.
10. Робертъ Гринъ и его изслѣдователи. Вѣстникъ Европы. Августъ 1879 г.

11. Критическія и библиографическія замѣтки. Felix Liebrecht, Zur Volkskunde, Alte und Neuere Aufsätze. Журн. Мин. Народн. Просв. Сентябрь 1879 г.
12. Озмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ, тамъ же.
13. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ о св. Θεодорѣ. Зап. Академіи Наукъ.
14. Очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго (отпечатанный въ 1879 г., но еще не вышедшій).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМИИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ XXXVI ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А.

Абельсъ, см. Вильдъ.

Абихъ, см. Вильдъ.

Адресъ Академіи Государю Императору, по поводу событія 19 ноября, стр. 322.

————— по случаю двадцатипятилѣтія царствованія, стр. 401.

Алексѣевъ, Н. Н., ординарный профессоръ Варшавскаго университета, утверждается Адъюнктомъ Академіи по части чистой математики, стр. 322.

————— членъ комисіи для составленія правилъ о преміи Симбирскаго Дворянства, стр. 402.

————— разсматриваетъ записку г. Прозорова: «Sur la resolution des équations par la méthode de Newton,» стр. 406.

Антоній, архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій, почетный членъ Академіи. Сообщение о его смерти, стр. 322.

Б.

Бакрадзе, Д. З., въ Тифлисъ, избранъ въ члены-кор. Академіи, стр. 429.

————— см. Броссе.

Барсовъ, Н., доставляетъ, въ даръ Академіи, отъ имени Г. А. Орлова, рукописный трудъ протоіерея Пав-

скаго, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для объясненія русскихъ коренныхъ словъ посредствомъ иноплеменныхъ», стр. 313—314.

————— см. Гротъ.

Биддеръ, Ф. Э., профессоръ Дерптскаго университета, награждается почетною Бэрвскою медалью, стр. 285, 340, 342 и 407.

Богдановъ, см. Шренкъ.

Бонкомпаньи, князь, въ Римѣ, представляетъ экземпляръ своего изданія: «Lettera inedita di Carlo Federico Gauss a Sofia Germain pubblicata da V. Boncompagni», стр. 340.

Боткинъ, М. П., доставляетъ, для бібліотеки Академіи, экземпляръ изданнаго имъ сочиненія, подъ заглавіемъ: «Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка», стр. 395.

Брандтъ, Александръ. «Предварительный отчетъ о путешествіи, совершенномъ по порученію Императорской Академіи Наукъ въ Карскую область и Закавказье,» стр. 362—383.

————— см. Шренкъ.

Броссе, М. И., акад., представляетъ 49 восточныхъ монетъ, стр. 343.

————— представляетъ сообщеніе члена-кор. Д. З. Бакрадзе о результатахъ его поѣздки съ археологическою цѣлью, стр. 428.

Бунге, см. Максимовичъ.

Буяковскій, В. Я., акад., вице-президентъ, разсматриваетъ три запи-

- ски священника Иоанна Первущина по теории чиселъ, стр. 336.
- «О наибольшихъ величинахъ въ вопросахъ, относящихся къ нравственному ожиданію», стр. 336—338 и приложеніе къ XXXVI-му тому записокъ Академіи, № 1.
- Бургъ, А. фонъ, членъ Вѣнской Академіи Наукъ, доставляетъ экземпляръ изданной имъ записки: «Ueber die Wirksamkeit der Sicherheitsventile an Dampfkesseln», 414.
- Бутлеровъ, А. М., акад., слово въ память академика Зинина, стр. 409—411.
- представляетъ записку г. Прибытека: «Ueber die Oxydationsproducte von Erythris», стр. 421.
- см. Зининъ.
- Бычковъ, А. Ф., акад. «Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Общаго Собранія Академіи Наукъ 2 ноября 1879 г.», стр. 225—228 и 317.
- членъ комисіи для присужденія наградъ графа Уварова, стр. 395.
- членъ комисіи для составленія проекта правилъ о преміи Симбирскаго дворянства, стр. 402.
- отзывъ его о собранныхъ П. В. Шейномъ матеріалахъ для изученія Бѣлорусскаго нарѣчія, стр. 422.
- сообщаетъ просьбу профессора Черновицкаго университета, Калужнацкаго, о доставленіи ему «Извѣстій» отдѣленія Русскаго языка и словесности, стр. 424—425.
- Бюлеръ, баронъ Ф. А., проситъ о доставленіи ему на нѣкоторое время имѣющихся въ Академической библіотекѣ старинныхъ плановъ Москвы, стр. 427.
- В.**
- Вексъ, см. Гельмерсенъ.
- Великій, см. Овсянниковъ.
- Веселовскій, А. Н., акад. «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», стр. 1—22.
- представляетъ доставленную А. Н. Пыпинымъ рукопись: «Старообрядческій Синодикъ», стр. 424.
- сообщаетъ предложеніе г. Сырку составить подробное описаніе семи болгарскихъ сборниковъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ, стр. 425—426.

- сообщаетъ о своихъ занятіяхъ стр. 426.
- списокъ его ученыхъ трудовъ, стр. 441—442.
- см. Гротъ.
- Веселовскій, К. С., акад., непремѣнный секретарь. «Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому отдѣленіямъ за 1879 годъ», стр. 232—258.
- слово въ память скончавшагося академика А. А. Шифнера, стр. 342—343.
- членъ комисіи для присужденія наградъ графа Уварова, стр. 395.
- членъ комисіи для составленія проекта правилъ о преміи Симбирскаго дворянства, стр. 402.
- по поводу нерѣдко доставляемыхъ въ Академію для разсмотрѣнія сочиненій о дѣленіи угла на три равныя части, о точной квадратурѣ круга и о вѣчномъ движеніи, предлагаетъ напечатать извѣщеніе о томъ, что Академія, подобно всѣмъ другимъ ученымъ учрежденіямъ, не входитъ въ разсмотрѣніе такихъ сочиненій, стр. 407.
- представляетъ изслѣдованіе А. И. Котовщикова «о смертности роженецъ и родильницъ», стр. 429.
- Видеманъ, Ф. И., акад., записка его о жизни и ученыхъ трудахъ академика А. А. Шифнера, стр. 343.
- см. Дорнъ.
- Викторовъ, А., въ Москвѣ, избранъ въ члены-кор. Академіи, стр. 401.
- Вильдъ, Г. И., акад., «Temperatur-Verhältnisse des Russischen Reiches», стр. 327—329.
- предлагаетъ напечатать вторымъ изданіемъ «Инструкцію для метеорологическихъ станцій», стр. 336.
- представляетъ отчетъ г. Абельса о произведенномъ имъ обзорѣ метеорологическихъ станцій по берегамъ Балтійскаго моря, стр. 338.
- представляетъ составленную г. Рыкачевымъ инструкцію для наблюденія на корабляхъ направленія и силы вѣтра, стр. 338.
- представляетъ записку г. Траутфеттера: «Die magnetische Variation in St. Petersburg in den Jahren 1870—1877», стр. 340.
- донесеніе его о второмъ международномъ метеорологическомъ конгрессѣ, стр. 340.

— доносить о положеніи работъ, производимыхъ въ исполненіе международной метрической конвенціи, стр. 341.

— представляетъ «Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1878 годъ», стр. 342.

— «Vollständige Theorie des Biflarmagnetometers» etc., стр. 404.

— представляетъ записку г. Рыкачева: «Ueber die Vertheilung der Winde über dem Weissen Meer», стр. 406.

— представляетъ записку г. Шпиндлера о зависимости силы и направленія вѣтра отъ величины и направленія градіента по берегамъ Балтійскаго моря, стр. 413—414.

— предлагаетъ напечатать вторымъ изданіемъ таблицы для вычисленія метеорологическихъ наблюдений, стр. 414.

— представляетъ записку г. Штелинга: «Ueber den jährlichen Gang der Verdunstung in Russland», стр. 416—418.

— представляетъ отчетъ директора Тифлисскаго Физической Обсерваторіи, Миллберга, о дѣятельности этой Обсерваторіи за 1879 г., стр. 419—420.

— представляетъ экземпляръ циркуляра бюро международного метеорологическаго конгресса, стр. 420.

— «Die Temperatur - Verhältnisse des Russischen Reichs», стр. 420.

и акад. А. В. Гадолинъ разсматриваютъ записку г. Карманова объ автоматическомъ регуляторѣ тока, стр. 406—407.

— разсматриваютъ записку Г. В. Абиха: «Ein Cyclus fundamentaler barometrischer Höhenbestimmungen auf dem Armenischen Hochlande», стр. 408 и 411.

— представляютъ записку г. Хвольсона: «Allgemeine Theorie der magnetischen Daempfer», стр. 418—419.

— см. Гельмерсенъ.

Вольфонъ, В. Эмбриональное развитие *Lymnaeus stagnalis*. Приложеніе къ запискамъ № 2.

— см. Овсянниковъ.

Вороновъ, А. Д., награждается Уваровскою премією за сочиненіе «О главнѣйшихъ источникахъ для исторіи Св. Кирилла и Меводія», стр. 317.

Вортминскій, отставной поручикъ, представляетъ записку о дѣленіи угла на три равныя части, стр. 407.

Воскресенскій, А. А., членъ-кор. Академіи, сообщеніе о его смерти, стр. 408.

Вяземскій, князь П. А. Неизданное сочиненіе его «О смерти И. А. Крылова», стр. 99—104.

— см. Цономаревъ.

— см. Сухомлиновъ.

Г.

Гадолинъ, см. Вильдъ.

— см. Гельмерсенъ.

Гассельбергъ, см. Струве.

Гееръ, см. Шмидтъ.

Гельмерсенъ, Г. П., акад., представляетъ коллекцію горныхъ породъ и каталогъ оной, писанный рукою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича, для храненія въ Минералогическомъ музеѣ Академіи, стр. 340.

Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ разсматриваютъ второй мемуаръ г. Векса объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ, стр. 409.

— и акад. Л. И. Шренкъ представляютъ сочиненіе Ф. П. Кеплена: «Die schädlichen Insecten Russlands», стр. 341—342.

Гирсъ, Н. К., доставляетъ экземпляръ французскаго перевода донесенія профессора Норденшельда о возможности торговаго мореплаванія въ Сибирскихъ водахъ Ледовитаго Окееана, стр. 427.

Глазенапъ, см. Савичъ.

Головацкій, Я. Ф., награждается Уваровскою премією за сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», стр. 317.

Голубинскій, Е. Е., награждается золотую Уваровскою медалью за рецензію, стр. 322.

Гротъ, Я. К., акад. «Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму», стр. 56—76.

— членъ комисіи для присужденія наградъ графа Уварова, стр. 395.

— сообщаетъ о своихъ изслѣдованіяхъ языка Державина, стр. 422 и 424.

— отзывъ его о словарѣ къ баснямъ Крылова, составленномъ В. И. Срезневскимъ, стр. 424.

— рассматриваетъ трудъ С. И. Заруднаго, подъ заглавіемъ: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ», стр. 425.

— сообщаетъ о приведенныхъ въ порядокъ профессоромъ Н. И. Барсовымъ «Матеріалахъ для русскаго Корнеслова», собранныхъ покойнымъ академикомъ Павскимъ, стр. 425 и 426.

— сообщаетъ о согласіи профессора И. В. Ягича на избраніе его въ члены Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, стр. 426.

— «Записка объ ученыхъ трудахъ профессора И. В. Ягича», стр. 431—439.

— «Записка объ ученыхъ трудахъ адъюнкта Академіи Наукъ А. Н. Веселовскаго», стр. 440—442.

Груберъ, см. Овсянниковъ.

Гюнтеръ, см. Штраухъ.

Д.

Данилевскій, см. Овсянниковъ.

Данскій, см. Овсянниковъ.

Дорнъ, Б. А., акад., доноситъ о принесенныхъ П. И. Дерхомъ, въ даръ Азіятскому музею, книгахъ, рукописяхъ, планахъ и др. предметахъ, относящихся до Востока, стр. 342.

— предлагаетъ выразить признательность Академіи А. Д. Жаба, за собранные имъ матеріалы для познанія Курдскаго языка, стр. 344.

— доноситъ о переданныхъ ему изъ Имп. Археологической комисіи, для Азіятскаго музея Академіи, желѣзныхъ штаблахъ хивинскихъ монетъ, стр. 428.

— доноситъ о полученныхъ отъ г. Эйтинга, въ даръ для Азіятскаго музея, пуническихъ надгробныхъ камняхъ съ надписями, стр. 428.

— «Ueber die Münzen der Heke oder ehemaligen Chane von Turkestan», стр. 429.

— извлеченія, сдѣланныя имъ изъ Оксфордской рукописи сочиненія Гардизи: «Зайнъ-уль-акбаръ», стр. 429—430.

— Ф. И. Видеманъ и баронъ В. Р. Розенъ доносятъ о разсмотрѣнномъ ими сочиненіи г. Радлова: «Grammatische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen. Theil I. Phonetische Untersuchungen», стр. 343.

Ж.

Жаба, см. Дорнъ.

З.

Зарудный, см. Гротъ.

Зининъ, П. Н., акад. «Note sur le benzoine», стр. 339.

— известіе о его смерти, стр. 409—411.

— см. Бутлеровъ.

— и акад. А. М. Бутлеровъ представляютъ записку г. Флавицкаго: «Ueber die Umwandlungen des linksdrehenden Terpens aus dem französischen Terpentindöl mittelst der Hydratation und Dehydratation», стр. 341.

И.

Игнатьевъ, графъ Павелъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ, почетный членъ Академіи. Сообщеніе о его смерти, стр. 395.

Изданія Академіи, вышедшія въ свѣтъ, стр. 259—262, 313, 331, 335, 338, 398, 406, 420, 428 и 429.

— достанутся въ Американское Химическое Общество въ Нью-Йоркѣ, въ обмѣнъ на изданія этого Общества, стр. 335 и 336.

— присланныя въ даръ Академіи, стр. 314—317, 318—321, 323—326, 396—398, 399—401, 402 и 403.

К.

Калужняцкій, см. Бычковъ.

Камонскій, см. Штраухъ.

Кармановъ, см. Вильдъ.

Кеппенъ, см. Шренкъ.

Кириляновъ, см. Шмидтъ.

Комаровъ, см. Максимовичъ.

— см. Шренкъ.

Комисія для присужденія награды графа Уварова, стр. 395.

— историческая Мюнхенской Академіи Наукъ доставляетъ отчетъ о своемъ двадцатомъ собраніи, стр. 342.

Костеничъ, см. Овсянниковъ.

Котовичковъ, А. И. «О смертности роженицъ и родильницъ. Сравнительная разработка данныхъ западно-европейскихъ государствъ и

- сомъ, Сатурномъ и Нептуномъ», стр. 415.
- см. Струве.
- Слудскій, О. А. «Иѣкоторыя дополненія къ новымъ изслѣдованіямъ по кинетикѣ капельной жидкости», стр. 23—46.
- см. Чебышевъ.
- Соловьевъ, С. М., см. Бычковъ.
- Составъ личный Императорской Академіи Наукъ, 19 февраля 1880 г., стр. 263—280.
- Срезневскій, В. И., см. Гротъ.
- Срезневскій, И. И., акад., членъ комисиі для присужденія награды графа Уварова, стр. 395.
- Обзорніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка, стр. 423 и 424.
- Стебницкій, см. Струве.
- Стефани, Л. Э., акад., представляетъ отъ имени графа С. Г. Строганова, «Отчетъ Имп. Археологической Комисіи за 1877 годъ», стр. 429.
- Строгановъ, графъ, см. Стефани.
- Струве, Г. В., см. Овсянниковъ.
- Струве, О. В., акад., сообщаетъ о результатахъ своего путешествія за границу, стр. 332—333.
- представляетъ XI-й томъ Пулковскихъ наблюденій, стр. 342.
- «Etudes sur le mouvement relatif des deux étoiles dans le système de 61 Cygne», стр. 411.
- сообщаетъ новѣйшія свѣдѣнія о большой кометѣ, усмотрѣнной на Южномъ полушаріи, стр. 415—416.
- представляетъ сочиненіе адъюнкты-астронома д-ра Гассельберга: «Ueber die Spectra der Cometen und ihre Beziehung zu denjenigen gewisser Kohlenverbindungen», стр. 416.
- «Beobachtungen des Brøgersen'schen Cometen im Frühjahr 1879», стр. 420 и 421.
- и акад. А. Н. Савичъ представляютъ статью члена-кор. Академіи Г. Ип. Стебницкаго о наблюденіяхъ, произведенныхъ въ Тифлисѣ, надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Академическаго прибора, стр. 336.
- представляютъ записку С. П. Глазенапа «о наблюденіяхъ переменчивой звѣзды β Persci», стр. 413.
- Сухомлиновъ, М. И., акад. «Отчетъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1878 годъ», стр. 48—55.
- «Князь Петръ Андреевичъ Вя-

- земскій. Рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1878 года», стр. 77—98.
- членъ комисиі для присужденія награды графа Уварова, стр. 395.
- чтенія его въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, стр. 423.
- Съездъ археологической въ Тифлисѣ, стр. 322.
- Сырку, см. А. Н. Веселовскій.

Т.

- Тихомировъ, И., представляетъ рукописное сочиненіе свое: «О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей», для соисканія Уваровской преміи, стр. 398 и 399.
- Траутфеттеръ, см. Вильдъ.
- Троценко, А. П., увѣдомляетъ объ отправленныхъ въ Академію шкурахъ и черепахъ животныхъ, стр. 332.
- Туганъ-Мирза-Барановскій, см. Обручевъ.

Ф.

- Фаминцынъ, А. С., акад., членъ комисиі для присужденія преміи К. М. Бэра, стр. 281.
- «Die Zerlegung der Kohlensäure durch Pflauren bei künstlicher Beleuchtung», стр. 404.
- рассматриваетъ записку г. Рейнша «Die Auffindung von Mucoripen in der Steinkohle», стр. 407.
- представляетъ записку П. А. Монтеверде объ исторіи развитія *Orchis maculata*, стр. 411 и 418.
- см. Максимовичъ.
- Флавицкій, см. Зининъ.

Х.

- Хвольсонъ, см. Вильдъ.

Ц.

- Ценковскій, Л. С., професоръ Харьковскаго университета, награждается преміею Бэра, стр. 292, 303, 340 и 342.

Ч.

Чебышевъ, П. Л., акад., представляет записку профессора Ф. А. Слудскаго «О нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ новымъ изслѣдованіямъ о кинетикѣ капельной жидкости», стр. 331.

— «О параллелограммахъ, состоящихъ изъ трехъ какихъ либо элементовъ», стр. 341 и Приложение къ Запискамъ № 3.

Ш.

Шевалье, Мишель, членъ-кор. Академіи. Сообщение о его смерти, стр. 343.

Шейнъ, см. Бычковъ.

Шифверъ, А. А., акад. †

— см. Веселовскій.

— см. Видеманъ.

Шмидтъ, Морицъ, см. Паукъ.

Шмидтъ, Ф. Б., акад., членъ комисіи для присужденія преміи К. М. Бэра, стр. 281.

— доноситъ о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи В. А. Кипріянова: «Studien über die fossilen Reptilien Russlands», стр. 331 и 335.

— представляет записку профессора В. И. Мёллера: «Die Foraminiferen des Russischen Kohlenkalks», стр. 333—335.

— сообщаетъ о трудахъ члена-кор. Академіи О. Геера, стр. 338.

— представляет записку того же члена кор.: «Nachträge zur Jura-Floora Sibiriens, gegründet auf die von Herrn Richard Maak gesammelten Pflanzen», стр. 405 и 406.

— разсматриваетъ доставленные г. Лопатинымъ маршрутные карты къ отчету о его поѣздѣ на Подкаменную Тунгузку, стр. 407.

— проситъ о командированіи его за границу, стр. 415.

— см. Вильдъ.

Шренкъ, Л. И., акад., членъ комисіи для присужденія преміи К. М. Бэра, стр. 281.

— сообщение его по поводу полученной Академіею, отъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, головы носорога, стр. 329—331.

— «Ueber eine in Sibirien zum Vorschein gekommene Leiche von Rhinoceros Merckii», стр. 341.

— разсматриваетъ предложеніе

художника П. М. Комарова, изъявляющаго готовность дѣлать для Академіи рисунки этнографическихъ предметовъ, въ окрестностяхъ города Томска, стр. 408 и 409.

— доноситъ о коллекціяхъ, принесенныхъ въ даръ Этнографическому и Антропологическому музею И. С. Поляковымъ и П. И. Пузиномъ, стр. 411—412.

— см. Гельмерсенъ.

— см. Овсянниковъ.

— Ф. В. Овсянниковъ и А. А. Штраухъ представляютъ сочиненіе М. Н. Богданова: «Die Würger der Russischen Fauna», стр. 414.

— и А. А. Штраухъ представляютъ предварительный отчетъ А. Ф. Брандта о совершенномъ имъ путешествіи въ Карскую область и въ Закавказье, стр. 406.

— представляютъ записку берлинскаго профессора Мартенса: «Aufzählung der von Dr. Alexander Brandt in Russisch-Armenien gesammelten Mollusken», стр. 406.

— представляютъ отчетъ И. С. Полякова о поѣздкѣ, совершенной имъ для антропологическихъ изслѣдованій, стр. 408.

— представляютъ записку д-ра А. Ф. Брандта: «Ueber mediterrane Crustaceen aus den Gattungen Stenorhynchus, Achaens, Inachus, Herbstia und Pisa, unter Benutzung von Materialien des Dr. R. A. Philippi», стр. 421.

— представляютъ записку М. Богданова: «Remarques sur le groupe des Pteroclidés», стр. 421.

— представляютъ записку Ф. Ф. Моравица: «Ein Beitrag zur Bienen-Fauna Mittel-Asiens», стр. 421.

Штеллингъ, см. Вильдъ.

Штраухъ, А. А., акад., членъ комисіи для присужденія преміи К. М. Бэра, стр. 281.

— сообщаетъ о принесенныхъ кушомъ В. О. Каменскимъ, въ даръ Зоологическому музею, шкурѣ и скелетѣ каменнаго барана, стр. 335.

— сообщаетъ просьбу директора зоологическаго отдѣла Британскаго музея д-ра Гюнтера о доставленіи въ означенный отдѣлъ изданій Академіи, въ объѣмѣ на изданіи Британскаго музея, по части зоологіи, стр. 339.

— утверждается ординарнымъ Академикомъ по зоологіи, стр. 341.

—— доносить о присеянной В. О. Миловидымъ въ даръ Зоологическому музею Академіи колекціи птичьихъ яицъ, стр. 407.
 —— см. Овсянниковъ.
 —— см. Шренкъ.

Э.

Эйтингъ, д-ръ, старшій бібліотекаръ | Ягичъ, см. Гротъ.

Страсбургскаго университета, приносить въ даръ Академіи финикійскіе камни съ надписями, стр. 343.
 —— см. Дорнъ.

Я.

551
Λ-77

НѢКОТОРЫЯ СВѢДЕНІЯ
О
ЛЕДЯНЫХЪ СЛОЯХЪ
ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Горнаго Инженера И. Лопатина.

(Читано на засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 16 мая 1876 года).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXIX^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1876.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

П. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ. Ноября 1876 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДЕНІЯ О ЛЕДЯНЫХЪ СЛОЯХЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ¹⁾.

Читано въ засѣданіи Физико-математическаго Отдѣленія 18 мая 1876 г.

Во время моихъ путешествій по Восточной Сибири, отъ залива Терпѣнія на Сахалинѣ и до устья Енисея въ Ледовитое море, мнѣ случалось неоднократно наблюдать ледъ въ средѣ прочихъ наносовъ, какъ горную породу а также и явленія, объясняющія происхожденіе ледяныхъ слоевъ, жилъ и проч.

Ледъ, въ странахъ, пользующихся умѣреннымъ климатомъ, считается предметомъ кратковременнаго существованія и принимаются особыя мѣры къ его сохраненію даже въ нѣдрѣ земли (исгреба). Въ странахъ же полярныхъ (а также частію въ высокихъ плоскогорьяхъ) ледъ можно пазвать, въ средѣ прочихъ горныхъ породъ столь-же прочною, какъ напримѣръ известнякъ, въ странахъ умѣреннаго климата. Благодаря этому свойству ледяныхъ слоевъ, сохранились для насъ трупы древнихъ животныхъ, теперь на землѣ вымершихъ. Ледяные слои сохранили, въ теченіи тысячелѣтій, органическіе остатки, гораздо лучше,

¹⁾ То обстоятельство, что я разсматриваю ледъ, въ данномъ случаѣ, только какъ горную породу и другія особенности этой статьи, даютъ мнѣ надежду, что сообщаемыя въ ней свѣденія будутъ небезынтересны даже послѣ прочтенія, любопытнѣйшихъ и богатыхъ данными, изложеній академика г. Миддендорфа касательно ледяной почвы (см. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири А. Миддендорфъ ч. I, отд. 3-й. Спб. 1862 г. стр. 393—415 и 466—477).

не только рыхлыхъ наносовъ, но даже и твердыхъ породъ, съ которыми такъ хорошо знакомы жители странъ, умѣреннымъ климатомъ пользующихся. Изложить нѣкоторыя данныя касательно ледяныхъ слоевъ въ Восточной Сибири, есть цѣль этой статьи.

I.

Явленія, служащія къ объясненію происхожденія ледяныхъ слоевъ.

Во время пребыванія моего на Сахалинѣ, зимою 1867 — 1868 года, я былъ свидѣтелемъ образованія временныхъ ледяныхъ слоевъ и чтобы точнѣе передать читателю то, что видѣлъ, дѣлаю касающіяся этого предмета выписки изъ дневника, мною тогда веденнаго въ посту Косунай (почти подъ 48° с. ш.).

2-го декабря 1867 года. Послѣ волненій, когда небо пасмурно, то явно замѣтно, что сажень на 100 отъ берега, вода морская принимаетъ желтоватый, мутный цвѣтъ; должно быть отъ поднимаемыхъ со дна, у береговъ песочныхъ частицъ.

12-го декабря 1867 года. Въ 2 часа пополудни, я видѣлъ на морѣ, около берега, довольно много льдинокъ, пригнанныхъ, должно быть, сѣверозападнымъ вѣтромъ. Между льдинками, плавало множество кристалловъ воды, образуя густую массу, почти на $\frac{1}{2}$ версты отъ берега. 13 Декабря, утромъ, эту шугу отнесло отъ берега Сахалина юговосточнымъ вѣтромъ.

22-го декабря 1867 года. Прибрежье моря покрыто многими льдинками, округленными и состоящими въ смѣси кусочковъ льду съ пескомъ и камешками. Мнѣ казалось, что плоское прибрежье увеличилось. Вѣроятно, этому помогаетъ то обстоятельство, что выброшенные непогодю частицы мокраго песку, примерзая къ прибрежью, представляютъ болѣе твердую массу, чѣмъ былъ бы этотъ же песокъ рыхлый, а не въ видѣ конгломерата, гдѣ цементъ — замершая вода.

23-го декабря 1867 года. Сегодня утромъ я увидѣлъ, что

у берега, вода моря имѣла бѣловатый мутный цвѣтъ. Оказалось, что цвѣтъ этотъ происходилъ отъ кусковъ рыхлаго снѣгу, подобнаго льду, находящагося, въ видѣ кругловатыхъ комковъ въ водѣ. Эту шугу принесло начавшимися вчера сѣверными и сѣверозападными вѣтрами. Количество шуги въ теченіи сегоднешняго дня прибывало и вода у берега представлялась подъ конецъ какъ бы ледяной кашей. Рѣдко только видѣлись льдины, величиною не болѣе 1 квадратнаго аршина, съ одной изъ поверхностей. Температура воздуха въ тѣни стояла около 10° R. Послѣ полудня мелкія льдинки стало выбрасывать волненіемъ на берегъ, образуя небольшие валики изъ ледяныхъ частицъ. Валики эти жители низовьевъ Енисея называютъ *сакуями*. Бывшими передъ симъ волненіями, набросало льду на плоское побережье почти до яра (т. е. крутой части берега). вмѣстѣ съ льдинками выбрасывается изъ моря песокъ и мелкіе камешки. Около самага берега вода имѣетъ сѣроватый цвѣтъ отъ смѣси воды и льдинокъ съ пескомъ; за этой грязной полосой вода имѣетъ бѣловато-мутный цвѣтъ.

28-го декабря 1867 года. Въ 11 часовъ пополудни, я пробовалъ температуру морской воды у берега, при помощи поставленныхъ въ воду козелъ, на кои положены были доски. Погрузивъ термометръ въ воду тамъ, гдѣ глубина была не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина, я получилъ — $1\frac{1}{2}^{\circ}$ R. Хотя крупныхъ кусковъ льду не было въ водѣ, но мелкихъ кристалловъ было множество и они такъ мало замѣтны, что, стоя у самой воды, ихъ не видно, а только приблизивъ лицо къ самой поверхности воды, ихъ можно наблюдать. Мелкій песокъ, вмѣстѣ съ льдинками, носится въ водѣ, такъ что многіе изъ этихъ мелкихъ камешковъ (большею частію кварцевыхъ) попали въ мѣдную чашечку термометра.

30-го декабря 1867 года. Отъ сильнаго сѣверовосточнаго вѣтра, бывшаго въ теченіи 29-го и 30-го декабря, весь ледъ, образовавшій забереги морскіе противъ Косуная, унесло обратно въ море. Сегодня утромъ я видѣлъ, что по морю несло довольно много грязныхъ льдинъ и часть ихъ выкидывало на берегъ.

Выйдя сегодня на берегъ моря, я видѣлъ, что волны, идущія съ сѣверо-запада, ударяють въ нашъ берегъ съ такою силою, что шевелятъ массы льду, величиною съ кубическiй $1\frac{1}{2}$ аршина. Нѣкоторыя изъ этихъ грязныхъ льдинъ при мнѣ оторвало волнами отъ песочнаго прибрежья и подвигало, переталкивая къ югу. Грязныя льдины, видѣвшiяся въ морѣ, также несло къ югу. *Грязными льдинами* я называю льдины состоящiя изъ льду и песку или илу, смѣшанныхъ въ разной пропорцiи. Здѣсь есть куски льду столь богатые частицами песку и галекъ, что ледъ играетъ только родъ цемента, въ этомъ своего рода конгломератѣ. Эти грязныя льдины много погружаются въ воду и при волненiи кажутся какъ бы пыряющимъ тюленемъ, отъ коего видна только голова. Въ 5 часовъ по полудни, я видѣлъ, что сильнымъ прибоемъ выбрасывало, на снѣгъ прибрежья, массы мокраго песку или воды съ большимъ количествомъ песку ео влекомаго. Эта грязная вода, разливаясь по снѣгу, замерзаетъ постепенно и новые всплески прибой выбрасываютъ новыя массы этой воды съ пескомъ. Такимъ образомъ, на прибрежья образуются слои изъ замершей морской воды съ пескомъ. Между тѣмъ прибой, образуя новые песочно-льдяные слои, ихъ же и разрушаетъ другой разъ; оторванныя прибоемъ массы грязнаго льду, уносятся частью въ море (я видѣлъ ихъ за $\frac{1}{2}$ версты отъ берега) и если они тамъ растаиваютъ, то отлагають свой несокъ на морское дно или переносятся на другiе берега.

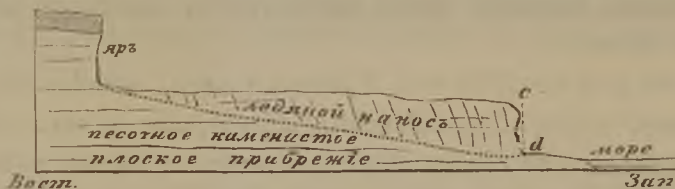
2-го января 1868 года. Рисункомъ я желаю наглядно (безъ масштаба см. выше, противъ 10-го янв. 1868 г.) изобразить поперечное сѣченiе морскаго прибрежья противъ нашего дома, начиная отъ уровня воды въ морѣ, до того мѣста, гдѣ начинается расти трава по прибрежью. Пунктирною линiей обозначена грань между грязно-льдяною частью плоскаго прибрежья зимою и частью прибрежья состоящею изъ песку и камешника, о которую въ прибой ударяетъ волна и попадающая на него вода съ пескомъ замерзаетъ.

8-го января 1868 года. Вчера на морѣ стала появляться шуга

въ видѣ бѣловатыхъ полосъ. За ночь масса ея значительно увеличилась и въ 5 часовъ по полудни сегодня я видѣлъ что уже образовались забереги, изъ снѣгу подобнаго льда. За берегами и не менѣе $\frac{1}{2}$ версты далѣе, море представляло видъ бѣлой массы въ родѣ молока; или его можно сравнить съ волнующеюся снѣжною поверхностью. Сначала, какъ видно, эта масса скомкивается въ длинныя узкія полосы, паралельныя берегу, а потомъ уже раздробляется.

10-го января 1868 года. На профилѣ морскаго прибрежья (рис. 1) пунктирною линіей обозначена грань образованнаго волненіемъ лдянаго уступа отъ кореннаго, плоскаго прибрежья.

Рис. 1.

Волненіемъ (при морозѣ) 7 и 8 ч. января, вышиною *cd* лдянаго уступа, увеличилась съ 1 арш. до 2-хъ аршинъ, а въ другомъ мѣстѣ до 3-хъ аршинъ. Этотъ уступъ образовался вновь, потому что прежде бывшій волненіемъ съ югозапада (6 января) былъ разрушенъ.

13-го января 1868 года. Въ верхней части образовавшагося обрыва, при толщинѣ въ 5 вершковъ, я видѣлъ 10 слоевъ, изъ нихъ 5 лдяныхъ и 5 изъ льду съ пескомъ.

14-го января 1868 года. Еще вчера я замѣтилъ, что ледъ несетъ съ сѣвера на югъ, вдоль нашего берега. Ледъ около берега идетъ полосою, сажень 30 (на глазъ) шириною и состоитъ изъ мелкихъ льдинъ и шуги. Часть полосы льда (несомаго теченіемъ) бѣловатаго-синеводянистаго цвѣта, а другая—желтоватаго, и разноцвѣтность эта расположена по линіямъ, идущимъ подъ угломъ къ линіи берега. Прибой сегодня умѣренный, потому что и вѣтеръ сѣверо-восточный не сильный. Это явленіе продолжа-

лось за полдень, а къ вечеру вся полоса шуги имѣла одинаковый цвѣтъ.

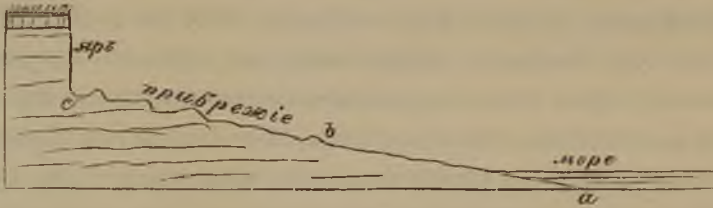
19-го января 1868 года. Сегодня я видѣлъ, что отъ юго-западнаго вѣтра, шугу, полосую, двигавшуюся около берега, несло къ сѣверу, хотя тише чѣмъ при сѣверныхъ вѣтрахъ несетъ къ югу. Шуга мѣстами имѣла грязныя пятна и полосы разными разводами, неизмѣвными той правильности, какую я видѣлъ 14 января 1868 года. Шугу эту, сильнымъ сегодняшнимъ прибоемъ выбрасываетъ на берегъ и образуетъ сокуи ранѣе описанные. Шуга состояла, большею частью, изъ мельчайшихъ кусковъ и льдинки даже въ кулакъ величиною были рѣдки. Среди шуги видны иногда листья морскихъ травъ, но какъ травы такъ и раковинъ морскихъ зимою выбрасываетъ непогодю меньше, чѣмъ лѣтомъ.

3-го февраля 1868 года. Грязныя льдины, несомыя морскими волнами, состоятъ, судя по моимъ наблюденіямъ до сего дня, изъ перемежаемостей слоевъ льда (тускло-мутно бѣлаго цвѣта) съ прослойками льдомъ сцементированныхъ галечниковъ и песку. Камень есть въ средѣ грязныхъ льдинъ, до 1 куб. вершка величиною. Иногда количество этихъ примѣсей во льду столь значительно, что онъ имѣетъ сѣрый изъ-дали цвѣтъ. Сегодня, да и прежде, я наблюдалъ, что волны прибоя не только двигаютъ песокъ и бросаютъ его прямо на побережье, но подвигаютъ его, по побережью, въ извѣстномъ направленіи. Такъ сегодня, грязную льдину, прибоемъ, подвигало по песку побережья къ югу, въ томъ же направленіи куда несло и льдины по берегу. Также передвигая песокъ по побережью, волненіе занесло имъ устье р. Косуная.

19-го марта 1868 года. На побережьи морскомъ снѣгу менѣе и сугробы его, покрытые здѣсь пескомъ (нанесеннымъ вѣтромъ) медленно таятъ. Плоское побережье можно раздѣлить на двѣ части: (рис. 2) часть *ab*, подвергавшаяся и подвергающаяся дѣйствию валовъ морской воды, ровная, и когда идетъ по этой ровной песочной поверхности, то нога одинаково грузнетъ въ пе-

сокъ. Часть же побережья *bc* бугорчатая; нога, ставъ въ одно мѣсто, встрѣчаетъ твердую опору и здѣсь оказывается не-

Рис. 2.

растаявшій смерзшійся песокъ, а въ другомъ мѣстѣ нога довольно глубоко, на 2 и болѣе вершка уходитъ въ песокъ; это тамъ, гдѣ онъ растаялъ. Зимой мокрый песокъ, выбрасываемый волненіемъ на побережье, замерзаетъ и образуются тонкіе слои льдистаго конгломерата, перемежающіеся съ слоями болѣе чистаго (изъ болѣе чистой воды образовавшагося) льда, о которомъ я писалъ ранѣе. Теперь эти льдино-песочныя образованія, таятъ, и часто неоднобразно согласно углубленіямъ, въ коихъ обращенная на С сторона менѣе таетъ, чѣмъ обращенная къ югу. Вотъ отъ чего и бугристая часть *bc* побережья, до которой обыкновенное волненіе не достигаетъ, и не можетъ, забрасывая пескомъ, сравнивать неровности.

14-го апрѣля 1868 года. Я выше описывалъ, что зимою образовались на плоскомъ побережьи моря, противъ поста Косунай и далѣе до устья р. Косунай льдяно-песочные слои. Эти слои теперь таятъ; но песокъ остается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видно, что его накидало зимою на толщину въ 1 аршинъ и болѣе. Грязный ледъ нижнихъ слоевъ этихъ напластованій, до сихъ поръ еще не растаялъ. При сильныхъ волненіяхъ моря, вода захлестывающая далѣе обыкновеннаго, уходитъ въ песокъ на мѣстѣ разрушающихся льдистыхъ слоевъ какъ въ губку.

Эти выноски изъ моего сахалинскаго дневника показываютъ примѣры образованія (при помощи морской воды и ея движенія, а также низкой зимней температуры) льдяно-песочныхъ слоевъ.

Что возможно подобное же образованіе слоевъ пловатыхъ, то всякій можетъ себѣ представить, если прочтетъ статью академика А. О. Миддендорфа «О Сибирскихъ мамонтахъ» въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ 1860 г. Москва, №№ 26 и 27, гдѣ на стр. 862 онъ говоритъ: «Чѣмъ скорѣе все животное покрылось «наносомъ, тѣмъ лучше сохранились его мягкія части. Въ описаніи своего Путешествія по Сибири (I. 1. 236) я уже говорилъ «что даже на южномъ берегу Охотскаго моря, среди льта, киты, «выброшенные на берегъ, на моихъ глазахъ заносились пломъ. «Много недѣль спустя, когда уже самая малая часть животнаго «оставалась наружи, мы еще вырѣзывали изъ него куски ни «сколько не испортившагося жира и употребляли его въ пищу. «Тамъ же я замѣтилъ, что животныя, выбрасываемыя на берегъ «во время прилива, пожирались различными хищными звѣрями и «птицами и только остовы ихъ покрывались наносами, между «тѣмъ какъ выбрасываемые во время отлива, часто въ видѣ не- «поврежденнаго трупа, заносились пломъ и вовсе покрывались «имъ». Теперь если представимъ себѣ мѣстность съ гораздо низшей годовой температурой, чѣмъ постъ Косунай на Сахалинѣ, то возможно, что ледяные слои, коихъ существованіе я наблюдалъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ, просуществуютъ цѣлый годъ, или все тоже, образовавшись однажды просуществуютъ даже вѣка, до тѣхъ поръ, пока годовая температура мѣстности опять не повысится. Затѣмъ ясно, что попавшіе въ иль киты г. Миддендорфа или можетъ быть мамонты древнихъ временъ, сохранились вполне невредимыми въ ледяныхъ слояхъ.

Но выше я далъ примѣры образованія ледяныхъ слоевъ морскихъ. Теперь приведу видѣнныя мною явленія, объясняющія образованіе на моихъ же глазахъ слоевъ ледяныхъ пресноводныхъ ¹⁾.

Во время моего Туруханскаго путешествія, я дѣлалъ экскур-

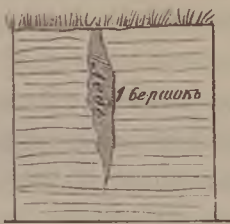
¹⁾ Говоря про морскіе или пресноводные льды, я не обращаю вниманія на соль, хотя при спокойномъ замерзаніи нетрудно получить соленые льды.

сію по Бреховскимъ островамъ вмѣстѣ съ академикомъ Ф. Б. Шмидтомъ (съ 23 іюня по 7 іюля 1866 г.). Изъ веденнаго мною въ то время дневника сдѣлаю слѣдующія выписки:

24-го іюня 1866 года. «Горѣловская и Дикая протоки Енисея... «Во многихъ мѣстахъ выпавшій прежде на сушу — берегъ снѣгъ, «находится теперь въ водополье подъ водою и покрылся слоємъ «нанесеннаго на него илу, до 2 вершковъ толщиною. Такимъ «образомъ и на береговомъ льду (особенно образовавшемся на «стальникѣ и потому отрывающемся отъ почвы) мы видѣли «слои илу; тогда какъ на вновь попавшихъ на отлогіе берега и «обмелѣвшихъ массахъ льду (чистаго) мы не видали по большей «части илу или глины. Впрочемъ, случается, что льдины, съ «находящемся на нихъ иломъ, несетъ по рѣкѣ. Это вѣроятно «бывшій подъ водою ледъ, покрывшійся иломъ и потомъ ото- «рванный отъ почвы. Также мы видѣли съ Ф. Б. Шмидтомъ «въ одномъ мѣстѣ снѣгъ береговой покрытъ былъ слоємъ «новаго илу въ $\frac{1}{2}$ — 1 вершокъ толщиною. На днѣ протоки, «гребцы наши хватали (трогали) концами весель снѣгъ сле- «жавшися или ледъ. Онъ долженъ быть еще большимъ слоємъ «илу прикрытъ чѣмъ видѣнный нами береговой снѣгъ. Такимъ «образомъ дѣйствительно можно себѣ объяснить погребеніе «пресноводнаго льда въ землѣ, на поверхности коей могутъ «вырости потомъ и кусты».

Прежде чѣмъ дѣлать дальнѣйшія выписки, считаю необходи- мымъ объяснить что Бреховскіе острова новѣйшаго наноснаго происхожденія, представляютъ плоскія, лугообразныя простран- ства, и возвышаются надъ уровнемъ осенней (малой) воды, ка- жется не болѣе 3 сажень (за исключеніемъ Сопки, на Сопошкомъ островѣ). Судя по обнаженіямъ, которыя я видѣлъ, состоятъ эти острова изъ перемежаемостей, выклинивающихся песочныхъ и иловатыхъ слоевъ столь обильныхъ растительными остатками, что нѣкоторые можно назвать или чистымъ торфомъ или сред- нею породою между иловатымъ и торфянымъ слоємъ, который я назову тундреннымъ слоємъ.

Рис. 3.
 Попереч. разрѣзъ (естеств. обнаж.).

поверх. земли

«25-го июня 1866 года. Въ тундренныхъ слояхъ видны иногда жи-
 «лы льду, образовавшася въ тре-
 «щинахъ, наполненныхъ водою. Въ-
 «сто трещины бываютъ иногда вы-
 «моины разной формы въ попереч-
 «номъ сѣченіи» (Рис. 3).

Рис. 4.
 Поперечный разрѣзъ (естеств. обнаж.).

поверх. земли

«7-го июля 1866 года. Здѣсь я ви-
 «дѣлъ въ тундренныхъ пла-
 «стахъ массу льду. Не заштри-
 «хованное пространство (см.
 «рис. 4) есть Гундренные пла-
 «сты, а въ серединѣ его за-
 «штрихованное пространство
 «(въ сѣченіи 3 1/4 аршина)
 «есть поперечный (обнажаю-
 «щийся на дневную поверх-
 «ность) разрѣзъ льдя-

Плавъ къ рис. 4.

поверх. земли

«ной массы. Сооб-
 «щается эта льдяная
 «масса съ поверх-
 «ностью острова,
 «только черезъ едва
 «замѣтную трещину.
 «По поверхности ост-

«рова, начиная отъ этого обнаженія идетъ небольшая ложбинка
 «на 8 арш. въ длину; на днѣ ея небольшая трещина. Вѣроятно
 «это также трещина, заполнившаяся потомъ водою въслѣдствіи
 «застывшею».

Къ этимъ выпискамъ изъ дневника я долженъ прибавить,
 что всѣ наносы, образующіе Бреховскіе острова вѣчно мерзлы
 и только съ верху оттаиваютъ лѣтомъ, по словамъ мѣстныхъ
 жителей, не болѣе какъ на 1 арш. въ глубину. Замерзшая вода
 такъ хорошо еще цементовала рыхлые наносы (песку и ила)

здѣшніе, что нѣкоторые пласты нависли надъ водою, образуя нещеры до 2 саж. глубины и нѣсколько сажень ширины. Эти нависшіе слои отваливаются по трещинамъ пересѣкающимся подъ разными углами и отвалившіяся массы имѣютъ клинообразную или треугольную форму, и по словамъ Шмидта очень походятъ на отваливающіеся въ Эстляндіи массы известняковъ, подмытыхъ волнами Финскаго залива.

Бреховскіе острова продолжаютъ вѣроятно образоваться и до сего дня, также какъ это было во время моего пребыванія тамъ въ 1866 году. Лдяныя массы, мною описанныя въ средѣ Бреховскихъ наносовъ, принадлежать также новѣйшему, намъ современному геологическому періоду.

Кромѣ вышеозначенныхъ я привожу еще одинъ примѣръ возможности образованія лдяныхъ массъ въ средѣ земли. Идучи около крутыхъ глиняныхъ яровъ по берегамъ Енисея, ниже Бреховскихъ острововъ, я видѣлъ, что на сугробы снѣга, превратившагося почти въ ледъ и лежавшихъ у подошвы означенныхъ яровъ, стекали съ послѣднихъ потоки грязи, покрывавшіе довольно толстымъ слоемъ эти сугробы. Такъ я видѣлъ это у подошвы Ладышныхъ яровъ, что противъ пикнихъ (по рѣкѣ) изъ Бреховскихъ острововъ, 9-го іюля 1866 г. и гдѣ сугробы имѣли до 2 арш. толщиною. Подобное же я видѣлъ съ мѣсяць позднеѣ на берегахъ Енисея, ниже Бреховскихъ острововъ, на примѣръ около устья рѣчки Сульмянки 1-го августа 1866 г.

14-го августа 1866 г., около устья р. Дорофѣевой, на лѣвомъ берегу Енисея (подъ $70^{\circ} 45'$ с. ш.) я видѣлъ нарастающую часть снѣжныхъ сугробовъ, болѣе сажени толщиною; мѣстами, частью они подмыты водою Енисея и нависшая часть не отпадаетъ, ибо снѣгъ, слежавшись, такъ твердо, здѣсь, что даже тамъ гдѣ его нависшій край имѣетъ только 2 вершка толщины, онъ выдерживаетъ тяжесть стоящаго на немъ человѣка. Иногда эти полуледяные сугробы закрыты съ верху слоями ила, сползшаго на нихъ съ яровъ. Покрытыя же такимъ образомъ массы снѣгу, предохраненныя далѣе отъ дѣйствія солнечныхъ лучей могли,

подобно Перелеткамъ снѣга (см. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибіри А. О. Миддендорфа) сохраняться не одинъ годъ и затѣмъ болѣе еще покрываться новыми потоками грязи и массами глины сплывающихъ глиняныхъ яровъ. Матеріалами для образованія подземныхъ лдяныхъ слоевъ, могутъ служить наледі, описанныя такъ ясно г. Миддендорфомъ и особенно наледі образующіеся иногда въ странахъ съ вѣчно-мерзлою почвою, между слоевъ растительной земли или дерна и лежащими подъ ними массами мерзлой глины или песку.

Вотъ вкратцѣ тѣ явленія, коими можно себѣ объяснить происхожденіе лдяныхъ слоевъ, о свойствахъ коихъ я буду говорить теперь.

II.

Ледъ, какъ горная порода, въ средѣ прочихъ наносовъ.

Какъ вода въ рѣкахъ, моряхъ и прочихъ водовмѣстилищахъ, рѣдко бываетъ чиста около береговъ, такъ и слои льда въ средѣ прочихъ наносовъ вполнѣ чистые едва ли бываютъ. Наблюденій (точныхъ) относительно чистоты льда, какъ горной породы, я не дѣлалъ, но на глазъ мнѣ очевидно представлялся ледъ въ иныхъ слояхъ болѣе чистымъ, а въ другихъ вполнѣ грязнымъ и, наконецъ, я видѣлъ слои илу, въ средѣ котораго вода — ледъ была только въ видѣ примѣсп. Ледъ въ средѣ прочихъ горныхъ породъ, также какъ и онѣ, бываетъ болѣе или менѣе чистый. Вообще лдяные слои мнѣ кажутся менѣе чистыми, чѣмъ лдяныя жилы. Можетъ быть другіе при изслѣдованіи лдяныхъ слоевъ, распредѣлятъ болѣе точно породы льда относительно его чистоты и относительно механическихъ примѣспей. Ледъ, цементуя обломки горныхъ породъ, образуетъ цѣлую серію разнообразныхъ породъ, параллельно породамъ таящимъ. Такъ какъ мнѣ встрѣчались лдястыя глины, лдястые пески, могутъ быть лдястые конгломераты (коихъ временные слои я видѣлъ зимою на Сахалинѣ). Въ одномъ мѣстѣ по Енисею, въ 5 верстахъ отъ сел. Селякина, 26-го августа 1866 г., я видѣлъ, что въ средѣ слоевъ

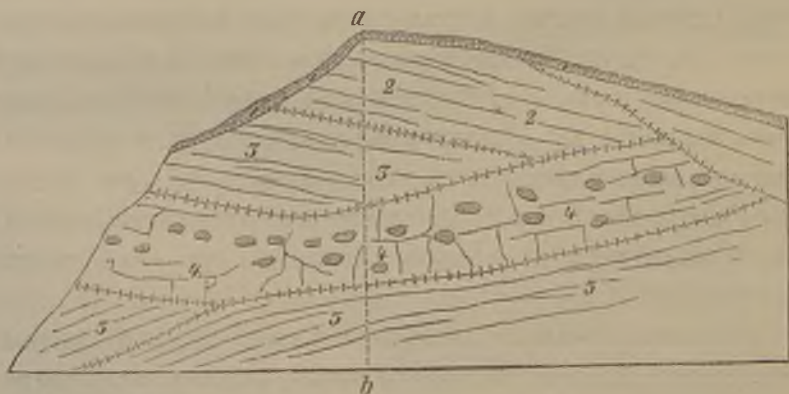
иловатой глины частицы воды были соединены въ кристаллическія друзы, это было родъ порфира, гдѣ явно видимые кристаллы были ледяные (см. примѣчаніе при концѣ этой статьи). Поперечное сѣченіе этихъ отдѣльностей льда до $\frac{1}{8}$ квадр. вершка величиною.

Вмѣсто подробнаго описанія видѣнныхъ мною слоевъ вообще, привожу нѣсколько выписокъ изъ моихъ дневниковъ. Какъ примѣръ обнаженія пластовъ и пропластковъ чистаго льду, то есть гдѣ ледъ или вовсе чистый или имѣетъ мало постороннихъ примѣсей, привожу описаніе нѣсколькихъ подобныхъ мѣстностей на низовьяхъ Енисея.

Около устья р. Потакуй въ Енисей (почти подь 72° с. ш.).

2-го августа 1866 года. За р. Потакуй, въ холмѣ ближайшемъ по берегу Енисея къ устью этой рѣки, я осматривалъ оврагъ, имѣющій N. S. направленіе и устьемъ обращенный къ S, т. е. къ Енисею. Этотъ оврагъ, при вершинѣ своей, раздѣляется на два овражка, при соединеніи которыхъ образовался высокій мысъ, представляющій хорошее ясное обнаженіе мѣстныхъ пластовъ, особенно стѣна обращенная къ О. Положеніе наслоеній изображено на рис. 5. Отвѣстная высота обнаженія, линія *ab* около 6 саж. Линія ++++ изображаетъ раздѣлъ разнаго свойства напластованій. Изъ нихъ 1) есть слои растительной земли, иловатой желтобураго цвѣта. 2) Перемежаемость иловатыхъ и

Рис. 5.

Плоскость обнаженія подь 1^н Ф. к.

песочныхъ слоевъ, свѣтлобураго цвѣта; слои песочные, относительно пловатыхъ тонкіе и въ нихъ мѣстами замѣтна охристая окраска. 3) Тоже перемежаемость песочныхъ и пловатыхъ слоевъ, болѣе темнаго цвѣта чѣмъ серія слоевъ 2, песочные слои здѣсь рѣдки. 4) Слой темносиневой (въ мокромъ состояніи) воницей глины, въ коей валуны песчанниковъ, конгломератовъ, известняковъ и разныхъ трапировыхъ породъ.

Валуны здѣсь нерѣдки и лежатъ не на одномъ горизонтѣ. Слой глины разбиты трещинами; они отваливаются и осыпаются кусками. 5) Перемежаемость прослойковъ и слоевъ лдяныхъ и глинистыхъ; глина та же, что и въ серіи пластовъ 4-й. Слой льда разной толщины, начиная съ тончайшихъ (менѣе вершка) и до 1 аршина и нѣсколько болѣе. Изъ всего обнаженія серія слоевъ 5-я оттаиваетъ преимущественно и отсюда струится глину содержащая вода. Ледъ прослойковъ довольно прозрачный. Серія слоевъ 4-я нависла надъ 5-ю. Валуновъ очень мало въ слояхъ 5-хъ. Слои 1, 2, 3 составляютъ по толщинѣ нѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$ всего обнаженія. Очень можетъ быть, что все обнаженіе сползло съ своего первоначальнаго мѣста. Нѣкоторые валуны въ этомъ обнаженіи покрыты явно замѣтными бороздами, другіе сильно сглажены съ одной стороны. Здѣсь, на днѣ оврага, я видѣлъ валунъ грубаго песчанника, размѣромъ 2 арш. вышины и 1 арш. длины и ширины, надъ поверхностью глины въ коей онъ увязъ. Стекающая и обваливающаяся съ яра глина здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, скоро высыхаетъ и растрескивается. Въ противоположной этому яру стѣнѣ оврага въ слое растительной земли, соответствующемъ 1-му описаннаго обнаженія, я нашелъ два обломка морскихъ раковинъ, и вмѣстѣ съ ними довольно много валуновъ размѣромъ до $\frac{1}{2}$ куб. арш. Темно-синяя мокрая глина 4-й серіи слоевъ этого обнаженія, похожа вполне на видимую въ высокомъ глиняномъ яру около селенія Селякинскаго».

Въ этомъ случаѣ я видѣлъ слои лдяные довольно чистые, подъ слоями наносовъ на глубинѣ около 4 сажен. отъ поверх-

ности яра. Въ другомъ случаѣ я наблюдалъ слои чистаго льду подъ тонкимъ слоемъ тундры а именно:

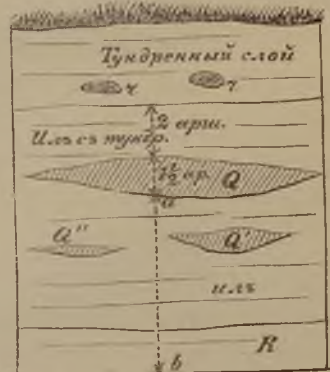
Въ $9\frac{1}{2}$ верстахъ сѣвернѣе устья р. Дорофѣевой (Ньярпенча-яха, по юрацки) на лѣвомъ берегу Енисея примѣрно подъ $70^{\circ} 45'$ с. ш.

13-ю августа 1866 года. Илъ здѣшнихъ яровъ, въ мокромъ состояніи, имѣеть темно сизый цвѣтъ, а высохнувъ — свѣтло сизый. Яры изъ этого ила содержатъ множество раковинъ *Yoldia arctica*, по опредѣленію Ф. Б. Шмидта, они сильно оплываютъ и массы глины сползаютъ на плоское побережье рѣки. Сползаніе зависить отъ того, что слои эти содержатъ много прослойковъ льду, различной толщины. Но преимущественно слои льду залегаютъ подъ слоемъ поверхностной растительной земли — тундры, имѣющей здѣсь $\frac{3}{4}$ арш. толщины, тогда какъ слои льду подъ ней въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ другомъ мѣстѣ, по близости, слой поверхностной растительной земли тундры 2 аршина толщиною, а слой льду подъ нимъ въ 1 аршинъ.

Въ нѣкоторыхъ обнаженіяхъ, встрѣчаются совмѣстно слои льду чистаго и грязнаго, такъ напримѣръ, на томъ же лѣвомъ берегу Енисея, и около той же рѣки Дорофѣевой, только съ версту выше ея устья на берегу Енисея я видѣлъ и записалъ слѣдующее:

14-ю августа 1866 года. «Я видѣлъ обнаженіе пластовъ переданное паглядно на рис. 6, изображающемъ сѣченіе наносовъ по линіи, параллельной теченію Енисея здѣсь. Отъ точки *a* до *b* обнаженіе 32 арш. по склону въ 20° . Выклинивающимся массы: *Q*, *Q'* и *Q''* состоятъ изъ льду. Въ ближайшихъ обнаженіяхъ также видны массы льда, заключенныя въ наносахъ. Ледъ въ большой массѣ *Q* (коей наибольшая видимая толщина $1\frac{1}{2}$ аршина) довольно чистый и про-

Рис. 6.

зрачный, а подь нимъ въ массахъ Q' и Q'' очень грязень. Верхній пластъ тундры съ песковъ содержитъ стволы деревьевъ r , r . Въ нижнемъ пловатомъ слоѣ R мерзлаго илу попадаютя морскія раковины . . . , въ сплывшихъ массахъ илу пзъ слоя R съ этого яра попадаютя раковины *Yoldia arctica*.

«Въ логу въ продолженіи этого же обнаженія слой льду видѣнъ въ илу подь песочнымъ слоємъ бурого цвѣта».

Въ этомъ случаѣ пласты льду имѣли виды короткихъ выклинивающихся, но все таки пластообразныхъ массъ.

Какъ примѣръ перемежаемостей лдяныхъ слоевъ и пловатыхъ, привожу обнаженіе, видѣнное мною по правому берегу Енисея, въ 5 верстахъ выше сел. Селякина (примѣрно подь $69^{\circ} 30'$ с. ш.).

26-го августа 1866 года. «Версть 5 отъ мыса и селенія Селякина видно, что часть склона холма обвалилась и превратилась въ оврагъ, въ коемъ обнаженія являютя слои сизаго илу, а надъ ними красноватобураго цвѣта, слой иловатаго песку съ валунами, прикрытый уже растительной землей. Въ сизаго цвѣта ябно слоистомъ, иловатомъ слоѣ есть прослойки съ охристой окраской, желтоватаго цвѣта и кромѣ того онъ содержитъ прослойки льда. Въ части этого обнаженія (верхней) я насчиталъ на погонной 1 сажени 7 слоевъ льду, изъ коихъ самый толстый въ 1 аршинъ, а наитончайшій въ $\frac{1}{2}$ вершка; именно же эта была перемежаемость слѣдующая:

Иль	$\frac{1}{4}$ аршина	толщиною
Тончайшій слой льду	$\frac{1}{2}$ вершка	»
Иль	$\frac{3}{4}$ аршина	»
Ледъ (а)	1 вершокъ	»
Иль (а и в)	2 вершка	»
Ледъ	2	»
Иль	$\frac{1}{4}$ аршина	»
Ледъ	1 вершокъ	»
Иль	$\frac{1}{4}$ аршина	»
Ледъ	1 вершокъ	»

Иль	$\frac{1}{4}$ аршина	толщиною
Ледь	2 вершка	»
Иль	$\frac{1}{4}$ аршина	»
Ледь съ небольшимъ количествомъ илу.	1 аршинъ	»

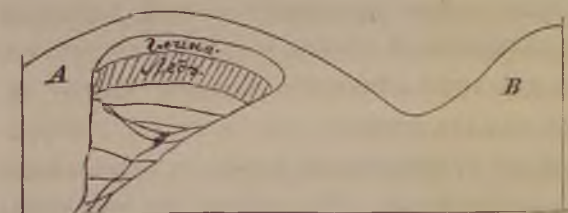
«Здѣсь слои означенные буквою *a*, очень короткіе выклинивающіеся, тогда какъ другіе имѣли протяженіе по всей плоскости обнаженія. Слой илу означенный буквою *b* содержалъ кусочки моху (?). Ледь въ слояхъ этого обнаженія большею частію чистый и прозрачный въ малыхъ кускахъ, но въ слояхъ прозрачнаго льду есть кусочки илу остроугольной формы съ правильными ограничивающими ихъ плоскостями, а въ слояхъ илу кристаллы подобные же изъ льду».

Что касается до обнаженій, гдѣ въ мерзлыхъ наслоеніяхъ преобладаютъ твердыя частицы, нетаящія, т. е. иль и песокъ, то можно сказать, что они преобладаютъ на низовьяхъ Енисея и преимущественно въ мѣстности примѣрно къ сѣверу отъ $68\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Оплывающіе слои здѣсь повсемѣстны, а оплываютъ безъ дождей они потому, что содержатъ въ средѣ своей замерзлую воду. Особенно сильно оплываютъ слои илу и глины. Куски эти двухъ видовъ наноса здѣшняго, которые я бралъ для образца, сохли передъ огнемъ костра въ теченіи болѣе двухъ дней. Но описывая здѣсь преимущественно слои лдяные, т. е. гдѣ, все-таки, ледь преобладаетъ, я привожу для примѣра наиболѣе типичныя обнаженія этого рода. Такъ, на правомъ берегу Енисея, съ версту выше по берегу рѣки чѣмъ селеніе Вершинино (примѣрно подь 69° с. ш.) я записалъ слѣдующее:

1-го сентября 1866 года. «Первое за деревнею обнаженіе, которое я осматривалъ сегодня, любопытно по лдянымъ слоямъ ясно въ немъ видимымъ. Именно здѣсь видѣнъ слой льду, около 1 сажени толщиною, по льду очень грязнаго, заключающаго въ себѣ обломки камней до $\frac{1}{2}$ кубич. аршина величиною. Надъ этимъ лдянымъ слоємъ залегаетъ иль бураго цвѣта, толщиною въ 1 арш. и мѣстами нѣсколько болѣе. Надо замѣтить, что толщина

слоя льда, въ разныхъ мѣстахъ, различная, то нѣсколько болѣе, то менѣе вышеозначенной, равно какъ и слоя бурога цвѣта глины его покрывающей. Версты 3 далѣе вверхъ по берегу Енисея, въ одномъ изъ овраговъ я видѣлъ тогда же подобное же обнаженіе грязныхъ лдяныхъ слоевъ; именно, рис. 7 изображаетъ

Рисс. 7.

наглядно яръ, видный въ одномъ изъ боковъ этого оврага, имѣющаго длину по линіи перпендикулярной теченію Енисея, здѣсь. Ледъ

въ этомъ обнаженіи, частію совершенно чистый, прозрачный, частію грязный.

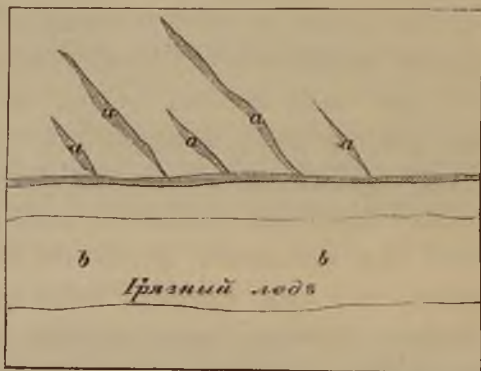
«Ледъ здѣсь лежитъ слоями и перемежается съ иломъ темно-синяго цвѣта, который содержитъ валуны до 1 куб. четверти аршина размѣромъ. Видно, что лдяные слои, послѣ образованія, подвергались размытію или оттаиванію, въ самый же періодъ ихъ образованія. Это доказываетъ срисованное мною здѣсь же обнаженіе, изображенное на рисункѣ 7. На побережьи Енисея, я нашелъ обтертый обломокъ морской раковины, но въ ярахъ ихъ не видно. Овраги здѣшніе происходятъ, вѣроятно, главнѣйшимъ образомъ отъ таянія лдяныхъ слоевъ и деревья, стояція въ наклонныхъ положеніяхъ, въ разныя стороны, свидѣтельствуютъ, что поверхностный слой былъ выведенъ изъ своего первоначальнаго положенія. Въ оврагахъ этихъ, а равно и ярахъ, въ нихъ, высоко надъ теперешнимъ уровнемъ Енисея, я видѣлъ валуны съ бороздами».

Кромѣ лдяныхъ слоевъ, мѣстама видно, что въ средѣ напосовъ были погребены цѣлыя льдины и подобный примѣръ наиболѣе типичный я видѣлъ 7-го августа 1866 г., въ обнаженіи Корги Сопошной, при самомъ устьѣ Енисея, и болѣе подробное описаніе и изображеніе онаго я оставляю до полнаго изданія моихъ дневниковъ веденныхъ во время Туруханской экспедиціи.

Въ заключеніе этихъ выписокъ, касательно земляныхъ льдовъ Туруханскаго края, привожу въ примѣръ еще одно обнаженіе, въ 15 верстахъ выше сел. Крестовскаго по Енисею, гдѣ я видѣлъ ледъ въ видѣ жилъ, кромѣ вышеупомянутыхъ видѣнныхъ мною въ Бреховскихъ островахъ.

27-ю августа 1866 года. «Рисунокъ 8 изображаетъ часть этого обнаженія, здѣсь въ массѣ пла заключаются *a, a, a*, жилы чистаго льду, а *b* слой грязнаго льду, толщиною въ 2 аршина; слой этотъ въ другомъ мѣстѣ обнаженія выклинивается. Между слоями илу заключаются слои окристыхъ, рыхлыхъ конгломератовъ, разной толщины; мѣстами они въ $\frac{1}{4}$ арш., мѣстами болѣе 2 сажень.

Рис. 8.

Въ илу есть камни, но рѣдко; въ немъ заключаются также изрѣдка обломки морскихъ раковинъ, кои я встрѣчалъ на высотѣ 50 аршинъ по склону въ 40° . Куски каменнаго угля и раковинъ обтертые».

Вообще лдяныя жилы въ средѣ пластовъ болѣе древняго происхожденія, образующихъ высокіе берега Енисея — рѣдки, ихъ очень много въ средѣ мерзлыхъ пластовъ, новѣйшаго происхожденія, образующихъ Бреховскій архипелагъ и, кромѣ того, я наблюдалъ ихъ на Витимскомъ плоскогорьѣ, гдѣ они ясно видны при разработкѣ нѣкоторыхъ тамошнихъ золотыхъ розсыпей.

Наиболѣе замѣтокъ о лдяныхъ слояхъ и прожилкахъ, я пашель въ описаніи пріисковъ, расположенныхъ по рѣчкамъ Сиво и Сивокону, притоковъ Чины, впадающей въ Витимъ.

Мѣстность эта находится подъ $54,5^\circ$ с. ш. и имѣетъ возвышеніе надъ уровнемъ моря около 5270 англійскихъ футовъ по

вычисленіямъ князя П. А. Крапоткина¹⁾. Все Витимское плоскогорье имѣеть мерзлую почву и рѣчки Сиво и Сивоконъ текутъ по одной изъ высокихъ долинъ этой страны. Осматривалъ я эти мѣстности въ серединѣ лѣта 1865 года. Въ описаніи Дамаскинскаго пріиска по рѣчкѣ Сивокону я нашелъ слѣдующія замѣтки, характеризующія эту долину. Паденіе ея на 557 сажень — $3\frac{1}{2}$ сажени (по поверхности дна долины).

Верхніе слои наносовъ, несодержащіе золота, стоящаго разработки (тулерь по мѣстной терминологіи), имѣеть въ верхнемъ разрѣзѣ (выработкѣ) до $3\frac{1}{2}$ арш. толщины, изъ коихъ отъ $\frac{3}{4}$ арш. до 2 арш. чистаго торфа (тундра, по мѣстному выраженію), а ниже илестый торфъ, толщиной отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ арш. Затѣмъ, ниже этихъ торфянистыхъ слоевъ, наносъ состоитъ изъ мелкаго окатаннаго камешника (рѣчникъ по мѣстному выраженію), толщина этого слоя измѣняется, иногда его совсѣмъ нѣтъ, иногда онъ имѣеть до 2 арш. толщины. Надо замѣтить, что иногда подъ тундрою — торфомъ, прямо слѣдуютъ рѣчники (т. е. промежуточнаго илстаго слоя вовсе нѣтъ). Въ рѣчникахъ золота очень мало и чѣмъ болѣе къ нимъ примѣшано глины, тѣмъ болѣе и золота. Въ несодержащихъ золото наносахъ, болшею частію вѣчно мерзлыхъ, есть мѣстами массы чистаго льду, подобныя жиламъ горныхъ породъ, идущія иногда на значительное разстояніе. Золотоносная часть наносовъ, хотя и мерзлая также, но прожилковъ чистаго льда не имѣеть. Состоитъ она, преимущественно, изъ валуновъ мѣстныхъ породъ: сланцевъ метаморфическихъ, кварцевъ и зеленокаменныхъ породъ, смѣшанныхъ съ глиною. Толщина золотоносныхъ наносовъ отъ $\frac{3}{4}$ арш. до $1\frac{1}{2}$ арш. Почва же наносовъ состоитъ частью изъ метаморфическаго вывѣтрившагося сланца, частью изъ дальнѣйшаго продукта разрушенія этой породы — глины.

На приискѣ Федоровскомъ (принадлежавшемъ купцу Коты-

¹⁾ См. отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи князя П. А. Крапоткина. Спб. 1873, стр. 666.

шевцеву) также по Сивокону, пониже по теченію, наносы также состоятъ съ верху къ низу:

- 1) Тундра — торфъ.
- 2) Тундра съ иломъ и лдяными жилами.
- 3) Рѣчники.

4) Преимущественно золотоносный пластъ, состоящій изъ валуновъ съ глиною. Верхній слой имѣеть толщины отъ $\frac{3}{4}$ до 1 арш., 2-й имѣеть толщины отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ арш. Въ этомъ слоѣ залегаютъ жилы льда, имѣющія по длинѣ направленіе частью согласное длинѣ долины, отчасти перпендикулярное къ оному; такъ что надо предположить, что эти лдяныя русла — жилы, имѣють паденіе, согласное съ паденіемъ твердой почвы наносовъ, а можетъ быть поверхности долины, а другія согласно паденію склоновъ долины ко дну оной, пли къ руслу потока. Поперечное сѣченіе наносовъ, съ указаніемъ профиля сѣченія лдяныхъ жилъ примѣрно будетъ таковое (рис. 9).

Рис. 9.

тундра съ иломъ и лдяными жилами
рѣчники (мелкіе валуны, преимущ.)
золотоносный наносъ
почва — коренная порода.

Одна изъ жилъ имѣла плоскость поперечнаго сѣченія, вышиною 2 арш., шириною 1 арш. 4 вершка. По видимому, строеніе льда въ одной и той же жилѣ однообразное (судя по поперечнымъ сѣченіямъ), по одній изъ жилъ имѣють ледъ чистый, прозрачный, другія — буроватый. Явныхъ слоевъ во льду жилъ не видно, почему и нельзя заключить навѣрное, что онъ образовался не одновременно. Впрочемъ, поверхности поперечныхъ сѣченій лдяныхъ жилъ, кои я наблюдалъ здѣсь, такъ заплыли иломъ, что я не могу положительно утверждать, что слоеватость въ лдяныхъ жилахъ не существуетъ. Верхнія части лдяныхъ жилъ въ близкихъ мѣстностяхъ какъ бы сравнены, что видно на рисункѣ 9-мъ.

Свойство рѣчниковатаго пласта (мелкихъ валуновъ) по Сивокону описано мною выше (Дамаскинскій пріискъ). Золотоносная часть наносовъ (золотоносный пластъ) отличается значительнымъ количествомъ желтоватой глины, связывающей валуны и болѣе или менѣе большимъ содержаніемъ золотыхъ крупинокъ. Надъ почвою наносовъ здѣсь валуны наиболѣе крупныя. Въ золото-содержащихъ наносахъ нѣтъ ни лдяныхъ прослойковъ, ни чистаго льда, но всетаки онъ болѣе или менѣе проникнутъ замершими водяными частицами, такъ что если пластъ золотоносный обнажить, снять покрывающіе его слои торфа, ила и рѣчниковъ, то предоставленный дѣйствию солнечныхъ лучей и температуры теплаго времени года, онъ уменьшается на $\frac{1}{3}$ въ объемъ (по большей части), по словамъ завѣдующихъ работами пріиска. Но случилось, что пластъ, бывшій до его обнаженія отъ наносовъ 10 четвертей толщиною, дѣлается только 5 четвертей толщины послѣ нѣкотораго времени, когда онъ постоитъ открытый и вовсе растаетъ. Золотоносный пластъ, во всѣхъ видѣнныхъ мною мѣстностяхъ, всегда самая каменистая часть наносовъ долины. Должно быть, въ слѣдствіе того, что наносы Витимской страны мерзлы, въ незолотоносныхъ, верхнихъ пластахъ наносовъ находятъ не только отдѣльныя куски сохранившихся вполне древесныхъ стволовъ и сучьевъ (только нобурѣвшихъ), но и цѣлыя скопленія таковыхъ растительныхъ остатковъ. Такъ на Григорьевскомъ пріискѣ К^о Бутаца и Якобсона, пар. Аунику (притокъ Малаго Амалата справа) я видѣлъ въ средѣ не золотоносныхъ наносовъ, надъ рѣчниками скопленія древесныхъ остатковъ, толщиною до 2 арш. и залегавшихъ подъ слоями илу и торфа. Кромѣ крупныхъ древесныхъ стволовъ, здѣсь вполне сохранились сучки и вѣтки. Между древесными остатками иловатый песокъ. Я видѣлъ погребенные такимъ образомъ лѣсины, до $7\frac{1}{2}$ вершковъ въ отрубѣ и нѣсколько сажень длиною. Ледъ залегаетъ иногда въ средѣ наносовъ Витимской страны и въ видѣ пластовъ. Такъ мнѣ говорилъ, что въ пріискахъ, принадлежавшихъ купцу Соловьеву по Цыпикану (въ окрестностяхъ

устьевъ р. Сивачъ) по долинь Цыпикана, въ наносахъ, не содержащихъ золото, встрѣчались пласты льду до 2 аршинъ толщиною. Затѣмъ интересный примѣръ нахождения льда въ средѣ наносовъ сообщилъ мнѣ г. Тучковъ, управляющій г. Бутаца. Онъ говорилъ, что при развѣдкѣ на золото, въ одномъ изъ шурфовъ въ долинь ключа, впадающаго въ р. Цыпиканъ, въ окрестностяхъ рѣчки Сивачъ, онъ встрѣтилъ такое напластованіе съверху къ низу:

Тундра	6	четвертей	аршина
Рѣчникъ (безъ знаковъ золота)	9	»	»
Рѣчникъ со знаками золота	2	»	»
Ледъ мутный	37	»	»
Тундра (торфъ) со льдомъ	5	»	»
Золотосодержащій пластъ глинистый съ золотомъ въ 20 доль со 100 пу- довъ	5	»	»

Про нахожденіе льда въ золотоносномъ пласту мнѣ говорили только на Соловьевскомъ ключѣ, впадающемъ съ лѣва въ Цыпиканъ, но самъ я того не видалъ ¹⁾.

Подобно Туруханскимъ ледянымъ слоямъ въ Вершино-Витимскихъ находятъ нерѣдко остатки большихъ толстокожихъ животныхъ и преимущественно мамонтовъ. Про нахожденіе костей этихъ животныхъ съ мясомъ я не слышалъ, но клыки мамонта были находимы вполне свѣжіе и годные для подѣлокъ.

III.

Общія заключенія о свойствахъ ледяныхъ слоевъ въ Восточной Сибири.

Какъ упомянуто выше, я наблюдалъ обнаженія ледяныхъ слоевъ преимущественно въ Туруханскомъ и Вершино-Витимскомъ краяхъ. Въ обоихъ мѣстностяхъ, обнаженія эти, предо-

¹⁾ Примѣры нахождения льда среди наносовъ см. еще отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи П. Крапоткина. Спб. 1873 г., стр. 235, 239 и 240.

ставленные непосредственному вліянію атмосферныхъ дѣтелей, являли видъ разрушенія. Грязь текла со обрывовъ, состоявшихъ изъ перемежаемыхъ лдяныхъ слоевъ болѣе или менѣе чистыхъ. Изъ песочно-лдяныхъ слоевъ течетъ вода болѣе чистая. Овраги и размоины многочисленны. Сползшіе съ яровъ глина и песокъ превратившіеся въ грязь, достигая до воды Енисея, немедля уносятся оной и вода рѣки около ихъ всегда мутная, особенно это примѣтно на мысахъ. Въ Туруханскомъ краѣ, по берегамъ Енисея, есть нѣсколько проваловъ, кои мѣстная фантазія населила злыми духами (селеніе Крестово, что около 95 верстъ ниже села Дудинскаго, около д. Вершининой, Чертово озеро и друг.). Валуны, заключающіеся въ мерзлыхъ слояхъ, также при помощи мокрой глины и грязи, сползаютъ до уровня. Валупы въ средѣ мерзлыхъ пластовъ разрушаются, повидимому, скорѣе, чѣмъ бы это было съ ними въ другихъ обстоятельствахъ. Вода мерзлыхъ пластовъ, проникая въ трещины валуповъ, замерзая раскалываетъ ихъ на мелкія пластинки, чему я видѣлъ многочисленные примѣры. Массы остроугольныхъ обломковъ, на утесистыхъ вершинахъ трапповыхъ горъ около устья Енисея и на Вершино-Витимской странѣ, особенно кидались мнѣ въ глаза сравнительно съ другими мѣстностями Восточной Сибири. Также валуны вывалившіеся изъ мерзлыхъ слоевъ на берегу Енисея, не достигнувъ русла рѣки распадались на мелкіе остроугольные куски. Такимъ же путемъ на берега Енисея, ниже Дудинки (или даже начиная съ сел. Лузина) попадаютъ раковины морскія, сохраняющіяся въ наилучшемъ состояніи, среди мерзлыхъ слоевъ пост-плиоценовой формаціи Туруханскаго края. Раковины эти, мѣстами сохранили даже сухожильныя связки (напримѣръ, найденныя мною створки *Saxicava*, въ Сидоровыхъ ярахъ противъ Бреховскихъ острововъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ мерзлыхъ теперь слояхъ низовьевъ Енисея, я находилъ известково-глинистыя и известково-песочныя сростки; раковины также были мѣстами цементированы известковыми частицами. Для подобной дѣятельности известко-

выхъ растворовъ (сцементованія разныхъ обломковъ) необходимо предположить, что тогда пласты, въ коихъ это явленіе происходило, были не мерзлы. Надо допустить въ слѣдствіе того, что пласты сдѣлались мерзлыми черезъ немалый промежутокъ времени, послѣ ихъ образованія. Надо допустить, что происходило промерзаніе почвы отъ поверхности въ глубину. Но рѣшать это пусть тѣ, кто побѣдетъ въ посѣщенные мною страны, съ мерзлою почвою, съ цѣлю ея изслѣдовать.

Разрушеніе, производимое атмосферическими дѣятелями на поверхность обнаженныхъ ледяныхъ или мерзлыхъ слоевъ явно видно по берегамъ Енисея. Съ своей стороны, мерзлые слои дѣйствуютъ иногда разрушительно, на предметы на нихъ находящіеся.

Если посмотрѣть на литографированную копію съ фотографическаго снимка, сдѣланнаго моимъ братомъ П. А. Лонатинымъ, во время Туруханской экспедиціи 1866 года, съ сел. Дудинки и приложеннаго къ статьѣ моей «О изборожденныхъ льдомъ валунахъ и утесахъ по берегамъ Енисея къ С. отъ 60° с. ш.», то увидимъ тамъ, развалины каменной церкви, нѣкогда существовавшей въ селѣ Дудинскомъ. Кириичный храмъ этотъ разтрескался и разрушился отъ движенія слоевъ въ слѣдствіе ледяной почвы. Тамъ, гдѣ почва мерзлая лѣтомъ отходитъ на извѣстную глубину (въ низовьяхъ Енисея, по словамъ тамошняго крестьянина Никиты Невельскаго, тамъ, гдѣ грунтъ песочный на 1½ арш.; а тамъ, гдѣ глина на ½ и ¾ аршина), то образуется у поверхности земли два различныхъ слоя: поверхностный—талый и подлежащій—мерзлый. Нижній слой сохраняетъ болѣе или менѣе неизмѣнно свое состояніе, оставаясь, что называется, вѣчно мерзлымъ, тогда какъ верхній слой находится то мерзлымъ зимою, то талымъ лѣтомъ. Когда процессъ протаиванія земли лѣтомъ кончился и температура притекающихъ сверху водъ, не въ состояніи повышать температуру подлежащихъ мерзлыхъ слоевъ, то притекающая сверху вода замерзаетъ и, разширяясь, поднимаетъ поверхность наносовъ и предметы на ней расположенные. При неодинаковой

степени напряженности этой силы, дѣйствующей съ низу въ верхъ относительно, напримѣръ, фундамента храма, онъ неминуемо долженъ былъ растрескаться—что и случилось въ селѣ Дудинскомъ (подъ $69^{\circ} 11'$ с. ш.).

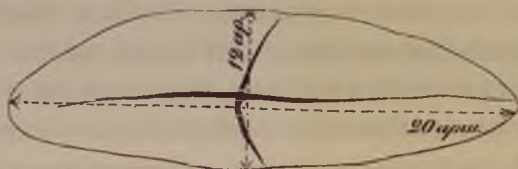
На вершинахъ Витимкана (истокъ р. Витима) около озера, изъ коего вытекаетъ одна изъ вершинъ рѣки, я видѣлъ бугромъ поднятый и растрескавшійся слой земли, такъ какъ это означено на рисункѣ 10-мъ.

Рис. 10.

съ боку

съверху.

вид. съ поперх. наиб. ширина трещ. $\frac{3}{4}$ арш.

» » » » глубина » 1 » 6 верш.

Глубже виденъ ледъ.

Избы въ полярныхъ частяхъ Туруханскаго округа часто стоятъ наклонно по таковой же причинѣ.

О толщинѣ лдяныхъ или мерзлыхъ слоевъ я не могу дать столь положительныхъ данныхъ, какъ членъ Академіи Наукъ г. Миддендорфъ, изслѣдовавшій столь превосходно Шергину шахту въ гор. Якутскѣ. Вышина самага большаго яра мысъ Преображенія въ Енисейской губѣ (подъ 72° с. ш. примѣрно) около 21 сажени, незначительная, сравнительно съ толщиною наносныхъ мерзлыхъ напластованій, видныхъ въ Шергиной шахтѣ (какъ извѣстно, равной 54 саженямъ).

Къ тому, что сказано у г. Миддендорфа о распространениі лдяной почвы я долженъ прибавить, что почва на всемъ Витимскомъ плоскогорьѣ, посѣщенномъ мною въ 1865 г., вѣчно мерзла

на извѣстной глубинѣ. Но въ глубокихъ долинахъ, прилегающихъ (ограничивающихъ) къ этому плоскогорью, напр. Баргузинской¹⁾ почва талая и начиная отъ этой мѣстности и далѣе къ сѣверу по долинѣ Ангары, про вѣчно мерзлые слои значительнаго протяженія и не слышалъ, до того мѣста, гдѣ въ Ангару впадаетъ р. Каменка.

Здѣсь въ одинъ изъ притоковъ Каменки Удерею впадаетъ рѣчка Мамонъ, по которой встрѣчается мерзлая почва преимущественно по склону долины обращенному къ сѣверу.

Затѣмъ про мерзлоту въ долинахъ окрестныхъ рѣчекъ я ничего не слышалъ, хотя тамъ много разрабатывающихся золотыхъ приисковъ — гдѣ наносы вынимаются до твердой постели оныхъ.

Затѣмъ, далѣе къ сѣверу, я знаю про существованіе вѣчной мерзлоты на нѣсколькихъ промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа, расположенныхъ по вершинамъ притоковъ р. Подкаменной Тунгуски (напр. по р. Евашимо и Нойба).

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что мерзлота въ наносахъ существуетъ во всемъ Вершино-Витимскомъ плоскогорьѣ, возвышающемся отъ 4000 до 5000 футъ надъ уровнемъ моря подъ 54° с. ш.²⁾; затѣмъ она является кое гдѣ сѣвернѣе на приискахъ Енисейскаго округа подъ 59° и 60° с. ш., въ мѣстностяхъ, возвышающихся на 1250 — 1600 англ. футъ надъ уровнемъ моря²⁾ и наконецъ занимаетъ всю поверхность земли, начиная съ 65° 54' с. ш. (судя по выводамъ академика А. Миддендорфа). Очевидно, что вѣчная мерзлота зависитъ отъ средней годовой температуры слоевъ воздуха въ мѣстности, къ которой они прилегаютъ, каково бы ни было ея географическое положеніе. Съ измѣненіемъ оной возможно и превращеніе мерзлыхъ слоевъ въ талые, и уничтоженіе льда, какъ постоянной горной породы.

¹⁾ Расположенный, такъ сказать, у подошвы этого плоскогорья.

²⁾ Цифры эти я взялъ изъ отчета Олекминско-Витимской экспедиціи князя П. А. Крапоткина. Спб. 1873 г., стр. 643 и 666.

Тѣ обстоятельства, что Бреховскій архипелагъ на Енисеѣ (подъ 71° с. ш.) состоитъ изъ лдяно-наносныхъ слоевъ, что онъ очевидно образовался въ новѣйшій геологическій періодъ и что продолжаетъ увеличиваться приращеніемъ мерзлыхъ слоевъ по сіе время, доказываютъ, что образованіе лдяно-наносныхъ, прѣсноводныхъ пластовъ продолжается и теперь.

Въ заключеніе, позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько соотношеній между свойствами теперь существующихъ лдяно-наносныхъ слоевъ и остатками стратиграфическими, такъ называемаго лдянаго періода, столь хорошо изученнаго въ Европѣ.

Если допустить, что значительная часть Европы была покрыта ледниками, то климатъ долженъ былъ несомнѣнно благоприятствовать образованію лдяно-наносныхъ наслоеній. Затѣмъ, наступилъ періодъ, когда климатъ сдѣлался умѣреннѣе и какъ ледники, такъ и лдяно-наносные слои стали разрушаться; тогда результатами этого явленія надо допустить слѣдующія послѣдствія:

1) Г. Миддендорфъ видѣлъ лдяные слои въ Шергиной шахтѣ на глубинѣ 380 футъ (см. Пут. на Сѣв. и Вост. Сибири т. I, часть 3, стр. 397 и 475) и допускаетъ существованіе лдяной почвы на 600, 700 или даже 1000 футъ, то понятно, что страна, въ которой мерзлые слои растаятъ, опустится на нѣсколько сотъ футъ, безъ вліянія на это явленіе силъ внутри земли дѣйствующихъ, а только отъ повышенія годовой температуры мѣстности.

2) Отъ таянія лдяно-наносныхъ слоевъ, подлежащія горныя породы освободятся отъ значительной массы тяготѣвшаго на нихъ льда.

3) Возможно значительное измѣненіе очертанія берсговъ континентовъ и проч.

4) Отъ таянія льда въ средѣ лдяно-наносныхъ слоевъ, очертаніе этихъ слоевъ въ поперечномъ разрѣзѣ должно непремѣнно измѣниться; очень вѣроятно, что неправильности въ расположеніи слоевъ наносовъ ледниковаго періода Англіи, кои покойный

Лейэль¹⁾ объясняетъ дѣйствіемъ морскихъ льдинъ, произошли просто отъ растаянія лдяно-наносныхъ пластовъ, присущихъ тому періоду (судя по аналогіи).

5) Во время переменъ климата въ болѣе теплый, послѣ ледниковаго періода, кромѣ большаго количества воды долженствовавшаго получиться отъ таянія лдяно-наносныхъ пластовъ, образованію обширныхъ долинъ и размывовъ должна была помогать рыхлость породъ, отъ разрушенія лдяно-наносныхъ слоевъ образовавшихся. Во время краткаго лѣта на устьѣ Енисея я записалъ тамъ 6-го августа 1866 г. на мысѣ Преображенія (около 72° с. ш.). «Массы глины спускаются какъ бы потоками грязи по оврагамъ до уровня воды Енисейской бухты, которые текутъ мимо этого мыса мутными водами».

Примѣчаніе касательно отпечатковъ кристалловъ льда на глинѣ.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири, мнѣ случалось видѣть отпечатки кристалловъ льда на илѣ и грязи. Такъ въ 1861 г. я видѣлъ ихъ въ одной ямѣ, гдѣ дно и бока были покрыты тонкимъ иломъ, на золотыхъ промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ 1866 г., я видѣлъ ихъ на грязи, оплывшей съ яра около устьевъ Енисея подъ 71° с. ш. Въ 1871 году я видѣлъ ихъ же, раннею весною, на загрязненной лопатѣ, оставшейся таковою въ теченіи морозной ночи, за коей слѣдовалъ теплый день, на золотыхъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, вода должно быть по массѣ была подчинена илу или глинѣ, которую она смочила. При замерзаніи, частицы воды, группируясь въ извѣстныхъ формахъ, образовали дендритовидныя группы кристалловъ, которыя, состоя изъ чистаго льда, при наступленіи теплаго времени, растаяли. Когда вода растаяла, то видно было, что она занимаетъ углубленія вѣтвистой формы, кристаллическаго очертанія. Когда кусокъ глины

¹⁾ См. Геологическія доказательства древности человѣка. Русскій переводъ. Спб. 1864 г., стр. 210—211.

высыхаетъ, то отпечатки кристалловъ льда на немъ довольно явственно видимы. Особенно ясны и явно видны были отпечатки кристалловъ льда на желѣзной лопатѣ. Илъ ее покрывалъ очень тонкимъ слоемъ и кристаллы льда образовавшисъ, заняли всю толщину этого слоя; послѣ же разтаянiя льда и высыханiя глины образовались сквозныя (относительно слоя ила) дендритовидныя углубленiя, дно копѣхъ было желѣзо лопаты, очищенное трениемъ (при работѣ) отъ покрывавшей его ржавчины. Все это я сообщаю для того, чтобы показать что образованiе кристалловъ льда, въ средѣ наносовъ (глины, ила) возможно и что слѣдовательно возможно существованiе порфиридной породы, гдѣ основная масса будетъ вмѣсто мелко кристаллической порфировъ плутоническаго происхожденiя, изъ глины; а крупные кристаллы, вмѣсто полевошпатовыхъ или другихъ, изъ замершей воды — льда. Дендритовидныя отпечатки кристалловъ льда на глинѣ, могутъ также служить къ объясненiю образованiя дендритовъ на разныхъ горныхъ породахъ и древнихъ предметахъ каменнаго вѣка.

91(c)

п-54

ПИСЬМА И ОТЧЕТЫ
О ПУТЕШЕСТВИИ ВЪ ДОЛИНУ Р. ОБИ,

ИСПОЛНЕННОМЪ ПО ПОРУЧЕНІЮ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. С. Полянова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXV ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

И. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 75 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лив., № 12.)

Цѣлью представляемыхъ здѣсь «Писемъ и отчетовъ» было обрисовать наиболѣе выдающіяся черты характера природы и обитателей въ пройденной мною мѣстности. Но такъ какъ статьи, ниже слѣдующія, писаны въ разное время и при различныхъ условіяхъ, то въ нихъ, къ сожалѣнію, не сохранено единства системы изложенія, не обнаружена съ надлежащей ясностью та тѣсная связь и гармонія, которыя существуютъ между природой страны и ея обитателями. Въ первыхъ письмахъ съ Иртыша и Оби я удѣлилъ болѣе мѣста бросившимся мнѣ въ глаза явленіямъ природы, а въ отчетѣ изъ Обдорска я старался по преимуществу очертить челоуѣка. Очевидной неполноты этихъ статей я не могъ однакоже уничтожить въ послѣдствіи, въ отчетахъ, написанныхъ мною въ Петербургѣ; съ одной стороны, пополненіе раньше написаннаго потребовало бы много времени, съ другой — мнѣ предстояло еще сдѣлать общій очеркъ природы и жизни въ дальнѣйшей области моего путешествія. То, чего не достаетъ въ «Письмахъ и отчетахъ» — будетъ выполнено въ подробномъ и систематическомъ описаніи пріобрѣтенныхъ мною матеріаловъ, въ связи со свѣдѣніями о странѣ, уже ранѣе обнаруженными. До сихъ же поръ, говоря на примѣръ въ общихъ чертахъ о жизни рыбъ, я приводилъ только ихъ названія, не входя въ ихъ научное описаніе; касаясь звѣрей, населяющихъ лѣса и сѣверныя тундры, я упускалъ изъ виду рѣчь объ ихъ образѣ жизни и привычкахъ, объ измѣнчивости и свойствахъ ихъ мѣховъ, — вообще, объ условіяхъ ихъ существованія. Нако-

нець, и челоуѣка я разсматриваль отрывочно, эпизодически, не входя въ систематическое описаніе чертъ его лица, физическаго склада, его одежды, жилища, охоты и другихъ промысловъ. Для спеціальной работы о природѣ и обитателяхъ долины р. Оби мною собранъ весьма достаточный матеріалъ, состоящій изъ мѣховъ, череповъ и скелетовъ млекопитающихъ и изъ сохраненныхъ въ спирту рыбъ. Для описанія челоуѣка имѣется значительная этнографическая колекція, заключающая въ себѣ различныя домашнія принадлежности и орудія, въ числѣ которыхъ находится собраніе орудій каменнаго вѣка, вмѣстѣ съ современными черепами, фотографическими карточками и пр. Весь этотъ, какъ естественно-историческій, такъ и антрополого-этнографическій матеріалъ получить особенную цѣну при сравненіи его съ подобнаго же рода предметами изъ сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ странъ и эпохъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1877 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

I.

Путь отъ Петербурга до Тобольска.—Указаніе на звѣрей окрестностей Тобольска. — Одичалыя собаки. — Возвратный перелетъ птицъ. — Рѣчной ракъ. — Стерлядь и городища по р. Иртышу. — Сборы въ дальнѣйшій путь 1— 11

II.

Долина Иртыша.—Алювіальныя образованія возвышеннаго праваго берега, ихъ ископаемыя.—Обвалы праваго берега и отступленіе Иртыша направо. — Распредѣленіе растительности и животныхъ. — Остяки, по отношенію къ звѣропромышленности и птицеводству.—Каюкъ «В. Земцовъ», предоставленный для дальнѣйшаго путешествія 11— 28

III.

Рѣка Обь и ея долина. — Замираніе Оби и вліяніе его на жизнь рыбъ. — Переселеніе морскихъ рыбъ и дельфины. — Рыболовные пески. — Птицы, ихъ перелетъ, гнѣздованіе и линяніе. — Млекопитающія и бобръ. 28— 39

IV.

Отъѣздъ изъ Березова.—Сутки на пустынномъ берегу Сосвы.—Характеръ теченія Оби.—Вліяніе весны на ходъ рыбы.—Населеніе Оби.—Бытовыя особености остяковъ. — Вопросы касательно быта Обскаго населенія. 39— 50

V.

Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби.

Ходъ развитія остяковъ отъ временъ до-историческихъ до нашего времени и ихъ вымираніе. — Первобытная степень культурнаго развитія остяковъ выражается въ ихъ нравахъ и обычаяхъ: плодовитость и браки остяковъ.—Женщина, ея семейныя права или без-

правіе.—Непредусмотрительность остяковъ. — Вѣрованія остяковъ въ связи съ животными отправлениями человѣческаго организма.— Условія существованія остяковъ въ первобытныя времена по отношенію къ звѣроловству и рыболовству. — Перемѣна въ экономическомъ бытѣ остяковъ съ приходомъ русскихъ въ область ихъ обитанія: повинности и случаи порабощенія, покупки и продажи остяковъ; лѣсные пожары, вліяніе ихъ на жизнь звѣрей; черты изъ быта и заработка.—Нищета и кормильцы остяковъ. — Рыбопромышленность: условія аренды песковъ отъ остяковъ и крестьянъ; отъѣздъ каравановъ изъ Тобольска и бытъ рабочихъ, условія ихъ найма на рыболовныхъ пескахъ. — Низовые пески и сора. — Что приходится нынѣ отъ рыболовства рыбопромышленникамъ и остякамъ: расплата деньгами, товаромъ, водкой — Что сдѣлали рыбопромышленники для рыболовства; хищническая фаза.—Что можно сдѣлать для того, чтобъ хоть сколько нибудь вывести населеніе по р. Оби изъ его первобытнаго и безысходно-печальнаго экономическаго состоянія, — обрабатывающая фаза рыбопромышленности.—Заключеніе 50—108

VI.

Въ долину р. Оби сохранился тотъ первобытный складъ жизни челоуѣка, который былъ пережить Европою въ до-историческія времена.—Виды пищи остяковъ, домашнія принадлежности.—Мѣста жертвоприношеній и ихъ характеръ. — Мысль Ъман'гніель. — Видъ на Уралъ изъ долины Оби и вліяніе его на характеръ окрестностей въ ледниковую эпоху и въ настоящее время.—Растительность и животныя нижняго теченія Оби. — Рыболовческій станокъ.—Вульпаліинскія юрты и очеркъ происходящей въ нихъ жизни. — Путь въ устьяхъ Оби и въ Обской губѣ.—Характеръ мѣстности при устьяхъ Надыма.—Нынѣшніе обитатели остяки и черты изъ ихъ нравовъ.—Надымскіе рыбопромышленники и сравненіе ихъ съ обскими: торговля водкой, вымѣниваніе рыбы на товары. — Остяки вотчинники и посягательство рыбопромышленниковъ на ихъ воды. — Обратный путь къ Обдорску 108—163

VII.

Обдорскъ по сравненію съ Лукоморьемъ и его жизнь; пароходы и каюкъ «В. Земцовъ». — Убыль воды, замираніе Оби, живцы и жизнь рыбъ около нихъ: грузъ пархоодовъ и путь вверхъ по Оби.—Газета «Сибирякъ» и остяцкія пѣсни. — Пріѣздъ въ Тобольскъ. — Характеръ пути на Омскъ и его обитатели. — Возращеніе въ Петербургъ 163—187

I.

Путь отъ Петербурга до Тобольска. — Указаніе на звѣрей окрестностей Тобольска. — Одичалыя собаки. — Возвратный перелетъ птицъ. — Рѣчной ракъ. — Стерлядь и городища по р. Иртышу. — Сборы въ дальнѣйшій путь.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 19-го апрѣля. Въ его окрестностяхъ, также какъ и по всей Валдайской плоской возвышенности, лежалъ во многихъ мѣстахъ еще снѣгъ; всѣ деревья стояли голыми или только въ самой ничтожной степени обнаруживали признаки листьевъ; озими едва поднялись отъ земли. За Клиномъ, въ особенности же около Москвы, береза была уже въ листьяхъ, распускался тополь; во многихъ мѣстахъ выступала порядочная зеленая травка, съ свѣжими весенними цвѣтами; около города и дальше по дорогѣ къ Нижнему-Новгороду красиво зеленѣли озими, сплошь закрывшія почву. Но и здѣсь повсюду стояли еще голыми и безлиственными липы и яблони. У самой Волги, по ея крутому правому берегу, въ оврагахъ и рывинахъ, лежали еще толщами снѣга, рядомъ съ которыми, хотя и рѣденыя береговья рощи красовались въ листьѣ и придавали берегамъ и мысамъ Волги веселый весенній видъ, въ особенности тогда, когда онѣ окоймлили обширныя сплошныя поля довольно высокихъ и совершенно зеленыхъ озимей. Тамъ же, гдѣ къ березовымъ рощамъ примѣшивались еще безлиственныя липы и яблони или становились преобладающими, тамъ высокіе берега обширной и широко разливающейся рѣки становились темными и мрачными. Волга была въ полномъ разливѣ; около Нижняго-Новгорода основаніе всѣхъ

зданій ярмарки было залито водою; для пароходовъ были открыты водные пути тамъ, гдѣ во время лѣта они немыслимы; надъ водами рѣки носилась чайка рыболовъ (*Larus ridibundus*); береговья рощи оглашались днемъ и по вечерамъ пѣніемъ пѣночекъ (*Phyllopneuste*), а затѣмъ и самъ соловей подавалъ свой голосъ. Около береговъ и надъ рѣкою встрѣчалась плиска (*Motacilla alba*) и береговая ласточка (*Hirundo riparia*).

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Казани, гдѣ я имѣлъ возможность слегка ознакомиться съ зоологическими коллекціями университета, 24-го апрѣля я отправился далѣе вверхъ по Камѣ. Здѣсь признаки весенней зелени все болѣе и болѣе слабѣли; вмѣсто древесной листвы, по обрывамъ и крутымъ береговымъ оврагамъ, рощи изъ высокихъ пирамидальныхъ елей и стройныхъ сосенъ начали показывать свою темнозеленую или сѣроватую хвою. За городомъ Сарануломъ, около 26 — 27-го апрѣля, насъ встрѣтила вьюга съ холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ. На водахъ еще недавно очистившейся отъ льда рѣки, шныряли громадные стада перелетныхъ птицъ; изъ нихъ съ парохода я могъ различить только хохлатаго нырка (*Fuligula cristata*), свища (*Anas penelope*), частью шилохвость (*A. acuta*), чирка (*A. crecca*), но, кромѣ того, тутъ, несомнѣнно, было много и другихъ видовъ гоголей и утокъ. Всѣ эти виды перелетныхъ птицъ ожидали открытія водъ болѣе сѣверныхъ, которыя въ это время были еще подъ льдомъ. Въ Перми я засталъ совершенную распутицу; въ лужахъ, канавахъ и въ грязи среди улицъ усердно квакали лягушки, ловлею которыхъ, однако же, я не имѣлъ случая заняться, въ надеждѣ обогатить свою коллекцію въ Екатеринбургѣ, гдѣ, какъ я потомъ убѣдился, одна изъ главныхъ улицъ города носить названіе «Лягушечьей», по изобилію въ ней представителей изъ рода *Rana*. Извѣстно, что подъемъ на Уралъ, начиная отъ Перми, идетъ весьма незамѣтно; только по довольно крутымъ и глубокимъ долинамъ, по частымъ подъемамъ и спускамъ, можно догадываться съ одной стороны, что находишься въ довольно высокой и гористой мѣстности, съ другой—

по замѣтно болѣе суровой природѣ, по преобладанію хвойныхъ деревь, по отсутствію зелени; то же нужно сказать и о послѣ-третичныхъ отложеніяхъ; у предгорій Урала преобладаютъ алювіальные наносы, пески и глины, на вершинахъ же его, видимо, существуютъ продукты ледниковъ: здѣсь я наблюдалъ довольно ясныя слѣды ледниковаго щедня съ валунами, въ особенности между столбомъ, стоящимъ на границѣ Европы и Азіи, и Екатеринбургомъ. Здѣсь вмѣстѣ съ известковистымъ щебнемъ я видѣлъ даже валуны со слѣдами ледниковой штриховатости, также выступы основной горной породы со штрихами, направленными отъ NW къ SO; на самомъ послѣднемъ перевалѣ къ Екатеринбургу можно было видѣть возвышенія, представляющія гряды валуновъ и тянущіяся въ опредѣленныхъ направленіяхъ, причемъ валуны, часто громадной величины, были нагромождены другъ на друга. Къ сожалѣнію, чрезвычайно несправная и утомительная дорога, также желаніе по возможности скорѣе прибыть на мѣсто, откуда должны начаться мои систематическія изслѣдованія, не дали мнѣ возможности остановиться и сдѣлать сколько нибудь обстоятельныя наблюденія надъ слѣдами ледниковаго періода на Уралѣ. Съ переваломъ черезъ Уралъ, начиная отъ Екатеринбурга, потянулись къ востоку чисто алювіальныя отложенія изъ песковъ и глинъ; мѣстность сдѣлалась однообразно равнинною, изрѣдка холмистою, болотистою, до самой Тюмени. Въ первыхъ числахъ мая были ничтожны здѣсь и слѣды весны; на Уралѣ я наблюдалъ еще на перелетѣ, около Златоустовскихъ ключей, береговыхъ ласточекъ, чайку рыболова; пугалица (*Vanellus cristatus*) была здѣсь парочками; рано утромъ перваго мая, которое я встрѣтилъ какъ разъ около пограничнаго столба между Европою и Азіею, я слышалъ голосъ водяной курочки (*Gallinula porzana*); рано по утрамъ, въ лѣсахъ и болотахъ, около дорогъ, токовали тетерева, бекасы, напѣвали овсянки (*Emberiza citrinella*),— она преобладаетъ; вида близкаго къ ней, *E. pithyornus*, свойственнаго Уралу и Сибири, я еще нигдѣ не встрѣчалъ; около Тюмени можно было

слышать голоса другихъ пѣвуновъ, въ родѣ пѣночекъ, зарянки (*Sylvia rubecula*), варакушки (*S. suesica*) и пр.

Подъѣзжая къ Тюмени, я узналъ, что только 2-го мая оказалась небольшая возможность переѣхать черезъ Иртышъ, по Омскому тракту, нѣсколькимъ тройкамъ почты; слѣдовательно, по Иртышу, еще въ началѣ мая, былъ сильный ледоходъ. Первый пароходъ въ Иртышъ изъ Тюмени вышелъ 5-го мая, срочный же пароходъ изъ Тюмени въ Томскъ долженъ былъ выйти только 12-го мая; въ ожиданіи этого парохода я и прожилъ въ Тюмени около недѣли. Принятый весьма радушно представителями города, я, въ сообществѣ съ бывалыми около береговъ Ледовитаго моря и въ низовьяхъ Оби людьми, вырабатывалъ планъ для своей дальнѣйшей поѣздки и дѣлалъ необходимыя заготовленія. 14-го мая я былъ уже въ Тобольскѣ и встрѣтилъ здѣсь не меньше радущія, какъ со стороны городскихъ властей, такъ и со стороны всѣхъ лицъ, промышленная дѣятельность которыхъ занята по теченію рѣки Оби. Однакожъ, пароходъ, вышедшій на Томскъ, встрѣтилъ еще на Оби препятствія въ массахъ льдовъ; это обстоятельство, въ виду одной изъ главныхъ задачъ — изученія рыболовства, которое начинается только съ совершеннымъ очищеніемъ рѣки Оби ото льда, задержало меня въ Тобольскѣ; съ другой стороны, я ожидалъ изъ Петербурга посланную по почтѣ съ разными научными принадлежностями кладъ, которую я и получилъ только 20-го мая. — Въ ожиданіи благоприятнаго случая пуститься въ окончательное плаваніе, я старался ознакомиться въ Тобольскѣ со всѣми мѣстными, какъ литературными, такъ и письменными, но еще неизданными данными, хранящимися въ рукахъ частныхъ лицъ и относящимися до природы, людей и ихъ промысловъ въ предстоящей передо мною области путешествія. Въ этомъ отношеніи, также какъ и въ большинствѣ другихъ случаевъ, я въ особенности обязанъ весьма энергичному содѣйствію, оказанному мнѣ со стороны мѣстнаго окружнаго начальника, А. П. Дзержинскаго. На нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, въ связи съ личными моими наблюденіями, я и укажу въ краткихъ словахъ.

Я нахожусь въ области распространения кедра, пихты, сибирской ели и частью лиственницы. Кедровники, особенно въ вершинахъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Иртышъ, образуютъ густыя чащи (урманы); въ нихъ пребываетъ соболь; вмѣстѣ съ нимъ, какъ исключение, встрѣчается кунница (*Mustela Martes*), — этого по преимуществу европейскій видъ; съ сободемъ распространяется колонокъ (*Mustela sibirica*), горностаи, ласка, бурундукъ (*Tamias striatus*); въ березовыхъ лѣсахъ — летяга (*Pteromys volans*). Затѣмъ лѣса, состоящія вмѣстѣ съ кедромъ, изъ ели, частью пихты и лиственницы, населяютъ росомахи, рыси, медвѣди и волки. Разныхъ сортовъ лисицы: обыкновенная, сиводушка и чернобуряя распространяются здѣсь, и, взятыя часто изъ гнѣздъ молодыми, воспитываются по домамъ до тѣхъ поръ, пока мѣхъ ихъ не становится годнымъ для продажи. Въ потокахъ и рѣчкахъ довольно часто встрѣчается выдра, но въ большинствѣ мѣстностей — о бобрѣ нѣтъ и помину; онъ исчезъ съ лица земли; по распросамъ, весьма рѣдко ловится только въ системѣ рѣки Конды и можетъ быть въ Сургутскомъ округѣ; принимаю, конечно, все мѣры, чтобъ приобрести его, тѣмъ болѣе, что, по показанію торговцевъ мѣхами, онъ отличенъ отъ европейскаго: мѣхъ здѣшняго бобра грубый, шерсть его жесткая и длинная. У мѣстныхъ жителей, остяковъ, осталась только любовь къ бобровымъ шанкамъ, для чего они и покупаютъ бобра европейскаго. Оставляя, однакожъ, все подробности, касательно оттѣнковъ здѣшнихъ мѣховъ, каковыя я имѣлъ возможность видѣть въ большомъ количествѣ въ шкуркахъ, у здѣшнихъ скупщиковъ пушнаго товара, замѣчу только, что здѣшній соболь имѣетъ весьма значительный рыжеватый оттѣнокъ и что соболь восточной Сибири гораздо темнѣе. Въ видѣ, конечно, исключенія, встрѣчаются здѣсь соболи темные и черные, а также и бѣлые; такой экземпляръ, вмѣстѣ съ четырьмя шкурками бѣлыхъ бѣлокъ, я и представляю. Упущу пока изъ виду и нѣкоторыя данныя, приобретенныя мною о жизни звѣрей, объ ихъ цѣнности, о жизни звѣролововъ, въ надеждѣ въ послѣдствіи представить объ этомъ пред-

метѣ болѣе цѣльную картину; теперь же остановлюсь на одномъ небезынтересномъ фактѣ. Благодаря любезности И. А. Туполева, я получилъ двѣ шкуры звѣрей, на первый взглядъ, занимающихъ середину между волкомъ и собакою; это самецъ и самка. По пестрой окраскѣ шерсти онѣ приближаются къ собакамъ: отъ бровей до ушей у нихъ тянется, съ той и другой стороны, по рыжей или темной полосѣ; затѣмъ вся передняя часть туловища и брюхо бѣлыя, съ розоватымъ оттѣнкомъ между задними ногами; почти отъ середины спины до основанія хвоста у самца тянется широкая темная полоса, а у самки—рыжеватая. Вообще, рисунокъ и форма полосъ на шкурѣ самца и самки почти одинаковы и разнятся только по цвѣту. По величинѣ, онѣ занимаютъ середину между волкомъ и обыкновенными собаками; по образу жизни, эти звѣри подобны волкамъ, а по хищничеству они превосходятъ волковъ; они были убиты, въ декабрѣ 1874 года, около Сургута. Стадо въ 10 штукъ, совершенно подобныхъ вышеописаннымъ, охотилось первоначально въ лѣсахъ, цѣлымъ обществомъ за сѣверными оленями; затѣмъ приблизилось къ жилью и навело страхъ на мѣстныхъ жителей своими страшными опустошеніями въ домашнемъ скотѣ. Наконецъ, пять изъ нихъ были убиты въ окрестностяхъ Сургута; изъ этихъ пяти два экземпляра выше описаны. Всѣ звѣри охотились сообща, на добычу нападали дружно съ разныхъ сторонъ, въ этомъ отношеніи они напоминаютъ альпійскаго краснаго волка (*Canis alpinus*) изъ горъ южной Сибири. Кромѣ этого случая, подобные хищники въ окрестностяхъ Сургута не появлялись. Затѣмъ я получилъ третій экземпляръ изъ окрестностей Тобольска. Частію по величинѣ, а также по образу жизни, этотъ звѣрь приближался къ волку; онъ также наладалъ какъ на дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, гдѣ и жилъ, такъ и на домашнихъ животныхъ, для чего приближался къ деревнямъ. Онъ былъ довольно длиненъ, но сравнительно низокъ на ногахъ; шерсть на немъ сверху чернубурая, снизу бѣлая съ розоватымъ отливомъ позади брюха; сверху она довольно длинная и мягкая, чѣмъ и отличается отъ волчьей; сохранившая-

ся еще задняя лапа съ правой стороны походить больше своимъ видомъ на собачью. Жители рассказываютъ, что у нихъ бывають иногда *степныя собаки* или *дикія*, потерявшія хозяевъ, особенно около городовъ, но о первыхъ ихъ показанія весьма неопредѣленны, а вторыя, живущія, напримѣръ, около городскихъ бойнь, повидимому, не представляютъ никакихъ отклоненій отъ своихъ обыкновенныхъ прародителей; хотя въ экземплярахъ, выше описанныхъ, никто не хотѣлъ признать одичавшихъ собакъ, я, съ своей стороны, долженъ заявить, что нахожу ихъ совершенно тождественными съ обыкновенною собакою и упомянулъ о нихъ лишь потому, чтобъ показать до какой степени онѣ одичали.

Могу сообщить пока нѣкоторыя данныя и касательно птицъ. Проѣздомъ на пароходѣ изъ Тюмени въ Тобольскъ, сначала по затопленнымъ низменнымъ лугамъ Туры, часто заросшимъ мелкимъ кустарникомъ, а затѣмъ по Тоболу и Иртышу, въ мѣстахъ подобнаго же характера, я наблюдалъ громадное количество водныхъ птицъ, въ особенности утокъ. Тѣмъ же изобиліемъ водной и голенастой дичи отличаются въ нынѣшнемъ году и окрестности самого Тобольска. Это изобиліе дичи, по наблюденію мѣстныхъ жителей, связано съ позднею весною въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи. Перелетъ водныхъ и болотныхъ птицъ совершается здѣсь всегда съ 17-го или 18-го апрѣля по 25-е. Въ случаѣ, если птицы встрѣчаютъ на сѣверѣ льды и холода, то возвращаются обратно въ болѣе южныя части губерніи, причемъ нужно замѣтить, что Обь, около Обдорска, вскрывается въ разные годы въ промежутокъ времени отъ 22-го мая по 20-е іюня. Возвратный перелетъ птицъ съ большою ясностью наблюдается при сліяніи Иртыша съ Обью, ококо села Самарова; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ нѣчто подобное тому явленію обратнаго перелета птицъ, которое наблюдалъ Н. М. Пржевальскій на южныхъ окраинахъ Гобійской степи. Такимъ образомъ, въ тѣ года, когда въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи бываетъ весна холодная, среднія и южныя части губерніи изобилуютъ дичью, а сѣверныя ея сравнительно бѣдны. Съ теплыми веснами на сѣверѣ

бываетъ обратно: тамъ изобиліе дичи; тогда птица прямо летитъ на сѣверъ, перелетъ бываетъ кратковременный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдность дичи въ южныхъ частяхъ и даже около Тобольска.

Въ рѣкѣ Исети, преимущественно около Шадринска, принадлежащей уже къ бассейну Иртыша, встрѣчаются рѣчные раки и въ большомъ изобиліи; кромѣ того, они сильно распространены и по другимъ рѣкамъ, текущимъ съ восточныхъ склоновъ Урала, по рѣкамъ Пышмѣ, Турѣ, Тоболу и проч.; встрѣчаются они и по самому Иртышу, отъ Омска до Тобольска, а можетъ быть внизъ и вверхъ по этой рѣкѣ и дальше. Этотъ ракъ, на первый взглядъ, вполне сходствуетъ съ волжскимъ, *Astacus leptodactylus*; по крайней мѣрѣ, его клешни тѣ же, что и у длиннопалаго рака и можетъ быть въ другихъ частностяхъ окажется какое либо различіе. Мѣстные жители полагаютъ, что эти раки искусственно пересажены изъ волжскаго бассейна; но тотъ небольшой періодъ времени, который приходится изъ рассказовъ на размноженіе этихъ раковъ на такомъ обширномъ протяженіи и въ такомъ большомъ количествѣ, не внушаетъ особеннаго довѣрія къ предполагаемой пересадкѣ, и мнѣ кажется, если и допускать происхожденіе иртышскаго рака отъ волжскаго, то не черезъ искусственную пересадку, а инымъ путемъ, естественнымъ. Подобное же предположеніе объ искусственной пересадкѣ было бы возможно на первый разъ сдѣлать и относительно стерляди, свойственной Обскому бассейну; но такое предположеніе было бы совершенно излишне. Стерлядь водится по теченію всего Иртыша, начиная съ Зайсана до его устья, также на большей части теченія Оби, до ея губы. На тобольскомъ рыбномъ рынкѣ я видѣлъ цѣлую лодку небольшихъ стерлядокъ, которыя продавались отъ 5-ти до 15-ти к. за десятокъ, но и за такую цѣну не было покупателей. Вообще, въ Иртышѣ и Оби стерлядь ловится въ большомъ количествѣ и достигаетъ иногда болѣе пуда вѣсу. Въ какой степени она близка или же даже тождественна съ волжскою — рѣшить этотъ вопросъ пока не берусь. Но укажу на тотъ фактъ, что стерлядь, несомнѣнно, водилась въ бассейнѣ Иртыша гораздо раньше появленія

здѣсь русскихъ. Доказательство мнѣ пришлось вырыть изъ развалинъ крѣпостей и жилищъ, послѣдніе дни существованія которыхъ совпали со смертью славнаго Ермака Тимофеевича. Верстахъ въ 9-ти ниже Тобольска, на правомъ берегу Иртыша, находится высокая гора, съ которой открывается широкій и красивый видъ въ разныя стороны; по одну сторону ея лежитъ Иртышъ, съ другой — широкая низменная равнина, съ третьей она отъ ряда возвышенностей отдѣляется широкимъ оврагомъ. До Ермака жила здѣсь одна изъ женъ хана Кучума; въ черноземно-растительномъ слоѣ этой горы были найдены мною въ большомъ количествѣ обломки весьма изящно обдѣланной глиняной посуды, вмѣстѣ съ нею можно было находить остатки той пищи, которою питалась сама ханша, ея дворъ или даже ея предшественницы. Здѣсь находится множество костей лошадей, коровъ, овецъ, — а также и различныхъ рыбъ, въ томъ числѣ весьма часто встрѣчаются внѣшніе покровы осетра и *стерляди*. Тѣ же остатки пищи находятся въ большомъ количествѣ вверхъ по Иртышу, верстахъ въ 30-ти отъ Тобольска, около деревни Яровой, въ бывшемъ укрѣпленіи Кучума. Но, безспорно, Искеръ, бывшая столица Кучума — есть въ настоящее время самый обильный источникъ для всякаго рода остатковъ, такъ какъ здѣсь, вѣроятно, копился всякій мусоръ за весьма большое количество столѣтій, прежде чѣмъ Ермакъ Тимофеевичъ показался здѣсь съ своею горстью храбрыхъ сподвижниковъ, въ своихъ легкихъ лодьяхъ. Въ основаніи Искера лежитъ также гора, возвышающаяся сажень на 20—30 почти отвѣсно надъ уровнемъ Иртыша, также какъ съ другой стороны надъ уровнемъ маленькой рѣчки Сибирки, а съ третьей — окопанная рвами. Вся гора, начиная отъ уровня рѣки, состоитъ изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ, ила и частию глины. На вершинѣ ея, отъ 1-й до 2-хъ саженей мощностью, находятся всякаго рода остатки человѣческаго существованія, тѣ же кости лошадей, коровъ, овецъ, птицъ и рыбъ; тутъ иногда можно встрѣтить и оставшуюся кожанную заплатку отъ обуви, кусочки бронзы и желѣза. Покровы осетра и стерляди ле-

жать почти въ самомъ основаніи этого пласта, часто сажени на $1\frac{1}{2}$ отъ поверхности, вмѣстѣ съ весьма грубою глиняною посудю. Всѣ эти факты, можетъ быть небезъинтересные сами по себѣ, доказываютъ, что обская стерлядь есть довольно старый житель здѣшняго края; вмѣстѣ съ нею находились еще позвонки многихъ рыбъ, вѣроятно, нельмы и другихъ, также глоточные зубы карповыхъ — язя, и зубы щуки. Вообще же, рѣчь о рыбахъ оставляю до другаго болѣе благопріятнаго случая.

Удалось мнѣ наткнуться и на нѣкоторые слѣды каменнаго вѣка; но оставляю пока рѣчь и о нихъ, въ виду того, что мнѣ придется, несомнѣнно, встрѣтить ихъ въ предстоящемъ путешествіи, хотя и частію, въ живомъ видѣ. Передо мною лежитъ медвѣжій зубъ-клыкъ, просверленный въ корнѣ и на шнуркѣ; онъ необходимая принадлежность всякаго аборигена-остяка и вмѣстѣ съ ножомъ носится за поясомъ; усваиваютъ эту привычку и русскіе на случай, если съ остяка требуется клятва или нѣчто въ родѣ присяги — очевидно, что остякъ присягаетъ или клянется по своимъ роднымъ обычаямъ въ родѣ того, какъ древніе русскіе князья присягали передъ греками; а самъ медвѣжій зубъ былъ въ употребленіи уже у жителей каменнаго вѣка въ Скандинавіи (*Nilsson, Das Steinalter*); остякъ клянется и присягаетъ также надъ медвѣжьєю лапою, когтемъ; дорожить онъ лапами и зубами разныхъ другихъ животныхъ и отъ этого, именно, обстоятельства, зависитъ то, что три вышеописанныя мною шкуры остались безъ лапъ, частію безъ ушей и носа, и чтобъ отыскать одну лапу, нужно было много усилій. Собираясь въ среду этихъ дѣтей хотя и суровой природы, я послѣдовалъ обычаю мѣстныхъ жителей, безъ котораго, повидимому, невозможно сближеніе съ ними; я закупилъ разныхъ цвѣтовъ фланели и сукна, колець, пуговиць, поясковъ, иголокъ, шнурковъ и обшивокъ, крючковъ, кремней, бисеру, табаку и пр. За эти бездѣлушки остякъ платитъ дарами своей, хотя и крайне суровой, природы. Тяжело, вѣроятно, будетъ встрѣтиться съ этимъ живымъ остаткомъ древности, обжа-

емымъ теперь со всеѣхъ сторонъ. Но въ надеждѣ на добрый исходъ, завтра я намѣренъ пуститься въ путь.

Начну плаваніе въ лодкѣ сначала по Иртышу, изслѣдуя его долину и природу шагъ за шагомъ; затѣмъ отправляюсь въ той же лодкѣ внизъ по р. Оби, до устья. Дальнѣйшихъ плановъ пока не высказываю, хотя у меня и есть желаніе проникнуть въ Тазовскую губу, откуда будетъ возможность возвратиться уже зимою и тогда, можетъ быть, срокъ путешествія превыситъ нѣсколько 7 мѣсяцевъ. Въ заключеніе же долженъ съ глубокою благодарностью упомянуть, что генераль-губернаторъ Западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, оказалъ моимъ изслѣдованіямъ самое радушное содѣйствіе, и что города Тобольскъ и Тюмень поддержали моя работы денежнымъ пособіемъ.

Тобольскъ,
24 мая 1876 г.

III.

Долина Иртыша. — Алювіальныя образованія возвышеннаго праваго берега, ихъ ископаемыя. — Обвалы праваго берега и отступленіе Иртыша направо. — Распредѣленіе растительности и животныхъ. — Остатки, по отношенію къ звѣропромышленности и птицеводству. — Каютъ «В. Земцовъ», представленный для дальнѣйшаго путешествія.

27-го мая, въ три часа утра, я оставилъ Тобольскъ и въ лодкѣ направился внизъ по теченію рѣки Иртыша къ селенію Самаровскому, лежащему по сухому пути, верстахъ въ 570-ти отъ Тобольска, и въ 25-ти верстахъ отъ сліянія Иртыша съ р. Обью. Такимъ образомъ, находясь теперь въ Самаровѣ, я все-таки не достигъ еще Оби, — главной области для моихъ изслѣдованій, поэтому, въ настоящемъ письмѣ остановлюсь еще разъ на р. Иртышѣ, съ мыслью слегка коснуться характера прошлой и настоящей жизни въ его долині. Въ общей сложности правый берегъ Иртыша — возвышенный, причемъ въ немъ можно повсемѣстно различать двѣ терасы, самую возвышенную, *древнюю*, и болѣе *новую*, низменную. Въ такого рода мѣстности распо-

женъ самый Тобольскъ; нижняя часть города лежитъ на новой терасѣ, а верхняя — кремль Тобольска, раскинута на древней, весьма высокой терасѣ, которая весьма круто, обрывами падаетъ къ водамъ Иртыша; съ этихъ высотъ открывается обширный видъ на однообразную низменность, лежащую по лѣвому берегу Иртыша, во время весны заливаемую водою; низменность лѣваго берега изобилуетъ временными озерами, заливами, болотами, большимъ количествомъ протоковъ и проч., только изрѣдка представляетъ она болѣе или менѣе высокіе островки; по большей же части разбросаны по ней небольшіе холмики, поросшіе лиственнымъ мелколѣсьемъ, преимущественно ивами, и они-то, полузатопляемые, своимъ видомъ, хотя отчасти, нарушаютъ то однообразіе, какое представляетъ долина Иртыша во время весенняго половодья.

Древняя тераса, начиная отъ Тобольска, тянется во всей своей цѣлости, и только въ двухъ, трехъ мѣстахъ пробита глубокими оврагами по теченію Иртыша верстъ на семь до Сузгунскихъ юртъ; здѣсь, представляя мысъ, на которомъ, какъ я уже говорилъ раньше, сохранились слѣды жилья, принадлежавшаго нѣкогда Сузгэ, женѣ Кучума, тераса отступаетъ отъ водъ Иртыша вправо, образуя обширный амфитеатръ, дно котораго составляетъ тераса новая, низменная, сопровождающая затѣмъ Иртышъ въ его теченіи. Такая переменна въ характерѣ береговъ идетъ по всему Иртышу, до Самарова и Оби. Во время плаванія по рѣкѣ, легко можно замѣтить, что древняя тераса выступаетъ справа, то въ видѣ высокыхъ мысовъ, то тянется по берегу крутою и обрывистою стѣною, или же смѣняется, наконецъ, берегомъ болѣе низменнымъ, далеко отступающаго отъ водъ рѣки.

Высота обрывовъ и мысовъ праваго берега простирается надъ уровнемъ Иртыша сажень отъ 10-ти до 20-ти и болѣе; состоятъ они изъ рыхлыхъ алювіальныхъ образований. Сверху лежитъ болѣе или менѣе мощный пластъ глины, сѣрой, довольно чистой или нѣсколько песчанистой, безъ всякихъ слѣдовъ валуновъ; мощность этого пласта доходитъ въ разныхъ мѣстахъ отъ

нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ сажень; за глиною слѣдуютъ книзу правильные, въ ту или другую сторону наклонные, нерѣдко выклинивающіеся слои песковъ; эти слои имѣютъ иногда сыпучій характеръ, иногда же они нѣсколько иловаты, суглинисты и являются довольно плотными. Песчаные слои преобладаютъ по своей мощности надъ глинами, въ особенности въ берегу между Тобольскомъ и Сузгуномъ; здѣсь, почти на уровнѣ Иртыша, лежитъ довольно плотный песчано-иловатый пласть, окрашенный въ темно-дымчатый цвѣтъ, какъ бы подъ цвѣтъ горячаго сланца; вообще же цвѣтъ песковъ — сѣрый, зерно — мелкое, съ небольшими прослойками самой мелкой гальки. Во всѣхъ этихъ слояхъ мнѣ не удалось видѣть никакихъ ископаемыхъ остатковъ, въ родѣ, на примѣръ, раковинъ. Очевидно только одно, что въ нихъ всетаки содержатся кости большихъ вымершихъ млекопитающихъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна мѣстность на правомъ берегу Иртыша, въ одной верстѣ отъ селенія Юровскаго, противъ деревни Ларионовой. Берегъ имѣетъ здѣсь надъ уровнемъ воды только до 12-ти сажень: обрывъ сверху покрытъ сѣрою, неслоистою глиною, имѣющею до двухъ, трехъ саженей толщины; подъ этимъ пластомъ, какъ обыкновенно, лежатъ слои песковъ до самого уровня воды. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ происшедшаго весенняго обвала берега, были найдены на берегу рѣки слѣдующіе остатки мамонта (*Elephas primigenius*): черепъ съ нижнею челюстью и съ двумя бивнями, тутъ же около найдены въ совершенной цѣлости кости таза, двѣ бедра, кости плеча и локтя передней ноги; пзъ остатковъ другихъ древнихъ млекопитающихъ здѣсь были добыты три черепа носорога (*Rhinoceros tichorhinus*), черепъ первобытнаго быка (*Bos priscus*). Эти кости хранятся теперь въ статистическомъ комитетѣ въ Тобольскѣ, гдѣ я и имѣлъ возможность видѣть ихъ. Большая часть этихъ костей была найдена уже не въ томъ положеніи, какое онѣ первоначально занимали въ слояхъ; и я добылъ только одно показаніе, доказывающее, что кости залегаютъ въ пескахъ. Послѣ того, какъ большая часть костей

была уже найдена, одинъ изъ мѣстныхъ жителей, г. Пузикъ пожелалъ сдѣлать еще дальнѣйшую попытку найти что нибудь; благодаря этому, онъ вырылъ изъ нижнихъ, довольно плотныхъ слоевъ песку *бивень*; слой песку надъ бивнемъ были въ ихъ естественномъ видѣ, слѣдовательно, онъ занималъ еще свое первоначальное положеніе и не былъ тронутъ новѣйшими размывами Иртыша. Остатки костей вышеупомянутыхъ млекопитающихъ извѣстны мнѣ и изъ другихъ мѣстъ по Иртышу; бивни мамонта находятъ около Филатовой, Кошелевой, Деньщиковой и т. д., до Самарова, гдѣ я также видѣлъ зубъ мамонта.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какія это образованія, насколько озерныя, рѣчныя или морскія, нужно только указать, что онѣ занимаютъ, какъ въ длину, по теченію Иртыша, такъ и въ ширину, въ области праваго берега, обширную площадь. На подобныхъ отложеніяхъ стоитъ Тюмень, при р. Турѣ, они тянутся по Иртышу, выше Тобольска; по крайней мѣрѣ, я наблюдалъ ихъ около Кучумова городища, Абалака и т. д. Теперь, по крайней мѣрѣ, для меня, очевидно, что, среди этихъ наносовъ, Иртышъ, ниже Тобольска, размываетъ себѣ все болѣе и болѣе широкую и глубокую долину, часто мѣняя свое русло, а въ общей сложности, отступая направо. Это стремленіе Иртыша къ правому берегу отражается въ своихъ послѣдствіяхъ не только на топографическомъ характерѣ мѣстности, но даже и на животной и человѣческой жизни. Въ особенности, при весеннемъ половодьи и при высокихъ водахъ, Иртышъ, напирая на правый берегъ, вымываетъ изъ его основанія слой песковъ и илу, и частію своею быстротою, частію растворяя ихъ въ своей водѣ, которая, кстати замѣтить, чрезвычайно мутна, иногда даже грязно молочнаго цвѣта, уноситъ внизъ, размѣщаетъ на мысахъ и косахъ, верхніе же слой песковъ и глинъ сами падаютъ въ его воды, и нерѣдко въ такомъ количествѣ, что все живое населеніе прямо или косвенно участвуетъ въ происходящихъ отъ этого катастрофахъ. Обыкновенно крутые берега обваливаются постепенно; въ весну убываетъ 5—10 саженой берега въ попереч-

никѣ, да сажень на 50—70 въ длину; сегодня обвалилась сажень, вчера — двѣ, иногда больше, иногда меньше, иногда берегъ стоитъ свободно годъ, два, нѣсколько недѣль, но всетаки рано или поздно, въ томъ или другомъ мѣстѣ, дѣло доходитъ до катастрофы. Это бываетъ въ то время, когда берегъ обваливается моментально, на площади, простирающейся сажень на 10—20 въ ширину и сажень на 60—80 въ длину, и если представить себѣ, что такой берегъ будетъ имѣть саженей до 15-ти въ вышину, какъ это весьма часто случается, то паденіе массы земли, объемомъ отъ 20,000 до 32,000 куб. сажень, должно произвести нѣкоторое нарушеніе въ обычномъ ходѣ жизни въ долину рѣки. Такъ это случается и на Иртышѣ; по рассказамъ мѣстныхъ жителей, при такихъ обвалахъ, рѣка разступается во всю ея ширину; передъ мѣстомъ обвала образуется такой же сухой перешеекъ поперекъ русла рѣки, какой, по мнѣнію жителей, нѣкогда образовался передъ Моисеемъ, во время перехода его черезъ Черное море съ евреями; одна волна выходитъ изъ береговъ и затопляетъ мѣсто, противоположное обвалу; двѣ другія направляются вверхъ и внизъ по теченію рѣки; эти волны бываютъ причиною новыхъ, болѣе мелкихъ обваловъ; онѣ составляютъ полную и смертоносную грозу для рыбаковъ, спящихъ по рѣкѣ, даже еслибъ это было верстъ за 15—20 отъ мѣста обвала, въ ту или другую сторону по теченію рѣки. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ обвалу, встрѣчающіяся лодки по обыкновенію разламываются поперекъ на двѣ половины, и въ особенности на большихъ лодкахъ—пловцы тонутъ безвозвратно; легче спастись на мелкихъ лодкахъ; ихъ нужно своевременно поворачивать на встрѣчу волнѣ, чего почти невозможно сдѣлать большимъ лодкамъ. Всякое стараніе убѣжать отъ волны напрасно. На лодкѣ нужно держаться по направленію къ тому мѣсту, гдѣ случился обвалъ; въ самомъ мѣстѣ обвала нужно направлять лодку къ перешейку; спустя нѣсколько моментовъ послѣ обвала — перешеекъ представляетъ самое безопасное мѣсто для спасенія. Но при обвалахъ страдаютъ не одни только люди; внезапнымъ ударомъ,

повидимому оглушается и рыба, по крайней мѣрѣ, послѣ волны, забѣгающей на сушу, на берегахъ остаются тысячи рыбъ. При обвалѣ, происшедшемъ нынѣ около деревни Семейки, двое крестьянъ собрали послѣ успокоенія воды, по 1000 язей на берегахъ; рыбы были разбросаны по берегу около обвала, версты на двѣ; кромѣ язей, гибнуть часто и другія рыбы; исключеніе представляетъ нельма (*Coregonus Nelma*); хотя она въ это время и бываетъ въ Иртышѣ, гдѣ даже она ловится въ большемъ количествѣ, какъ и язь, ее всетаки никогда при обвалахъ не находятъ на берегахъ, слѣдовательно, она можетъ противостоять страшной силѣ удара и вполне усѣбно сопротивляться силѣ той волны, которая бы могла оставить ее на берегу. Во всемъ сказанномъ я указалъ на рѣзкія измѣненія, почти ежегодно повторяющіяся однако тутъ или тамъ по долинѣ Иртыша; но въ такомъ же направленіи идетъ его работа еще на большей площади, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Обвалы его праваго берега въ малыхъ размѣрахъ совершаются почти повсемѣстно, въ теченіе каждаго года весною и лѣтомъ; берега падаютъ сажень за саженью; такимъ образомъ исчезаютъ пашни, огороды; дома въ разныхъ деревняхъ переносятся отъ рѣки все дальше и дальше, хотя Иртышъ рано или поздно, всетаки, ихъ постигаетъ. Напримѣръ, селеніе Демьянское было построено въ 1637 году; мѣсто, гдѣ была воздвигнута первая церковь, лежитъ уже теперь на лѣвомъ берегу рѣки, конечно, совершенно смытое; занято русломъ рѣки и то мѣсто, гдѣ была вторая церковь; третья новая церковь построена теперь еще дальше отъ рѣки, именно за версту. По мѣрѣ того, какъ смывались мѣста подъ церковью, переносились и дома, топили огороды и пашни; ближайшіе къ рѣкѣ дома относятся дальше, къ лѣсу, а берегъ все валится и дальнѣйшіе дома становятся къ рѣкѣ ближайшими; такимъ-то образомъ Демьянскъ въ 240 лѣтъ переносился уже три раза съ мѣста на мѣсто и отошелъ отъ своего первоначальнаго пепелища версты на $1\frac{1}{2}$. Около Демьянска обваливается иногда въ одинъ годъ сажень на 20 берега въ ширину и сажень на 70—100 въ длину; дорожка, которая была

устроена въ 50 саженьхъ отъ берега, года три тому назадъ, теперь уже обвалилась въ воду. На Кошелевскомъ мысу крестьяне, лѣтъ 50-ти, пахали еще пашни, которыхъ въ настоящее время нѣтъ и слѣда. Подобнаго рода примѣровъ можно было бы привести еще много изъ селенія Юровскаго, Ларионовой и проч.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что разрушительная сила Иртыша, его отступленіе слѣва направо, идетъ очень быстро и съ вѣками, несомнѣнно, онъ уже далеко ушелъ отъ своего первоначальнаго русла. И очень можетъ быть, что отъ такого его перехода вся область, лежащая по лѣвому его берегу, низменна на цѣлыя десятки верстъ, болотиста, избыточна озерами, старыми протоками и проч., — этими остатками старыхъ ложъ рѣки. Это мѣста, поросшія ивнякомъ, мелкимъ березнякомъ, мелкою сосною, частью елью; это — главная область мѣстопробыванія сѣвернаго оленя, во время весны и лѣта. Другія, болѣе или менѣе извѣстныя млекопитающія, рѣдко сюда заходятъ. Въ противоположность лѣвой, низкой и болотной области Иртыша, область праваго его берега несетъ на себѣ совершенно другой характеръ; это область хвойныхъ лѣсовъ, урмановъ, — область распространенія наиболѣе характерныхъ звѣрей здѣшняго края; здѣсь живутъ лось, соболь, бѣлка, выдра, медвѣдь, росомаха, частью, рысь; сободемъ въ особенности славятся рѣки Туртасъ и Демьянка. Для ознакомленія съ характеромъ флоры и фауны рѣки праваго берега, также съ топографіею мѣстности, я совершилъ экскурсію вверхъ по рѣчкѣ Бобровкѣ, лежащей около селенія Деньщиковаго. Вся рѣчка на всемъ протяженіи течетъ въ холмистой мѣстности; берега ея довольно круты; въ ихъ обрывахъ обнажаются такія же аллювіальныя образованія, какъ и въ долині Иртыша; иногда берега возвышаются надъ уровнемъ рѣчки сажень на 10—15. По самымъ берегамъ рѣчки растутъ сначала около Иртыша ива, черемуха, береза, осина, затѣмъ, вверхъ по теченію, онѣ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, преобладаніе берутъ уже хвойныя деревья; здѣсь я въ первый разъ наблю-

далъ стройный высокій лѣсъ изъ однихъ только кедровъ, къ которымъ изрѣдка примѣшивалась пихта; чаще кедръ растеть вмѣстѣ съ елью, даже съ березою и осиною; эта-то смѣсь великаго рода хвойныхъ лѣсовъ и частью лиственныхъ и называется здѣсь *урманомъ*. Мѣста песчанья, сухія, поросшія соснякомъ и здѣсь удерживаютъ за собою названіе боровъ. Уже при нашемъ бѣгломъ проѣздѣ по рѣчкѣ версть на 20—25, вверхъ по ея теченію, въ маленькихъ лодкахъ-душегубкахъ, мы встрѣчали на песчаныхъ берегахъ слѣды выдръ. Приэтомъ нужно замѣтить, что выдра при промыслѣ рыбы переходитъ изъ одного плеса въ другое не водою, а сухопутьемъ, черезъ мысы и при такихъ, неоднократно повторяющихся путешествіяхъ прокладываетъ совершенно явственныя тропинки, особенно въ холодное время года; здѣсь ставятъ на нее ловушки — луки со стрѣлами, а то добываютъ ее и подъ льдомъ, съ помощью собакъ, которыя, чувствуя по запаху, лаемъ указываютъ ее своимъ хозяевамъ. По рѣчкѣ были не рѣдки также и слѣды лося. Онъ бродить въ урманахъ, питаясь вѣтками хвойныхъ деревъ, березы, осины и проч. Во время лѣта, когда комары и оводъ становятся для него невыносимыми, онъ выходитъ изъ лѣсовъ въ рѣки, въ озера и здѣсь весь погружается въ воду, надъ которою торчитъ одна только голова; въ такихъ то мѣстахъ его и выжидаютъ здѣшніе обитатели и бьютъ по ночамъ изъ ружей. Другой весенній способъ охоты на лося — это ямы: проходы между холмами и рѣчками загораживаются заборомъ изъ сухихъ деревъ, съ сучьями, и гдѣ нибудь на серединѣ, на тропѣ, оставляется узкій проходъ; какъ разъ въ этомъ проходѣ дѣлается яма, которая сверху искусно, подъ естественный цвѣтъ почвы, закрывается землею и мохомъ и, конечно, всякій лось, пожелавшій воспользоваться короткимъ путемъ, вмѣсто того, чтобъ совершенно обойти заборъ, остается въ ямѣ. Я былъ у одной такой ямы, у которой нѣсколько дней назадъ былъ изловленъ лось; но уже раньше насъ ее осматрѣлъ медвѣдь; привлеченный запахомъ, сидѣвшего нѣсколько дней назадъ въ ямѣ, лося, онъ снялъ искусно крышку, съ цѣлью освѣ-

домиться, не сидитъ ли тамъ еще, привлекательный для него, лѣсной обитатель; убѣдившись въ его отсутствіи, онъ, однако же, воспользовался уже гнилыми потрохами, оставленными неподалеку отъ ямы. Вообще медвѣдь любитъ осматривать чужія ловушки, на кого бы онѣ ни были поставлены, на звѣря или на птицу; въ виду такихъ его наклонностей, крестьяне въ подобныхъ мѣстахъ готовятъ и для него угощеніе, въ родѣ самострѣловъ и пр.; при проѣздѣ по рѣчкѣ, мы замѣчали на пескѣ и его слѣды, вмѣстѣ съ волчьими. Но рѣчь о Бобровкѣ я завелъ еще и по другой причинѣ; она получила свое названіе отъ того, что лѣтъ около 100 тому назадъ, въ ней водились еще бобры. Дѣды многихъ изъ живущихъ теперь крестьянъ и остяковъ рассказывали своимъ сыновьямъ и внукамъ объ этомъ, исчезнувшемъ теперь, водяномъ звѣркѣ. По ихъ рассказамъ, бобры водились около тѣхъ мѣстъ въ рѣчкѣ, гдѣ росли березовыя рощи, но было ли въ этихъ мѣстахъ быстро теченіе рѣки или нѣтъ — это для бобровъ было все равно; подгрызая березы, ничего не значило, если березки были и очень толсты, бобры обыкновенно приравливали такъ, чтобъ березка всею своею массою упала прямо въ воду; въ случаѣ, если находили березку, упавшую въ воду отъ вѣтра или береговаго обвала, то пользовались ею. Съ березокъ подгрызенныхъ, но упавшихъ на сушу, они обрывали вѣтви и тоже таскали въ воду, въ запруду; почками березокъ бобры и питались. Норы себѣ устраивали въ берегу, съ выходомъ прямо въ воду. Тамъ, гдѣ старики находили жилище бобровъ, перегородивали рѣчку въ двухъ мѣстахъ, такъ, чтобъ жилище бобра осталось въ срединѣ загородокъ; выйдти изъ перегородженной рѣчки бобръ не имѣлъ уже возможности и, чтобъ изловить его, жители дѣлали около жилья, между двумя, рапѣе устроенными, еще третью перегородку, въ срединѣ которой оставляли маленький проходъ съ ловушкою; бобръ, ища себѣ выхода изъ заколдованнаго круга, и понадался въ этомъ проходѣ. Подобныхъ вышеописанной бобровокъ, съ водившимися когда либо бобрами, довольно много по нагорному берегу Иртыша; таковая рѣчка су-

ществуетъ около села Рѣполова; водились бобры во многихъ рѣчкахъ около Ципгалинскихъ юртъ. Въ настоящее время я узналъ почти за вѣрное изъ разспыхъ, вполне достовѣрныхъ, источниковъ, что бобры еще водятся въ верховьяхъ р. Конды; рассказы объ образѣ ихъ жизни подобны же вышеприведеннымъ; указываютъ даже на нѣкоторыхъ лицъ, у которыхъ водятся шкурки здѣшнихъ бобровъ; но до таковыхъ еще я не достигъ, чтобъ во очію убѣдиться въ совершенной справедливости рассказовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я уже получилъ одно рѣшительное обѣщаніе касательно доставки въ мое владѣніе бобра со шкурою, мускулами и костями. Въ то же время я намѣренъ обратиться къ генераль-губернатору, Н. Г. Казнакову, съ просьбою о наложеніи запрета на промыселъ за бобрами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще въ маломъ количествѣ сохранились, чтобъ предупредить совершенное вымираніе этого оригинальнаго воднаго грызуна; это возможно бы сдѣлать тѣмъ болѣе безъ ущерба для мѣстныхъ промышленниковъ, что шкура здѣшняго бобра цѣнится весьма низко, такъ какъ она имѣетъ весьма грубую и жесткую шерсть. Послѣ этого легкаго оуступленія касательно бобровъ, обращусь еще разъ къ растительности нагорнаго берега, именно къ урманамъ. Хороши они и пріятно смотрѣть на нихъ въ томъ случаѣ, когда они не тронуты; въ такомъ видѣ они вскармливаютъ для людей массы звѣрей. лѣсныхъ птицъ; кедръ доставляетъ цѣлыя десятки тысячъ пудовъ орѣховъ, несмотря на то, что въ сборѣ его конкурируютъ съ человѣкомъ несметныя стада кедровокъ (*Nucifraga Caryocatactes*), дятловъ, даже стаи воронъ, не говори о бѣлкахъ и бурундукахъ. Но унылыми и безжизненными становятся урманы тогда, когда лѣсные пожары производятъ въ нихъ свое разрушительное дѣйствіе; и къ несчастью, по теченію Иртыша, сколько нибудь сохранившіеся урманы теперь рѣдкость; въ большинствѣ же случаевъ они превратились въ печальныя, нелюдимыя лѣсныя пожарища, часть урмановъ выгорѣла уже давно, часть въ концѣ шестидесятихъ годовъ, и теперь на цѣлыя сотни верстъ въ различныхъ направленіяхъ силошь встрѣча-

ются одни только обгорѣлые пни; часть засохшихъ отъ пожара лѣсинъ еще стоятъ и, годъ отъ году, подгниваетъ и разрушается, часть деревь лежитъ на землѣ и, образуя почти непроходимую тущобу, служить новой причиной къ образованію болотъ; чтобъ осушить, въ послѣдствіи уже образовавшіяся и еще имѣющія образоваться, болота, которыми уже и безъ того Западная Сибирь изобилуетъ, потребовались бы громадныя средства. Но помимо этого, а также самой потери лѣса на громаднѣйшихъ протяженіяхъ, лѣсные пожары повлекли и влекутъ за собою убытки и съ другой стороны. Лѣсные пожары опустошительны и для животнаго царства: во время пожаровъ многіе люди, застигнутые въ лѣсу, или гибли отъ истомленія, или же, если спасались, кидались въ воду, то умирали потомъ отъ простуды. Отъ пожара, конечно, еще въ большей степени гибнуть и звѣри: они ложатся костью или выселяются въ другія мѣста, такъ какъ сгорѣвшій лѣсъ не доставляетъ уже имъ тѣхъ удобствъ, какія они находили въ лѣсу не тронутымъ и, такимъ образомъ, ни одно, самое сильное средство, со стороны человѣка, клонящееся къ истребленію лѣсныхъ животныхъ, не можетъ быть такъ губительно, какъ лѣсной пожаръ. Послѣ того, какъ выгорѣли урманы, количество звѣря въ нихъ уменьшилось въ сильной степени, а многіе изъ лѣсныхъ обитателей совершенно исчезли: въ особенности это сдѣлалось замѣтно на лосяхъ и соболяхъ. Тамъ, гдѣ прежде лоси бродили стадами, теперь показываются только случайно и разредленно, гдѣ прежде убивали соболей десятками, теперь не видятъ и слѣда ихъ. Итакъ, путемъ пожаровъ, нагорный берегъ Иртыша можетъ сдѣлаться въ такой же степени безжизненнымъ, какъ и лѣвый, хотя, по естественнымъ своимъ условіямъ, онъ можетъ имѣть довольно сильную растительность. Липа (*Tilia*) распространяется по немъ до селенія Бронникова и даже дальше, до верховьевъ рѣкъ Туртаса и Демьянки. Ципгалинская гора, которая, какъ и большая часть высокихъ мысовъ по Иртышу, имѣетъ на себѣ слѣды татарскаго городка, со рвами, и служить еще до сихъ поръ, для оставшихся около Тобольска представи-

телей татарскаго племени, священнымъ мѣстомъ для поклоненія, — поросла, кромѣ разныхъ хвойныхъ деревьевъ, черемухою, рябиною, боярышникомъ, бузиною, малиною, вокругъ которыхъ часто красиво обвивается, щеголяя своими крупными бѣлыми пвѣтами, *Atragene Alpina*; между большимъ количествомъ травянистыхъ растеній, въ родѣ бѣлой крапивы (*Lamium*). вороньяго глаза (*Paris*), воронца (*Actaea*) и пр., я встрѣтилъ здѣсь даже піонъ или марьянъ корень (*Raeonia*). Обыкновенная крапива (*Urtica*) превышаетъ здѣсь ростъ человѣка и, собираемая остяками, съ глубокой древности и съ большимъ успѣхомъ, замѣняетъ имъ коноплю; изъ волоконъ этой крапивы остячки дѣлають прекраснѣйшіе холсты, тонкіе до такой степени, до какой необходимо, хотя лично для своего домашняго обихода и одежды онѣ дѣлають холсты довольно толстыя.

Здѣсь я долженъ еще сказать, что при выѣздѣ изъ Тобольска, я получилъ возможность навѣять на время моего путешествія въ долину рѣки Оби до Обдорска, или даже до устья рѣки, весьма добросовѣстнаго фотографа, г. Лютика. Благодаря ему, я имѣю въ настоящее время коллекцію весьма удовлетворительныхъ фотографическихъ карточекъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ типами мѣстностей и мѣстныхъ жителей, преимущественно остяковъ. Остяки появляются по Иртышу уже около Алымскихъ юрты; хотя здѣсь, и дальше по теченію рѣки, также и по рѣчкамъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ долины рѣки, всѣ остяки христіане, живутъ осѣдло, образуя особые инородческія селенія, такъ называемыя юрты, однакожъ, въ складѣ ихъ жизни, въ привычкахъ, вѣрованіяхъ и промыслахъ сохранилось много первобытнаго; остякъ и до сихъ поръ стоитъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ природою; въ особенности же по отношенію къ знаніямъ привычекъ разныхъ звѣрей, птицъ и даже рыбъ, онъ весьма точный и правдивый зоологъ. На рѣчку Бобровку сопровождалъ меня остякъ, лѣтъ 45-ти; начавъ урманый промыселъ лѣтъ 20-ти, онъ убилъ во всю свою жизнь, охотясь не каждый годъ сряду, 200 лосей, 200 оленей, 300 соболей, не

считая другаго мелкаго звѣря. Остякъ, собираясь въ урманъ за бѣлкою и соболемъ, нагружаетъ около Покрова (1-го октября) маленькую нарту запасомъ сухарей, крупы, соли, частью говядины (можетъ быть той же лосишпой или оленьей), тутъ же кладетъ нужное количество пуль, дроби, пороха, съ сухими рыбьими костями для собакъ, которыхъ и впрягаетъ въ нарту, сколько бы ихъ ни было, одна, двѣ или даже и больше; вмѣстѣ съ опытными собаками онъ беретъ въ урманъ и щенятъ, значить въ науку; щенокъ, состоявшій при опытной собакѣ и самъ становится хорошимъ ходакомъ, во многихъ случаяхъ незамѣнимымъ промышленнику. Хорошая собака идетъ за бѣлкою, соболемъ, лосемъ, выдрюю, оленемъ и пр.; но многостороннiя, по инстинктамъ, собаки рѣдки; чаще онѣ специализируются: отличная соболиная собака не заботится о бѣлкѣ, хорошо выслѣживающая подо льдами выдру, игнорируетъ оленя и проч. Остякъ, съ хорошими собаками, около 6-го декабря, возвращается съ доброю добычею изъ лѣсу, а къ веснѣ снова исчезаетъ въ лѣсъ за лосемъ, оленемъ, ходя за ними на лыжахъ съ собаками по насту; весной, въ февралѣ и мартѣ, промышленяютъ также бѣлку и соболи. Ходя за промысломъ, остякъ приносить жертву «лѣнному вотчиннику», часто олицетворяя его въ какихъ либо естественныхъ предметахъ природы; передъ началомъ весенняго рыбнаго промысла, онъ закалываетъ лѣтуха, брызжетъ его кровью въ воду, чтобъ умилостивить «водянаго вотчинника», склонить его на уступку рыбы въ добычу; вообще, въ своихъ вѣрованiяхъ, остякъ весьма типичный фетишистъ, нерѣдко олицетворяющій величайшую суть мірозданiя, результаты строжайшихъ законовъ природы, въ грубыхъ издѣлiяхъ своихъ рукъ, въ истуканахъ. Но если остякъ плохъ, какъ философъ, то въ обыденныхъ своихъ дѣйствiяхъ, промыслахъ, онъ не лишенъ здраваго смысла и довольно тонкой наблюдательности; состоянiе его инстинктовъ еще таково, что онъ не лишенъ той способности, которой люди обязаны прирученiемъ многихъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, остяки держутъ почти въ прирученномъ

состояній лисиць, вылавливая молодыхъ лисятъ въ ихъ гнѣздахъ плашками; они держуть и вскармливаетъ ихъ дома до тѣхъ поръ, пока мѣхъ ихъ сдѣлается достаточно годеиъ къ употребленію, хотя нужно замѣтить, что лисицы, воспитанныя дома, всегда имѣютъ худшій мѣхъ, чѣмъ убитыя на свободѣ; притомъ, въ подобномъ обычаѣ домашняго воспитанія лисиць, нельзя не видѣть и вредныхъ послѣдствій. Кстати сказать, что мнѣ удалось видѣть на воспитаніи и чернобурыхъ лисятъ; ихъ было взято изъ одного гнѣзда 5 штукъ. Лисяты были все совершенно темнобуры, съ короткою, нѣсколько глянцевиною лѣтнею шерстью; отецъ и мать ихъ были то же чернобурые; по наблюденіямъ жителей, въ одномъ гнѣздѣ иногда бываетъ одна половина чернобурыхъ, другая рыжихъ, въ случаѣ если родителямъ были чернобурая и обыкновенная лисица. Отсюда слѣдуетъ заключить, что чернобурая масть передается у лисиць наследственно; и есть такія мѣста, которыя въ особенности славятся чернобурыми лисицами; значить, въ ихъ особи, ускользящія отъ истребленія, постоянно поддерживаютъ свое чернобурое поколѣніе; съ другой стороны, изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что чернобурая лисица и обыкновенная даютъ плодовитое потомство и естественно случаются между собою; слѣдовательно, онѣ не могутъ составлять отдѣльныхъ видовъ и, кромѣ того, онѣ, повидимому, не могутъ составлять географическихъ разностей, такъ какъ онѣ повсюду другъ другу сопутствуютъ.

Послѣ этого отступленія касательно лисиць, скажу еще, что остяки не менѣе точно знаютъ нравы и обычая птицъ; такъ называемыми перевѣсами одинъ человекъ можетъ добыть сотни утокъ въ весну. Но въ особенности характеренъ здѣсь промыселъ на гусей во время ихъ весенняго и осенняго пролета. Весною все виды гусей летятъ отъ 10-го—15-го апрѣля до 20-го—25-го. Охотникъ, выставляя гусинья чучела въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролетные гуси охотно садятся, самъ скрывается въ шалашѣ и, смотря по виду пролетающихъ гусей и по ихъ голосу, подражаетъ имъ съ чрезвычайною точностью; гуси, видя своихъ собрать-

евъ, хотя и не очень искусство сдѣланныхъ, слыша ихъ призывающій голосъ, спускаются къ нимъ съ высоты, гдѣ ихъ и встрѣчаютъ ружейные выстрѣлы. Иногда вмѣсто чучель выставляютъ около шалашей живыхъ гусей, бывшихъ дикихъ, но вскормленныхъ дома; такіе «маншики» принимаютъ все мѣры, чтобъ привлечь къ шалашу пролетныхъ собратьевъ, они кричатъ, бѣгаютъ и проч. Въ прежнія времена, когда не было ружей, гусей ловили сѣтями-понжами, а приманкой были тѣ же чучела. Такъ убивали прежде и убиваютъ теперь, въ недѣлю или въ нѣсколько большее время, штукъ до 100—200 гусей на человѣка. Наболѣе часто убиваются гусь черный (*Anser arvensis*), чеквой (*A. ruficollis*), лякъ (*A. albifrons*), кырэмъ (*A. minutus*) и пр.

Рѣчь о рыбахъ я снова оставляю до болѣе благопріятнаго случая; до сихъ поръ я мало еще занимался рыболовствомъ, собственно потому, что за него еще не принимались мѣстные жители. Рыболовство становится по Иртышу возможнымъ, также какъ и по Оби, тогда, когда вода въ рѣкѣ начинаетъ сбывать; иначе рыба расходится на свободѣ, въ безбрежныхъ разливахъ рѣки. Съ того времени, какъ вода начинаетъ сбывать, рыба собирается въ болѣе опредѣленныхъ мѣстахъ, и тогда только находится возможность добывать ее. Между тѣмъ, какъ около Тобольска вода начала уже сбывать, въ низовьяхъ Иртыша она еще повышается; стоитъ она на прибыли и въ самой р. Оби. Но, во всякомъ случаѣ, я нахожусь на пути къ морской рыбѣ, которая отъ устьевъ Оби поднимается вверхъ по теченію рѣки; несомнѣнно, что она уже прошла теперь Обдорскъ и подходитъ къ Березову; это — сырокъ, нельма, муксунъ, пыжьянъ, щокуръ и осетръ, — это большинство паласовскихъ видовъ. И чтобъ не говорить объ нихъ на основаніи заочнаго знакомства, я скажу нѣсколько словъ о своемъ будущемъ путешествіи, въ которомъ я, можетъ быть, черезъ день, черезъ два ихъ встрѣчу.

Находясь въ пути по Иртышу къ р. Оби, я получилъ изъ селенія Самаровскаго письмо нижеслѣдующаго содержанія:

Милостивый государь
Иванъ Семеновичъ!

Въ прошломъ апрѣлѣ я узналъ, что въ настоящемъ маѣ, черезъ село Самаровское, должна будетъ слѣдовать въ Обдорскъ бременская экспедиція, цѣль которой, изучить всѣ естественныя и культурныя произведенія здѣшняго края. Видя и сознавая громадную пользу въ такомъ трудѣ и зная, что изъ села Самарова возможно попасть въ Обдорскъ лишь только въ лодкѣ (если не нанять нарочно для этого парохода), желая по возможности чѣмъ нибудь облегчить путь экспедиціи, я изготовилъ подъ нее крытый восьми-весельный каюкъ и намѣренъ былъ представить его лично въ распоряженіе г. Брэма.

Назадъ же тому нѣсколько дней, получилъ я извѣстіе, что и вы, Иванъ Семеновичъ, командированы сюда, на сѣверъ, отъ Русской Академіи Наукъ съ тою же цѣлью: изслѣдовать нашу жизнь во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому, а также какъ русскій къ русскому, я счелъ себя въ правѣ измѣнить первое свое предположеніе на счетъ каюка, т. е. не имѣя времени выстроить для васъ другаго, вмѣстѣ съ тѣмъ подвижимый патріотическимъ чувствомъ и не желая предоставить васъ на произволь открытаго дождя, спасая въ то же время иностранца, я рѣшился предложить этотъ каюкъ въ полную вашу, м. г., собственность.

Примите истинное почтеніе и уваженіе вѣрящаго въ пользу и успѣхъ вашего труда.

Проживающій въ селѣ Самаровскомъ, крестьянинъ Рязанской губерніи

В. Земцовъ.

По приѣздѣ въ Самарово, я дѣйствительно, нашелъ огромную крытую 8-ми весельную лодку, длиною 24 аршина; въ ея передней чистой каютѣ весьма легко могутъ помѣститься 3 человека, причемъ, въ ней даже возможно ходить; поставивши, столъ, въ ней вполнѣ удобно можно заниматься, писать и пр.; въ задней каютѣ можно помѣстить пудовъ до 250 клади и скрыть всѣхъ

гребцовъ, которыхъ застигла бы непогода; однимъ словомъ, въ ней такъ много удобствъ, что я нашелъ сначала ее слишкомъ для себя роскошною и, не желая для себя слишкомъ многого, принялся было склонять г. Земцова остаться при его прежнемъ на-мѣреніи. Но такъ какъ потомъ замѣтилъ, что подобнаго рода система отказа могла бы отозваться слишкомъ неблагопріятно на искреннемъ и душевномъ доброжелательствѣ г. Земцова, хорошо знакомаго съ краемъ, то я и почелъ за нужное немедленно вступить во владѣніе прекрасною лодкою, озаботившись присвоить ей названіе «В. Земцовъ». Принимая во вниманіе, что эта лодка принесетъ мнѣ большую экономію во времени, при путешествіи по р. Оби, въ тѣхъ случаяхъ, когда, при плохой лодкѣ, я долженъ былъ бы проводить цѣлые дни на пустынныхъ берегахъ рѣки, въ ожиданіи благопріятной погоды, а въ этой лодкѣ возможно плаваніе даже при сильномъ волненіи; принимая въ соображеніе также и то обстоятельство, что эта лодка облегчитъ мнѣ возможность попасть къ восточнымъ берегамъ Обской губы, откуда будетъ легче добраться до Тазовской губы, куда мнѣ желательно было бы проникнуть; предвидя, что эта лодка не одинъ разъ спасетъ меня отъ бурь и непогодъ во время суровой сѣверной осени и сохранитъ для меня не малую долю здоровья и силы, я выражаю здѣсь мою глубочайшую признательность В. Т. Земцову, оказавшему мнѣ, кромѣ того, самое сердечное гостепрійство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяю себѣ надѣяться, что и Академія Наукъ не оставитъ безъ вниманія подобнаго рода сочувствіе, высказываемое на пользу приобрѣтенія полезныхъ для человѣчества знаний. Въ силу той же услужливой предупредительности г. Земцова, я не могу воспользоваться приглашеніемъ Московскаго Общества мореходства, участвовать въ снаряженной имъ экспедиціи къ Бѣлому острову, по каковому вопросу я получилъ недавно изъ Академіи копію съ бумаги Московскаго Общества; главная цѣль моихъ изслѣдованій — долина р. Оби и рѣкъ, впадающихъ въ бассейнъ Ледовитаго моря, даже въ Тазовскую

губу, чего бы я, конечно, не могъ сдѣлать при поѣздкѣ по Обской губѣ; притомъ, находясь на чуждомъ мнѣ судиѣ, я не могъ бы самостоятельно располагать собою и своимъ временемъ.

18-го іюня 1876 г.

С. Самаровское.

III.

Рѣка Обь и ея долина. — Замыраніе Оби и вліяніе его на жизнь рыбъ — Переселеніе морскихъ рыбъ и дельфины. — Рыболовные пески. — Птицы, ихъ перелетъ, гнѣздованіе и линяніе. — Млекопитающія и бобръ.

Въ настоящее время я нахожусь въ Березовѣ и торонлюсь въ дальнѣйшій путь, но такъ или иначе, я долженъ возвратиться назадъ и снова воспроизвести въ своей памяти тотъ путь, который я сдѣлалъ отъ Самарова внизъ по теченію р. Оби. Съ 20-го іюня, когда я оставилъ Самарово, до 8-го іюля — время моего приѣзда въ Березовъ, я путался по самому теченію Оби, по ея протокамъ и сорамъ, по ея многочисленнымъ притокамъ. Рѣка Обь, въ топографическомъ и геологическомъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя тоже, что и Иртышъ, только въ болышихъ размѣрахъ, съ болышимъ величіемъ. По выѣздѣ изъ Иртыша, въ первый разъ бросается въ глаза Томскій мысъ, находящійся на правомъ берегу Оби; за нимъ, далѣе по теченію рѣки, слѣдуютъ, другъ за другомъ, ряды подобныхъ же мысовъ, составленныхъ изъ слоистыхъ аллювіальныхъ образований. Какъ и на Иртышѣ, правый берегъ Оби состоитъ сверху изъ глинъ, внизу — изъ слоистыхъ песковъ различнаго цвѣта и плотности, съ небольшими прослойками мелкой гальки, иногда съ валунами изъ различныхъ кристаллическихъ породъ, то округленныхъ, то угловатыхъ, представляющихъ, по временамъ, гладкія поверхности съ ледниковыми шрамами. Эти мысы и крутые береговые обрывы, ограничивающіе теченіе р. Оби съ правой стороны, составляютъ часть плоской возвышенности, лежащей къ востоку и сѣверо-востоку отъ Оби; высоты праваго берега извѣстны у мѣстныхъ

жителей подъ именемъ «Обской горы» — которая, сказать по справедливости, и является горой только по отношенію къ уровню водъ рѣки Оби, лежащихъ въ общей сложности ниже уровня плоской возвышенности саженой на 15—25. Около Обской горы, тутъ или тамъ ее подмывая, тянется широкой полосой рѣка Обь; измѣняясь въ ширинѣ въ разныхъ мѣстахъ, по временамъ года, справа подпертая крутыми берегами, она даетъ влѣво ряды притоковъ и заливовъ вплоть до лѣваго, тоже нѣсколько возвышеннаго берега, называемаго у мѣстныхъ жителей «Полуденною горою». Полуденная гора отстоитъ въ разныхъ мѣстахъ отъ Обской, на разстояніи 25—50 верстъ, — это предѣль, въ которомъ заключается долина рѣки Оби. Главное русло рѣки лежитъ преимущественно около праваго берега, который, какъ и во всѣхъ другихъ рѣкахъ, подмывается ея водами. Частію, можетъ быть, потому, что эта работа длится уже давно, частію благодаря большой массѣ водъ, рѣка смыла всѣ мелкія препятствія для своего теченія; она течетъ довольно прямо, безъ крутыхъ заворотовъ, образуя плесы верстъ на 10 и болѣе въ длину. — Доказательство въ пользу измѣненія главнаго русла рѣки, а также и примѣръ въ пользу ея обширности и величія, можно встрѣтить сейчасъ же по выѣздѣ изъ Иртыша, около селенья Бѣлогорья. Бѣлогорье лежитъ на острову, намытомъ рѣкою; и было время, когда главная Обь лежала по лѣвую сторону острова; теперь же она перешла на правую, на прежнемъ же ея ложѣ осталась *старая* Обь, какъ протока главной, большой Оби; отъ старой Оби идутъ влѣво другія протоки, изъ нихъ наиболѣе замѣчательна по своему протяженію — протока Ендырская, пролегающая параллельно главной рѣкѣ на громадномъ протяженіи, и, въ свою очередь, также вѣтвящаяся, образующая залпы (соры), соединяющаяся съ главной, второстепенными жилами. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ главною рѣкою — Обью, достигающею вообще до 2—2½ верстъ ширины, иногда болѣе, иногда менѣе, рядомъ съ нею, по лѣвую ея сторону, находится цѣлый лабиринтъ водяныхъ бассейновъ, на протяженіи, соответствующи-

щемъ ширинѣ долины, и раздѣляющихся другъ отъ друга низменными островками. — Высота уровня Оби бываетъ различна въ разныя времена года, въ различные года и съ этими измѣненіями тѣсно связана жизнь, населяющихъ ея воды, обитателей. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, вліяющихъ на періодическія явленія водныхъ жителей, главнымъ образомъ, конечно, рыбъ, можно считать то состояніе воды въ рѣкѣ Оби, которое называютъ *замираніемъ*, *заморомъ*, *духомъ*. Въ большей подробности я могу очертить это явленіе тогда, когда самъ получу возможность наблюдать его; теперь скажу въ общихъ чертахъ, что оно начинается съ наступленіемъ холодовъ, послѣ покрытія рѣки льдомъ и продолжается до конца ихъ, до первыхъ проблесковъ весны. Во время замиранія рѣки, простирающагося отъ нижняго теченія далеко вверхъ, до Сургута, до нижняго теченія Иртыша, рыба не можетъ выносить обской воды: она или гибнетъ, или ищетъ пристанища въ верховьяхъ рѣчекъ, куда замираніе не распространяется, около ручьевъ, впадающихъ въ Обь и освѣжающихъ ее притокомъ свѣжей воды. Рыба, застигнутая въ Оби заморомъ, гибнетъ въ громадныхъ количествахъ, но въ большинствѣ случаевъ она какъ бы предчувствуетъ наступленіе губительнаго для нея періода и направляется частію въ верховья небольшихъ, впадающихъ въ Обь, рѣчекъ, вверхъ по Иртышу, въ верхнее теченіе самой Оби. Иногда замираніе распространяется на такія рѣки, гдѣ оно обыкновенно не бываетъ или ограничивается только низовьями ихъ; и изъ такихъ то рѣкъ, съ первыми признаками замиранія, рыба направляется обратно, искать другаго пріюта и въ такомъ случаѣ ловятъ ее въ чрезвычайныхъ размѣрахъ; такова, на примѣръ, р. Конда, впадающая въ Иртышъ съ лѣвой стороны. Къ такимъ рыбамъ, заходящимъ въ верховья рѣкъ, относятся: язь (*Idus*), налимъ, окунь, частію щука, ершь, елецъ (*Squalius*), чебакъ (*Leuciscus*) и проч.; кромѣ того есть рыбы, которыя идутъ на зимовку только въ одинъ, совершенно опредѣленный мѣста; такова стерлядь. Она зимуетъ въ среднемъ и верхнемъ теченіи Иртыша, именно тамъ, куда ни въ какомъ слу-

чаѣ замираніе Оби не распространяется, точно также и въ самой Оби, она, по слухамъ, зимуетъ только около Нарына, гдѣ также не бываетъ замиранія; притомъ замѣчу, что стерлядь обыкновенно останавливается зимовать на одиѣхъ и тѣхъ же, совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ, значительной глубины; останавливаясь на нихъ осенью, около 1-го октября, она стоитъ на нихъ густыми стаями, на самомъ днѣ рѣки до первыхъ признаковъ наступленія весны; — простоявши зиму, она къ веснѣ, оставляетъ свои зимнія становища, или, какъ здѣсь называютъ, *юровья*, и стремится въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе корму; преимущественно, однакожь, идетъ она на кормежку или, какъ здѣсь говорятъ, отгѣдаться внизъ по теченію рѣкъ, главнымъ образомъ, въ Обь, куда направляются и другія, вышеназванныя рыбы, не только изъ верховьевъ большихъ рѣкъ, но даже и изъ вершинъ малыхъ рѣчекъ. Въ это время вода въ Оби освѣжается, многочисленные ручьи, рѣчки и большіе ея притоки сносятъ въ нее запасъ воды отъ таящихъ зимнихъ снѣговъ и уровень ея все болѣе и болѣе поднимается и рыбѣ открывается широкой просторъ для отгѣданія и метанія икры въ заливахъ или сорахъ, въ протокахъ, курьяхъ и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховья рыбы движутся внизъ изъ Обской губы къ нимъ выходятъ на встрѣчу, вверхъ по рѣкѣ, представители семейства лососевыхъ, рода *Coregonus*: сначала идутъ сырокъ, нельма, затѣмъ — муксунъ, пыжьянъ, щокуръ вмѣстѣ съ осетромъ. Но и эти приморскія гости ищутъ прежде всего случая удовлетворить свой аппетитъ; они заходятъ также въ соры и разливы Оби и, въ большинствѣ случаевъ, пребываютъ въ нихъ до тѣхъ поръ, пока уровень воды въ р. Оби начнетъ понижаться. Съ пониженіемъ уровня водъ, верховья рыбы направляются, мало по малу, изъ соровъ и разливовъ въ рѣки, — переходя изъ мѣстностей мелководныхъ въ мѣста болѣе глубокия, низовья рыбы начинаютъ подниматься вверхъ по р. Оби иногда до самыхъ крайнихъ ея предѣловъ. Движеніе низовыхъ рыбъ вверхъ начинается съ іюня и продолжается до глубокой осени; позже, къ концу лѣта, идутъ вверхъ по рѣкамъ и верхо-

вья рыбы, какъ бы предчувствуя имѣющее наступить замираніе Оби. Изъ низовыхъ рыбъ идутъ, какъ уже сказано, всѣхъ раньше сырокъ и нельма; за ними появляются пыжьянъ, муксунъ, щокуръ и осетръ. Нельма и сырокъ заходятъ перѣдко въ побочныя рѣки, сырокъ остается въ сорахъ даже и на продолжительное время. Муксунъ идетъ, главнымъ образомъ, изъ низовыхъ соровъ по самой Оби, и только въ видѣ исключенія заходитъ въ притоки ея; только отчасти онъ попадаетъ разъединенными экземплярами и небольшими стаями въ Иртышъ, особенно около Тобольска. Вода Иртыша, повидимому, неприятна для муксуна: иногда можетъ быть по ошибкѣ, заходя въ устья этой рѣки, онъ возвращается назадъ въ Обь. При устьѣ Иртыша, муксунъ идетъ по правому берегу Оби, избѣгая лѣваго, гдѣ господствуетъ иртышская вода. Всѣ эти рыбы идутъ громадными стаями; во время хорошаго хода попадаютъ цѣлыми сотнями въ одну тоню невода, иногда рыбаки, въ одну недѣлю, нагружаютъ всю имѣющуюся у него посуду наловленною рыбою. Разныя морскія рыбы поднимаются вверхъ съ различною быстротою; самая быстрая изъ рыбъ по ходу — нельма. Въ разныхъ мѣстахъ по Оби, она появляется почти одновременно, такъ что разница во времени, когда ее начинаютъ ловить въ верхнихъ и нижнихъ частяхъ Оби самая ничтожная. Уже болѣе замѣтна она для сырка, который идетъ вверхъ по рѣкѣ съ быстротою отъ 40 до 50 верстъ въ сутки; но самый лѣнливый и медленный въ движеніи — осетръ: онъ, вѣроятно, не уходитъ болѣе 10 верстъ въ сутки. Всѣ эти морскія или низовыя рыбы поднимаются вверхъ для метанія икры, которая у нихъ въ первое время ихъ появленія въ р. Оби, бываетъ незрѣлая, жидкая, и уже къ осени совершенно созрѣваетъ, когда и начинается метаніе икры. Что же касается собственно осетра, то его время переста рыбакамъ мало извѣстно, такъ какъ осетровые экземпляры встрѣчаются постоянно съ икрою, во всѣ времена года. Выходъ рыбы изъ моря въ Обь — явленіе весьма постоянное, неизмѣнно повторяющееся изъ года въ годъ; но въ частностяхъ оно измѣняется въ зависимости отъ различныхъ при-

чинъ; одна изъ главныхъ, вліяющихъ на ходъ рыбы къ верховьямъ Оби, это высота уровня водъ этой рѣки. При высокому лѣтнему уровню водъ, рыба, въ большинствѣ случаевъ, находитъ себѣ много простору въ низовыхъ сорахъ и разливахъ рѣки; поэтому неохотно пускается въ далекія странствованія. По увѣренію опытныхъ людей, количество рыбы, выходящей изъ Обской губы и изъ низовьевъ Оби вверхъ по ея теченію, зависитъ также отъ количества дельфиновъ, занимающихся въ морскихъ прибрежьяхъ ловлею ея. Дельфины, выходя изъ губы въ рѣку, гонять, по обыкновенію, громадныя стада рыбъ, которыя, въ такомъ случаѣ, ищутъ спасенія въ мелководныхъ заливахъ рѣки; но если и здѣсь не находятъ онѣ достаточно покоя, преслѣдуемая дельфинами, то устремляются дальше и дальше вверхъ по рѣкѣ, куда дельфины идти не рѣшаются. Имѣя въ виду добыть болѣе подробныя и точныя данныя о жизни дельфиновъ около морскихъ прибрежій и о вліяніи ихъ на ходъ рыбы, я укажу теперь на случающіяся исключенія, состоящія въ томъ, что громадныя морскіе обитатели иногда, разъединенными экземплярами, поднимаются вверхъ по рѣкѣ за стадами рыбъ; на такіе примѣры есть даже литературныя указанія; но, кромѣ того, я убѣдился въ одномъ такомъ фактѣ изъ личныхъ распросовъ у мѣстныхъ жителей. Года два тому назадъ, рыбаки замѣчали одного дельфина въ разныхъ мѣстахъ Оби до Бѣлогорья, а отсюда онъ ушелъ далѣе, вверхъ по теченію, на разстояніи отъ моря верстъ на 1.000; онъ шелъ по главному фарватеру, около котораго лежить главнымъ образомъ, путь проходной рыбы, которая, въ такомъ случаѣ, его покидала и избирала для себя второстепенные пути: жалась къ берегамъ, заходила въ протоки и проч. Въ это время уловъ рыбы сильно увеличился, во многихъ мѣстахъ разъ въ десять и болѣе. Увеличеніе въ уловѣ произошло задолго раньше, чѣмъ дельфинъ показался; хорошій ходъ рыбы стоялъ цѣлыя сутки до тѣхъ поръ, когда морской обитатель исчезъ сверху рѣки, то скрываясь подъ водою, то выходя на ея поверхность, пуская фонтаны. Отсюда слѣдуетъ, что дельфинъ, плывъ по рѣкѣ, го-

вить передъ собою несмѣтное множество рыбы, которую, нужно сказать по справедливости, и изобилуетъ сама Обь. Обь изобилии осѣдлыхъ и проходныхъ рыбъ можно заключить уже по среднему, умѣренному разсчету. Бываютъ, конечно, года, какъ это видно изъ большаго количества собранныхъ мною здѣсь данныхъ касательно рыболовства, когда не окупаются уловомъ даже и снасти; но бываютъ и такіе, когда рыба, по своему громадному изобилю, почти теряетъ всякую цѣнность; это послѣднее относится въ одинаковой степени какъ къ проходнымъ, такъ и къ мѣстнымъ рыбамъ. Въ прошломъ году, въ одной рѣчкѣ Большо-Атлымской, было добыто и продано до 7,000 пудовъ шуки на 50—60 ловцевъ, кромѣ той, которая пошла въ прокъ и въ пищу самимъ рыбакамъ. Въ Башковомъ Сорѣ, около Березова, года два назадъ, въ одну тоню невода попало до 20,000 штукъ разной рыбы, такъ что неводъ едва былъ подтащенъ къ берегу и изъ него черпали рыбу саками; въ сорѣ было столько рыбы, что не успѣвали солить всю ту, какая ловилась; да кромѣ того, громадное количество рыбы погибло въ сорѣ, не находя изъ него выхода, такъ какъ онъ былъ запертъ. Мѣста на Оби, удобныя для ловли рыбы неводомъ, называются песками. Отъ песка требуется, чтобъ онъ имѣлъ ровное дно, съ постепенною покатостью отъ берега въ глубину, безъ ямъ или задевовъ, препятствующихъ ходу невода; требуется, чтобъ фарватеръ (стрель) не лежалъ далеко отъ берега и чтобъ была возможность захватывать идущую по нему рыбу. Наибольше удобны тѣ мѣста, гдѣ Обь раздѣляется островами на двѣ части; эти части бываютъ относительно уже и здѣсь удобнѣе достигъ до стрели. Но въ общей сложности фарватеръ Оби измѣняется, а съ нимъ и пески или улучшаются, или становятся совершенно непригодными для неводьбы; они подмываются и изрываются водою или фарватеръ сильно удаляется отъ береговъ. Наибольшимъ постоянствомъ пользуются пески только по исключительнымъ условіямъ; такъ, напримѣръ, какъ я уже сказалъ выше, проходныя рыбы, кромѣ осетра, избѣгая воды Иртыша, жмутся къ правому берегу, какъ бы не измѣнялся

тамъ фарватеръ, поэтому, находящійся здѣсь бѣлогорскій песокъ принадлежитъ къ лучшимъ по Оби.

Затѣмъ я оставлю пока водяныхъ жителей Оби и перейду къ пернатымъ, стоящимъ также въ болѣе или менѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ водою. Это—птицы, преимущественно водныя. Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я уже говорилъ, что перелетъ этихъ птицъ, сообразно съ состояніемъ погоды, измѣняется. Птицы совершивъ перелетъ къ сѣверу, возвращаются обратно, если на-ходятъ тамъ еще весьма слабыя признаки весны; такъ въ дѣйствительности и случилось въ нынѣшнемъ году весною. Это фактъ, который не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Для наблюденій орнитологическихъ, въ частности для перелета птицъ, ихъ жизни въ долину р. Оби, существуетъ для натуралистовъ много весьма благоприятныхъ обстоятельствъ. Долина Оби—есть, во всѣхъ своихъ пунктахъ, одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ для гнѣздованія птицы, для вывода дѣтей, для линянія. Широко раскинулись заливы и протоки р. Оби; она принимаетъ въ себя многочисленныя притоки со всѣхъ сторонъ; вся долина ея усыяна тысячами острововъ, поросшихъ частью мелкимъ, частью крупнымъ ивнякомъ, образующимъ обыкновенно густыя рощи, почти непроходимыя для человѣка; тамъ, гдѣ нѣтъ ивняка, вырастаетъ огромная трава изъ осокъ, ситника, пырея и проч.; эта трава такого роста и размѣра, въ которой нельзя видѣть даже человѣка и здѣсь, конечно, просторъ для гнѣздящейся и линяющей птицы. Въ нынѣшнемъ году птицу ловили перевѣсами, которые современемъ будутъ описаны, преимущественно летѣвшую «снизу», т. е. такую, которая пролетѣвъ впередъ, возвращалась обратно. На одного хорошаго ловца пришлось по 300—500 штукъ разныхъ видовъ утокъ. Однако же при всѣхъ удобствахъ для гнѣздованія птицы въ долину р. Оби, она имѣетъ и неудобства. Большая часть видовъ утокъ дѣлаетъ гнѣзда еще тогда, когда р. Обь стоитъ на довольно низкомъ уровнѣ и бываютъ годы, въ которые вода въ срединѣ лѣта до того поднимается, что затопляетъ всѣ гнѣзда утокъ, расположенныя на островахъ; вмѣстѣ съ ути-

ными гнѣздами затопляются нерѣдко и деревни, остяцкія юрты, лежащія въ долинѣ р. Оби; это драма для всего живаго; скотъ, лошади, овцы или гибнутъ подъ водою или спасаются хозяевами въ лодкахъ, на свайныхъ постройкахъ и проч. Гибнутъ въ такихъ случаяхъ и звѣри, населяющіе долину рѣки острова. Спасаются только тѣ утки, которыя кладутся на плавунахъ; плавуны—это весьма обширныя клочья земли, или, въ большинствѣ случаевъ, растительная земля, обыкновенно съ травой, кустарника, иногда и деревьями. На нихъ птица гнѣздится въ громаднѣйшихъ количествахъ; на плавунахъ не бываетъ ни одного свободнаго мѣста, такъ что на плавунахъ около одной деревни, Сухоруковой, въ прежніе, или даже и недавніе годы, собирали до 15,000 яицъ въ весну, кромѣ тѣхъ, которыя пошли въ пищу. На плавунахъ преимущественно гнѣздится *Fuligula cristata*, фактъ, который я наблюдалъ года два тому назадъ и въ верховьяхъ Волги, около озера Пено. Большинство другихъ видовъ утокъ гнѣздится на возвышенныхъ берегахъ р. Оби, избѣгая самой долины. Но въ тотъ моментъ, когда утки, выводя молодыхъ, уведятъ ихъ съ праваго берега въ долину, въ ея траву и кустарники, ихъ встрѣчаетъ одинъ изъ большихъ, водящихся здѣсь видовъ чайки—*халева* (*Larus*). Чайка нападаетъ на выводковъ и, не смотря на все усилія матки, поглощаетъ одного за другимъ всехъ молодыхъ, сколько бы ихъ ни было. Это явленіе до такой степени постоянно,—я самъ уже былъ его свидѣтелемъ, что отъ него гибнетъ, по всему теченію рѣки Оби, такое количество птицы, какъ ни отъ какого другого врага ея. Исключеніе нужно сдѣлать только для человѣка. Промышляя ее во время перелетовъ перевѣсами, онъ добываетъ ее сѣтями въ то время, когда она останавливается на лѣто и мѣняетъ свое одѣяніе. Для будущаго натуралиста, который будетъ располагать большимъ количествомъ времени, въ этомъ способѣ ловли скрывается одно изъ прекрасныхъ средствъ проникнуть въ жизнь водныхъ птицъ среди высокихъ и густыхъ кустарниковъ, въ травахъ и кочкахъ, когда же птицу ловятъ, такимъ образомъ, для пищи и продажи, поло-

жимь, что хотя и подь влияніемъ неотступной нужды и бѣдности, становится какъ-то неловко. Преимущественно, рано утромъ, тихо на лодкѣ, подьѣзжаютъ къ какому либо изъ уединенныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ острововъ, какихъ по Оби тысячи, и на одномъ концѣ его разставляютъ полукругомъ или нѣсколько ломанною линіею сѣти; хорошо, если тутъ есть трава, на уровнѣ которой и должны стоять сѣти вверху, а внизу должны касаться земли или воды. Дѣлается все это съ чрезвычайною тишиною, также какъ и люди, имѣющіеся при сѣтяхъ, должны тихо, на лодкахъ, заѣхать потомъ на другой конецъ острова, хотя бы онъ имѣлъ версту или болѣе длины. Начиная отсюда, они съ крикомъ и стукомъ подвигаются къ сѣтямъ. Островъ, на которомъ, до этого времени, царилъ гробовая тишина, который казался безжизненнымъ и мертвымъ, начинаетъ оживляться: слышится плескъ воды, шлепанье по грязи, раздается гоготанье, клоктанье и проч., наконецъ, показываются и сами островитяне, съ тревогою, бѣготнею, со страхомъ. Они возвращаются обратно, если замѣтятъ впереди кого либо или увидятъ сѣти. Иначе — идутъ въ сѣти и тутъ запутываются, что сопровождается иногда раздрающимъ крикомъ отчаянія, особенно у гусей. Это называется промыселъ за линными; птицы, въ это время, летать не могутъ, у нихъ выпадаютъ изъ крыльевъ всѣ перья; это самцы шилохвоста (*A. acuta*), чирка (*A. crecca*), кряквы (*A. boschas*), соксуна (*A. clypeata*) и даже гуси (*Anser cinereus*). Иногда въ сѣть попадается въ одинъ разъ до 150—200 штукъ разныхъ утокъ и до 10 и болѣе гусей. Въ двухъ сдѣланныхъ мною опытахъ, изъ которыхъ въ каждомъ были значительные промахи, попало до 100 шт. разныхъ видовъ утокъ и штукъ до 7 гусей, съ 3 дѣтьми, притомъ въ сѣти, поставленные въ первый разъ, попало только до 10 экземпляровъ птицъ, масса которыхъ возвратилась, такъ какъ сѣти были на мѣстѣ, совершенно лишенномъ травы; во второй разъ можно было поставить удачно только одинъ конецъ сѣтей. И если въ первый разъ попала только 20-я часть всей шедшей птицы, а во второй — не больше, какъ одна пятая или четверть ея, то, поэто-

му, можно судить, какое громадное количество пернатыхъ населяютъ долину рѣки Оби на всемъ ея протяженіи въ длину и ширину.

По отношенію къ млекопитающимъ скажу только то, что ими больше изобилуютъ мѣстности, лежащія по лѣвому берегу Оби, чѣмъ по правому. Это въ особенности замѣтно на лосѣ и соболѣ, которые еще въ значительномъ изобиліи встрѣчаются по рѣкамъ: Васпухолу, Сосвѣ, по притокамъ Конды, по Пельму и т. д. Иногда съ сѣвера заходитъ даже къ Березову песецъ (*C. lagopus*). Но главная причина для уменьшенія количества звѣря — лѣсные пожары и здѣсь дѣйствовали и даже продолжаютъ до сихъ поръ, частью отъ грозъ, частью отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. На всемъ теченіи Оби исчезли прекраснѣйшіе лиственничные лѣса, въ которыхъ нѣкогда важивались наилучшіе сорта бѣлокъ, остались только ничтожные островки изъ кедровниковъ. Если эти небольшіе островки даютъ въ урожайные года какимъ нибудь 60—100 человѣкамъ собрать до 10,000—12,000 пудовъ кедровыхъ орѣховъ и получить за нихъ до 20,000 и болѣе рублей денегъ, то можно судить, какой убытокъ наносятъ лѣсные пожары здѣшнему краю, не говоря о томъ, что съ лѣсами исчезаютъ и цѣнные звѣри. Кстати, скажу и о бобрѣ, который повсемѣстно исчезъ, но котораго мнѣ всетаки удалось убить, хотя и не своими руками. Я пріобрѣлъ 5 шкуръ бобра, хотя и не цѣльныхъ, безъ лапъ и хвоста. Бобры добывались въ протокахъ р. Пельма, куда съ Оби еще, до сихъ поръ, нѣсколько остяковъ ходятъ промыслять ихъ. Распросивъ подробно одного такого остяка объ образѣ жизни бобра, я поручилъ ему отправиться нынѣшнюю зимою на промыселъ, для чего и оставилъ денегъ мѣстному начальству, для передачи, современемъ остяку, съ тѣмъ, что, если бобръ будетъ добытъ, доставить его зимою въ совершенной цѣлости въ музей академіи.

И такъ, значить бобръ еще не совершенно вымеръ, какъ и остяки; въ большинствѣ случаевъ исчезновеніе бобра совпадало съ вымираніемъ первобытныхъ жителей и, повидимому, для здѣш-

няго края этотъ выводъ можетъ быть частью приложенъ. Я сдѣлалъ довольно много различныхъ наблюденій надъ жизнью остяковъ, и пришелъ къ заключенію, что они несомнѣнно уменьшаются въ количествѣ. Но рѣчь объ остякахъ и здѣшнихъ русскихъ я отложу до болѣе благопріятнаго и свободнаго времени.

Березовъ,
14-го іюля 1876 года.

IV.

Отъѣздъ изъ Березова. — Сутки на пустынномъ берегу Сосвы. — Характеръ теченія Оби. — Вліяніе весны — на ходъ рыбы. — Населеніе Оби. — Бытовые особенности остяковъ. — Вопросы касательно быта Обскаго населенія.

Съ 16 на 17 іюля я оставилъ Березовъ; хотя въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Березовѣ погода нѣсколько начала измѣняться къ худшему, нерѣдко стояли дни съ дождемъ и свѣжимъ сѣвернымъ вѣтромъ, однакоже въ ночь моего отъѣзда въ въздухѣ была таже тишина, къ какой я привыкъ уже раньше, на пути отъ Самарова къ Березову. Въ еще свѣтлую ночь долго рисовался передо мной небольшой, сѣверный городокъ, съ его двумя церквями, расположенный на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Сосвы, соотвѣтствующемъ полуденной горѣ въ долинѣ р. Оби и состоящемъ изъ подобныхъ же новѣйшихъ слоистыхъ образованій съ валунами, съ мамонтовыми остатками, какъ и правый берегъ р. Оби. — Оставивъ Березовъ, я снова вступилъ въ эту сѣть протоковъ то сливающихся другъ съ другомъ, то дробящихся, въ этотъ лабиринтъ заливовъ, имѣющихъ видъ озеръ; изъ ихъ невозвутимой, зеркальной поверхности тутъ и тамъ всплываютъ въ разныхъ видахъ и формахъ острова, заросшіе явами или высокою травой.

— Утромъ наша лодка стояла около одного низменнаго и пустыннаго острова на берегу р. Сосвы; тишина сопровождала насъ только на протяженіи верстъ 15 отъ Березова; за тѣмъ она смѣнилась такимъ крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, что ходъ противъ

него, не смотря на усилія восьми человекъ гребцовъ, былъ не мыслимъ. Громадныя волны бродили на поверхности Сосвы, которая находясь въ разливѣ, имѣла здѣсь около $\frac{1}{2}$ версты ширины, надъ волнами въ воздухѣ носились по обыкновенію чайки, крачки (*Sterna*), по временамъ налетали на насъ парочками, или одиночно, неизбежныя также въ долину Оби кривки морскіе (*Haematorpus ostralegus*). Въ противоположность разнообразнымъ и перѣдко неистовымъ крикамъ этихъ чернатыхъ созданий, островъ былъ мертвъ, только вѣтеръ шумѣлъ въ листвѣ разбросанныхъ по берегамъ ивовыхъ кустарниковъ и волновалъ какъ ниву, но безплодную, широкое поле травы, устилавшее островъ. При этомъ вороны выжидали издали очищенія нашего табора и какихъ-нибудь на немъ съѣстныхъ остатковъ, а другіе обитатели острова — комары выказывали еще менѣе терпѣнія въ удовлетвореніи своего аппетита и назойливо нападали на гребцовъ, которые и сами были голодны, такъ какъ въ надеждѣ на тихую погоду при выѣздѣ и на скорое прибытіе къ слѣдующей станціи, не взяли съ собой ничего съѣстнаго. Но скоро одинъ неожиданный случай выручилъ насъ изъ бѣды: издали, противъ теченія и по вѣтру, подплыла къ намъ легкая лодочка, съ двумя остяками, они везли пакетъ экстренно нужный въ Березовъ и заѣхали освѣδοчиться, нельзя ли его, чтобъ имъ не дѣлать лишняго пути, отправить черезъ нашихъ гребцовъ. Съ пакетомъ они везли и рыбу въ Березовъ, съ тѣмъ, чтобъ продать ее тамъ и на выручку выпить извѣстнаго здѣсь веселящаго напитка. Рыба была у гонцовъ куплена и довольно скоро съѣдена сырою или вареною, трава на острову была подожжена гребцами и, благодаря изобилію въ ней прошлогодней сухой травы, запылала вмѣстѣ съ заключавшимися въ ней комарами. Въ то же время остяки уже отправились дальше, ихъ не держитъ на мѣстѣ ни волна, ни буря, ихъ легкая, красивая лодочка-однодеревка пошла нырять среди волнъ, словно чайка. — Не менѣе однакоже обрадовало и лично меня письмо, полученное мною съ нарочнымъ, на этомъ же пустынномъ берегу, отъ Генераль-Губернатора Западной Сибири, Н. Г. Казнакова;

нарочный, привезшій письмо, достигъ меня довольно рано и уѣхалъ въ Березовъ гораздо раньше гонцовъ-остяковъ. Въ письмѣ ставился рядъ вопросовъ по отношенію къ такимъ жизненнымъ явленіямъ въ долині Оби, съ которыми я уже не разъ сталкивался, и которыя черѣдко наводили меня на весьма продолжительныя размышленія. Находясь въ невольномъ заключеніи около острова, я получилъ возможность еще разъ сосредоточиться на этихъ размышленіяхъ, по поводу замѣченныхъ мною жизненныхъ явленій въ краѣ и спѣшилъ въ Обдорскъ, чтобъ ихъ высказать. Но погода не благопріятствовала поспѣшности, только къ вечеру мы могли сдвинуться съ мѣста и едва сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ вѣтеръ усилился и намъ пришлось снова предаться отдыху и размышленію около другого острова, совсѣмъ затопленнаго. Къ утру слѣдующаго дня вѣтеръ значительно ослабѣлъ и днемъ мы достигли первой послѣ Березова станціи—Пугорскихъ юртъ.

Отсюда наше плаваніе пошло своимъ обычнымъ порядкомъ; я останавливался около всѣхъ рыболовческихъ поселеній, какъ-вѣя здѣсь исключительно и господствуютъ; я внимательно всматривался въ существующіе порядки рыбопромышленности, въ отношенія между русскими и остяками. При томъ мѣстная природа по большей части пути являлась въ мало измѣненномъ видѣ: та же однообразная растительность въ долині Оби, тѣ же берега, на правой ея сторонѣ, возвышенные, обрывистые, состоящіе изъ слоистыхъ новѣйшихъ образованій, съ округленными или же съ отполированными и штриховатыми валунами, съ костями мамонта и первобытнаго быка; они поросли частію кедромъ, елью, смѣшанными съ березой, осиною, ольхой, но надъ всѣми ими по преимуществу беретъ преобладаніе лиственница; однакоже, чѣмъ ближе къ Обдорску, тѣмъ эта растительность рѣдѣетъ все больше и больше, и возвышенный правый берегъ становится нѣсколько угрюмѣе, —однимъ словомъ, чѣмъ ближе къ Обдорску, тѣмъ древесная растительность больше теряетъ характеръ урмана. — За то самое теченіе Оби становится еще болѣе характернымъ; еще

далеко выше Березова, именно около селенья Чемашевского, она раздѣляется на два главныхъ рукава, на Большую Обь, лежащую около праваго берега, и на Малую Обь, которая идетъ исключительно около лѣваго берега; такія отношенія сохраняются между этими рукавами до самаго устья р. Оби, т. е. на протяженіи около 600 верстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе и болѣе осложняется и существующая здѣсь сѣтъ протоковъ, текущихъ быстро или медленно изъ Большой Оби въ Малую и обратно, увеличивается количество заливовъ или соровъ, впаденіе нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ Сосва, образуетъ также значительные анастомоты съ протоками Оби. — Здѣсь, такимъ образомъ, начинается главнѣйшая область рыбопромышленности; здѣсь лежатъ, начиная отъ раздѣленія Оби на Большую и Малую, лучшіе рыболовческіе пески, какъ-то Перегребный, съ группой другихъ, около него лежащихъ, Устрѣмъ, песокъ Оленскій въ особенности Куноватскій, Питлярскій, Мелѣксинскій, съ промежуточными между ними по положенію и достоинству песками Пужлановскимъ, Лангивожскимъ, Люймазскимъ и пр.

Во время нашего плаванія уровень Оби былъ еще очень высокъ, поэтому и ловъ рыбы не былъ еще вполне удаченъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при данномъ, высокомъ уровнѣ воды, рыба въ нынѣшнемъ году ловилась лучше, чѣмъ въ другіе года. Этотъ наиболѣе успѣшный уловъ рыбы нынѣшней весной въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе отстоящихъ отъ устья Оби стоялъ въ зависимости отъ того явленія, которымъ, какъ я указалъ въ одномъ изъ писемъ, обуславливался нынѣ возвратный перелетъ птицъ; это именно — весьма поздняя весна при устьяхъ Оби, слишкомъ позднее очищеніе водъ ото льда. Въ началѣ весны, лишь только къ устьямъ Оби нахлынулъ потокъ свѣжей воды, рыба начала подниматься вверхъ по теченію; но, встрѣчая при устьяхъ большую часть заливовъ закованными льдомъ, она поднималась большими стаями все выше и выше и такимъ-то образомъ устья Оби оказались въ заключеніе болѣе бѣдными рыбой, чѣмъ мѣстности значительно выше лежація. Отсюда слѣдуетъ, что тотъ

или другой характеръ весны отражались такъ или иначе на перелетѣ птицъ и ихъ гнѣздованіи, не менѣе существенно вліяетъ и на періодическія передвиженія рыбъ, на ихъ распредѣленіе въ теченіи лѣта по водамъ р. Оби.

Въ свою очередь рыбы являются однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, вліяющихъ на распредѣленіе населенія въ долину Оби; хлѣбопашество не доходитъ даже до устьевъ Иртыша, скотоводство по теченію Оби простирается только до Березова, ниже котораго и оно становится весьма затруднительнымъ, замѣняясь оленеводствомъ, причемъ и собака начинаетъ уже играть здѣсь роль домашняго рабочаго животнаго. По всему этому мѣстности, лежащія ниже Березова, носятъ на себѣ уже болѣе пустынный характеръ, на пути къ Обдорску я встрѣтилъ одно только русское, осѣдлое селеніе — Кушеваты (другое — Мужи, осталось западиѣ, по Малой Оби). Но и эти поселенія вмѣстѣ съ Обдорскомъ, кромѣ чисто торговаго и административнаго характера, несутъ на себѣ многія особенности, свойственныя поселеніямъ мѣстныхъ жителей, русскіе и здѣсь уже обзаваются по временамъ оленями; собаки во многихъ хозяйскихъ нуждахъ замѣняютъ имъ лошадь; ради промышленныхъ цѣлей, русскіе, какъ и остяки, оставляютъ временно свои жилища, даже ихъ заколачиваютъ; вмѣстѣ со многими чертами остяцкаго образа жизни, они усвоили себѣ многія особенности во взглядахъ и міросозерцаніи; большинство русскихъ владѣютъ остяцкимъ языкомъ такъ же, какъ своимъ роднымъ. Во время лѣта пустынные берега Оби оживляются сотнями людей, пріѣзжающихъ сюда ради рыболовства изъ окрестностей Тобольска; въ это время на всѣхъ главнѣйшихъ пескахъ живетъ по 40 — 80 человѣкъ рабочихъ, съ ихъ хозяевами, прикащиками, въ то же время русскіе разсыяны повсемѣстно по сорамъ для скупки рыбы. Но въ сентябрѣ всѣ эти временные гости исчезаютъ. Преобладающимъ населеніемъ на берегахъ Оби остаются остяки—эти первобытные обитатели суроваго края во всѣхъ отношеніяхъ къ нему принаровленные. Кромѣ того, что остякъ ниже Березова есть оленеводъ, онъ же

является въ свою очередь замѣчательнымъ рыболовомъ. Какъ на оленѣ, въ какихъ бы то ни было пустынныхъ мѣстахъ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, такъ и на водѣ онъ самый опытный и ловкій пловецъ; достаточно хорошо знакомый съ-мѣстностью, съ характеромъ рѣки, присмотрѣвшись къ характеру атмосферныхъ явленій, остякъ при всей своей смѣлости на водѣ рѣдко бываетъ жертвою неосторожности. Отдавая лучшія рыболовныя мѣста въ распоряженіе русскихъ, обладающихъ большими рѣчными неводами, онъ ловить для себя рыбу небольшими неводами въ заливахъ рѣки, а на самомъ теченіи Оби — онъ «колыданитъ». Колыданъ — довольно значительной величины мѣшокъ, сдѣланный изъ крупно ячеистой сѣти; къ нижней сторонѣ его прикрѣплена палка, на срединѣ которой находится плоскій камень до 3 ф. въ-сомъ; при опусканіи мѣшка въ воду, палка, вмѣстѣ съ камнемъ, играющимъ роль грузила, и съ нижней частью сѣти ложится на дно рѣки; отъ камня идетъ черезъ кольцо по срединѣ верхней стороны мѣшка веревка въ руки колыданщика, кромѣ того, чтобъ верхняя часть мѣшка не упала на нижнюю и чтобъ мѣшокъ, будучи опущенъ въ воду, былъ открытъ, отъ верхняго края мѣшка идутъ въ руки колыданщика нѣсколько тонкихъ нитей (симы). Въ такомъ видѣ колыданъ, опущенный въ воду, идетъ по дну рѣки и имѣетъ видъ морды съ жерломъ, но безъ вставочнаго конуса; лишь только рыба заходитъ въ него и ища выхода соприкасается со стѣнками легкой снасти, колыданщикъ чувствуетъ ея присутствіе, спускаетъ симы, а веревку тянетъ вверхъ; такимъ образомъ рыба оказывается запертой въ мѣшкѣ или въ колыданѣ, въ которомъ ее ловецъ и вытаскиваетъ на дневную поверхность. Колыданъ есть одна изъ любимѣйшихъ рыболовныхъ снастей остяковъ; имъ ловится по преимуществу крупная рыба: осетръ, сельма, муксунъ и др. Нѣкоторые сора и мѣстности по теченію Оби въ особенности славятся этимъ способомъ ловли; такъ напримѣръ Казымскій песокъ, лежащій по Оби, ниже Устрѣма. Въ хорошихъ случаяхъ остякъ добываетъ колыданомъ до 200 — 300 муксуновъ въ лѣто, кромѣ того добыча

можетъ быть увеличена уловомъ осетровъ, нельмъ и пр. Въ мѣстахъ распространеннаго колыданнаго промысла остяки шныряютъ по заливамъ и плесамъ р. Оби цѣлыми флотиліями: изящная рыболовная снасть, легкія и красивыя лодочки, замѣчательная ловкость управлять ими колыданщиковъ особенно, если это имѣетъ мѣсто при тихой и ясной погодѣ, когда ловъ колыданомъ наиболѣе успѣшенъ — все это дѣлаетъ картину жизни въ долину Оби весьма оригинальной и своеобразной.

Я могъ бы привести еще много такихъ примѣровъ изъ виѣшняго и промышленнаго быта остяковъ, которые ясно доказываютъ способность ихъ принаравливаться къ виѣшнимъ условіямъ окружающей ихъ природы, но чтобъ не забѣгать впередъ, отложу это до болѣе удобнаго случая и обращусь къ причинамъ внутреннимъ, въ силу которыхъ грозитъ опасность краю лишиться и этихъ первобытныхъ дѣтей природы, до сихъ поръ исключительно его оживляющихъ; остяки несомнѣнно вымираютъ, въ силу чего край современемъ можетъ сдѣлаться совершенно пустыннымъ, такъ какъ едва ли найдется населеніе болѣе съ нимъ освоившееся, чѣмъ нынѣшнее. Въ предупрежденіе этой печальной будущности слѣдовало бы обратить строжайшее вниманіе на нравственный и экономическій складъ жизни остяковъ и принять неуклонныя мѣры къ отстраненію тѣхъ явленій въ ихъ жизни, которыя особенно губельно на нихъ отзываються.

Въ виду всего этого я тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ, сейчасъ же по пріѣздѣ въ Обдорскъ, успѣшилъ дать отвѣтъ на нижеслѣдующіе обращенныя ко мнѣ вопросы со стороны Н. Г. Казнакова. Между прочимъ, требовались свѣдѣнія:

1) Относительно эксплуатаціи инородцевъ рыбопромышленниками и другими торговцами, — о порядкѣ заключенія условій по отдачѣ въ арендное содержаніе рыболовныхъ инородческихъ песковъ, — на какіе сроки таковыя отдаются и къмъ свидѣтельствуются поминутые договоры?

Въ какомъ находится приблизительно процентномъ отношеніи сумма годовой арендной платы къ цифрѣ дивиденда, получаемаго

рыбопромышленникомъ отъ этой его операціи, за всѣми расходами съ нею сопряженными?

Существуетъ ли при отдачѣ песковъ въ аренду какая-либо конкуренція?

Расплачиваются ли арендаторы когда-нибудь деньгами, или же, по обыкновенію, снабжаютъ инородцевъ предметами первой необходимости, каковы напримѣръ: мука, соль, морежи, сукно и холстъ, и сколько теряетъ при этомъ инородецъ въ суммѣ капитала, который онъ могъ бы получить деньгами и приобрести на эти деньги болѣе свободнымъ путемъ тѣ же продукты отъ другихъ лицъ? Вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе по отношенію къ существующей въ краѣ томъ мѣновой торговлѣ, въ виду крайнихъ неудобствъ оной для инородцевъ сравнительно съ обращеніемъ денежныхъ знаковъ.

Существуетъ ли и въ настоящее время и удерживаетъ ли за собою характеръ общаго явленія такой порядокъ сдачи рыбопромышленникамъ рыбы, наловленной самими инородцами, при которомъ принимаются двѣ рыбы за одну, хотя бы первая (такъ называемая маломѣрка) и немного были менѣ условленной величины?

Въ какомъ количествѣ распространень ввозъ рыбопромышленниками запретныхъ для обитателей сѣверной окраины Тобольской губерніи спиртныхъ напитковъ?

Въ какой степени эксплуатируется этимъ инородческое населеніе и на сколько бесполезною оказывается въ дѣлѣ надлежащаго контроля мѣстная полиція съ ея наличными ограниченными силами, обязанными слѣдить на такихъ громадныхъ разстояніяхъ?

2) Эксплоатація обскихъ рыбопромышленниковъ, не встрѣчающая препятствій и поэтому незнающая никакихъ границъ, въ одинаковой мѣрѣ можетъ тяготѣть и на артеляхъ судорбочихъ, нанимаемыхъ въ Тобольскѣ и другихъ мѣстахъ. Цѣны, выдаваемые имъ, чрезвычайно низкія, что обуславливается и тѣмъ, что нанимающійся забираетъ еще съ осени впередъ всѣ деньги,

необходимыя для уплаты податей и, такимъ образомъ ставить себя въ безъисходно-обязательныя отношенія къ судохозяину. По слухамъ, обращеніе хозяевъ съ рабочими безконтрольно-деспотическое и содержаніе рабочаго въ отношеніи ли употребленія его въ работу, такъ равно и въ пищу, одеждѣ и помѣщеніи, вѣроятно во многомъ погрѣшаетъ противъ правилъ самой необходимой гигиены. Обо всемъ этомъ надѣюсь выслушать отъ васъ живой рассказъ.

3) Обращаюсь къ предмету, непосредственно интересующему и васъ — къ самымъ приемамъ лова рыбы, въ которыхъ проглядываетъ тоже недобросовѣстная эксплуатація, соединенная съ ущербомъ для другихъ и во вредъ самимъ промысламъ. Такъ называемые сора, или большія низменныя пространства, залитыя водою во время весенняго разлива Оби, при убыли воды запираются искусственнымъ образомъ вмѣстѣ съ скопившеюся тамъ рыбою въ громадномъ количествѣ; за тѣмъ, когда крайне стѣсненная, она начинаетъ задыхаться и искать исхода, берутъ ее руками и не будучи въ состояніи справиться съ засоломъ, выбираютъ лучшую, а остальную кучами оставляютъ на берегу. Зло въ томъ, что кромѣ проистекающей отсюда гибели рыбы, рыболовныя мѣста выше лежащія на Оби ставятся, вслѣдствіе сказанныхъ запоровъ, внѣ прямаго сообщенія съ послѣдовательнымъ ходомъ рыбы, тогда какъ послѣдняя при дальнѣйшемъ ростѣ получаетъ и лучшее качество. Та же безцеремонность или безрасчетливость замѣчается въ ловѣ рыбы даже во время метанія икры. Желательно бы знать, — въ какой мѣрѣ существуетъ это зло и если до настоящаго времени быть можетъ успокаивались мѣстнымъ обиліемъ рыбы, то не настала ли пора принятія рациональныхъ и регулирующихъ мѣръ?

4) Въ отношеніи возможнаго матеріальнаго поддержанія быта инородцевъ обращаетъ на себя главное вниманіе употребленіе здоровой пищи. Къ сожалѣнію, самое расположеніе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ едва ли можетъ похвалиться своею цѣлесообразностью. Большинство изъ нихъ находится на Оби, въ тѣхъ

пунктахъ, гдѣ, кромѣ казенной продажи муки, распространена и вольная продажа, причѣмъ казна, которой заготовленіе хлѣба и доставка на мѣсто обходится несравненно дороже, естественно конкурировать не можетъ, что въ свою очередь неблагопріятно отражается на недостаткѣ освѣженія хлѣбныхъ запасовъ, которые по долгу остаются не проданными, а между тѣмъ въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ рыбныхъ промысловъ (въ долинахъ притоковъ Оби: Югана, Ваха и др.), гдѣ вовсе нѣтъ вольной продажи хлѣба и гдѣ между тѣмъ разбросано кочующее племя остяковъ и самоѣдовъ, казенныхъ запасовъ хлѣба почти не существуетъ. Прошу васъ собрать для меня возможно точныя свѣдѣнія по этому предмету, равно и о томъ, на сколько нуждаются инородцы въ запасахъ соли,—въ какомъ вообще количествѣ распространены ввозъ рыбопромышленниками соли въ округа Сургутскій и Березовскій,—сколько изъ этого приходится приблизительно на долю инородцевъ, какъ для употребленія въ пищу, такъ и для промысла рыбы, и во что обходится имъ въ большинствѣ случаевъ покупка соли на рыбу или на мѣхъ?

Наконецъ 5) Особенно желательно было бы мнѣ знать итоги, какіе будутъ выведены изъ личныхъ вашихъ наблюдений объ общемъ экономическомъ положеніи изслѣдуемой вами мѣстности: въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ естественныя условія ея являются благопріятствующими или, напротивъ, препятствуютъ человѣку въ устройствѣ его быта? Гдѣ та грань, за которую уже не смѣетъ переступить съ своей сохой пахарь; чѣмъ вознаграждается его тяжелый трудъ и можно ли простираться еще далѣе въ этой культурной борьбѣ съ природой. Зато съ другой стороны мѣстное обиліе рыбы и непроходимые урманы, богатые строительнымъ матеріаломъ, орѣхомъ, лѣсною дичью и пушнымъ звѣремъ, развѣ не привлекаютъ къ себѣ человѣка съ его разумной энергіей и для его выгодъ? Данные такого рода получаютъ особенно серьезное значеніе при постановкѣ вопроса о возможномъ развитіи мѣстнаго осѣдлаго населенія и улучшеніи его экономическаго и промышленнаго быта. Даже и тамъ, гдѣ

съ совершеннымъ исчезновеніемъ лѣсовъ, такъ сказать самой природой ставится преграда для постоянной правильной осѣдлости, — громадныя водныя пространства (впже Березова и Обдорска), изобилующія морской рыбой, давно уже посѣщаются болѣе смѣлыми промышленниками, а этимъ фактически подтверждаются возможность разведенія тамъ особыхъ промышленныхъ колоній по крайней мѣрѣ на лѣтнее время, живой организациі которыхъ могли бы служить и болѣе развитое пароходство и другіе улучшенные пути мѣстныхъ сообщеній».

Эти вопросы послужили рамкой для нижеслѣдующаго очерка «Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби». Въ этой статьѣ, во время пребыванія въ Обдорскѣ и сборовъ въ дальнѣйшій путь, не только старался я дать бѣгло отвѣты на предыдущіе вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось выбрать наиболѣе характерныя жизненныя явленія въ краѣ и, показавъ ихъ связь и взаимодѣйствіе, опредѣлить то направленіе, въ которомъ въ настоящее время развивается здѣшняя общественная жизнь. Факты, относящіеся до этой жизни, еще болѣе характерныя и пріобрѣтенныя мною уже послѣ перваго моего пребыванія въ Обдорскѣ, я кстати укажу, можетъ быть, въ слѣдующемъ отчетѣ; но главнымъ образомъ я долженъ буду отложить ихъ до спеціальной работы о здѣшнемъ населеніи.

12 декабря 1876 года.

С.-Петербургъ.

V.

Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ р. Оби.

Ходъ развитія остяковъ отъ времянь до-историческихъ до нашего времени и ихъ вымираніе. — Первобытная степень культурнаго развитія остяковъ выражается въ ихъ нравахъ и обычаяхъ: плодovitость и браки остяковъ. — Женщина, ея семейныя права или безправіе. — Непредусмотрительность остяковъ. — Врвованія остяковъ въ связи съ животными отправлениями человеческого организма. — Условія существованія остяковъ въ первобытныя времена по отношенію къ звѣроловству и рыболовству. Перемѣна въ экономическомъ бытѣ остяковъ съ приходомъ русскихъ въ область ихъ обитанія: повинности и случаи порабощенія, покупки и продажи остяковъ; лѣсныя пожары, вліяніе ихъ на жизнь звѣрей; черты изъ быта и заработка. — Нищета и кормильцы остяковъ. — Рыбопромышленность: условія аренды песковъ отъ остяковъ и крестьянъ; отъѣздъ каравановъ изъ Тобольска и бытъ рабочихъ, условія ихъ найма на рыболовныхъ пескахъ. — Низовые пески и сора. — Что приходится нынѣ отъ рыболовства рыбопромышленникамъ и остякамъ: расплата деньгами, товаромъ, водкой. — Что сдѣлали рыбопромышленники для рыболовства — хищническая фаза. — Что можно сдѣлать для того, чтобъ хоть сколько нибудь вывести населеніе по р. Оби изъ его первобытнаго и безъисходно-печальнаго экономическаго состоянія, — обрабатывающая фаза рыбопромышленности. Заключение.

Хотя исторія развитія человѣка даетъ всегда много поучительнаго для наблюдателя, однако я не буду касаться ея на столько, насколько она извѣстна относительно первобытныхъ жителей долины р. Оби. Несомнѣнно, что человѣкъ здѣсь прошелъ черезъ тѣ послѣдовательныя фазы развитія, какія имѣли мѣсто и на другихъ нунктахъ земнаго шара. Прежде чѣмъ русскіе съ ихъ булатными мечами и кольчугами распространили своя завоевательныя стремленія на Сибирь, предки нынѣшнихъ остяковъ умѣли уже обрабатывать желѣзо, имѣя однакоже предшественниками въ этой области такихъ жителей, которые умѣли обрабатывать для своихъ орудій и домашнихъ принадлежностей только кость и камни. Въ какихъ племенныхъ отношеніяхъ находились древніе остяки къ этимъ первобытнымъ жителямъ, сказать трудно; что же касается нынѣшнихъ остяковъ, то ихъ нужно разсматривать, какъ непосредственныхъ потомковъ тѣхъ древнихъ остяковъ, остатки жилья которыхъ сохранились по теченію

р. Оби. Это — такъ называемые остяцкіе городки; по формѣ они напоминаютъ частію лежащія по Иртышу татарскія городища, также находящіяся въ Россіи, напримѣръ около озера Селигера — городокъ на берегу озера Глубокаго, относящійся къ курганному періоду. Городокъ Карымкарскій, лежащій у Карымкарскихъ юртъ, на правомъ берегу Оби, представляетъ собою возвышенный островъ, совершенно круглый, съ низменной окраиной и срединной высокой терасой. Городокъ Мало-Атлымскій расположенъ непосредственно на правомъ высокомъ берегу рѣки, отдѣленный отъ материка искусственно вырытой канавой или ровомъ. Въ мусорѣ преобладаютъ бересто съ перегнившими палками; здѣсь очевидно стояли чумы изъ году въ годъ, въ теченіе столѣтій; ихъ обитатели, питаясь рыбой, оленями и лосями, остатки которыхъ сохранились, дѣлали изъ глины посуду, изъ оленьей кости и рога разныя принадлежности хозяйства; они добывали хорошаго качества болотную желѣзную руду и умѣли ее обрабатывать; вмѣстѣ съ нетронутой болотной рудой, я находилъ въ городкахъ большое количество окалины. Повидимому только съ появленіемъ русскихъ естественный ходъ жизни въ этихъ городкахъ былъ нарушенъ: въ нихъ мало по малу прекратились дѣятельность и пребываніе человѣка, они сдѣлались пустынными и молчаливыми съ однимъ мусоромъ, свидѣтелемъ ихъ прошлаго. Потомки древнихъ остяковъ нынѣ разбросаны въ долину Оби и ея притоковъ небольшими селеніями, число которыхъ и величина также съ годами уменьшаются; рядомъ съ древними городищами я замѣчалъ по теченію Иртыша и Оби остатки селеній болѣе новыхъ, обитатели которыхъ исчезли съ лица земли, — «вывелись» — уже въ нашемъ столѣтій или даже годовъ десять, двадцать тому назадъ; въ другихъ же селеніяхъ, какихъ не мало, вмѣсто прежнихъ десятковъ жителей, одинъ или два остяка владѣютъ свое жалкое существованіе. Такимъ образомъ очевидно, что остяки вымирали и прежде, каковой процессъ продолжается и до сихъ поръ. Въ чемъ же дѣло, во вѣншихъ ли условіяхъ или во внутреннемъ складѣ ихъ жизни? — Остяки забыли то, что вы-

работали хорошаго ихъ предки, вапримѣръ кузнечное мастерство, получивъ возможность брать у русскихъ болѣе совершенныя желѣзныя издѣлія, хотя, можетъ быть, и на болѣе тяжкихъ условіяхъ; съ другой стороны они свято хранятъ тотъ первобытный складъ своей жизни, тѣ первичныя ея формы, рядомъ съ которыми немислимо никакое дальнѣйшее развитіе, — отсюда низкій уровень ихъ экономическаго благосостоянія, гибельно отзывающійся на ихъ существованіи во всѣхъ его главнѣйшихъ фазахъ.

Остякъ мало плодovitъ, при чемъ на дѣтяхъ его, въ силу ненормальныхъ условій питанія и ухода, тяготѣетъ чрезвычайная смертность; не считая остяковъ совершенно бездѣтныхъ, у большинства изъ общаго количества дѣтей умираетъ до $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$. Кромѣ того есть остяки, остающіеся на всю жизнь холостыми, такъ какъ пріобрѣтеніе жены сопряжено съ платой калыма и обыкновенно въ такихъ размѣрахъ, которые не для всякаго мыслимы. Рѣдкій остякъ въ состояніи сей часъ же уплатить калымъ; обыкновенно уплата длится годъ, два и болѣе; нѣкоторые остяки, во избѣжаніе платы, подговоривъ себѣ жену, уводятъ ее воровски, тайно отъ родителей невѣсты, — обычай, который, можетъ быть, полезно было бы поощрять, а не преслѣдовать, какъ это сдѣлано недавно со стороны духовныхъ властей, воспретившихъ вѣнчать невѣстъ, уведенныхъ воровски, безъ согласія ихъ родителей. Привожу здѣсь отрывокъ изъ біографіи остяка Василія Кипріянова изъ Ендырскихъ юртъ, 31 года; у него есть жена, платилъ за нее калыму 150 руб.; деньги бралъ у покойнаго отца Ивана, священника Сухоруковской церкви, подъ проценты; отдавалъ орѣхомъ по 70 к. за пудъ, вмѣсто 1 р. 20 к., лосинами по 3 р. за штуку, вмѣсто 5—6 р.; соболями по 4 р. за штуку, вмѣсто 6—8 р., бѣлками по 7 коп., вмѣсто 10—14 к., весь долгъ выплатилъ въ теченіе 14 лѣтъ. Ребятъ не было. Воровать невѣсты было нельзя, такъ какъ два старшіе брата уже воровали; иначе на семью пошли бы нареканія отъ своихъ же собратій

остяковъ». Другіе примѣры могутъ быть въ томъ же родѣ; вотъ показаніе молодаго остяка изъ Низямскихъ юртъ, Тимоея Алачева, принадлежащаго къ роду Кондинскихъ князей, старшая вѣтвь которыхъ была извѣстна съ 1599 года и которой представители, переселившись въ Россію, были женаты на русскихъ дѣвицахъ изъ знатныхъ фамилій (Списки насел. м. Рос. Имперіи. Тобольская губ., стр. CLXV). Названный изъ нынѣшнихъ сородичей этихъ древнихъ князей менѣе свободенъ въ выборѣ для себя подруги жизни; первая ему стоила 100 р., но скончалась, вторая 90 р., но въ обоихъ случаяхъ онъ остался бездѣтнымъ, а деньги долженъ былъ брать у еврея въ Кондинскѣ по 10% въ мѣсяць. Послѣдствія остяцкаго брака очевидны: для пріобрѣтенія средствъ къ уплатѣ калыма остякъ ставитъ себя часто въ безвыходное экономическое рабство; а пріобрѣтая себѣ жену за деньги, онъ смотритъ на нее, какъ на купленный имъ товаръ, какъ на свою собственность, которою онъ конечно можетъ располагать по своему личному произволу; жена въ глазахъ остяка имѣетъ тѣ же права, какъ его собственный олень или теленокъ, которыхъ онъ можетъ казнить и жаловать. Чисто животный взглядъ на женщину въ особенности ясно выражается у сѣверныхъ остяковъ; помимо распространеннаго здѣсь многоженства, остякъ отецъ пріобрѣтаетъ для своего сына, еще малолѣтняго, лѣтъ 10, жену, также очень молодую и вскармливаетъ ее до надлежащаго возраста, въ родѣ того, какъ воспитываютъ здѣсь молодыхъ лисятъ, извлекая изъ нихъ потомъ нужную выгоду; иногда для малолѣтняго сына добывается отцемъ жена совершеннолѣтняя, лѣтъ на 7—10 старше жениха. Хотя такое явленіе и оправдывается тѣмъ, что одной работницей въ семьѣ становится больше, однако здѣсь можно иногда заподозрить безкорыстіе старшихъ въ ихъ заботахъ о младшихъ членахъ семьи, и можетъ быть въ предупрежденіе такого подозрѣнія остячки имѣютъ обычай закрывать свое лицо платкомъ передъ всѣми старшими мужчинами не только въ семьѣ, но и въ родѣ и въ племени (по всему теченію р. Оби); этотъ обычай по Оби во-

шелъ въ такую силу, что остячка, усердно кутая свое лицо, не стѣсняется, если у ней окажутся не совсѣмъ закрытыми другія, болѣе сокровенныя части тѣла, чему признаться, и я былъ свидѣтелемъ. Во всякомъ случаѣ всѣ условія остицкаго брака весьма не нормальны; съ ними связана ранняя половая дѣятельность, неравенство по лѣтамъ; здѣсь подборъ родичей, можно сказать, самый не естественный, ослабляющій племенную крѣпость остяка, ведущій его къ регресу, въ противоположность тому естественному подбору родичей, въ силу котораго развиваются и совершенствуются представители животнаго и растительнаго царства. Есть случаи, когда мало цивилизованные народы, выбирая женъ изъ племени болѣе развитаго, сами мало по малу переходятъ на болѣе высокую степень развитія. Такое явленіе отчасти имѣетъ мѣсто и между остяками. По Иртышу есть нѣкоторыя мѣста, гдѣ остяки берутъ себѣ женъ по преимуществу изъ русскихъ, такъ какъ за нихъ не требуется калыма или, если требуется, то малый (деревня Кошелева); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они смѣшались съ русскими до такой степени и такъ уже обставили свой бытъ и хозяйство, что ихъ трудно признать за остяковъ; такова деревня Базьяны, гдѣ остяки имѣютъ и дома совмѣстно съ русскими. Но такого рода примѣры сравнительно рѣдки даже по Иртышу; влеченіе къ первобытнымъ формамъ жизни существуетъ и здѣсь, съ особенной же ясностью является оно по теченію Оби, хотя и здѣсь, именно въ деревнѣ Карымкарахъ, остяки, благодаря совмѣстному жительству съ русскими, усвоили отъ нихъ бѣольшую склонность къ чистотѣ и опрятности, къ болѣе порядочной семейной жизни; эти привычки впрочемъ скоро исчезли у остяковъ, какъ скоро послѣдовало запрещеніе селиться русскимъ вмѣстѣ съ остяками, — я не знаю, почему именно. Въ общей сложности остякъ до сихъ поръ остался первобытнымъ человѣкомъ и въ случаѣ, если ему какъ нибудь удастся жениться на русской женщинѣ, то не онъ подчиняется ея вліянію, а старается привить ей тѣ привычки и вѣрованія, которыя самъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ древнихъ предковъ. И

если русская женщина рѣшается выйти за остяка и быть косвеннымъ образомъ, хотя и напрасно, проводникомъ болѣе человѣческихъ привычекъ, то только подъ вліяніемъ крайней нужды и бѣдности, ибо въ жизни своей она все таки не привыкла переносить то, къ чему расположенъ и привыченъ остякъ. Такъ въ юртахъ Воронинскихъ остякъ принуждалъ насильственно свою жену-русскую признавать своихъ идоловъ, фетишей, т. е. склонялъ, какъ здѣсь говорятъ, къ своей вѣрѣ, сопровождая свои убѣжденія обычными въ его положеніи побоями и истязаніемъ. Другой примѣръ у меня здѣсь въ Обдорскѣ на лицо; молодая дѣвица изъ Березова по волѣ своихъ бѣдныхъ родителей должна была выйти въ замужество за остяка, уже обжившагося около русскихъ и состоявшаго даже при церкви трапезникомъ; остякъ съ первыхъ дней женитьбы выказалъ свой характеръ, бранилъ и укорялъ въ томъ, что жена не принесла ему капитала, началъ варварски бить ее; послѣ побоевъ, въ холодъ выгонялъ ее полунагую на улицу, такъ что въ сосѣдяхъ она должна была искать себѣ спасенія, иногда бросалъ ее съ высоты, напримѣръ съ лѣстницы, топилъ въ водѣ; въ особенности несогласія возростали потому, что остякъ водилъ свою супругу на различныя религіозныя языческія празднества, по обыкновенію устраиваемыя остяками послѣ удачнаго или неудачнаго лова рыбы, звѣря, какъ о томъ будетъ сказано ниже; когда жена отказывалась ѣсть (такъ ностушила бы, по моему мнѣнію, даже всякая порядочная собака) коницу и коровье мясо, сваренныя въ одномъ котлѣ, вмѣстѣ съ грязью и всякими другими нечистотами, остякъ считалъ себя посрамленнымъ передъ своими собратьями и вымѣщалъ на своей супругѣ всѣ свои огорченія, истязая ее побоями и выгоняя изъ дому. Иногда возвращаясь съ празднества обыкновенно въ нетрезвомъ видѣ, — безъ водки немислимъ ни какой остяцкій праздникъ, — онъ приводилъ съ собой своихъ соплеменницъ, склонныхъ къ водкѣ, какъ и представители мужскаго пола, и проводилъ съ ними ночи въ такихъ отношеніяхъ, на глазахъ своей супруги, какія можно считать крайне неумѣстными для

женатаго человѣка. Въ этомъ тяжкомъ опытѣ открывается живой примѣръ, въ которомъ остякъ, какъ семьянинъ, рисуется во всей своей цѣлости. Представленный здѣсь остякъ-мужъ, не есть конечно исключеніе: это господствующій типъ въ одинаковой степени, какъ по отношенію къ русскимъ, такъ и соплеменнымъ женщинамъ. Оставляя въ сторонѣ большое количество фактовъ, собранныхъ мною о положеніи женщинъ въ остяцкой семьѣ и объ ихъ правахъ, или вѣрнѣе о безправіи, укажу на одинъ обычай, существующій въ особеннотти у сѣверныхъ остяковъ, по которому жена передъ родами обязана сознаться мужу во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, которымъ весьма благопріятствуютъ сопровождаемая виномъ празднества; опьянѣлые остяки повально грѣшатъ съ той и другой стороны противъ супружеской вѣрности, чего кавалеры ни при какихъ условіяхъ не ставятъ себѣ въ вину, а женщинъ подвергаютъ побоямъ и истязаніямъ и не рѣдко совершенно изгоняютъ изъ дома, что ясно выражается у остяковъ многоженцевъ. Остякъ женолюбивъ; жена слѣдуетъ за нимъ на рыбный промыселъ, часто на охоту; даже когда онъ нанимается въ работники, жена отправляется за нимъ съ юртой и семьей; жена ѣздитъ за нимъ съ мѣста на мѣсто даже при случайныхъ отлучкахъ его изъ постоянного жилья, хотя бы онѣ были только на 3 на 4 дня.

Остякъ не можетъ воздержаться отъ какой бы то ни было страсти, будь она физиологически растительная или нравственная. Страсть къ водкѣ — не единственный порокъ въ остякѣ; растрочивая быстро и непроизводительно все, имъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ пріобрѣтенное, онъ затѣмъ остается голодать, терпѣть нужду, забираться въ долгъ снова или идти въ кабалу. При удачныхъ уловахъ рыбы, при хорошемъ промыслѣ звѣря, остякъ пьетъ и ѣстъ до отвалу и не двинется на дальнѣйшій заработокъ, хотя бы этому благопріятствовали всѣ внѣшнія условія, до тѣхъ поръ, пока весь запасъ его не истощится. За то при недостаткѣ жизненныхъ средствъ онъ ищетъ всякаго случая

удовлетворить свой голодь: ему нужно все скорѣе, сей часъ, какъ бы это невыгодно не отозвалось на немъ въ послѣдствіи; но думать о будущемъ тогда, когда такъ плохо настоящее,—некогда. Рѣзкій примѣръ подобнаго рода я встрѣтилъ около Больше-Атлымскихъ юртъ. Ходъ морской рыбы былъ въ полномъ разгарѣ; въ соръ или рѣчной заливъ, лежащій на лѣвомъ берегу Оби, началъ заходить сырокъ громадными стаями. По принятому повсемѣстно здѣсь правилу, какъ о томъ будетъ сказано ниже, сора оставляются въ полномъ покоѣ въ теченіе всего періода переселенія рыбъ до тѣхъ поръ, пока уровень Обской воды будетъ понижаться и рыба направляется изъ соровъ въ рѣку. Больше-Атлымскіе остяки Лѣтнихъ юртъ вмѣсто того, чтобъ ждать обратнаго хода рыбы изъ сора, нерегородили его во время передняго хода и слѣдовательно не пускали въ соръ рыбу съ тѣмъ, чтобъ сейчасъ же воспользоваться той, которая будетъ подходить къ сору; рыба, видя преграду, направлялась далѣе, вверхъ, хотя остяки дѣйствительно получили возможность изловить ее въ достаточномъ количествѣ. Во время нашего проѣзда, въ теченіе $1\frac{1}{2}$ дней было отдано скупщикамъ около 4,000 шт. сырка и конечно за половинную цѣну, такъ какъ сырокъ былъ весьма мелокъ (часть ушла на собственное пропитаніе остяковъ и въ запасъ). Если бы остяки продолжали еще ловить сырка такимъ образомъ въ теченіе $1\frac{1}{2}$ или 2-хъ недѣль, то и тогда въ концѣ концовъ остались бы въ чрезвычайномъ убыткѣ. Если бы остяки заперли соръ въ надлежащее время, то получили бы изъ него рыбы по крайней мѣрѣ къ 10-тъ разъ противъ того, что они изловили и притомъ всякая рыбка во время лѣта, отѣввшись въ сору, вдвое увеличилась бы въ вѣсѣ,—слѣдовательно они получили ровно въ 20-тъ разъ меньше, чѣмъ бы мѣсяцъ или $1\frac{1}{2}$ спустя. Отсюда слѣдуетъ, что остякъ, какъ и большая часть первобытныхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ въ Америкѣ, Африкѣ, Австраліи и Азіи, съ коими у него весьма много общаго и во многихъ другихъ отношеніяхъ, не выработалъ въ себѣ той необходимой для экономическаго благосостоянія

человѣческой способности, которая называется предусмотрительностью. Тѣ неблагопріятныя обстоятельства въ его жизни, которыя вытекаютъ изъ его собственной нерасчетливости и безпечности, онъ приписываетъ гнѣву боговъ своихъ; то, что онъ приобретаетъ случайно, онъ относитъ къ нисходящей на него ихъ милости. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ считаетъ долгомъ то благодарить ихъ, то умиловивлять.

Всѣ религіи первобытныя, олицетворяя на себѣ своихъ собственныхъ приверженцовъ, тѣсно связаны съ тѣми животными слабостями, страстями, на которыя я частію указалъ выше, въ противоположность религіознымъ вѣрованіямъ, принадлежащимъ народамъ болѣе высокаго культурнаго развитія и проповѣдующимъ воздержаніе, трезвость и пр., до аскетизма. Боги остяковъ, которыхъ у нихъ очень много (хотя большая часть остяковъ — христіане), изъ горькаго, какъ и сами остяки, любятъ только водку; очень уважаютъ медъ; за тѣмъ, само собой разумѣется, для нихъ необходимо мясо коровы, теленка, лошади, а иногда отъ цѣлаго села надо принести богамъ не меньше, какъ 7 телятъ или коровъ, чтобъ склонить боговъ на доброе къ человѣку расположеніе. Но всѣ боги живутъ — далеко; Турмъ или Туромъ — свѣтъ, имѣетъ центромъ своего пребыванія то мѣсто, гдѣ восходитъ солнце (Иртышскіе остяки). На Оби думаютъ, что весь міръ состоитъ изъ 7 свѣтовъ; на 7-мъ послѣднемъ свѣтѣ въ высоту живетъ самъ — Сорнэ — Туромъ, — онъ все знаетъ, видитъ и слышитъ: кромѣ него по землѣ, въ лѣсахъ, въ глубинѣ водъ распространены *тонни*, *мэнни*, *кѹли* и пр.; въ частности въ Троицкихъ юртахъ живетъ *Уртъ-игэ*, — его «почитаютъ въ родѣ сына Турома и младшимъ братомъ Николѣ». Затѣмъ слѣдуютъ *Айсъ-турмъ*, бывшій Березовскій въ Непкинскихъ юртахъ, *Нувыи-ази* (бѣлый лѣдушка) въ Тегинскихъ юртахъ, *Юхлыму нувыи сорнэ* (безлѣсный богъ) въ Обдорскѣ; Ляпинскій — *Тохтенъ-тонъ* (крылатый), отличается своею мудростью. Всѣхъ этихъ представителей своего религіознаго культа остякъ конечно не видитъ,

ихъ видятъ только посвященные, избранные остяки, въ нѣкоторой степени играющіе роль жрецовъ; но на самомъ то дѣлѣ видятъ ли ихъ эти послѣдніе, — это лежитъ на ихъ совѣсти; говорятъ, что будто бы жрецы могутъ нѣкоторыхъ видѣть только одинъ разъ въ годъ (Тегинскій); у другихъ они видятъ только голову и слышатъ голосъ (Троицкій) и пр. Нѣкоторые изъ боговъ завѣщали жрецамъ дѣлать вмѣсто себя изображенія, чучела. Такъ именно сдѣлалъ Тегинскій: онъ выразилъ свою волю, чтобъ его изображенію дѣлались приклады: водка, ситцы, одежды, пушной товаръ, деньги и проч., кто что найдетъ у себя лучшаго. Одному остяку сторожу, или какъ здѣсь называютъ, трапезнику, при Мало-Атлымской церкви, лѣтъ 10-ть тому назадъ, снизошла будто-бы во снѣ Матерь Божія и наказала, чтобъ завтра же былъ принесенъ въ церкви въ жертву баранъ, что и было въ точности исполнено остяками, въ присутствіи всѣхъ, имѣвшихся на лицо, остяцкихъ властей, старшины, десятскихъ и пр. Остякъ не откажется принести жертву никакому, по его понятію, изъ высшихъ существъ, лишь только отъ принесенной жертвы быть бы ему самому сытымъ и пьянымъ, какъ это и случается; приноси водку въ жертву тонгу или мэнгу, онъ ставитъ налитую рюмку передъ истуканомъ; произнося нѣсколько просьбъ о благополучіи въ будущемъ, онъ самъ, старѣйшій въ родѣ, выпиваетъ водку; въ честь водянаго хозяина или «вотчинника», *куля* или *хун-гурта* онъ колетъ пѣтуха, овцу или теленка и ограничивается только тѣмъ, что брызгаетъ нѣсколькими струями крови изъ только что заколотога животнаго въ воду; обязанность же съѣсть его лежитъ на самихъ жертвоприносителяхъ; то же самое относится къ лѣсному вотчиннику или урманцику *ун-тонгу*; все то, что долженъ былъ съѣсть и выпить умиловляемый, падаетъ на долю его поклонниковъ. Въ совершенно подобной же формѣ выражается поклоненіе деревьямъ, кусту черемухи, листовничной роцѣ, ели, камню, мысу, рѣчной заводи, также домашнимъ, семейнымъ и родовымъ истуканамъ. Кромѣ жертвоприношеній, дѣлаемыхъ остяками по слу-

чаю болѣзни, несчастій въ домѣ, — они по различнымъ случаямъ устраиваютъ вклады или приклады своимъ божествамъ. Остякъ, идя напрямѣръ на охоту, общаетъ, въ случаѣ удачи, принести лучшую добычу тому или другому его покровителю. Иногда можно смѣнить лучшее на худшее, напрямѣръ Троицкому; но Васпухольскому, покровителю лося, нельзя, — вѣчная кара ожидаетъ тогда нарушителя обѣта. Одинъ остякъ хорошо промышлялъ, а все потому, что былъ у Васпухольскаго и у Троицкаго, другой хуже — значить потому, что у Троицкаго былъ, а къ Васпухольскому не зашелъ. Изъ 10 убитыхъ соболей одинъ навѣрное предназначенъ тому или другому изъ этихъ остяцкихъ покровителей, и мѣстные русскіе даже узнаютъ, какой изъ соболей и какому покровителю предназначенъ, смотря потому, какой онъ отмѣченъ тесмой, черной или красной. И на основаніи такой остяцкой логики, издалека стекаются къ Троицкому Уртъ-игэ на поклоненіе не только ближайшіе южные, но и сѣверные остяки и самоѣды. Нѣсколько лѣтъ назадъ, съ 4-хъ самоѣдовъ за провозъ отъ деревни Торопковой до Троицкихъ юртъ, т. е. можетъ быть только за $\frac{1}{10}$ долю всего пройденнаго ими разстоянія (они ѣхали изъ своихъ мѣстъ съ ноября до конца января), было взято до 40 р., причемъ возчикъ обязался быть и переводчикомъ съ самоѣдскаго на остяцкій и обратно. Обыкновенно же остяки ѣдутъ на поклоненіе своимъ святынямъ иногда за 700 верстъ и болѣе разстоянія на оленяхъ зимой или въ легкихъ лодкахъ лѣтомъ. По приѣздѣ къ Троицкимъ юртамъ, всѣ они не удостоиваются лицезрѣть старика — *Уртъ-игэ*. Отъ сборщиковъ прикладовъ они слышатъ, что старикъ находится за 2 — 3 дня ходу, идти къ нему нельзя, да и неудобно, но мы сами — тоже, что и *Уртъ-игэ*. Приѣхать издалека и не захватить гдѣ-нибудь дорогой для того, кто постоянно управляютъ судьбою людей, также и для его непосредственныхъ служителей, сладкаго меду, вина и другихъ явствъ, — нельзя. И начинается заочное жертвоприношеніе, съ непосредственнымъ въ немъ участіемъ глотокъ и желудковъ испрашивающихъ и ищущихъ

щихъ милости отъ невѣдомой и можетъ быть и олицетворяемой въ какомъ-нибудь грубомъ образѣ силы, поклоненіе которой ведетъ человѣка къ тратѣ времени и убыткамъ. За тѣмъ сборщики принимаются испытывать глубину уваженія, чувствуемаго остяцкими пилигримами къ находящейся у нихъ святынь и просятъ на нее доказательствъ, убѣждая въ ихъ полной необходимости; дѣлаются тогда вклады ситцами, холстами, звѣриными шкурами и деньгами; если цѣнность вклада дойдетъ до 20 — 50 руб., то сборщики даютъ вкладчику шапку копѣекъ въ 30, халатъ до 1 руб. цѣнностью, какъ знакъ милости со стороны ихъ божества старика; полученіе вклада сопровождается со стороны сборщика вымогательствомъ, съ сладкими рѣчами о томъ, что *Урту* надо рубль на голову, соболя на подушку, столько то ситцу на халатъ и пр. Сборщики этимъ впрочемъ не довольствуются; въ іюнѣ мѣсяцѣ, передъ Петровымъ днемъ, а зимой въ декабрѣ и январѣ, они отправляются сами по юртамъ, внизъ или вверхъ по теченію Оби, иногда верстъ за 500 и болѣе. Обыкновенно сборщикъ везетъ съ собой нѣсколько ведеръ водки—отъ 1 до 5, смотря по разстоянію, на которое онъ отправляется, и дорогой, объѣзжая все юрты, какъ давно жданный гость, взываетъ къ усердію своихъ собратій остяковъ на вклады для *Урта*. Въ этомъ случаѣ уже самъ онъ обязанъ угощать остяковъ; всякій, дѣлающій вкладъ, получаетъ то или другое количество водки; $\frac{1}{4}$ ведра онъ даетъ за соболя, $\frac{1}{2}$ —штофа за 7 бѣлокъ (шесть не возметъ и восемь тоже, а непременно—7); въ послѣднее время бѣлка стоитъ отъ 12 до 14 коп. Въ прежнее время у всехъ главныхъ истукановъ бывали довольно большія сокровища деньгами и мѣхами; но съ тѣхъ поръ, какъ эти притоны разграблены, между прочимъ отъ Обдорскаго они понадобились какимъ то образомъ бывшему здѣсь должностному лицу, то объ этомъ сборщики, ремесло которыхъ переходитъ наследственно отъ отца къ сыну изъ старѣйшихъ родовъ, отчета не даютъ, да едвали чтонибудь опредѣленнаго извѣстно объ этомъ и самимъ вкладчикамъ. Во всякомъ же случаѣ, при

нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ подобная первобытная религія весьма убыточна. Иногда остякъ, принося въ жертву своимъ пенатамъ по случаю ли своей болѣзни, или болѣзни жены, неудачъ въ жизни, оленя за оленемъ, теленка за теленкомъ, пѣтуха за пѣтухомъ, которыхъ ему нужно покупать, лишается своего послѣдняго имущества и впадаетъ къ ниществу, чему не мало способствуютъ и здѣшнія ворожеи, эти явные остатки шаманства. Бывали даже и такіе случаи, конечно крайніе, что остяки приносили сами себя въ жертву своимъ богамъ. Какъ тотъ молодой рыцарь-юноша Среднихъ вѣковъ, который бросался нѣсколько разъ въ пучину за кубкомъ въ оживленіи разныхъ наградъ отъ своего повелителя, одинъ остякъ, изъ желанія очистить тяготѣвшіе надъ нимъ великіе грѣхи, нырялъ два раза въ Бѣлогорскую заводь, наиболѣе чтимую остяками, и выходилъ изъ нее здоровъ и невредимъ; затѣмъ онъ бросился снова въ третій разъ въ быстро крутящейся водоворотъ и уже не показывался больше на глаза своихъ собратій, тогда увѣровавшихъ, что ихъ сотоварищъ, великій грѣшникъ по своимъ поступкамъ, очистился наконецъ отъ грѣховъ, сдѣлался угодень «кулю» и навсегда остался въ глубинѣ водъ созерцать его, недоступный обыкновеннымъ смертнымъ. Однако же я забылъ сказать еще объ одномъ божественномъ представителѣ сираведливости на землѣ — о медвѣдѣ. Нѣкогда онъ былъ сыномъ Турома и жилъ съ нимъ тамъ, на недосыгаемой высотѣ, откуда земля представлялась ему во всей своей вышней красотѣ; лѣтомъ испещренная рѣками, покрытая травой и безконечными лѣсами, она казалась ему красиво раскрашенной; зимой, покрытая снѣгами, она была въ его глазахъ какъ бы устлана коврами безукоризненной бѣлизны, съ бродившимъ по нимъ скотомъ, съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ деревнями и чумами. Послѣ настоятельныхъ просьбъ сына, еще простодушнаго, Туромъ наконецъ принужденъ былъ пустить его на землю, именно на дугъ; здѣсь медвѣдъ побѣгалъ, побѣгалъ, — ѣсть нечего, и ему надоѣло; по просьбѣ, онъ снова былъ взять къ Турому; и послѣ этого

отецъ пустилъ его уже окончательно на землю съ тѣмъ, чтобъ онъ, злой по природѣ, не трогалъ бы безвинныхъ людей, скота, а питался бы тѣмъ, чѣмъ будетъ ему свыше указано, ѣлъ бы неправыхъ и злыхъ людей, былъ бы на землѣ представителемъ справедливости. И медвѣдь, живой онъ или мертвый, все знаетъ, все видитъ; поэтому клятва передъ лапой или зубомъ его, со словами «если я неправъ, съѣшь и издери меня» считается одной изъ сильнѣйшихъ. Передъ убитымъ медвѣдемъ самцомъ обязательно праздновать 5-ть дней, передъ самкой — 4 дня, съ отдачей всѣхъ почестей шкурѣ убитаго, какъ божеству; передъ убитымъ пьютъ водку, обращаясь къ нему съ просьбами, какъ къ живому, о благополучіи въ будущемъ; пляшутъ передъ нимъ, съ представленіемъ различныхъ эпизодовъ изъ своей жизни, изъ жизни и характера самого медвѣдя. Но и этотъ представитель правды не всегда сохраняетъ въ чистотѣ данный ему завѣтъ; иногда онъ задираетъ штучку по штучкѣ порядочное количество скота изъ скуднаго остяцкаго хозяйства, какъ это было нынче въ Большомъ - Атлымѣ; нерѣдко и сами остяки гибнутъ подъ его лапами окончательно, или же послѣ схватки съ нимъ не досчитываются у себя челюсти, ребра, или приползаютъ домой съ дырой въ животѣ, съ изъѣденнымъ затылкомъ и т. д. — это можетъ быть грѣшные. Да и едвали есть между ними безгрѣшные люди: они болѣютъ, тернятъ лишенія, видятъ несправедливость; но этотъ свѣтъ, гдѣ теперь живутъ остяки, второй по ихъ мнѣнію, — лучшій; послѣ смерти всѣ они пойдутъ «внизъ, въ первый свѣтъ». Это — находящееся подъ землей темное царство, въ родѣ «русскаго ада»; въ немъ темно, но также текутъ рѣчки, остяки живутъ деревнями, все дѣлаютъ, ходятъ, только не говорятъ между собой, все молчатъ; ходъ въ него тамъ, далеко, за устьями Оби въ Океанѣ. Остяки, отправляя въ эту дальнюю дорогу своего сородича, снабжаютъ его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ и пользовался на этомъ свѣтѣ: они кладутъ съ покойникомъ, одѣвая его въ лучшія одежды, лукъ, стрѣлы, ножъ, котлы со всякой другой утварью, наполняя ее лучшими

кушаньями: варкой, поземами, водкой и пр. Въ заключеніе убивается на могилѣ любимый олень, мясо его съѣдается, а кости и рога со всею упряжью и партой кладутся сверхъ могилы;—все это, какъ и олень, пригодится покойнику на томъ свѣтѣ. Иногда съ однимъ покойникомъ кладутъ лишній запасъ платья, съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ его по назначенію, тому или другому изъ ранѣ умершихъ; посылаютъ и деньги. Жена, въ знакъ траура по покойномъ мужѣ, дѣлаетъ вмѣсто него истуканчика и спитъ съ нимъ, какъ съ мужемъ; днемъ выставляя его передъ своими глазами, любуется имъ, какъ бы отъ того, что послѣ смерти оригинала, бока ея отдыхаютъ. Покойниковъ хоронятъ въ землю весьма неглубоко, въ Обдорскѣ еще въ добавокъ въ песчаной почвѣ, гдѣ вѣтеръ и вода весьма скоро выгоняютъ ихъ на дневную поверхность, благодаря чему я и имѣлъ возможность пожить здѣсь порядочнымъ количествомъ остяцкихъ череповъ, на основаніи чего и постараюсь представить въ послѣдствіи свои дальнѣйшія заключенія объ ихъ умственныхъ способностяхъ. Кромѣ двухъ выше указанныхъ свѣтовъ, есть третій, тамъ, въ высотѣ; тамъ жить хорошо, есть тоже лѣса, земля; живутъ тамъ и люди, но какіе, — остяку неизвѣстно; было слышно, что туда попалъ одинъ самоѣдинъ волшебникъ, съ семьей, можетъ быть туда попадаютъ и русскіе, но нѣтъ въ томъ свѣтѣ ни одного остяка: они всѣ идутъ, какъ грѣшники, внизъ. Вверху на третьемъ свѣтѣ люди не знаютъ ни болѣзней, ни цужды, а главное у нихъ «нѣтъ русскаго дѣла», т. е. ясаку, налоговъ подводъ, чиновниковъ, торгашей, всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ вліяній, на которыя я теперь и укажу мимоходомъ.

«Богатъ и славенъ Кочубей, его поля необозримы» и пр. Тоже можно было бы сказать объ остякѣ, имѣя въ виду ту географическую область, которую онъ занимаетъ. Рѣка Обь—величайшая изъ рѣкъ въ мірѣ; за постоянство и широту ея теченія ручается сѣдой Алтай, какъ сѣверными, такъ и южными своими склонами; съ запада шлетъ въ нее многочисленными потоками

свои воды Уралъ, въ средних частяхъ почти плоскій и едва замѣтный, на сѣверѣ становящійся мрачнымъ и морщинистымъ, даже лѣтомъ покрытый грязно бѣлыми снѣговыми пятнами, какъ это теперь по крайней мѣрѣ замѣтно изъ Обдорска. Несутся потоки и рѣки въ Обь съ востока и сѣверо-востока, на разныхъ частяхъ ея теченія; оттуда, пока еще изъ невѣдомыхъ пространствъ. Но не только широка и величественна сама Обь, съ ея безпредѣльными разливами, но даже многіе изъ ея притоковъ могутъ уподобиться по величинѣ многимъ изъ европейскихкихъ главныхъ рѣкъ, каковы: Иртышъ, Вахъ и пр. Во время весны, независимо отъ того, что уровень Оби поднимается отъ притока воды изъ ея верховьевъ, на него оказываютъ замѣтное вліяніе разновремененно расходящіяся притоки ея: вотъ, говорятъ, пошла Иртышская вода; нѣсколько времени спустя, замѣчаютъ, что уровень Оби снова началъ повышаться, значить идетъ Ваховская вода. Главнѣйшими вотчинниками этихъ пространствъ по нижнему и среднему теченію Оби, на разстояніи большемъ 1,500 верстъ, также всѣхъ ея притоковъ, въ томъ числѣ нижняго теченія Иртыша, на протяженіи около 500 верстъ въ длину, верстъ на 800—1,000 по р. Сосвѣ, также по Кондѣ, Казыму и т. д.—нужно признать остяковъ. Они издревлѣ были здѣсь собственниками или помѣщиками, расселенные сравнительно въ небольшомъ количествѣ душъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, съ несмѣтными богатствами, которыми они даже пренебрегали, имѣя ихъ въ слишкомъ большомъ избыткѣ сравнительно съ тѣмъ, въ чемъ нуждались. Запирая рѣку, соръ, остяки получали изъ нихъ столько рыбы въ теченіи всего года, сколько имъ было нужно для своего годового продовольствія, изъ запертаго мѣста или изъ рѣки позволялось обычаемъ брать столько рыбы для своего дневного пропитанія, сколько кому нужно, но не больше; доступъ къ рыбѣ былъ открытъ и для прохожихъ, путешествующихъ на тѣхъ же условіяхъ, лови и ѣшь, сколько хочешь, но съ собой не носи и въ запасъ — не бери; такой обычай еще не очень давно вымеръ въ селеніи Яркинскомъ, въ области Иртыша, вмѣстѣ съ придер-

живавшимися его остяками. Точно также всякій изъ родовъ владѣль большими пространствами лѣсными, въ которыхъ въ определенное время можно было промыслять того или другого звѣря; осенью, когда бѣлка и соболь дѣлаются пушистыми и даютъ теплый мѣхъ, ихъ промысляютъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобъ потомъ весной не ходить уже въ эти мѣста, такъ какъ тогда они уже бѣгаются и щенятся, но зато весной можно идти въ тѣ вотчины, гдѣ осенью никто не былъ, и куда поэтому собрался на зимовку лось,—въ уединенныя мѣста, гдѣ онъ думаетъ зимой найти достаточно корму, а весной благополучно снастись отъ преслѣдованій, во время наста. Изъ того или другого количества убитыхъ лосей онъ бралъ шкуры и столько говядины, сколько ему было желательно и возможно, смотря по средствамъ переноски, остальную вывѣшивалъ въ амбарушкахъ, построенныхъ на сваяхъ, или лабазахъ для просушки, которой за тѣмъ и пользовался по мѣрѣ надобности,—такой порядокъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ сохранился по рѣкамъ Ендырю и Васпухолу. Такимъ-то образомъ остякъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ въ теченіи всего года, безъ особеннаго труда; у него также было въ достаткѣ одежды, такъ что въ общей сложности онъ могъ вести свою жизнь, лежа на боку, во многомъ не нуждаясь. Можетъ быть ту же рыбу онъ ѣлъ по преимуществу сырую въ совершенно свѣжемъ видѣ, только что вынутую изъ воды или предварительно замороженную, какъ это и до сихъ поръ въ обыкновеніи по теченію Оби не только у остяковъ, но и у русскихъ; въ такомъ случаѣ можетъ статься онъ не особенно нуждался въ желѣзной или мѣдной посудѣ, пріобрѣтеніе которой стоило бы дорого.—При такихъ-то условіяхъ видимо и сложился тотъ характеръ остяка, какой можно услѣдить въ немъ и въ настоящее время; не пріученный обстоятельствами особенно много трудиться, при маломъ трудѣ получающій все, остякъ вышелъ кроткимъ, миролюбивымъ, малоподвижнымъ дикаремъ; при довольствѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ, у него сложилась привычка уважать чужую собственность, которая сохранилась въ немъ и до

нашего времени; тутъ же онъ видимо пріобрѣлъ уваженіе къ водѣ, которая его кормила, къ лѣсу, въ которомъ онъ промышлялъ; водой онъ клянется, лѣсъ — обожаетъ. — Но съ приходомъ русскихъ, если характеръ остяка, складъ жизни его и привычекъ остались тѣ же самыя, то измѣнились условія его существованія.

Въ грамотѣ Феодора Иоанновича, данной въ Августѣ 1586 г., на имя «съ великія рѣки Оби городовъ Куповата, Илумы и Ляпина, да городковъ Мункоса, Юіля и Березова» князю Лугую, за то, что онъ въ Москву «пріѣхалъ напередъ всѣхъ бить челомъ» постановлено, вмѣстѣ съ данью, «по 7 сороковъ соболей лучшихъ», въ годъ на Лугую князя и его городки ратныхъ людей не посылать и воевать его не велѣтъ, и поминковъ и посуловъ съ нихъ не имать». Выполнились ли эти относительно благія намѣренія съ точностью, ограничались ли эти наложенныя на остяковъ тягости такой скромной дозой налога, можно видѣтъ изъ послѣдующихъ событій, сколь ни мало ихъ находится теперь у меня въ распоряженіи. Въ самыя первыя времена подчиненія остяковъ дѣйствія находившихся здѣсь русскихъ властей были конечно безконтрольны, объ нихъ осталось, вѣроятно, мало отчетовъ. Извѣстно, что въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія корыстолюбіе воеводъ доходило до крайнихъ предѣловъ, до возмущенія инородцевъ даже въ мѣстахъ менѣ глухихъ, чѣмъ долина Оби; сто лѣтъ спустя, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, «сборщики ясака брали съ каждаго самоѣда для поклона по 10 бѣлокъ или по 2 горнастая; Нарымскіе воеводы Аврамовъ и Калзаковъ брали съ каждаго остяка по 10 соболей, съ каждой волости по 500 рыбъ, а лѣтомъ, во время промысловъ, брали на себя для провозки судовъ до Кетска и другихъ работъ по 20 человекъ». (Сп. нас. м. Tob. губ. стр. LXXXV). — Это однако же явленіе, исключительно, случайно обнаружившееся, можетъ быть только въ силу раздоровъ и контровъ между самими правителями; всѣ же воспоминанія и данныя объ общемъ ходѣ управленія безъотвѣтными инородцами унесены вѣроятно теченіемъ Оби туда, въ не-

досягаемую даль Океана. Та же степень, въ какой видоизмѣнилось отношеніе русскихъ администраторовъ къ инородцамъ, еще столѣтіе спустя, до половины нашего, — также едва ли можетъ быть съ точностью опредѣлена; поэтому я обращусь къ другого рода статьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ по Иртышу и Оби начали селиться русскіе переселенцы, остяки начали во многихъ мѣстахъ лишаться лучшихъ своихъ земель, рыбныхъ или звѣроловческихъ угодій. Въ однихъ случаяхъ они готовы были дѣлить миролюбиво свои земли и угодья пополамъ съ русскими, въ другихъ продавали имъ громадныя участки, съ рыбными ловищами, за ничтожныя деньги за какихъ нибудь 20 руб., а то и просто за сто двадцать коп., — ибо извѣстны мнѣ такіе документы. Съ приходомъ русскихъ болѣе энергично зазвенѣлъ въ лѣсу топоръ, загорѣли тѣ рощи, которыя остякъ до сихъ поръ свято охранялъ, какъ предметъ имъ обожаемый, лѣсные пожары пошли далеко въ глубину нетронутыхъ, дѣвственныхъ урмановъ, состоящихъ изъ кедровниковъ, ельниковъ, листвяку и проч. Пожары лѣсные послѣдняго столѣтія, 1826, конца 40-хъ и 1867 г. окончательно истребили урманы, придавъ имъ видъ печали и разрушенія: во время пожаровъ дымъ такъ густо наполнялъ окрестности, что даже по Оби не было проѣзда по цѣлымъ недѣлямъ ни въ лодкахъ, ни на какихъ другихъ судахъ, какъ будто во время самаго густого тумана. По всему теченію Иртыша и по Оби до самой сѣверной границы распространенія лѣсной растительности и нигдѣ не встрѣчалъ по берегамъ мѣста, которое не было бы въ недавнемъ времени тронута пожаромъ, кромѣ ничтожныхъ кусковъ лѣса, исключительно сохранившихся: повсюду обгорѣлыя деревья, или торчащія въ высотѣ или сваленныя другъ на друга бурсю; хорошо еще, если пожарнице снова зарастаетъ мелкимъ листовнымъ или хвойнымъ лѣскомъ, въ другихъ же случаяхъ подъ сѣнью упавшихъ деревьевъ мирно образуются болота, какъ будто въ прибавокъ къ тому громадному ихъ количеству, въ которомъ онѣ распространены не только въ Тобольской губерніи, но и вообще въ Западной Сибири. По отношенію къ инород-

цу такіе пожары гибельны потому, что они истребляютъ звѣря, или заставляютъ его переселяться въ другія мѣста. Такимъ образомъ изъ сказаннаго становится болѣе или менѣе очевидно, что съ приходомъ русскихъ потребности остяка мало по малу увеличались, т. е. ему оказалось необходимымъ имѣть больше, хотя и не лично для себя, того, что онъ имѣлъ прежде, вмѣстѣ съ тѣмъ возможность къ этому сравнительно уменьшилась, такъ какъ область для его промысловъ должна была въ нѣкоторой степени сѣзуться, а кромѣ того потому, что напр. звѣриныя промысла онъ долженъ былъ усилить, самые звѣри, особенно цѣнные, должны были уменьшаться въ количествѣ, независимо отъ лѣсныхъ пожаровъ. Независимо отъ ясака, который еще при Екатеринѣ II состоялъ изъ 2-хъ соболей съ души, также поборовъ, которые, какъ было выше указано, доходили иногда до громадныхъ размѣровъ, съ приходомъ русскихъ спросъ на цѣнныхъ звѣрей увеличился въ такой мѣрѣ, что торговые люди скупали ихъ прежде, чѣмъ инородцы успѣютъ внести ясакъ, въ силу этого неблагопріятнаго для сбора ясака явленія еще въ 1620 году былъ запрещенъ тотъ весьма популярный тогда между торговцами путь, изъ Байдарацкой губы въ долину р. Оби, снова открывать который нынѣ поѣхали двѣ ученныя экспедиціи (см. Абрамовъ, описаніе Березовскаго края, въ З. Г. Общ. 1857 г. кн. XII). Если одновременно съ ясакомъ, налогами и поборами *), остяки были отягчены подводами, — въ виду чего по Иртышу съ 1637 года были основаны два яма, — Демьянскій и Самаровскій, которые едва ли въ особенной степени достигли своей цѣли, то еще болѣе печальнаго имѣютъ за собой отношенія остяковъ къ торговцамъ, которые замѣтили и воспользовались въ остякахъ двумя главными слабостями, свойственными всѣмъ первобытнымъ народамъ — дикарямъ: любовью ко всякаго рода бездѣлушкамъ самаго безъискусвенно поддѣльнаго

*) Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Березовѣ существовала даже торговля остяками: маленькаго остяка или остячку можно было купить за какой нибудь двугривенный.

блеска и низкой стоимости и неудержимой склонностью къ одуряющимъ веществамъ, табаку и водкѣ.

И такъ, остякъ, растративъ свои первоначальныя богатства, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ лѣтъ около 300 тому назадъ, онъ не приобрѣлъ ни особенной энергіи къ труду, ни той умственной изворотливости и точнаго разсчета, которые были бы необходимы въ его измѣнившихся экономическѣхъ условіяхъ. Можетъ быть съ тѣхъ поръ только внѣшность его, одѣяніе, измѣнилось: даже мертвыхъ, съ помощію вѣтра, я вырывалъ изъ могилъ, окруженными бисеромъ, бусами, мѣдными и оловянными бляхами, кружками; теперь, когда идетъ одна нарядная остячка, то уже обращаетъ на себя вниманіе пестротой и убранствомъ наряда; когда же ихъ много, то звенять у нихъ на косахъ, на ушахъ и пр. бубенчики, колокольчики, по бокамъ бряцаютъ цѣпи, пестрѣютъ кольца изъ олова, мѣди, бусы разныхъ цвѣтовъ. Все это дорого стоитъ, но дороже еще обходится другое новое удовольствіе—водка. Остякъ до тѣхъ поръ пока не выпьетъ на столько, чтобъ свалиться съ ногъ, онъ не скажетъ, что былъ пьянъ. Въ случаѣ, если онъ соображаетъ, что по количеству водки онъ не достигнетъ этого состоянія, то прежде чѣмъ выпить бранный остатокъ, онъ накладываетъ напр. въ рюмку, до половины, нюхательнаго табаку, въ остальную половину выливаетъ остатокъ водки, размѣшиваетъ его съ табакомъ и тогда выпиваетъ; если такой пріемъ не доводитъ его до сумасшествія, чтò случается, а онъ просто падаетъ безъ чувствъ на землю, то значитъ остякъ достигъ того блаженнаго момента, который онъ называетъ: *корейта-унда*. О всякомъ другомъ случаѣ, сколько бы остякъ не выпилъ, но если онъ держался на ногахъ, говоритъ съ пренебреженіемъ, пилъ такъ себѣ, былъ полупьянъ (*касжэм-улэ*). (Обдорскъ). Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ остякъ едвали особенно отклонился отъ своего первобытнаго типа; на Сѣверѣ онъ живетъ въ берестяныхъ чумахъ, кутая ихъ берестомъ, рѣдко кожами; на Югѣ онъ хотя и построилъ себѣ юрту, четырехъ-угольный деревянный срубъ, по внѣш-

ности перѣдко сходный съ избой, но внутри только съ однимъ чуваломъ, а иногда и съ печкой; въ юртѣ у него осталось тоже замѣчательное перяшество, какого не представляютъ жилища многихъ чистоплотныхъ животныхъ: иногда въ юртѣ отъ невыносимаго смрада и запаха даже у человѣка съ крѣпкими нервами захватываетъ дыханіе; этотъ же запахъ сопровождаетъ остяка и въ дорогѣ; комнату, въ которой сидѣли нѣсколько времени остяки, можно узнать по запаху; зажмуривъ глаза, можно чувствовать, съ какой стороны остякъ приближается (по теченію Оби между Бѣлогорьемъ и Березовымъ). Когда у меня въ каютѣ каюка Куноватскій князь со своимъ семействомъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ бесѣдахъ, мнѣ нужно было нѣсколько часовъ для того, чтобъ уничтожить оставшіеся въ воздухѣ слѣды его посѣщенія. Вообще хозяйки мало заботятся о чистотѣ, но еще меньше сами хозяева, хотя на югѣ остяки заводятъ бани и иногда моются. Все это однако же не мѣшаетъ хозяйкамъ плести ковры, совершенно сходные съ таковыми же жителей Камчатки, Тихаго океана и угасшихъ уже на землѣ обитателей свайныхъ построекъ въ Швейцаріи: это ковры изъ растительныхъ продуктовъ, ситника и осоки. На югѣ остяки прекрасно обрабатываютъ крапиву, дѣлая изъ нея холсты, — притомъ нѣкоторыя изъ орудій для обработки крапивы совершенно напоминаютъ таковыя же изъ остатковъ каменнаго вѣка, каковыя мнѣ удавалось находить на Сѣверѣ Россіи. Это изобрѣтеніе — обработку и примѣненіе крапивы, кажется, не давно кто-то вновь сдѣлалъ въ Западной Европѣ. Къ пищѣ остяковъ, кромѣ прежнихъ продуктовъ которые несомнѣнно во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлались болѣе скудны, естественно прибавился новый — хлѣбъ; на Югѣ остяки пекутъ его въ юртахъ, по среднему теченію Оби въ печахъ, устраиваемыхъ отдѣльно отъ жилья; здѣсь же пробиваются уже и другіе способы приготовленія хлѣба, весьма многообразные: хлѣбъ дѣлается съ икрой, кровью, бѣличьими кишками. Именно: съ икрой напр. остячка дѣлаетъ тѣсто такъ: сухую икру разбалтываетъ въ водѣ, затѣмъ прибавляетъ сюда муку и снова мѣситъ, полу-

чая тѣсто; такимъ же образомъ готовятъ она тѣсто съ кровью, причѣмъ послѣдняя замѣняетъ икру, то же самое съ бѣличьими кишками; кишки толкутся, — получается каша, которая разжижается водой, за тѣмъ прибавляется мука, замѣшивается и является тѣсто. Тѣсто разминается въ корытѣ, потомъ хозяйка, отстраняя со своихъ колѣней, за чистоту которыхъ нельзя конечно ручаться, всё свое скудное одѣяніе, раскатываетъ на нихъ тѣсто и получаетъ лепешки. Ихъ она уже печетъ въ золѣ, поджариваетъ около пламени или варитъ въ котлѣ, въ рыбьемъ жирѣ. Наконецъ у самыхъ сѣверныхъ остяковъ и самоѣдовъ господствуетъ хлѣбъ русскаго приготовленія — Обдорскаго. Въ началѣ осени русскіе въ Обдорскѣ начинаютъ наекать хлѣбъ въ громаднѣхъ количествахъ, такъ что къ зимѣ, особенно къ Обдорской ярмаркѣ, выпекается хлѣба въ Обдорскѣ до 80,000 ковриговъ. Предварительно до продажи, за мѣсяць или полтора онъ складывается въ амбары, какъ дрова; ковриги смерзаются, заносятся снѣгомъ; — что это за хлѣбъ, я подожду случая впоследствии дать болѣе подробный отчетъ о немъ. Остяки и самоѣды, закупая его полѣнницами, везутъ въ тундры, въ запасъ на цѣлый годъ; какъ они его тамъ ѣдятъ, я тоже еще не видалъ.

Приведу теперь нѣсколько примѣровъ о домашнихъ заработкахъ остяковъ. Вотъ примѣръ остяка, живущаго въ наиболѣе изобильной звѣремъ мѣстности и въ годъ наиболѣе благопріятный для промысла. «Павелъ Есенковъ изъ Ендырскихъ юртъ, 34 года; у него — жена, за нее калыму не платилъ, воровалъ; съ ея отцемъ мирился за похищеніе дочери съ уплатой 3 руб., $\frac{1}{2}$ ведра водки и далъ сукна. Осенью, спустя недѣли 3 послѣ Покрова, ходилъ за промысломъ по Ендырю, верстахъ въ 15—25 отъ юртъ, вдвоемъ съ племянникомъ, лѣтъ 18; собакъ было 7. Ходили недѣлю, добыли 60 бѣлокъ, раздѣлили ихъ пополамъ; ходили вдвоемъ еще дѣнь 8, добыли 80 бѣлокъ, потомъ ходили дней 6, добыли 35 бѣлокъ. Ходилъ одинъ сначала 5 дней, добылъ 30 бѣлокъ, потомъ 3 дня и добылъ 20 бѣлокъ. Затѣмъ пошли въ гору вчетверомъ, собакъ было въ артели 12; ходили $1\frac{1}{2}$ мѣсяца; сперва

добыли 2-хъ лосей, 6 оленей, да соболя. Послѣ, какъ сдѣлались морозы, убили 10 лосей и 2-хъ оленей; одного оленя нашли задавленнаго волками, полуизъѣденнаго; волковъ было штукъ полтараста, а оленя задавили 3 волка. Когда назадъ пришли, снѣгъ растаялъ, стали рыбу ловить для пропитанія; 3 лосины отдалъ въ счетъ стараго долга за 15 руб. Башмакову. Потомъ нанялся въ работники, взявъ еще зимою 23 р.; поборовъ было много на подводѣ. Ждали сначала одного большого начальника и было собрано съ души по 1 р. 50 к., въ счетъ денегъ брали бѣлку по 8 коп., потомъ ожидали другаго, опять было собрано по 1 р. 20 к. На станціи стояло 35 лошадей въ теченіи 15—20 сутокъ. Съ лошадьми стояло много людей, которые также нанимались. Ожидавшіе голодали сами, да и семьи дома шли почти по міру». Если сосчитать весь приходъ этого остяка звѣрями на его собственно долю, то онъ получить за весь періодъ охоты 138 бѣлокъ, 3 лося, 2 оленя, $\frac{1}{4}$ соболя; въ переводѣ на деньги, если считать бѣлку всю по 12 коп., лося по 5 руб. за шкуру, оленя по 1 р. 50 к., соболя въ 6 р., ему слѣдовало бы получить около 36 руб.; изъ этой суммы остякъ уже отдалъ 3 шкуры лося въ счесть долга за 15 р.; затѣмъ считая по 8 коп., въ налогъ за 1 р. 50 к. онъ отдалъ 20 бѣлокъ, еще въ налогъ за 1 р. 20 к. онъ отдалъ 15 бѣлокъ, пороху 1 ф. онъ израсходовалъ на 10 бѣлокъ, свинцу и дробь $2\frac{1}{2}$ фунта на $7\frac{1}{2}$ бѣлокъ, считая по 3 бѣлки за 1 фунтъ, если включить сюда собственно ясакъ въ 75 к., за который онъ платитъ 10 бѣлокъ, то на все это остякъ уже долженъ израсходовать 62 бѣлки; если же сюда прибавить еще обыкновенныя повинности, которыя онъ платитъ вмѣстѣ съ ясакомъ повсемѣстно, всего съ ясакомъ отъ 2 р. 75 к. до 3 р., то по крайней мѣрѣ за остающееся количество повинностей въ 2 р. онъ долженъ внести 20 бѣлокъ, всего 82 бѣлки; изъ 138 у него останется только 56 бѣлокъ, 2 оленя и $\frac{1}{4}$ соболя на свои расходы, всего на сумму около 11—12 руб., если только у него нѣтъ иныхъ долговъ. Но если представить, что остяку нуженъ хлѣбъ, обувь, одежда и проч. продовольствіе, то онъ конечно долженъ

снова должать или идти въ работники, какъ и сдѣлалъ Есенковъ со многими другими товарищами, притомъ не нужно забывать, что когда онъ вышелъ изъ лѣса, то конечно не отказалъ себѣ въ удовольствіи испытать: корейта-унда и можетъ быть не одинъ разъ: передъ началомъ промысла, послѣ благополучнаго его окончанія, нужно было зайти къ тому *томгу*, возблагодарить этого *мэна* и т. д. Можетъ быть такія-то потребности и заставили остяка идти въ работники и кромѣ полученныхъ 23 р. онъ, вѣроятно, успѣетъ еще задолжаться. Въ случаѣ, если года бываютъ менѣе изобильны, остяки получаютъ меньше и еще больше входятъ въ долги. Нерѣдко неурожайные годы на звѣря, скудные рыбой, вводятъ остяка въ безвыходное положеніе. За недостаткомъ времени, не увеличиваю больше примѣровъ, доказывающихъ ту неизбѣжную необходимость, по которой остякъ, сообразно съ своими заработками, долженъ становиться въ зависимости отъ другихъ. Укажу только на тотъ печальныйъ путь, въ которомъ онъ ищетъ исхода, но который вовлекаетъ его еще въ большую нищету.

Остякъ не любитъ надъ чѣмъ нибудь долго думать, останавливаться мысленно, высчитывать; у него есть люди, которые объ немъ заботятся, думаютъ, разсчитываются за ясакъ и налоги, доставляютъ ему хлѣбъ, соль, все, что онъ пожелаетъ, не жалѣютъ ему даже денегъ. А между тѣмъ, что съ него возьмешь? — У него ни чего ни позади, ни впереди, помретъ, съ кого искать? Приходитъ, напримѣръ, остякъ просить денегъ въ долгъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ уважаемый человекъ: — на что тебѣ? — Весь погорѣлъ. Что же сгорѣло? — Юрта сгорѣла. Слѣдовательно юрта, да лоскутья въ ней все имущество остяка. Такимъ-то образомъ и приходится «кормить» остяковъ людямъ болѣе состоятельнымъ. — Автору статьи: «О сочиненіи Григорія Новицкаго:» Краткое описаніе о народѣ остячкомъ, «писанномъ около 1715 года», напечатанной въ Извѣстіяхъ И. Р. Г. Общ. за 1875 г. № 1, конечно будетъ пріятно узнать, что фамилія

Новицкаго не исчезла въ Тобольской губерніи. Нынѣ, какъ разъ въ той самой Кондинской волости, гдѣ авторъ «сочиненія объ остяцкомъ пародѣ» былъ надзирателемъ за исполненіемъ ново-крещенными остяками христіанскихъ обязанностей и гдѣ онъ былъ въ послѣдствіи убитъ, существуетъ село Шаркалинское, почти исключительно населенное Новицкими. Изъ разсказа старѣйшаго въ родѣ я узналъ, что предокъ нынѣшнихъ Новицкихъ былъ полякъ, что предполагается и о Григоріѣ Новицкомъ, имен-но, онъ былъ полякъ или малороссіянинъ военно-плѣнный, поселенный въ Сибири. Какъ авторъ древняго сочиненія тѣсно связалъ свое имя съ судьбами остяковъ, такъ и нынѣшніе Новицкіе, можетъ быть его потомки, стоятъ на той же дорогѣ. Они кормятъ остяковъ, обуваютъ, одѣваютъ ихъ, несутъ за нихъ ясакъ и подати на громадномъ протяженіи, начиная отъ Кондинска и Шеркаловъ по Большой и по Малой Оби далеко за Березовъ, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, также по всему Казыму, по Сосвѣ и пр.; при всемъ томъ они арендуютъ у инородцевъ большую часть песковъ, доставляя имъ кусокъ хлѣба. Въ условіе они, между прочимъ, ставятъ только одно, напримѣръ по р. Сосвѣ; за пудъ хлѣба, стоящій на Оби, отъ Сухорукова до Березова, отъ 30 до 35 к., берутъ 10 бѣлокъ, на бѣлку — 2 фунта соли; 1 ф. табаку — 5 бѣлокъ; одна бѣлка 4—5 мѣдныхъ колець; одна четвериковая сальная свѣча — 1 бѣлка; такимъ образомъ пудъ хлѣба обходится остяку, считая бѣлку во всѣхъ случаяхъ среднимъ числомъ по 12 к. — 1 р. 20 к., а бѣлка придетъ г-амъ Новицкимъ въ 4 к., вмѣсто 12 к., притомъ если настоящую стоимость хлѣба принять въ 40 к.; пудъ соли станетъ остяку 2 р. 40 к., а принимая настоящую стоимость соли черной, нечищенной въ 80 к., бѣлка обойдется покупателю въ 4 к., фунтъ табаку, стоящій много 15 к., обойдется остяку 60 коп. а бѣлка покупателю — 5 к. *), 100 мѣдныхъ колець стоитъ въ Ирбити

*) При отобраніи этихъ показаній, одинъ изъ господъ Новицкихъ замѣтилъ мнѣ, что собственно имъ, хозяевамъ, идетъ за фунтъ табаку только 4 бѣлки, а лютую беретъ прикащикъ.

50 к., слѣдовательно 5 мѣдныхъ колець = $2\frac{1}{2}$ к. = 1 бѣлкѣ, если фунтъ сальныхъ свѣчей представить равнымъ 20 к., то $\frac{1}{4}$ = 5 = 1 бѣлкѣ. (Данныя взяты изъ біографіи остяка Данилы Маримьянина, записанной у меня въ дневникѣ, цѣны стоимости давались имъ въ сообществѣ и другихъ бывшихъ на лицо, его товарищей). При выѣздѣ моемъ изъ Самарова мнѣ встрѣтилась лодка, принадлежащая одной только вѣтви Новицкихъ. Въ ней было кромѣ всякихъ другихъ мѣховъ 50,000 бѣлокъ, шедшихъ на ярмарку; по выше приведеннымъ даннымъ, стоимость бѣлки среднимъ числомъ, мѣной на товаръ, обойдется въ 4 к., слѣдовательно за 50,000 — они заплатили 2000 р., если они продадутъ ихъ на ярмаркѣ по цѣнѣ, стоявшей нынѣ на свободѣ по долигѣ Оби, по 14 к., то приобретутъ 5000 барыша; съ инородческихъ песковъ гг. Новицкіе нагружаютъ до 3 большихъ павозковъ всякаго рода рыбой, за обыкновенную существующую по р. Оби низкую арендную плату, между тѣмъ какъ остякъ прикормленный ими, надѣленный хлѣбомъ, состоящій имъ кругомъ въ долгахъ, не имѣетъ права отдавать ни песковъ, ни лучшаго товара въ какія либо другія руки. Въ какой степени дѣйствуютъ гг. Новицкіе при всѣхъ этихъ неусыпныхъ заботахъ и попеченіяхъ объ остякахъ, въ духѣ того христіанскаго ученія, котораго можетъ быть ихъ предокъ былъ однимъ изъ первыхъ проводниковъ, — предоставляю судить другимъ. Послѣ этого примѣра кстаги приведеннаго мною по двойному его научному интересу, я не буду вдаваться въ далыѣйшія подробности въ отношеніяхъ между остяками и ихъ «кормильцами», изъ коихъ послѣдніе заняли даже свои опредѣленныя области по теченію Иртыша и Оби, также по побочнымъ притокамъ этихъ рѣкъ, въ которыхъ кормленіе остяковъ кажется еще болѣе привлекательнымъ для кормильцевъ, по глухому и часто совершенно изолированному ихъ положенію, въ силу чего здѣсь и можно быть въ той или другой степени самостоятельнымъ; тамъ, гдѣ кто либо достигъ такого идеала, — значитъ хорошо, можно быть вполне самостоятельнымъ и безконтрольнымъ. Но въ

особенности на главныхъ рѣкахъ стоитъ нерѣдко между кормильцами сильная борьба за области или преобладаніе, то, что въ общежитіи называютъ конкуренціей, и чтобъ выйдти изъ нее побѣдителемъ, нужно занимать удобное географическое положеніе, т. е. имѣть постоянное жительство между осятками, или жить въ центрѣ ихъ земель, какова напр. Кондинская волость, нужно начать приучать осятковъ къ хлѣбу съ болѣе или менѣе древнихъ временъ, т. е. ихъ прикармливать. Даже этихъ двухъ условій достаточно, чтобъ считать прочнымъ свое положеніе даже въ центральномъ, бойкомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталкиваются два, три кормильца, пришлеца; они всѣ задаютъ впередъ деньги хорошему охотнику (или рыбаку), въ разное время и въ немаломъ количествѣ. Но въ 1870 году при бывшемъ хорошемъ урожаѣ кедровыхъ орѣховъ съ одного ничтожнаго клочка кедровника, уцѣлѣвшаго по какому-то случаю отъ лѣсныхъ пожаровъ, было выношено до 13000 пудовъ орѣховъ, сравнительно небольшимъ количествомъ Ендырскихъ осятковъ, получившихъ за орѣхи до 21,000 руб.; небольшая часть изъ этихъ денегъ пала на долю русскихъ, собиравшихъ орѣхи, часть была уплачена въ казну тысячъ до 3000, все же остальное было пропито; то же самое и съ осяткомъ-охотникомъ, получающимъ впередъ деньги подъ звѣря; еще до начала промысла онъ все промотаетъ, или если выйдетъ изъ лѣсу со шкурами, то въ крайней нуждѣ, которая и влечетъ его къ кормильцу, занимающему центральное положеніе, который ближе всѣхъ и дорога къ которому пробита его дѣдами и прадѣдами, и къ которому онъ самъ ходитъ за необходимыми ему въ нуждѣ крохами хлѣба зиму и лѣто. При такихъ то условіяхъ конкуренція ложится на осятковъ еще болѣе тягостно; осятекъ, уплачивая долгъ ближайшему хозяину, начинаетъ бѣгать, скрываться отъ остальныхъ, которыхъ долгъ онъ чувствуетъ за собой. При такихъ то условіяхъ можно всегда вѣрить торговцамъ, что долги за породцами осятками пропадаютъ или остаются за ними на весьма долгое время; всѣ же другіе случаи пропажи долговъ нужно подвергнуть крайнему

ограниченію, кромѣ одного, съ которымъ и я вполнѣ буду согла-
сенъ: это бываетъ тогда, когда вымирають не только задолжав-
шіеся отцы, но и ихъ дѣти и все ихъ потомство, тогда долги всѣ
конечно пропадаютъ... И прежде чѣмъ привести изъ извѣстныхъ
мнѣ примѣровъ одинъ или два въ пользу того, что за остяками
въ большинствѣ случаевъ долги не пропадаютъ, если только кто
либо изъ потомковъ задолжавшагося остается въ живыхъ, я поз-
волю здѣсь сдѣлать себѣ въ пользу этого одно наведеніе чисто
научнаго характера. Фамиліи всѣхъ русскихъ, занимавшихъ из-
давна центральное положеніе между остяками и вліявшихъ на
нихъ экономически, имѣють чрезвычайно много представителей,
т. е. сильно расплодился, тогда какъ всѣ онѣ происходятъ отъ
единичныхъ личностей; еслибъ собрать въ полной степени точныя
статистическія данныя, то можно было бы несомнѣнно прійти къ
заключенію, что въ долину Оби изъ русскихъ преимущественно
плодился: торгующіе казаки, бывшіе вахтера запасныхъ хлѣб-
ныхъ и соляныхъ магазиновъ, отчасти лица духовнаго сословія,
однимъ словомъ всѣ тѣ лица, которыя стояли въ болѣе или ме-
нѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ остякамъ, изъ которыхъ нѣкото-
рыя по преимуществу должны были песчись о пользѣ и благѣ
инородцевъ. Такъ на Оби изъ торгующихъ господствуютъ фамиліи
Кайгородовыхъ, Протопоповыхъ, Новицкихъ, Нижегородцевъ,
Плехановыхъ, Карповыхъ. Большая часть Березовскихъ
казаковъ — Шаховы, первоначальный прародитель которыхъ
первый пришелъ въ Березовъ и сокрушилъ здѣсь остяцкаго —
Нувый-ази (Тманъ тоже), перенесеннаго за тѣмъ въ Тегинскія
юрты. (По преданію остяковъ). Въ рукахъ этихъ фамилій сосре-
доточены капиталы, вліяніе на мѣстную экономическую жизнь,
притомъ есть нѣкоторыя, владѣющія капиталами, по или не имѣ-
ющія особенной плодовитости (Буторины, изъ вахтеровъ) или
плодовитыя только на дочерей и поэтому служащія умиротворя-
ющимъ элементомъ для сплавиванія другихъ фамилій, черезъ по-
рожденіе между ними родства. (Черезъ родство едвали все бо-
лѣе и болѣе не упрочивается неприкосновенность многихъ обла-

стей для кормленія осяковъ). Я почелъ долгомъ привести этотъ фактъ размноженія тѣхъ или другихъ семействъ потому, что онъ находится въ соотношеніи съ одновременно совершающимся съ нимъ фактомъ вымиранія осяковъ. Природа представляетъ намъ много явленій аналогичныхъ этому, для вывода надлежащихъ умозаключеній; напр. въ яйцѣ первоначально существуетъ только ничтожное зародышевое пятнышко, но когда въ силу неизмѣнныхъ законовъ оно начинаетъ развиваться, то поглощаетъ первоначально окружающій его желтокъ, затѣмъ бѣлокъ и дѣлается тогда уже весьма замѣтнымъ зародышемъ или цѣлымъ организмомъ. Мнѣ приходятъ на умъ еще другое біологическое явленіе изъ жизни сравнительно низко организованныхъ животныхъ, удоболяющееся отношенію кормильцевъ къ осякамъ. Это фактъ замѣчательнаго ухаживанія муравьевъ за травяными вшами, при которомъ первые холятъ, очищаютъ, стерегутъ отъ всякой опасности послѣднихъ; притомъ оказывается, что у трудолюбиваго насѣкомаго простой расчетъ, — онъ хочетъ воспользоваться за свои труды тѣмъ нектаромъ, который видѣляютъ невзрачныя, покровительствуемая имъ созданія. И нужно думать, что муравей гораздо болѣе благороденъ въ своей роли, чѣмъ тѣ изъ Обскихъ торгующихъ, которые говорятъ о себѣ, что осяки ихъ разоряютъ, не платятъ имъ долговъ и что они, торгующіе, кормятъ осяковъ изъ благодаренія. — О томъ, что осяки платятъ свои долги не только за себя, но и за отцовъ и дѣдовъ своихъ, — говорится во всѣхъ объ нихъ описаніяхъ, не только научныхъ, но и популярныхъ. Прибавлю къ этому слѣдующее; мнѣ извѣстенъ осякъ въ Маломъ Атлымѣ, который, оставшись отъ отца 10-ти лѣтнимъ, до сихъ поръ, въ теченіи 15 лѣтъ заслуживаетъ долги своего отца, живя въ работникахъ, причемъ ему конечно неизвѣстно, былъ ли его отецъ долженъ и дѣйствительно ли столько, сколько говорятъ, притомъ нужно сказать, что рѣдкій осякъ знаетъ величину своихъ собственныхъ долговъ. Онъ знаетъ, что долженъ и иногда говоритъ долгъ вдвое большій, чѣмъ у него можетъ быть; онъ взялъ хлѣба, холста, знаетъ тогда-то,

тогда-то бралъ, но сколько за это поставятъ,—полагается на добросовѣстность торгующаго. А въ какой степени на нее можно полагаться, можно видѣть изъ слѣдующаго. Послѣ смерти стараго князя Артанзіева, сынъ его, нынѣшній князь, встрѣтился съ нѣкимъ Булатниковымъ, проживающимъ въ селѣ Кушеватскомъ, который говоритъ князю, что отецъ его былъ долженъ ему Булатникову и чтобъ по квитать этотъ долгъ, князь бы заплатилъ ему 15 р. денегъ и отдалъ бы принадлежащій ему, князю, соръ для рыбной ловли въ теченіи 5 лѣтъ, что и было исполнено, хотя Артанзіевъ не имѣлъ никакого понятія и никакихъ данныхъ о долгахъ своего отца. Нынѣ прошло 20 лѣтъ со смерти стараго князя, а Булатниковъ все еще говоритъ Артанзіеву, не пора, долгъ еще не кончился, онъ долженъ еще владѣть соромъ и ловить въ немъ рыбу.

Но, чтобъ не стоять на мелочахъ, обращусь къ главнѣйшему источнику, изъ котораго остякъ могъ бы черпать себѣ благосостояніе; это конечно Обь, которую не поглотитъ пожаръ и теченіе которой не остановитъ никакая земная сила; но остякъ умѣетъ изъ огня выходить цѣлымъ, изъ воды сухимъ, попросту нищимъ; въ его владѣніяхъ, часто его собственными руками теплые люди жаръ загребаютъ. Вотъ примѣръ. По Иртышу, около Романова, на Филинскомъ пескѣ, принадлежащемъ остякамъ, арендаторъ нѣсколько лѣтъ назадъ выловилъ и продалъ 1000 осетровъ, по пуду среднимъ числомъ каждый; взявши за пудъ по 5 р., онъ получилъ 5000 руб., затѣмъ изъ, щуки, стерляди добылъ до 1000 пудовъ, по 2 р. за пудъ, онъ получилъ 2000 р., не считая до 18,000 шт. всякой другой, мелкой рыбы. Если ему содержаніе неводовъ и рабочихъ обойдется, но самому большому масштабу 2000 р., то онъ получить чистаго барыша въ лѣто съ песка — 5000 р. с., платя за него какихъ нибудь презрѣнныхъ 100—150 р., и то по большей части гнилымъ товаромъ, такъ какъ арендаторъ—мѣстный житель. Теперь возьму для примѣра другой песокъ, на Оби, въ самомъ бойкомъ мѣстѣ, и одинъ изъ

лучшихъ и постоянный — Бѣлогорскій. Онъ, какъ и большая часть песковъ, гдѣ живутъ остяки съ русскими, принадлежить имъ пополамъ. Остяки отдаютъ свою половину въ аренду, такъ что въ ловлѣ крестьяне чередуются съ арендаторомъ посуточно. Крестьяне ловятъ 3-мя артелями и добываютъ въ лѣто и осень, считая на всѣ три артели:

Сырка	30,000	головъ, по 2 кон. за штуку.	600	р.
Мукуна	3,000	—=360 пуд., по 3 р. пудъ.	1080	»
Нельмы	180	головъ, по 50 к. голова . . .	90	»
Осетра	150	—=150 пуд. *) 3 р. пуд. . .	350	»
Язя	750	пуд., 80—90 к. пудъ	630	»
Щуки	900	пуд., 25—55 к. пудъ	495	»

Нельмы осенней мѣрной:

не менѣе 8 вершковъ	195	пуд. по 3 р.	485	р.
» » 7 »	150	» » 1 » 90 к.	285	»
Ножавки или сырковки	120	» » 1 » — »	120	»
Налима	210	» » — » 50 »	105	»

Слѣдовательно крестьяне тремя артелями вылавливаютъ въ лучшемъ случаѣ рыбы на 4240 руб. по мѣстнымъ цѣнамъ. Неводъ стоитъ имъ на каждую артель — 300 руб., на все общество 900 руб., не считая работы, которая идетъ у нихъ на устройство невода; но такъ какъ въ ловлѣ участвуютъ только 39 человекъ, а всѣхъ крестьянъ собственниковъ 78, то ловящіе покупаютъ у остальныхъ 39, неучаствующихъ въ ловлѣ, ихъ право на несокъ за 91 руб. въ лѣто. За вычетомъ этихъ расходовъ, приходится участвующимъ въ ловлѣ крестьянамъ около 80 руб. на человека за трудъ по неводбѣ. Естественно думать, что то же количество рыбы вылавливаетъ и арендаторъ на ту же сумму, такъ какъ онъ располагаетъ своими сутками, какъ и крестья-

*) По 3 р. за пудъ мѣрнаго осетра, до 5 четв., а недостающій даже $\frac{1}{2}$ вершка, идетъ за половинную цѣну.

не. Расходы у него слѣдующіе: два невода, можетъ быть большіе, чѣмъ у крестьянъ, стоимость ихъ много—700 руб.; жалованья 26 рабочимъ по 25 руб. (оно можетъ быть и меньше, какъ я твердо убѣдился на сѣверѣ при дальнѣйшемъ путешествіи) и 100 руб. башлыку—750 руб., содержащія имъ на 215 руб. (табакъ, бродни, рукавицы, хлѣбъ). Всего $700+750+215=1665$ р. Вычитая эти расходы по неводу и по всѣмъ затратамъ на содержаніе рабочихъ изъ 4240 руб., — найдемъ 2575 руб., которые получилъ бы арендаторъ, еслибъ продалъ рыбу тутъ же на мѣстѣ, при всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, при какихъ продаютъ ее крестьяне: покупатели бы нашлись, такъ какъ уже въ Тобольскѣ за нее можно получить цѣну въ полтора раза большую, даже двойную. Но оставаясь при мѣстныхъ условіяхъ, арендатору изъ 2575 руб. нужно заплатить 62 руб. годовой арендной платы остякамъ, на 13 руб. выпить имъ водки, что было бы знакомъ крайней милости, и еще болѣе бы закрѣпило за нимъ песокъ (крестьяне даютъ остякамъ за песокъ 100 руб. въ годъ, но они отказываются). Затѣмъ арендатору остается 500 руб. откладывать отъ дохода на случай неуровняго года, что въ теченіе лѣтъ 5 можетъ случиться хотя одинъ разъ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ доходъ съ песка въ 2000 руб. сер. ежегодно будетъ прочно ему обезпеченъ.

Нужно думать однако же, что остяки сравнительно дешевле отдѣлываются отъ своихъ кормильцевъ, чѣмъ такіе же вотчинники на рыболовные пески, — крестьяне, которые во многихъ случаяхъ закабаляютъ не только пески свои капиталнымъ рыбакамъ, но даже и лично себя. Я приведу здѣсь выписку изъ контракта, изъ которой будетъ видна и система заготовленія рыбы для продажи. Рыба, выловленная въ теплое время, лѣтомъ, — солится; въ это время вода повсемѣстно въ долині Оби теплая, нагрѣтая, подергивается массой водорослей, діатомей, «вода цвѣтетъ» какъ здѣсь говорятъ; да и рыба въ это время дряблая, мягкая, даже положенная въ спиртъ, скоро портится, разла-

гается; въ жары рыба любитъ воду свободную, свѣжую, она ищетъ себѣ приволья, корма, отъѣдается; въ жаркое лѣто, по солнечнымъ днямъ, она любитъ всплывать на поверхность воды, какъ бы дышетъ здѣсь свѣжимъ воздухомъ, ловитъ мошекъ, комаровъ, лишку, — говорятъ: «экая погода, даже рыба играетъ». Рыбу, выловленную въ этотъ періодъ, солить. Но съ тѣхъ поръ, какъ жары начинаютъ упадать, вода холодѣетъ, — отъѣдается и рыба, она становится плотной, крѣпкой и выносливой, — такую здѣсь, на всемъ протяженіи отъ устья Иртыша до Березова, садятъ въ сады, въ которыхъ она живетъ до самыхъ значительныхъ заморозовъ; когда холодъ сдѣлается постояннымъ, рыбу вынимаютъ неводами изъ садовъ и замороженную везутъ на продажу въ Тобольскъ, въ Екатеринбургъ, въ Ирбитъ, въ Нижній, въ Москву, и она даже доходитъ до Петербурга. Вотъ условія, на которыхъ крестьяне одного села при рѣкѣ Оби ловятъ эту рыбу: «1) Мы, крестьяне такіе то и такіе то съ товарищами, по обоюдному нашему соглашенію, условились съ ними (рыбопромышленниками), такими то и такими то, производить въ лѣто сего года рыбопромышленность стрежевыми неводами на принадлежащихъ намъ рыболовныхъ пескахъ и добываемую нами разнаго рода рыбу съ самаго начатія промысла сдавать имъ, рыбопромышленникамъ, свѣжую въ соль, по условленнымъ цѣнамъ, а именно: осетра мѣрнаго (одинъ пудъ до $1\frac{1}{2}$ и болѣе пудовъ вѣсомъ) по 1 руб. 15 к. за голову, нельму мѣрную 45 к., муксуна обыкновенно 12 к., сырка, язи и щуку по 2 к., нельму педомѣрка $22\frac{1}{2}$ к.; а когда будетъ удобно, по выпадкѣ изъ подъ воды земляныхъ садовъ, обязаны таковую садить всю безъ изъятія въ подобныя сады; а во время осени должны имѣть неослабное наблюденіе за садами, чтобы въ оныхъ не было ущерба или уиадка рыбы отъ перадѣнія и недосмотра нашего. Въ случаѣ же отъ воли Божіей послѣдуетъ какой либо уиадокъ рыбы, то за это намъ не отвѣчать, такъ равно и съ хозяевъ иску не чинить; а по заморозу рѣкъ въ удобное время обязаны мы, крестьяне, выводить изъ садовъ всю посаженную рыбу и заморозить въ самомъ

лучшемъ видѣ, хорошаго замороза и цвѣта, скласти такую въ глухое мѣсто, дабы она отъ теплаго воздуха не могла попортиться, а когда хозяева потребуютъ для сдачи садовой рыбы, тогда безпрекословно каждый пзъ насъ обязанъ явиться и сдать оную хозяевамъ по слѣдующимъ цѣнамъ: осетра мѣрнаго отъ 5 четвертей, муксуна и нельму отъ 9 вершковъ по 2 руб. 40 к. за пудъ, сырка 1 руб. 15 к. за пудъ, язя на 1 руб. за пудъ, щуку, налима уступить противъ существующихъ цѣнъ 12 к. съ пуда и сколько будетъ въ уловѣ разной рыбы, отнюдь на сторону, кромѣ ихъ, рыбопромышленниковъ, не сдавать за какіе либо частныя долги.

2) Въ счетъ этого подряда мы, крестьяне, такіе то и такіе то съ товарищами, вырядили отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, на каждый пай забору, какъ-то: хлѣбомъ и деньгами, съ неводнымъ матеріаломъ по тридцати рублей, — всего на тридцать шесть наевъ одну тысячу восемьдесятъ (1080) руб. Въ счетъ ихъ получили отъ рыбопромышленниковъ впередъ, на уплату податей за 2-ю половину 1875 г. по 6 руб. и ржаной муки по 10 пудовъ, цѣною по 35 к., на 3 руб. 50 к., итого на каждый пай по 9 руб. 50 к., а остальное количество получить по приплыву баржи неводнымъ заведеніемъ и мукою.

3) По принятію отъ нихъ, рыбопромышленниковъ, неводныхъ обзаведеній, весною мы обязаны приступить къ сдѣлкѣ неводовъ своевременно и окончить таковыя во всей исправности до появленія морской рыбы, а также приступить къ расчисткѣ принадлежащаго намъ рыболовнаго песка. Въ продолженіе рыбопромышленности должны быть съ должнымъ стараніемъ, не упуская изъ виду принадлежащія сутки п тони и никто безъ дозволенія артели не долженъ отлучаться на домашнія и другія работы.

4) По окончаніи всего лѣтняго промысла и по сдачѣ садовой рыбы должны сдѣлать съ рыбопромышленниками вѣрный расчетъ, и если противъ забора нашего окажется недоловъ рыбы, то причитающіяся съ насъ деньги обязаны заплатить имъ безънедомочно, по неимѣнію же таковыхъ въ наличіи, должны

поступить къ нимъ въ этотъ же подрядъ въ слѣдующее лѣто на тѣхъ кондиціяхъ, какія по обоюдному нашему согласію условлены будутъ; буде же сверхъ забора будетъ переловъ рыбы, то предоставляемъ право имъ, рыбопромышленникамъ, зачесть таковой за расчеты, состоящіе на насъ по этому же подряду по нулову рыбы въ прошлые года».

Эта выписка говоритъ сама за себя; изъ контракта видна вся тяжесть условій, падающихъ на крестьянъ: здѣсь крестьяне на своемъ собственномъ пескѣ, со своими рабочими силами являются какъ бы крѣпостными; — хозяевами становятся — подрядчики-рыбопромышленники, интересъ которыхъ въ контрактѣ огражденъ со всѣхъ сторонъ. Крестьяне должны работать лѣтомъ при жарахъ, къ концу его въ сырости и слякоти, зимой на морозахъ и притомъ во всемъ подвержены отвѣтственности или своимъ карманомъ или постоянными долгами, закрѣпляющими ихъ въ одномъ и томъ же положеніи; мало выловилъ — давай, много выловилъ рыбы, тоже давай за нынѣшніе или старые годы, — рыбопромышленнику остается только получать рыбу во всей исправности по цѣнамъ самымъ низкимъ; пудъ мѣрныхъ: осетра, нельмы, максуна, тутъ же, въ этомъ селѣ или въ другихъ селахъ ближе или далѣе лежащихъ, продается на свободныхъ условіяхъ въ мороженномъ состояніи по 3 р. 50 к. слѣдовательно, если бы подрядчики продали рыбу тутъ, на крестьянскомъ пескѣ, то получили бы по 45% на рубль; на самомъ же дѣлѣ имъ пришлось бы еще больше, такъ какъ деньгами они израсходовали только 216 р., остальное — до 1080 р. — они уплатили неводными матеріалами и мукой. Оставляя въ сторонѣ коренные расчеты о возможной стоимости муки съ доставкой на мѣсто (доставка, по водѣ и по теченію, должна быть дешева, такъ какъ хлѣбъ гонится на баркахъ, силою рабочихъ, нанявшихся на лѣто, въ неводьбу, о чемъ будетъ еще рѣчь), укажу только на тотъ фактъ, что нынѣ же въ Елизаровѣ торговцы отдавали хлѣбъ, въ долгъ, безъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ рыболовству, по 30 к. за пудъ; если они надѣялись такимъ образомъ

выручить здѣсь не только свою цѣну, но и приобрести выгоду на хлѣбѣ, то подрядчики, по выше приведенному контракту, несомнѣнно взяли на рубль, уплачивая его хлѣбомъ по 35 к. за пудъ, по крайней мѣрѣ 15% лишнихъ, значитъ рыба уже обойдется имъ болѣе, чѣмъ на 60% дешевле ея дѣйствительной мѣстной стоимости. Такимъ то образомъ крестьяне, употребивши деньги на подати, съѣдятъ даже во время самага рыболовства весь взятый ими хлѣбный запасъ (земледѣлія здѣсь не существуетъ), а осенью должны снова возобновить тотъ же приведенный мною контрактъ, на тѣхъ же условіяхъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ недолова рыбы, денегъ имъ взять совершенно негдѣ. Но Елизаровцы еще болѣе счастливы, чѣмъ сосѣди ихъ, — крестьяне Сухоруковскіе.

1866 годъ засталъ Сухоруковцевъ состоящими въ подобномъ же вышеприведенному подридѣ съ однимъ купцомъ рыбопромышленникомъ, владѣвшимъ тогда самыми лучшими песками по теченію р. Оби, до самага ея устья. Лѣто этого года обрадовало Сухоруковскихъ крестьянъ замѣчательно хорошимъ уловомъ, такимъ, на какой весьма трудно было надѣяться. Рыбы ловилось столько, что прикащики купца едва могли управляться съ засоломъ ея; наконецъ дошло до того, что у нихъ истощилась вся соль; они должны были отказывать крестьянамъ въ пріемкѣ рыбы по неимѣнію соли, и просили ихъ пускать ее въ садъ; и такъ какъ прикащиками соли совершенно не было найдено, то посадка рыбы въ садъ, начавшись съ самага жаркаго періода лѣта, долго продолжалась и наконецъ отъ жаровъ, отъ тѣсноты, частію вообще бывшей въ этотъ годъ слабости рыбы, она началадохнуть. При начавшейся за тѣмъ попыткѣ, подъ руководствомъ прикащиковъ, выневодить рыбу, большая часть ея была упущена. Изъ 150 головъ осетра разошлось по сору и издохло 90, изъ 600 головъ нельмы — 130, изъ 27,000 муксуна — 18,000, изъ 15,000 сырка — 10,000, всего, не считая мелкой рыбы, по самому умѣренному расчету на 5400 р. Кто же здѣсь виноватъ, на комъ должна лежать отвѣтственность за эту громадную утрату; чѣмъ въ контрактахъ гарантируется интересъ крестьянина?—

Если бы у купца рыбопромышленника было достаточно соли, то большая часть рыбы осталась бы у него въ бочкахъ, соленою; остальная, пущенная въ садъ въ меньшемъ количествѣ и уже въ болѣе окрѣпшемъ видѣ, имѣла бы больше шансовъ, вынести перевозою; тогда не потребовалось бы выневаживать рыбу не въ свое время, все бы пошло, безъ вмѣшательства въ дѣло прикащиковъ. Еслибы съ крестьянами случилась такая бѣда, что они не выневодили бы изъ сада рыбу зимой въ теченіе долгаго времени, по какимъ либо домашнимъ обстоятельствамъ, то рыбопромышленникъ могъ бы придраться къ нимъ за несвоевременную доставку рыбы по первому требованію; на основаніи контракта, онъ могъ бы привести доводы, что время ушло, цѣны упали и т. д. Точно также онъ могъ бы придраться къ крестьянамъ, если бы они, получивши отказъ принимать рыбу въ соль, по недостатку ея у хозяина, унесли бы другому рыбопромышленнику. Между тѣмъ по отношенію къ крестьянамъ онъ другаго мнѣнія: «въ бочкахъ у меня рыбы нѣтъ, мороженою она не принята», а если и «послѣдоваль» у крестьянъ упадокъ рыбы, то «отъ воли Божіей» и слѣдовательно онъ ничѣмъ за это не отвѣтствуетъ. Поступилъ бы этотъ рыбопромышленникъ нѣсколько болѣе человѣчно, если бы принялъ хотя часть бѣды на свою долю; но во время многолѣтней своей практики на поприщѣ рыбопромышленности по р. Оби онъ не привыкъ особенно вникать въ положеніе рыбаковъ и въ данномъ случаѣ, сложивъ съ себя всякую отвѣтственность за упадокъ рыбы, старые долги, причитающіеся по его счету на крестьянахъ села Сухорукова, пожертвовалъ, вмѣстѣ со всѣми другими, въ пользу благотворительныхъ заведеній въ Тобольскѣ. Уже достаточно очевидно изъ примѣра, выше мною приведеннаго, что крестьяне, въ теченіе десятковъ лѣтъ служащіе рыбопромышленнику, побуждаемые нуждой и часто крайностью, на выясненныхъ уже условіяхъ, были бы достойны нѣсколько лучшей участи, чѣмъ нынѣшніе Сухоруковскіе. Изъ 49 человекъ, участвовавшихъ въ подрядѣ у этого рыбопромышленника, на каждого положено уже официально вносить на

благотворительныя заведенія, за долгъ, по 1 руб. въ годъ; нынѣ осталось изъ участвовавшихъ только 27, слѣдовательно они вносятъ уже много лѣтъ за всѣхъ; со временемъ число участвовавшихъ въ подрядѣ конечно еще уменьшится и тогда благотворительность рыбопромышленника тяжело ляжетъ не только на оплаканные рубли отцевъ, но и на рубли ихъ потомства.

Укажу еще на одинъ источникъ, съ помощію котораго торговцы наполняютъ свои суда, или посудины, по здѣшнему выраженію, всякаго рода рыбой изъ р. Оби. Со вскрытіемъ Иртыша, около Тобольска начинается оживленіе. Десятки барокъ, коченѣвшія до того времени во льду, начинаютъ чиститься, подновляться и грузиться всякаго рода товаромъ: мука, соль, табакъ, всякаго рода мелочь, побрякушки для остяковъ, кожи, бродни, бочки, осмоленные сверху, и которыя мнѣ казались подозрительными: не оправдываютъ ли онѣ на себѣ пословицы, что «наружность бываетъ обманчива» тѣмъ болѣе, что иногда мнѣ даже и говорили, что на баркѣ есть водка для рабочихъ; въ томъ то и дѣло, что въ фактѣ ея присутствія въ разныхъ посудинахъ, смоленныхъ и не смоленныхъ, я ни чуть не сомнѣвался; но потомъ убѣдился, что рабочему на промыслахъ не удастся даже понюхать того мѣста, гдѣ она лежитъ. Наконецъ является и самый дешевый товаръ на баркѣ — сами рабочіе, въ большинствѣ случаевъ они то же нагружены спиртомъ; но въ нихъ онъ проявляетъ свое естественное свойство скоро испаряться, въ силу чего они снова исчезаютъ съ барки на берегъ, чтобы найти доступъ къ тому, что для нихъ надолго потомъ сдѣлается недоступнымъ. Барка нагружена, стоитъ, ждетъ рабочихъ, но ихъ нѣтъ, хозяинъ торопится. Ищутъ ихъ, собираютъ, иногда грузятъ на барку едва живыхъ отъ переполненія спиртомъ; но это для нихъ — послѣднее удовольствіе. Иногда предусмотрительные хозяева за нѣсколько дней до отплытія барки садятъ рабочихъ въ полицію, еслибъ они были и трезвы, дабы сохранить ихъ отъ пагубной страсти, для удовлет-

воренія которой кажется загадочнымъ, гдѣ рабочіе берутъ средства, такъ какъ ничтожныя деньги подъ работу еще съ осени забираются впередъ. Они по большей части люди бывалые, съ Камы, съ Волги, изъ разныхъ частей Россіи поселенцы, также мѣстные жители: крестьяне, татары, бухарцы; многіе изъ нихъ, еслибъ они жили при Ермакѣ, пошли бы съ нимъ въ самыя невѣдомыя страны, покорять Сибирь, Китай, Индію, и руководимые умнымъ, сильнымъ нравственно, энергичнымъ и справедливымъ человѣкомъ, терпѣливо, безъ ропота несли бы всѣ трудности и лишенія на пользу предпринятаго дѣла. Несутъ они эти трудности и здѣсь, но едвали всегда подъ руководствомъ людей прочно установившейся нравственности и чувства справедливости. — Съ отплытіемъ барки изъ Тобольска начинается одна изъ самыхъ трудныхъ обязанностей рабочаго. Барка идетъ, какъ здѣсь говорятъ, «своесильно», по теченію. Но всѣмъ, знакомымъ или научно яли на опытъ съ сѣверомъ Азіи и даже Россіи, хорошо извѣстно, что отъ береговъ Камчатки «до Финскихъ хладныхъ скалъ», но всѣмъ большимъ и малымъ рѣкамъ, во всѣ времена года, изъ чего и весна не составляетъ исключенія, преобладаютъ вѣтры сѣверные, какъ разъ противные ходу всѣхъ Обскихъ «посудинъ», пробирающихся иногда со своимъ грузомъ далеко къ сѣверу, тысячи за полторы, за двѣ и болѣе верстъ отъ Тобольска; при такихъ то условіяхъ посудипа, какая бы она ни была, недалеко уйдетъ къ мѣсту своего стремленія. Между тѣмъ хозяинъ торопится, боится опоздать къ промыслу и тутъ уже рабочій не имѣетъ ни днемъ, ни ночью покоя; ему нужно спдѣть въ гребяхъ на громадной и неуклюжей посудинѣ, владѣть веслами, имѣющими форму едва обтесанныхъ бревенъ, подъ противнымъ, нерѣдко крѣпкимъ вѣтромъ; нужно заботиться, чтобъ барку не нанесло на мель; если сѣла она, нужно лѣзть въ холодную весеннюю воду. За наступающую въ немъ вялость и утомленіе онъ получаетъ потасовки и подзатыльники — привычка, которая до такой степени на посудинахъ вошла въ обычай, что съ нихъ распространяется на суда болѣе изящныя, появившіяся на

водахъ р. Оби съ цѣлями болѣе высокими. Сплавъ судна, это только косвенная работа; главное назначеніе рабочихъ — неводьба на тѣхъ пескахъ, которые арендуются рыбопромышленниками отъ инородцевъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать набросокъ общей жизни рабочаго на пескѣ — мѣстѣ удобномъ для рыболовства, замѣчу, что на каждый неводъ, длиною отъ 350 до 500 ручныхъ маховыхъ сажень (отъ 700—1000 метровъ), полагается 8—9 человекъ рабочихъ, кромѣ береговаго — рабочаго, обязаннаго слѣдить за починкой невода и башлыка, главнаго лица при неводѣ, который руководитъ неводьбой, исправляетъ неводъ сообразно съ требуемыми при рыболовствѣ общими и мѣстными условіями: глубиной рѣки, быстротой и пр. Я подѣзжаю къ любому песку, подхожу къ первой такъ называемой артели рабочихъ, стоящихъ за однимъ неводомъ. Оказывается при неводѣ 9 рабочихъ рядовыхъ, кромѣ того одинъ башлыкъ на 2 невода, одинъ береговой, то же обязаный слѣдить за цѣлостью двухъ неводовъ. По окончаніи тони я подзываю перваго рабочаго — только чтобъ тутъ не было хозяина или заступающихъ его мѣсто, иначе услышишь: «всѣмъ довольны, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»; задаю ему вопросы, изъ которыхъ складывается такой эпизодъ изъ его біографіи, сопровождаемый спорами уже собравшихся рабочихъ и окончательнымъ заключеніемъ: «вѣрно»!

«Михаилъ — крестьянинъ Тобольскаго округа, Дубровной волости: жалованья 18 руб., взялъ передъ Новымъ годомъ, ходить «на низъ» — 5 лѣтъ. Пришелъ нынѣ въ Тобольскъ на барку служить по забору 2-го мая; изъ дому шель пѣшкомъ 3 дня; взялъ пищи только одинъ хлѣбъ. Отъ Тобольска плыли сюда на песокъ на паузкѣ (судно — по формѣ совершенный утюгъ), который былъ нагруженъ товарами до 15,000 пудовъ, притомъ работали веслами при противной погодѣ, — самая худая работа. По приѣздѣ на песокъ получилъ бродни, ихъ хватаетъ на $\frac{1}{2}$ мѣсяца, потомъ дѣлаются дырявыми, течетъ вода, ходишь какъ босой; за заплатками нужно ходить къ хозяину разъ 10 (одинъ изъ артели, молодой еще парень, утверждалъ, что да-

еть и тогда, когда сходишь раза два, но такъ какъ онъ въ неводьбѣ еще въ первый разъ, то другіе съ нимъ не согласились). Получаетъ по 1 фунту табаку въ мѣсяцъ и рукавицы, стоимостью въ 30 к. Кормятъ только рыбой, той мелочью, которая остается отъ тонь; мясо только въ передній и задній путь, такъ какъ покупка рыбы въ это время стоила бы дорого. Водки никогда не даютъ. Живутъ въ избушкахъ безъ печки, негдѣ просушиться. Пологовъ на защиту отъ комаровъ не даютъ. Не только для пологовъ, а не даютъ холста, чтобъ зачинить дыры на единственной рубашкѣ. Вся «одежа» — своя; нижнее бѣлье въ единственномъ экземплярѣ, (слѣдовательно мѣнять его нельзя, а нуженъ случай, чтобъ только просушить его). Въ чемъ пришелъ, въ томъ и здѣсь и съ тѣмъ придется идти домой, т. е. въ лоскутьяхъ. Тянутъ артелью пять тонь невода; при хорошей погодѣ на тошо нужно 4 или 4½ часа, слѣдовательно пять тонь можно вытащить въ сутки; если худая погода, то тащутъ и 1½ сутки, значитъ въ теченіе сутокъ или полуторыхъ сутокъ требуется непрерывная, тяжелая работа. По окончаніи пяти тонь наступать другая артель и тянетъ неводъ тоже пять разъ; отдыхать приходится, да сушиться часовъ 8—10, а тамъ опять гонять на работу, чистить рыбу и пр. По окончаніи пяти тонь второй артели, снова принимается за свои первая. Если послѣ тяжелой и трудной работы, особенно послѣ непогодъ, рабочій утомится и разстроится здоровьемъ, если ему «заскудается», то хозяинъ все таки пудитъ къ работѣ, гонитъ и ругается. Бываетъ, что и побьетъ. Въ Тобольскѣ возвращаются къ Покрову или послѣ, въ первой половинѣ октября». Затѣмъ въ артели слѣдуютъ русскіе крестьяне: отецъ, 19 р. жалованья, его сынъ — 20 р., пятовщикъ — 20 р., полотеничникъ — 15 р., татаринъ — 18 р., бухарецъ — 18 р.; два остяка, одинъ получаетъ 18 р. и сверхъ получаемыхъ другими рабочими бродень, рукавицъ и табаку, — беретъ верхнюю одежду: гуся изъ фабричнаго сукна на 3 р. 60 к., рубаху и порты, второй — 20 р., но безъ гуся, а только съ портами и рубахой. Всего слѣдовательно на неводъ жалованья рабо-

чимъ, считая $\frac{1}{2}$ башлыка и $\frac{1}{2}$ береговаго, идетъ 236 руб., а среднее на человѣка — 20 р., въ каковой цифрѣ я убѣждался и раньше и послѣ, гдѣ только самъ лично записывалъ показанія рабочихъ. Оставляю теперь въ сторонѣ всѣ другіе результаты сдѣланнаго много перече́та рабочихъ и ихъ жалованья. На нѣкоторыхъ пескахъ преобладаютъ поселенцы, въ другихъ смѣсь націй и сословій: крестьяне, мѣщане, татары, поселенцы и пр. Много людей бездомныхъ, бобылей, есть и семейные; дома остаются жены, дѣти, матери, сестры, которыя кормятъ себя уже своими силами и зарабатываютъ иногда на мѣстѣ, на покосахъ и жатвахъ у сосѣдей руб. до 20, т. е. больше, чѣмъ многіе изъ работниковъ на отдаленнѣйшихъ Обскихъ пескахъ. Прибавлять дальнѣйшія подробности на счетъ содержанія и быта рабочихъ къ тѣмъ болѣе или менѣе короткимъ характеристикамъ, которыя уже приведены выше въ эпизодѣ изъ біографіи любого рабочаго, будетъ даже не особенно здѣсь кстати. Касательно помѣщенія нужно сказать напр., что и сами хозяева живутъ на пескахъ въ самыхъ походныхъ жилищахъ, въ избахъ, съ комарами, съ запахомъ, часто темныхъ. Тѣмъ болѣе трудно найти какія либо удобства въ помѣщеніи самихъ рабочихъ: оно состоитъ изъ низенькой лачуги, въ формѣ четырехъ-угольнаго сруба, часто съ плоской крышей, напоминающей деревенскія бани, сажени $1\frac{1}{2}$ — 2 по діагонали; въ одномъ углу его обыкновенно находится чувалъ, — самая первобытная форма камина; полъ помѣщенія — земля; на нѣкоторой высотѣ отъ пола находятся по стѣнамъ лачуги нарты, на которыхъ рабочіе спятъ въ повалку; въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи спятъ обыкновенно до 15—20 человѣкъ рабочихъ и воздуху можетъ быть еще достаточно и смрадъ въ помѣщеніи уменьшается потому, что лачуга представляетъ безчисленное множество отверстій въ стѣнахъ, въ крышѣ; съ послѣднимъ обстоятельствомъ соединено однако другое неудобство: сквозь щели и отверстія лѣтомъ забираются комары безчисленными стаями; къ концу лѣта бури и непогоды даютъ себя знать въ жильѣ рабочаго, котораго положеніе дѣйствительно не завидно: лѣтомъ, въ

жары онъ преслѣдуется комарами, во время работы въ теченіе сутокъ, возвратившись на отдыхъ, онъ встрѣчается съ ними же; осенью или въ концѣ лѣта, промокшій на сырости и непогодѣ, среди воды, полуобутый, оборванный, онъ находитъ ту же слякоть, сырость, промозглость воздуха и въ своемъ печальномъ жилищѣ. — Невыносимо плохо положеніе остяка, но хуже оно еще у рабочихъ на неводахъ. Въ вышеприведенномъ перечнѣ рабочихъ я упомянулъ о двухъ остякахъ; они получаютъ лучшее или даже высшее жалованье, стоимостью выше, чѣмъ на 20 р., чего нѣтъ ни у одного изъ участвующихъ тутъ же, рядомъ съ ними, русскихъ рабочихъ; кромѣ того остяки не плывутъ съ судами рыбопромышленниковъ ни впередъ, ни назадъ, позже русскихъ приходятъ на песокъ, раньше уходятъ. Остякъ часто имѣетъ при пескѣ свою юрту, жену, семью; онъ живетъ на пескѣ, какъ дома; для спасенія отъ комаровъ онъ изыщетъ всѣ средства, чтобъ приобрести себѣ пологъ; въ случаѣ надобности онъ употребитъ на него платя своей жены, которыя онъ далъ ей на свадьбу или она принесла въ приданное. Отъ комаровъ — этого бича сѣвера, даже животныя, лоси, олени и пр. ищутъ себѣ спасенія то въ густомъ непроницаемомъ лѣсу, то заходятъ въ воду и погружаются въ нее всѣмъ туловищемъ, оставляя на ея поверхности только малую часть головы или рыло; лишень этой возможности избавиться отъ нихъ только русской рабочей; онъ не имѣетъ не только полога, но даже и стараго лишняго лоскута, которымъ могъ бы прикрыть свою голую во время работъ шею, наиболѣе доступную комарамъ: я видѣлъ рабочихъ, которые съ удовольствіемъ закрывали свое лицо и шею, вмѣсто сѣтки, старыми засмоленными лоскутьями неводныхъ сѣтей, выброшенныхъ водой на берегъ. Обиженъ рабочей косвенно, обижается онъ и прямо, и нѣмыми свидѣтелями его обидъ являются только собственные его лохмотья и синяки. Вотъ выписка изъ дневника: «Рабочій, какъ человѣкъ, приниженъ и убитъ нравственно; онъ, какъ живой организмъ, подверженъ всѣмъ неблагоприятнымъ вліяніямъ однообразной и мало питательной рыбной пищи, суроваго и непостоян-

наго климата, тяжелаго труда, въ совокупности крайне гибельно отзывающихся на его здоровья, которое поправить часто рѣшительно невозможно; съ другой стороны самыя условія найма и пребываніе на пескахъ не представляютъ къ этому никакихъ средствъ. Больной рабочій, если онъ только можетъ ходить и двигаться, высылается на какую либо другую работу около дома, кромѣ неводьбы, на обмываніе рыбы или поправку снастей. Больной тяжело предоставляется самъ себѣ и своимъ стономъ убаюкиваетъ монотонную и безотрадную жизнь своихъ собратій. Больные рабочіе не имѣютъ ни отдѣльнаго жилья, ни лекарствъ или докторскихъ совѣтовъ. На одномъ пескѣ я встрѣтилъ изъ 4-хъ артелей татарина: онъ вмѣстѣ съ другими, тутъ же спавшими усталыми рабочими, мучился отъ страшной боли и спазмовъ въ желудкѣ; онъ стопеть и охаетъ, мечется въ стороны, то встанеть, то ляжетъ; въ теченіе недѣли онъ уже не могъ ничего ѣсть. На другомъ пескѣ изъ 40 человекъ, было 5 большихъ рабочихъ, съ совершенно почти отнявшимися ногами. Но въ особенности поразилъ меня своимъ видомъ одинъ изъ нихъ: щеки и глаза впалые, цвѣтъ лица изнеможенный, ротъ съ оскаленными зубами, какъ у покойника, руки исхудали, а ноги, какъ бревна, распухли, такъ что я едва могъ поднять и поставить его, чтобъ снять съ него фотографію; одѣтый въ заплаташное овчинное рубище, онъ представлялъ изъ себя только тѣнь живаго человѣка (по забору онъ взять уже больной изъ дому).

Скажу еще объ одной сторонѣ дѣла, относящейся больше къ мрачному сѣверу, гдѣ уже болѣе холодно и гдѣ вода болѣе мутная, въ которой впрочемъ и удобно рыбаку «рыбу ловить». Много разъ я пробѣгалъ глазами въ теченіе своего путешествія и читалъ съ огорченіемъ нижеслѣдующія строки: «Въ 1857 году Совѣтъ Главнаго Управленія, въ огражденіе инородцевъ отъ обмановъ и стѣсненій со стороны русскихъ, положилъ рыболовныя инородческія статьи Березовскаго края отдавать съ торговъ» (Списки нас. м. Тобольск. губерніи, стр. ССХХVIII).

Мнѣ было жаль потому, что это постановленіе осталось только на бумагѣ и лежитъ гдѣ нибудь спокойно въ архивѣ; дѣло ограничилось только тѣмъ, что объ немъ упомянули въ книгѣ, которой также вѣроятно никто съ особеннымъ усердіемъ не читаетъ, тѣмъ менѣе остяки, до которыхъ это непосредственно относилось. Дѣйствительнаго же примѣненія этого правила къ инородческимъ пескамъ я не встрѣтилъ нигдѣ по Оби, кромѣ одного случая уже не инородческаго. Между Березовымъ и Обдорскомъ находится на Оби одинъ изъ лучшихъ песковъ, Мелѣксинскій; онъ принадлежитъ Березовскимъ крестьянамъ и съ небольшимъ, довольно мало важнымъ пескомъ, лежащимъ около него Комарымъ, отдается крестьянами съ торговъ; за Мелѣксинскій песокъ платятъ аренды по 1,600 р. въ годъ. На эти деньги возможно было бы приобрести большую часть остяцкихъ песковъ, лежащихъ на всемъ протяженіи Оби, отъ мѣста ея раздѣленія на Большую и Малую, около селенія Чумашевскаго, далеко не доѣзжая Березова, до самаго крайняго предѣла, докуда распространено теперь по ней рыболовство; тутъ бы вошли пески во многихъ отношеніяхъ лучшіе, чѣмъ Мелѣксинскій—Куноватскій, арендуемый по здѣшней системѣ за 300 р., Яровской, самый лучшій по всей Оби, за 200 р.; за тѣмъ пески въ родѣ Пятлярскаго, едва ли особенно уступающій Мелѣксинскому — около 125 руб., Перегребный, со всею массою принадлежащихъ къ нему мелкихъ песковъ — 300 руб.; за тѣмъ Пудиланскій песокъ (полагая около 150 р.), на которомъ уже въ началѣ промысла было добыто до 5000 муксуна, коихъ попадало въ тоню по 50—100 шт., не считая другой рыбы; песокъ Оленскій, арендуемый съ тремя другими за 200 р., Устрѣмъ, арендуемый за 71 р. 43 к., кромѣ всего этого остается еще (до 1600 р.) 131 р., для найма весьма хорошаго песка. При нынѣшней частной системѣ найма песковъ, они такъ упрочились за тѣмъ или другимъ арендаторомъ, что передаются ими или въ другія руки, какъ личная собственность, съ платой за право на владѣніе ими, или даже просто ноступаютъ какъ приданное за арендаторскими дочерями

или родственницами (песокъ Яровской). Но въ низовьяхъ Оби—пески не единственное средство пріобрѣсти рыбу; иногда бывають сора гораздо болѣе изобильные рыбой, чѣмъ пески; лѣтомъ они составляютъ главный притонъ для рыбы; въ нихъ, во время хода изъ моря, она первымъ долгомъ идетъ отъѣдаться, въ нихъ же загоняють ее дельфины — бѣлуга по здѣшнему названію; тутъ ловятъ во время прохода дельфиновъ по рѣкѣ не говорю сотнями, но до 1000—2000 шт. муксуновъ въ одну тоню и муксуны несчастные иногда являются съ оборваннымъ бокомъ, безъ хвоста, со сломанной челюстью и пр., но и то рады, что урвались отъ морского звѣря, бѣжали на мель, а тутъ ихъ и почерпнули въ неводъ: «повернешься—бьютъ, не повернешься—бьютъ». Въ-стѣ съ тѣмъ, какъ взрослая рыба поднимается вверхъ по рѣкѣ, — осенью она мечетъ икру и возвращается въ море (морская рыба); весной изъ икры вылупляется молодъ, которая тоже старается идти вверхъ по рѣкѣ; но при этихъ попыткахъ, ей непосильныхъ, теченіемъ рѣки сноситъ ее въ теченіе сутокъ внизъ, верстъ на 5, и такимъ образомъ она собирается въ низовьяхъ, — къ ея счастью, потому что съ наступленіемъ зимы начинается въ Оби порча воды, отъ которой ей недалеко до моря или Обской губы. Весной она, уже достаточно подросши, идетъ въ рѣку и конечно не имѣя силъ преодолѣть теченіе, расходится въ низовьяхъ, по самой рѣкѣ и сорамъ. — Я спросилъ однажды заступавшаго мѣсто хозяина на одномъ пескѣ, даютъ ли у нихъ рабочимъ когда либо наградныя тони, какъ объ этомъ мнѣ кто-то рассказывалъ. — О, у насъ этого нѣтъ, да и я не слыхивалъ. А вотъ бываетъ, когда отъ тонъ остается много этой мелочи — тогда даемъ. Вонъ въ прошломъ году у насъ на нижнемъ пескѣ столько ей понадало, что солили, солили, да и рабочимъ сколько давали, — они солили ее въ старомъ разсолѣ — просто возметъ этотъ старыи разсолъ, что остается отъ насъ, и кладетъ въ него, — такъ и то оставалось; ну ужъ тогда кудажь ее дѣвать — просто бросали. Въ какой степени похвальна подобная щедрость, особенно въ своемъ конечномъ результатѣ, — она конечно повторяется не въ

одномъ только мѣстѣ, — объ этомъ надо бы спросить бѣлугъ — когда имъ промыселъ доставался легче, прежде или нынѣ, а я пока объ этомъ, по недостатку времени и по обширности самаго предмета, умолчу, ограничившись однимъ замѣчаніемъ. Остяки свое первобытное право заперать и ловить неводомъ рыбу въ сорахъ уступили также рыбопромышленникамъ. Мнѣ пзвѣстенъ только одинъ соръ, за который платится аренды 200 р.; цѣны всѣхъ остальныхъ чрезвычайно низкія; такъ около Кушеватъ я знаю соръ, въ которомъ ежедневно, въ 3 тонн невода, ловится штукъ до 20 осетровъ, по 200 — 300 муксуновъ, до 300 сырковъ, кромѣ другой мелкой рыбы; за него 10 руб. аренды въ годъ, также какъ и за другой Остеръ—варъ, который притомъ запирается; при этомъ я не говорю о тѣхъ сорахъ, въ которыхъ тотъ же хозяинъ ловитъ рыбу за долги остяцкихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. — Вліяніе рыбопромышленниковъ простирается и на тѣ мѣста, преимущественно сора же, которыя остяки оставляютъ для себя. Около каждаго остяцкаго жилья непремѣнно есть станокъ, въ которомъ живетъ прикащикъ отъ того или другаго рыбопромышленника; часть наловленной рыбы остяки оставляютъ у себя и сушатъ въ прокъ, часть продаютъ. Ниже по Оби распространенъ обычай нанимать остяковъ для ловли рыбы въ ихъ собственныхъ угодьяхъ, на слѣдующихъ условіяхъ: хозяинъ даетъ (хозяиномъ ужъ является тотъ, кто даетъ) остяку матеріалъ для невода, рублей отъ 20 до 40 денегъ, смотря по мѣсту и ловцу, съ тѣмъ, чтобы остякъ ловилъ со всѣмъ семействомъ и можетъ быть еще съ компаньономъ рыбу и половину улова отдавалъ хозяину, изъ другой продавалъ ему по условленной цѣнѣ то, что найдетъ держать у себя излишнимъ. Если остякъ вылавливаетъ въ своихъ собственныхъ угодьяхъ рыбы на 200 руб. по мѣстнымъ цѣнамъ, то хозяину уже окупится половиной улова неводной матеріалъ на 25 р. и плата остяку — весь расходъ на половищика среднимъ числомъ 55 р., съ двойной прибылью; кромѣ того онъ купитъ все лучшее изъ остяцкой половины, по крайне низкой цѣнѣ, особенно уплачивая за поку-

паемое товаромъ. Я не могу также привести всѣхъ подробностей касательно расплаты съ сѣверными остяками и покушки отъ нихъ рыбы. Рыба принимается по большей части счетомъ и мѣрой, свои товары отдаются па аршины и вѣсъ. На одномъ пескѣ сопровождавшіе меня остяки принесли мнѣ жалобу, что ихъ обвѣшиваютъ, что у прикащиковъ вѣсы невѣрные. Я попросилъ вѣсы, мнѣ принесли однѣ только доски; а коромысло вѣсовъ искали, искали и наконецъ окончательно объявили, что его увезъ уѣхавшій куда-то хозяинъ. На другомъ станкѣ я встрѣтилъ хотя и довольно исправное коромысло, но доски до такой степени требовали много разныхъ щепокъ и камней для разновѣсокъ, что на нихъ удобно можно изъ одного фунта соли сдѣлать два, еслибъ принимающій соль даже и зналъ толкъ въ гирихъ, до чего однако же далеко не дошли всѣ остяки. И самая покупка рыбы тоже, еслибъ взвѣсить ее на точныхъ вѣсахъ правосудія, едва ли бы осталась безупречною. — Остяки выловивъ, на примѣръ, осетра, продѣваютъ ему сквозь жабры веревку и привязываютъ къ какойнибудь палкѣ, воткнутой въ воду; въ случаѣ нужды вышмаетъ остякъ такого осетра, кладетъ его въ свою легкую лодку, наливая въ нее воды, и отправляется его продавать за 10 и болѣе верстъ на песокъ. Мнѣ рассказывали по этому поводу слѣдующій случай объ одномъ старомъ рыбопромышленникѣ; конечно, грѣшное дѣло наблюдателя, онъ не всегда и не все можетъ видѣть самъ: чаще, чтобъ узнать русскаго, ему приходится кротко побесѣдовать съ остякомъ, а чтобъ узнать ближе и понять остяка — нужно почаще разговаривать объ немъ съ русскимъ; чтобъ узнать новаго рыбопромышленника слѣдуетъ за всѣмъ прочимъ обратиться къ старому, если онъ только сохранилъ здравый смыслъ, что не всегда случается, и къ одному изъ такихъ и будетъ относиться нижеслѣдующее. Остякъ привозитъ осетра, предлагаетъ купить, хозяинъ не соглашается; иѣтъ, говоритъ, дорого просишь, а возьми 15 к.; остякъ умаливаетъ; наконецъ хозяинъ проситъ посмотрѣть осетра. Остякъ вынимаетъ его изъ лодки; хозяинъ начинаетъ его разсматривать съ важностью величайшаго

натуралиста: посмотреть жабры, повернуть съ боку на бокъ, подавить его со всѣхъ сторонъ, чтобъ узнать, икрыный ли онъ и на сколько; потомъ остановится, подбодрится, подумаетъ, чмокнетъ губами и еще посмотритъ жабры, подниметъ на воздухъ, чтобъ узнать тяжелъ ли онъ. Наконецъ заключаетъ: нѣтъ, не возьму, дорого и уходитъ. Между тѣмъ осетръ, уже раньше истомленный дорогой, при продолжительной процедурѣ разсматриванія на воздухѣ, испугалъ дыханіе. Куда же везти его обратно и остякъ уступаетъ пудоваго и больше осетра за 15 к.

Впрочемъ это еще все ничего, если покупка рыбы совершается по низкимъ цѣнамъ, уплата производится плохими и дорого поставляемыми товарами, только бы въ уплату меньше всего замѣшивалась водка; а въ этомъ отношеніи низовья Оби, ниже Обдорска, и самыя крайніе рыболовческіе пески, не остаются безупречными. Въ среднемъ теченіи Оби, до Березова, еще водятся въ разныхъ мѣстахъ офиціально извѣстные заведенія для продажи водки; въ самомъ Березовѣ существуетъ 5 вишнихъ оптовыхъ складовъ, торгующихъ ежегодно на 50 — 70 тысячъ руб. Остяки, въ случаѣ крайняго желанія, могутъ сами за ней съѣздить или получить ее въ частныхъ рукахъ не по крайне дорогой цѣнѣ. Ниже Березова всякія заведенія для продажи водки строго воспрещены; но запрещенный плодъ — сладокъ, съ чѣмъ вмѣстѣ водка пріобрѣтаетъ для остяка двойную прелесть. И даже пзъ подъ Обдорска остяки сами ѣздятъ за ней, для чего избирается надежный человекъ, ему довѣряетъ всякій купить столько водки, сколько считаетъ необходимымъ: $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ ведра и болѣе, съ платою за комисію по 60 коп. съ ведра. Комисары въ особенности исполняютъ возложенныя на нихъ порученія, осенью, по окончанія рыбопромышленниками рыболовства; тогда они сплавляютъ внизъ цѣлыми большими лодками — неводниками бочки съ запрещеннымъ, но дорогимъ для нихъ напиткомъ; съ установленіемъ зимняго пути цѣлые караваны нартъ пробираются съ водкой на сѣверъ, ча-

сто по путямъ только имъ однимъ вѣдомымъ. И эта система удовлетворенія желаній все таки лучшая у остяковъ, — они теряютъ здѣсь меньше; иначе, если они покупаютъ ее мелочами отъ русскихъ, въ болѣе или мепѣе населенныхъ мѣстахъ или даже на пескахъ, она обходится имъ дорого, за бутылку $\frac{1}{2}$ -штофа водки, на половину разведенную водой, они платятъ уже до 1 р. (въ Обдорскѣ и въ Кушеватахъ). Жители болѣе сѣверные, ниже Обдорска, живущіе за 500—700 верстъ отъ Березова, уже совершенно лишены возможности сносятся съ нимъ, особенно лѣтомъ. И мнѣ приходилось слышать, что половинщики нерѣдко губятъ не только свою собственную половину рыбы за ихъ лѣтній трудъ, но и ту сумму денегъ, которая имъ должна бы причитаться. Остякъ ругаетъ такихъ рыбопромышленниковъ, которые губятъ его отпускомъ ему водки; но за то ругаетъ и того, который ему совершенно въ ней отказываетъ. Ловкія манеры отпуска водки усваиваютъ себѣ иногда и нѣкоторые остяки. Одинъ остякъ, который нѣсколько лѣтъ живаль «на Надымѣ у Корниловскихъ», отправился однажды въ Березовъ, купилъ боченокъ ведеръ въ 8 спирту и поселился за тѣмъ въ тундрѣ, гдѣ около юрты такіе поселенцы нерѣдки; около ихъ чума вывѣшена бываетъ даже бутылка, въ знакъ того, что тутъ можно поживиться выпивкой. Остякъ купилъ спирту не безъ умысла; онъ уже научился, на мѣстѣ своего служенія, какъ изъ спирта можно сдѣлать водку: надо взять воды (сколько, — ему уже извѣстно), вскипятить ее, потомъ дать немного охладиться, потомъ пожалуй немного подогрѣть и спиртъ (мѣра тоже извѣстна) и смѣшать съ водой — вотъ и все. За это небольшое, приобретенное имъ знаніе остякъ нажилъ на 8 ведеръ спирту не мало барыша; еслибъ везти водку въ томъ количествѣ, которое онъ получилъ изъ 8 ведеръ спирту, надо бы много подводъ, а тутъ все просто. Цѣна же водки въ тундрѣ установилась довольно прочно въ слѣдующемъ видѣ: $\frac{3}{4}$ ведра — олень, цѣна его отъ 3 до 7 руб.; 1 ведро — 4 оленя. Иногда же бываетъ 1 штофъ за оленя, или 10 оленей на ведро. Изобрѣтательный же остякъ

выгналъ тогда изъ тундры — 70 оленей за свои 8 ведеръ спирту и за знаніе дѣлать изъ него водку, пріобрѣтенное на русскихъ рыболовческихъ пескахъ.

На рѣку Обь ходитъ изъ Тобольска до 30 посудинъ, именно баржъ и такъ называемыхъ павозковъ, какъ объ этомъ сказано ниже; осенью, въ сентябрѣ, посудины возвращаются въ Тобольскъ обратно, нагруженныя рыбой, соленой, вяленой, рыбимъ жиромъ, клеємъ, икрой. Всѣхъ вывозимой въ Тобольскъ рыбы изъ остяцкихъ земель можно смѣло положить въ 500,000 пудовъ, иногда нѣсколько меньше, иногда больше. На мѣстѣ лова все это количество рыбы можетъ быть пріобрѣтено при условіяхъ крайне разнообразныхъ и по цѣнамъ весьма низкимъ, но въ Тобольскѣ можно опредѣлить среднюю стоимость всей рыбы, считая по 2 руб. за пудъ, въ 1,000,000 руб. Вывезенная изъ Тобольска, вся эта рыба пріобрѣтетъ конечно большую стоимость; осетръ, покупаемый на мѣстѣ по номинальной цѣнѣ въ 2 руб. 40 коп. за пудъ, продается въ Москвѣ по 8 р.; нолагая 3 руб. за провозъ его отъ мѣста покупки до Москвы, можно думать, что хозяинъ получить съ пуда 2 р. 60 к.; точно также и въ Петербургѣ я покупалъ муксуна по 25 к. за фунтъ отъ тамошнихъ торговцевъ, что составитъ уже 10 р. за пудъ. Такими то оборотами хозяева съ одного песка получаютъ вѣрнаго дохода въ годъ до 10—15 тысячъ руб., а аренда за песокъ—200 р. Есть случаи, когда съ нѣсколькихъ песковъ добывается до 35 тысячъ р. дохода на одного хозяина; между тѣмъ, что же приходится на долю остяка за то, что развозятся его богатства по различнымъ направленіямъ, за цѣлыя тысячи верстъ разстоянія; со всей суммы, на которую вывозится изъ его владѣній рыбы, едва ли причитается на его долю до 10 тысячъ аренды и если взять и распредѣлить эту сумму только между остяками Березовскаго округа, которыхъ найдется до 12 т. жен. и муж. пола, то на нихъ не придется по 1 р. на человѣка. Изъ этого будетъ очевидно, кто кого на Оби кормитъ: дѣйствительно ли рыбопромышленники остяковъ или обратно?

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе частію то, что я раньше высказалъ, также и то, чему я былъ постороннимъ наблюдателемъ, то неизбѣжно придется остановиться на такомъ заключеніи: остякъ по своей жизни, взятой во всей ея цѣлости, находится еще на весьма низкой, первобытной степени своего культурнаго развитія; тутъ же рядомъ съ нимъ, на его собственныхъ владѣніяхъ, совершается промышленность представителями болѣе развитаго племени въ громаднѣхъ размѣрахъ, но по тѣмъ же первобытнымъ приемамъ, на хищническихъ основаніяхъ. Въ такомъ положеніи ни то, ни другое не можетъ долго оставаться; итъ въ природѣ, у всѣхъ живыхъ организмовъ, ни у растений, ни у животныхъ, враговъ болѣе сильныхъ въ борьбѣ за жизнь, какъ имъ же близко подобныя, растенія и животныя, — таже фаза въ отношеніяхъ рыбопромышленника къ остяку и къ его естественнымъ богатствамъ. Но бываютъ случаи и между растеніями, изъ сотенъ тысячъ особей вырабатывается нѣсколько съ какой нибудь новой способностью въ своихъ корняхъ разлагать ту же почву, на которой прозябаетъ вся масса ихъ первобытныхъ собратій, инымъ образомъ, съ цѣлью извлечь изъ нея другія питательныя вещества; такимъ образомъ эти вооруженныя новой способностью растенія, передавая ее наследственно, множатся, приобрѣтаютъ особенную красоту и растутъ тутъ же рядомъ съ представителями своего первобытнаго образа и изъ смертельныхъ враговъ ихъ становятся неизбѣжно полезными спутниками, разлагающими ту же почву съ другой стороны и доставляющими этимъ болѣе легкій способъ питанія, черезъ что и первобытный типъ къ лучшему измѣняетъ свою форму, крѣпчаетъ, сильно разрастается, получая большую виѣшнюю красоту. Таковъ, по моему мнѣнію, идеаль, къ которому должна стремиться Обская рыбопромышленность изъ своего вполнѣ первобытнаго состоянія. Прежде всего она должна изъ тѣхъ денегъ, которыя хозяева кладутъ въ свои кошельки въ Тобольскѣ, Екатеринбургѣ и послѣ Ирбитской ярмарки, удѣлять значительную часть остякамъ, которые остаются въ своихъ убогихъ юртахъ и чу-

махъ постоянно въ долгахъ; — рабочимъ, которые уносятъ изъ Тобольска по полу-ковригѣ чернаго хлѣба, лохмотья, болѣзни, часто неизлечимыя, съ тупымъ воспоминаніемъ о понесенныхъ трудахъ, лишеніяхъ, о нанесенныхъ оскорбленіяхъ, въ добавокъ къ чему, возвращающійся и нищій уже рабочій находитъ въ той же нищетѣ и свою семью, представители которой можетъ быть заняты для добычи хлѣба самымъ тяжелымъ трудомъ. Въ частности для остяка деньги необходимы въ особенности для того, чтобъ дешевле обезпечить его потребности и продовольствіе, чтобъ создать для него сколько нибудь удовлетворительную администрацію и, наконецъ, главное, чтобъ создать для него по всей его обширной области обитаія, хоть нѣсколько центровъ, изъ которыхъ бы хотя частію распространялось на него доброе вліяніе въ формѣ тѣхъ поступковъ и идей «истины, справедливости и челоѣколюбія», видимое отсутствіе которыхъ въ людяхъ, съ нимъ непосредственно сталкивавшихся, такъ его запугало и заставило еще съ большей силой замкнуться въ гибельной для него при нынѣшнихъ условіяхъ области первобытныхъ правовъ, обычаевъ и вѣрованій: теперь остякъ доволенъ и тѣмъ изъ русскихъ, болѣе или менѣе по его предположенію сильныхъ въ какомъ нибудь отношеніи, который «не рычитъ» на него; тѣмъ болѣе пріятно для него безкорыстно ласковое слово.

Но вѣдь рыбпромышленности окажется необходимымъ удѣлать очень много средствъ изъ своихъ доходовъ, чтобъ выполнить предполагаемое по отношенію къ остякамъ и къ рабочимъ, — тогда самимъ хозяевамъ ничего не останется? — Въ виду предполагаемаго въ будущемъ идеала для Обской рыбпромышленности, я въ предыдущемъ, разбирая ея современное состояніе, въ краткихъ и бѣглыхъ очеркахъ, коснулся оцѣнки поступковъ и такихъ лицъ, которымъ я обязанъ благодарностью за гостепрѣимство, за оказанное мнѣ сочувствіе и полное вниманіе; тѣмъ менѣе я могу посягать сколько нибудь на уменьшеніе

ихъ доходовъ. Мнѣ желательно, чтобъ всякій хозяинъ получалъ ихъ столько же, сколько имѣеть теперь или даже больше. Откуда же ихъ взять, удѣляя многое для другихъ?

Для этого Обская рыбопромышленность должна перейти изъ своей хищнической фазы въ обрабатывающую. Рѣка Обь представляетъ для этого такой богатый матеріалъ, какой едва ли возможно найти въ какой либо другой рѣкѣ земнаго шара. Изъ преобладающихъ рыбъ въ уловѣ р. Оби являются представители двухъ семействъ, по научной зоологической класификаціи: Лососевыя и Осетровыя.

Семейство Лососевыхъ (*Salmonoidei*); изъ него господствуютъ въ рѣкѣ Оби представители рода сиговъ (*Coregonus*). Это — муксунъ, сырокъ, пыжьянъ, щокуръ, нельма и небольшіе сижки, неправильно называемые на Сосвѣ и въ низовьяхъ Оби — седедками; они весьма близки по формѣ къ европейскому сигу — ряпушкѣ. Ближайшіе родственники этимъ Обскимъ рыбамъ распространены въ холодной и въ холодно-умѣренной полосѣ сѣвернаго полушарія. Они славятся въ Америкѣ, по своему нѣжному и вкусному мясу, въ особенности изъ озера Верхняго — бѣлый сигъ, мясо котораго считается лакомствомъ. Въ Западной Европѣ сизи распространены въ Альпійскихъ озерахъ Швейцаріи, особенно въ Боденскомъ и Невшательскомъ и въ Сѣверной Германіи, гдѣ пища изъ нихъ считается за лучшее блюдо, хотя здѣсь они не достигаютъ значительнаго роста и не отъѣдаются такъ, какъ можно встрѣтить ихъ въ рѣкахъ и озерахъ Сѣверной Россіи. Но нигдѣ представители рода сиговъ не являются въ такихъ рѣзкихъ и самостоятельныхъ формахъ, какъ въ р. Оби и, можетъ быть, въ другихъ сѣверныхъ рѣкахъ Сибири. Нѣтъ ни одной формы или, сказать проще, породы сига въ свѣтѣ, которая бы могла уподобиться по величинѣ и нѣжности мяса муксуну или щокуру, кромѣ одного, въ высшей степени рѣдкаго вида, водящагося на недосыгаемыхъ рыбаку глубинахъ Онежскаго озера; нельма имѣеть у себя соперницу только въ р. Волгѣ — бѣлорыбицу, превосходящую величиной ее и совершенно себѣ подобную

представительницу изъ рѣкъ Западной Америки. Хорошо, что суровый зимній климатъ благопріятствуетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доставкѣ этихъ рыбъ въ Россію мерзлыми; но что же до сихъ поръ обскіе рыбопромышленники сдѣлали самостоятельнаго для сколько нибудь сноснаго приготовленія въ прокъ этой рыбы, лучшей на землѣ? — Они ограничиваются только тѣмъ, что нанимаютъ, смотря по предполагаемому улову, одного, двухъ засольщиковъ, — крестьянъ, съ платою каждому по 25 — 35 р. въ лѣто, производящихъ грязно и неряшливо засоль по приѣмамъ дѣдовъ и прадѣдовъ. А развѣ западно-европѣецъ, еслибъ когда нибудь открылся предполагаемый путь отъ устьевъ Оби моремъ на Архангельскъ и далѣе, отказался бы промѣнять свою тлѣнную селедку на хорошо приготовленнаго мѣрнаго муксуна, чтобы это ему ни стоило, такъ какъ иногда рыбопромышленникъ позволяетъ себѣ пить шампанское. Тогда тѣ муксуны, которыхъ теперь портятъ засоломъ и которые все-таки доставляютъ вѣрный двойной барышъ, приносили бы тройную выгоду и отдѣляя отъ нее должное на остяковъ и рабочихъ, рыбопромышленникъ получилъ бы барышъ большій, чѣмъ онъ теперь получаетъ, а все за то, что ловить лучшую рыбу въ наиболѣе изобильномъ ея пунктѣ земнаго шара. А поучился кто нибудь этому искусству солить или готовить рыбу, сдѣлалъ рядъ усидчивыхъ опытовъ, проѣхалъ настойчиво, съ цѣлью пріобрѣсти знаніе, Европу — нѣтъ; рыбопромышленники еще смолоду держатъ своихъ сыновей на пескахъ, пріучаютъ ихъ ѣсть просто — сырую рыбу, живую, только что вынутую изъ воды — по остяцкому обычаю.

Семейство Осетровыя (Chondrostei); главнѣйшіе представители этого разряда на большей части земной поверхности, гдѣ они прежде господствовали, — вымерли; нынѣ они остались только въ небольшомъ количествѣ видовъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Сѣверной Америки; но главнымъ центромъ ихъ распространенія на материкѣ Стараго свѣта — служатъ Арало-Каспійскій бассейнъ и бассейнъ Ледовитаго моря въ Сибири, со всѣми главными, впа-

дающими въ него рѣками, изъ которыхъ Обь должна занять конечно, по ихъ изобилію, самое видное мѣсто. Едва ли кто можетъ спорить о той громадной цѣнности, которой заслуживаютъ осетровыя рыбы. Изъ нихъ въ Оби господствуютъ — осетръ и стерлядь. Но въ той же степени, въ какой они здѣсь изобильны — осетръ больше на сѣверѣ, стерлядь — на югѣ, въ Иртышѣ, — распространено и незнаніе способовъ, по которымъ было бы возможно извлекать изъ нихъ надлежащую выгоду. Въ Тобольскѣ напр., весной я видѣлъ на рынкѣ лодки стерлядокъ по 5 к. десятокъ мелкихъ; покрупнѣе, по 10 к. и наиболѣе крупныя по 15 к. за десятокъ. Въ это время крестьяне продаютъ 1 пудъ икряныхъ стерлядей по 4 р. Покупая этотъ пудъ по такой цѣнѣ, можно изъ пуда икряныхъ стерлядей получить 10 фунт. икры и продать ее въ свѣжемъ видѣ тутъ же на рынкѣ, по 1 р. за фунтъ; здѣсь вся обработка стерляди будетъ состоять только въ томъ, чтобъ распоротъ ей брюхо, достать оттуда икру, очистить ее кое какъ и продавать; изъ самыхъ стерлядей остается сдѣлать сколько угодно пироговъ и варить уху, а продажа 10 ф. икры доставитъ еще 6 р. барыша; такъ здѣсь и привыкли поступать промышленники. Точно также, нынче зимой пріѣхали въ Самарово самоѣды, привезли осетровъ, въ каждомъ пудовъ до 5 — 6 вѣсомъ и съ сдѣлавшеюся на время оттепелю, должны были ихъ отдать и то умаливая покупателя, по 2 р. за cadaго; при томъ изъ нихъ было вышуто громадное количество икры. А все оттого, что рѣшительно нѣтъ никакого умѣнья приготовить осетровыхъ рыбъ и ихъ продукты въ прокъ. Тутъ же въ Самаровѣ была попытка дѣлать балыки. Былъ для этого призванъ изъ Тобольска ссыльный уральскій казакъ; изъ 12-ти данныхъ ему осетровъ, онъ дѣйствительно получилъ балыки превосходныя; но по его мнѣнію, ихъ еще нужно было «довести», сдѣлать лучшими, для чего нужно было съѣздить въ Тюмень; доврчивый хозяинъ конечно согласился, казакъ уѣхалъ съ балыками въ Тюмень, тамъ на имя бывшаго своего доврителя по приготовленію балыковъ, взялъ у кого то денегъ и исчезъ вмѣстѣ съ балыками,

такъ что теперь за нимъ и слѣдъ простылъ. О той бурдѣ, которую теперь дѣлають изъ осетровой икры, я сказать что либо не рѣшаюсь.

Все говорить за то, что рыбопромышленнику необходимо пріобрѣтать прежде всего знанія, не только практическія, техническія, но и теоретическія. Если при твердо усвоенныхъ знаніяхъ, при рядѣ опытовъ (нужно по крайней мѣрѣ знать во многихъ случаяхъ, что такое герметически закупоренная банка), и ихъ примѣненіи къ практикѣ, выгода будетъ недостаточна, то нужно искать ее на всемъ обширномъ протяженіи Обской губы; а затѣмъ далѣе, за ея предѣлами, морскими промыслами въ Океанѣ нужно доказать осязку, что тамъ скрывается не путь къ его вѣчному мученію въ «темномъ царствѣ», а источникъ для счастья и развитія человѣка.

Каюкъ «В. Земцовъ», въ Обдорскѣ,
7-го августа 1876 г.

PS. Только что я успѣлъ кончить этотъ отчетъ и вышелъ на крышу моего каюка отдохнуть отъ довольно продолжительнаго сидѣнья, подышать свѣжимъ, уже прохладнымъ здѣсь воздухомъ, также разсѣяться отъ мыслей, только что мною высказанныхъ здѣсь и долго преслѣдовавшихъ меня во время моего путешествія, я замѣтилъ съ западной стороны, оттуда, гдѣ Уралъ уже двѣ недѣли стоитъ окутаннымъ въ непогоды и гдѣ вмѣсто него чернѣютъ массы тучъ и облаковъ, — подплывающую къ Обдорску лодку. Оказалось, члены Бременской экспедиціи возвратились благополучно изъ путешествія въ долину Щучьей рѣки. Кромѣ длинной бесѣды, продолжавшейся далеко за полночь, о разныхъ предметахъ, была рѣчь между прочимъ о рыболовствѣ, о способахъ заготовленія рыбы въ прокъ. Я сообщилъ имъ нѣкоторыя мысли, уже высказанныя въ отчетѣ, и члены экспедиціи признали ихъ вполне справедливыми, согласившись, что нѣтъ ху-

же метода на землѣ, по которому бы готовилась такая лучшая въ свѣтѣ рыба. Нынѣшній методъ приготовленія — порча рыбы, тогда какъ при лучшихъ методахъ, которые видѣли члены экспедиціи въ разныхъ концахъ земли, она бы могла легко конкурировать съ рыбами Норвегіи, Голландіи, Америки, Сардиніи и т. д. Во многихъ случаяхъ методъ простой: они угостили меня совершенно свѣжими стручками гороха, который былъ положенъ больше, чѣмъ годъ тому назадъ въ герметическія жестянки; жестянки только формой отличаются отъ тѣхъ коробокъ, въ которыхъ изъ за громадныхъ разстояній обскіе рыбаки привозятъ, какъ лакомство, сардинокъ въ область пребыванія тѣхъ обскихъ рыбокъ, называемыхъ селедками, которыя при подобномъ же способѣ приготовленія вдвое по крайней мѣрѣ превосходили бы рыбокъ Средиземнаго моря, но которыхъ иногда рыбаки въ громадномъ количествѣ вываливаютъ на берегъ по негодности.

VI.

Въ долині р. Оби сохранился тотъ первобытный складъ жизни человѣка, который былъ пережитъ Европою въ до-историческія времена. — Виды пищи остяковъ, домашнія принадлежности. — Мѣста жертвоприношеній и ихъ характеръ. — Мысль Эмангвнѣль. — Видъ на Уралъ изъ долины Оби и вліяніе его на характеръ окрестностей въ ледниковую эпоху и въ настоящее время. — Растительность и животныя нижняго теченія Оби. — Рыболовческій станокъ — Вульпасинскія юрты и очеркъ происходящей въ нихъ жизни. — Путь въ устьяхъ Оби и въ Обской губѣ. — Характеръ мѣстности при устьяхъ Надыма, наводненія и животныя. — Преданіе о первыхъ жителяхъ при устьяхъ Надыма. — Нынѣшніе обитатели остяки и черты изъ ихъ нравовъ. — Надымскіе рыбопромышленники и сравненіе ихъ съ обскими: торговля водкой, вымѣниваніе рыбы на товары. — Остяки вотчинники и посягательство рыбопромышленниковъ на ихъ воды. — Обратный путь къ Обдорску.

Поздно вечеромъ, 10-го августа, я оставилъ Обдорскъ и направился внизъ по теченію Оби, въ Обскую губу. Сопровождавшая меня на этомъ пути картина природы и жизни не одинъ разъ заставляла останавливаться мысленно на одной изъ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, которыя Европа пережила въ до-историческія времена.

Въ концѣ ледниковаго періода и въ началѣ современнаго, природа въ равнинахъ Франціи и Германіи имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ она представляется теперь. Вмѣсто нынѣшнихъ, превосходныхъ виноградниковъ, тамъ устланы поч-ву полярная ива и приземистая низкорослая береза; вмѣсто сочныхъ луговъ, мѣстности кутались въ безконечные покровы изъ мховъ и ягелей; вся разнообразная масса нынѣшнихъ лиственныхъ деревьевъ, оживляющая своимъ веселымъ видомъ равнины Средней Европы, замѣнялась болѣе мрачными породами хвойныхъ растений, группировавшихся отдѣльными перелѣсками. Такія мѣстности населялъ уже и человѣкъ, стоя однакоже на весьма низкой степени культурнаго развитія; онъ былъ окруженъ животными, не похожими на нынѣшнихъ сернь, козуль, ланей, благородныхъ оленей и пр.; то были громаднѣйшія животныя: мамонтъ, носорогъ, первобытный быкъ, гигантскій олень; съ ними обитали львы, гіены, пещерные медвѣди, вмѣсто современныхъ дикаго кота, рыси, волка и пр. Въ болѣе поздній періодъ большая часть этихъ животныхъ вымерла и въ Средней Европѣ, во Франціи и Германіи, остался господствующимъ — сѣверный олень. Въ эту эпоху господства сѣвернаго оленя и человѣкъ явился болѣе развитымъ, чѣмъ то было въ эпоху мамонта; хотя въ то время люди не знали еще металовъ и не умѣли ихъ обрабатывать, однако камни и въ особенности кость, замѣнявшіе имъ металы при выдѣлкѣ различныхъ домашнихъ принадлежностей, обрабатывались съ большимъ совершенствомъ. Нынѣ Западная Европа не представляетъ уже ничего подобнаго; рядомъ съ измѣнившейся природой степень культурнаго развитія ея жителей дошла до громадныхъ размѣровъ; вмѣстѣ съ широкой и разносторонней разработкой ея естественныхъ произведеній, въ нее стекается въ настоящее время все лучшее изъ всѣхъ частей свѣта. Между тѣмъ, эта первобытная жизнь, имѣвшая мѣсто въ Европѣ во времена до-историческія, не исчезла вполне съ лица земли; нѣкоторые элементы западно европейской природы и жизни человѣка до-исторической эпохи сѣвернаго оле-

ня сохранились до нынѣ въ той области, въ которой я частію уже находился или которую мнѣ предстояло изслѣдовать. Здѣсь именно, въ окрестностяхъ Обдорска, возможно найти живымъ тотъ складъ жизни человѣка, о которомъ западно-европейскіе ученые, по отношенію къ существовавшимъ у нихъ нѣкогда первобытнымъ обитателямъ, дѣлали свои заключенія по отдѣльнымъ, нерѣдко разрозненнымъ и неполнымъ остаткамъ. При всемъ томъ взгляды, установившіеся на до-историческихъ обитателей Западной Европы эпохи сѣвернаго оленя, поражаютъ своимъ точнымъ сходствомъ съ тѣмъ, что можно донынѣ видѣть между обитателями Обдорскаго края. Приведу нѣсколько примѣровъ: такъ называемые Везерскіе троглодиты эпохи сѣвернаго оленя были всеядны; въ ихъ пищѣ господствовалъ сѣверный олень; но кромѣ рыбы и различныхъ птицъ, также разныхъ видовъ тогдашнихъ животныхъ, лошади, зубра, быковъ, серны, горнаго козла, они ѣли мясо и *хищныхъ зверей*. Остики и самоѣды до сихъ поръ считаютъ за большое удовольствіе ѣсть мясо песца, лисицы, росомахи, при случаѣ даже и волка; мясо медвѣдя съѣдаютъ, отправляя всякіе, приличные случаю, обряды и празднества. Если взять въ наибольшей чистотѣ самые методы приготовленія пищи, то они окажутся у остяковъ и самоѣдовъ Обдорскаго края весьма простыми; наибольшей степенью изысканности можно считать пожалуй слѣдующій способъ: у бѣлки остякъ цѣлится больше всего желудокъ, который онъ вынимаетъ и, въ полной цѣлости вздевая на палку, поджариваетъ около огня. Поджаренный желудокъ бѣлки въ то время, когда она исключительно питается кедровыми орѣхами, имѣетъ видъ начиненной орѣхомъ колбасы; тогда онъ внутри и снаружи совершенно бѣлый; когда же бѣлка, вмѣстѣ въ орѣхомъ ѣстъ и грибы, тогда поджаренный ея желудокъ черенъ въ разрѣзѣ; наибольшимъ почетомъ пользуется желудокъ съ чистымъ орѣхомъ. Такой способъ приготовленія пищи — поджариваніе, — существовалъ у Везерскихъ троглодитовъ; но отсутствіе въ массѣ оставленныхъ ими кухонныхъ остатковъ посуды, въ которой они могли бы готовить себѣ пищу, указываетъ

на то, что троглодиты употребляли пищу по преимуществу сырую, какъ это дѣлають до сихъ поръ остяки и самоѣды, оправдываясь, что при здѣшнемъ холодномъ климатѣ нельзя иначе; но оправдать фактъ сыроядія имѣли совершенно такое же право и троглодиты, живя еще при довольно суровомъ климатѣ Средней Европы; въ существованіи же у нихъ этого явленія убѣждаютъ и кости среди кухонныхъ остатковъ, совершенно связанныя сухожиліями, — что очевидно зависѣло не столько отъ изобилія пищи, сколько отъ того, что въ сыромъ видѣ возможно ѣсть только мягкія части; такъ это по крайшей мѣрѣ можно наблюдать въ настоящее время у остяковъ: на примѣръ, приступая ко всякой рыбѣ, — нельма, муксунъ и пр., — остякъ тщательно снимаетъ съ рыбы чешую, срѣзываетъ съ нее съ величайшимъ искусствомъ всѣ мягкія части тѣла, въ видѣ красивыхъ лентъ, боковые и спинные мускулы, отдѣльно черевко-брюхо, ѣду начинаетъ съ черевка, какъ наиболѣе жирной и мягкой части тѣла, затѣмъ уничтожаетъ другія ленты; внутренности, — печень и сердце, жиръ, лежащій около желудка и кишекъ, служатъ для него послѣднимъ, хотя и не великимъ, но наиболѣе лакомымъ кускомъ; затѣмъ у него остается только костяной скелетъ рыбы, со всѣми связками и съ самымъ ничтожнымъ количествомъ мясистыхъ частей. При нынѣшнихъ условіяхъ у остяка не теряется однако и этотъ скелетъ: онъ высушиваетъ его на воздухѣ и потомъ пускаетъ въ кормъ собакамъ, а въ случаѣ недостатка пищи, толчетъ рыбы кости и подмѣшивая къ нимъ муки съ водой, ѣсть изъ нихъ похлебку. Расправа съ оленемъ имѣетъ подобный же характеръ; прежде всего съѣдаются сырыя внутренности, особенно печень, причѣмъ остякъ всякій отрѣзанный кусокъ помакиваетъ въ еще горячую, дымящуюся кровь убитаго животнаго; кромѣ того, эту горячую кровь онъ пьетъ ковшами; отъ внутренностей, какъ наиболѣе мягкихъ частей, онъ переходитъ уже къ мускуламъ и если затѣмъ съѣдается все остальное, то только потому, что остякъ нынѣ знакомъ съ котлами и прочей посудой для варки пищи. Вмѣстѣ съ тѣмъ остякъ до нынѣ остается чрезвычайнымъ любите-

лемъ, какъ и большая часть первобытныхъ народовъ, костяного мозга, въ искусствѣ добывать который изъ большихъ трубчатыхъ костей животныхъ онъ едва ли уступитъ троглодитамъ, имѣвшимъ для этого даже особенные снаряды.

Если такимъ образомъ продолжать сравненіе чертъ жизни, аналогичныхъ или тождественныхъ у нынѣшнихъ остяковъ и у европейцевъ періода сѣвернаго оленя, то не трудно замѣтить сходство въ нѣкоторыхъ другихъ принадлежностяхъ домашнего быта; помимо того, что у остяковъ до сихъ поръ существуютъ каменные принадлежности, выдѣлываемыя еще нынѣ по образцу древнѣйшихъ, каковы камни у колыдана, грузила у неводовъ, нужно сказать, что у нихъ олени кости, особенно рога, играютъ такую же первостатейную роль, въ выдѣлкѣ издѣлій, какъ это было у троглодитовъ. Кромѣ кожаныхъ лентъ въ оленьей упряжи въ видѣ бляхъ и связей является исключительно только оленья кость; изъ оленьяго рога готовится громадная масса принадлежностей при устройствѣ ловушекъ; изъ оленьяго рога устраиваются ручки для ведеръ, наконечники для стрѣлъ и пр. Наконечники дѣлаются иногда изъ цѣлыхъ клыковъ молодыхъ моржей; кромѣ того идутъ на разныя издѣлія трубчатыя кости оленя; изъ роговъ лося производятся тѣ кружки для обработки крапивы у южныхъ остяковъ, подобные которымъ, но только сдѣланные изъ камня, встрѣчаются весьма часто въ остаткахъ каменнаго вѣка на Сѣверѣ Россіи. У троглодитовъ были не меньше распространены просверленные зубы разныхъ животныхъ; относительно ихъ назначенія ученые ограничиваются только догадками; но распространенность этихъ зубовъ между остяками и самоѣдами даетъ возможность угадать ближайшее ихъ назначеніе. Такъ зубы, клыки, мелкихъ животныхъ въ родѣ выдры имѣютъ иногда назначеніе запонокъ, съ зубами другихъ соединяется другое, болѣе глубокое значеніе. Таковъ напр. клыкъ медвѣдя; просверленный при основаніи, онъ прицѣпляется къ поясу и въ такомъ случаѣ предохраняетъ чело-

вѣка отъ спинной боли, въ случаѣ же ея присутствія, избавляетъ отъ нее; вещество, соскобленное съ зуба, идетъ также какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней; другое назначеніе зуба—служить посредствомъ, чтобъ увѣрить кого либо въ истинѣ сказаннаго или сдѣланнаго; для этого остякъ кусаетъ зубъ медвѣдя, со словами: «если онъ говоритъ неправду, то чтобъ медвѣдь грызѣть его также, какъ онъ, остякъ, грызетъ его зубъ». Клятва передъ зубомъ медвѣдя, также какъ передъ его лапой и когтями, связана съ божественнымъ, по понятію остяковъ, происхожденіемъ медвѣдя и если просверленные зубы разныхъ животныхъ имѣли у древнѣйшихъ западно-европейцевъ аналогичное значеніе, то слѣдовательно и троглодиты не были лишены религіи, касательно чего теперь изслѣдователи не рѣшаются пока сказать что либо положительное. Между тѣмъ если взять въ примѣръ остяковъ, то можно положительно сказать, что троглодиты имѣли по крайней мѣрѣ понятіе о загробномъ существованіи человѣка; они съ покойникомъ клали обдѣланные кремни и украшенія изъ раковинъ; сопровождая пиршествомъ его отхожденіе изъ міра сего, остяки дѣлаютъ то же самое: кладутъ съ покойникомъ разнаго рода вещи, служившіи ему при жизни, и украшенія, съ убѣжденіемъ, что все это пригодится въ будущемъ. Надмогильное пиршество остяковъ есть одно изъ цѣлой вереницы другихъ, ведущихъ непосредственно въ область ихъ религіи, которая у нихъ, какъ и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, тѣсно связана съ интересами желудка. Во всѣхъ жертвоприношеніяхъ на долю высшей силы, олицетворяемой по обыкновенію въ формѣ какой нибудь грубо обдѣланной деревяшки, падаетъ все исключительно несъѣдобное, кости, главнымъ же образомъ рога оленя, да еще смазка по губамъ лакомымъ кускомъ, который съѣдается, какъ и все остальное, самимъ остякомъ; результатомъ этого является въ мѣстахъ жертвоприношеній, у подножія истукановъ, громадная масса костей, роговъ и череповъ разныхъ животныхъ. Подобнаго рода кучи оленьихъ роговъ, относящихся къ человѣку эпохи сѣвернаго оленя, были находимы въ Германіи (Фраазъ) и такимъ образомъ

религія, подобная остяцкой, должна была существовать если не у Везерскихъ троглодитовъ, то у другихъ, современныхъ имъ народовъ Средней Европы.

Глубоко врѣзались въ моей памяти эти мѣста, въ которыхъ остякъ совершаетъ свои религіозные обряды. Одно изъ такихъ я видѣлъ верстахъ въ 5-ти отъ Обдорска, вверхъ по р. Полу, въ Пасерцовыхъ юртахъ. Это рядъ бревенчатыхъ лачугъ, расположенныхъ на правой сторонѣ долины Полуя, среди роцъ изъ мелкаго березняка, прерывающагося безлѣсными, моховыми полянами, съ растущими на нихъ приземистыми кустами голубичника, полярной березы (*B. nana*), также покрытыми морошкой (*Rubus chamaemorus*), клюквой, воронцомъ (*Empetrum nigrum*); изрѣдка идутъ въ Полуя ручейки, долины которыхъ или травянисты или заросли ивовыми кустарниками. Березнякъ, какъ растительность наиболѣе выдающаяся и видимо тщательно охраняемая, сосредоточилъ въ себѣ наиболѣе слѣдовъ остяцкихъ религіозныхъ празднествъ. У подножія многихъ березокъ, дающихъ отъ одного корня нѣсколько отпрысковъ или небольшихъ стволовъ, навалены кучи оленьихъ роговъ; среди нихъ, тутъ же, выдаются простыя полѣнья разныхъ величинъ, съ нѣкоторымъ подобіемъ глазъ, носа и рта. Это мѣстопробываніе очень древняго пената, теперь уже забытаго; самъ онъ полугнилой, покрылся мхомъ и лишайниками, также какъ вся масса окружающихъ его оленьихъ роговъ. Далѣе около юртъ встрѣчаются истуканы — деревяшки болѣе новыя, можетъ быть еще до сихъ поръ имѣющія поклонниковъ. Но главнѣйшій — находится подъ лиственницей, одиноко стоящей среди роцъ и считаемой наиболѣе, чѣмъ другія деревья. Лиственница невысокаго роста, довольно корявая, сучковатая; ея вѣтви идутъ горизонтально, почти подъ прямымъ угломъ къ стволу, образуя шатеръ; у ствола лиственницы стоитъ, прислонившись, истуканъ; онъ представляетъ изъ себя полѣно, до 2-хъ аршинъ вышиной; верхняя часть его, изображающая голову и лицо, вся увѣшана цѣлымъ снопомъ всякаго

рода суконныхъ левтъ, красныхъ, черныхъ и пр.; этими лентами совершенно закрыто лицо его, какъ бы для того, чтобъ оно не было доступно глазу смертныхъ или можетъ быть потому, что въ истуканѣ остяки хотѣли изобразить нѣчто грозное и суровое; послѣднее вѣроятно и потому, что по правую сторону деревяшки на вѣтви виситъ половина военной сабли съ рукояткой — признакъ воинственности пената, у ногъ котораго находятся ящички съ разнымъ хламомъ, съ рубашками, лоскутками сукна, обломками желѣза; тутъ же подъ деревомъ, между разрушившимися шкурами, находятся другіе, болѣе мелкіе болванчики, около же нихъ черепа съѣденныхъ лисицъ, песцовъ и пр. Это истуканъ родовой, который видимо переносился въ юрту старѣйшаго въ родѣ; отстранивъ лохмотья съ его лица можно было видѣть въ поперечной щели, соотвѣтствующей губамъ, остатки разныхъ яствъ, перемежающихся съ слоями дыма, который садился на него въ юртѣ. Далѣе внизъ по теченію Оби, верстахъ въ 120 отъ Обдорска, находятся остяцкіе юрты—Воксарковы. Обыкновенно крутой и возвышенный правый берегъ Оби пробить здѣсь поперекъ глубокимъ оврагомъ, по которому съ высоты къ уровню рѣки быстро сбѣгаетъ источникъ съ прохладной и свѣтлой водой; сзади подступаетъ къ оврагу гора съ ровными скатами, раздѣляющая оврагъ виллообразно на двѣ вѣтви. На крутыхъ скатахъ оврага, обращенныхъ къ его устью, по преимуществу въ нижнихъ частяхъ, съ той и съ другой стороны, лѣнятся остяцкіе берестянные чумы; между ними пробиваются только одна-двѣ юрты изъ бревенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь одиночно разсѣяны лиственницы, которыя чѣмъ выше къ вершинамъ горъ, тѣмъ становятся рѣже, мельче и корявѣе; задняя гора, съ пологими скатами, совершенно лишена растительности; единственный мохъ застилаетъ ее непрерывнымъ, толстымъ покровомъ. Сопоставленный съ этой скудной растительностью, безплодно борющейся здѣсь съ холодами и вообще съ суровой природой, остякъ ищетъ покровительства вышихъ силъ, олицетворяя ихъ конечно въ са-

мыхъ грубыхъ, сподручныхъ его понятіямъ формахъ. Такимъ образомъ и здѣсь, на правой сторонѣ оврага, по скату выше юртъ, онъ помѣстилъ своихъ покровителей, отдавъ подъ охрану ихъ все свое имущество. Имущество остяка состоитъ здѣсь изъ оленьихъ шкуръ, зимняго платья и пр.; оно все тщательно уложено въ нарты, въ которыхъ лежатъ и сами, обожаемые имъ истуканы; возы накрыты сверху берестомъ и крѣпко увязаны. Одна изъ большой кучи нарть имѣетъ видъ отличный отъ другихъ; на ней лежитъ совершенно цѣлая шкура оленя съ головой и рогами, съ ногами и копытами; голова оленя набита и представляетъ нѣкоторое подобіе головы живаго оленя; — это олицетвореніе верховной силы. Въ большинствѣ случаевъ трудно однако рѣшить, кому именно принадлежатъ возы, собственно ли остякамъ или ихъ пенатамъ. Остякъ считаетъ свое имущество общимъ съ пенами; чѣмъ богаче его покровитель, тѣмъ больше можетъ ему дать, поэтому остякъ приносить ему все, что имѣетъ, хотя потомъ можетъ занимать и распоряжаться имуществомъ покровителя по своему усмотрѣнію. Часто при своихъ кочеваніяхъ остякъ перевозитъ и истукановъ съ мѣста на мѣсто, въ слѣдъ за собой со всѣмъ ихъ достояніемъ. Непосредственная же жертва божеству состоитъ и здѣсь изъ остатковъ пищи: около нарть висятъ въ разныхъ мѣстахъ шитыя осетровыя шкуры, затѣмъ по другую сторону оврага выступаютъ снова черепа разныхъ животныхъ и оленьи рога, которыми бывають увѣшаны разныя листовницы, замѣчательныя своимъ положеніемъ или оригинальнымъ видомъ. Какъ чтятся и цѣнятся всякаго рода предметы природы, такъ считается не менѣе важнымъ украсить эти предметы чѣмъ либо болѣе или менѣе необыкновеннымъ, и въ этомъ отношеніи особенно цѣнятся здѣсь у остиковъ, какъ даръ высшему существу, скелеть или черепъ бѣлухи (*Delphinus leucas*), загоняющей въ Обь рыбу. Отлагая пока въ сторону рядъ другихъ фактовъ, касающихся остяцкихъ религіозныхъ вѣрованій, я приведу еще одну выписку изъ дневника, знакомящую съ формой, въ которой остякъ рисуетъ себѣ высшую силу,

съ способомъ, какимъ онъ выражаетъ передъ ней свою преданность, а также и съ мотивами, на основаніи которыхъ онъ признаетъ присутствіе этой силы въ томъ или другомъ мѣстѣ.

«Рано утромъ, 20-го августа, я оставилъ остяцкое селеніе Хоровой, лежащее на р. Надымѣ, и пустился въ обратный путь на Обдорскъ. Хорошій попутный восточный вѣтеръ крѣпко надулъ парусъ и скоро вытащилъ надежную при всякихъ опасностяхъ лодку въ непроглядную ширь Обской губы; напрасно бурливыя волны старались настичь насъ, большая, но легкая лодка далеко оставляла ихъ позади. Такимъ то образомъ мы быстро примчались къ южному берегу Обской губы, гдѣ и встрѣтилъ насъ высокій, рѣзко очерченный мысъ — Ъман'гніель, считающійся мѣстопребываніемъ остяцкаго божества — Ъмана. Было рѣшено принести жертву Ъману, о которомъ я узналъ отъ остяковъ при распросахъ тутъ же на мѣстѣ слѣдующее: онъ имѣетъ жену, дѣтей, но неизвѣстно въ какомъ количествѣ; какой онъ имѣетъ видъ, тоже неизвѣстно. Видятъ только остяки, проѣзжая около Ъман'гніела зимой въ темныя ночи, что здѣсь горитъ огонь и освѣщаетъ имъ дорогу; въ свѣтлыя ночи этого нѣтъ. Лѣтомъ, когда при проѣздѣ около мыса приносится жертва Ъману, погода часто изъ неблагоприятной становится благопріятною; измѣняется она именно по просьбѣ просящаго; въ случаѣ опасности, остякъ находитъ себѣ безопасный пріютъ въ лежащей около мыса рѣчкѣ. Въ этой рѣчкѣ можно почевать многимъ остякамъ, но одному нельзя: ему снится и чудится. Въ лѣсу раздаются голоса, стукъ топора, ходятъ люди; вообще, все это можно больше всего видѣть и испытать ночью, но днемъ нельзя. Для умиловленія Ъмана въ благопріятномъ для человѣка направленіи необходима жертва; онъ, какъ семьянинъ, нуждается во всемъ, какъ и человѣкъ; притомъ онъ все знаетъ и предвидитъ: куда и откуда кто выѣхалъ, какая жертва ему приготовлена или будетъ сдѣлана. Жертву по силамъ долженъ принести всякій, особенно остякъ, что у него только есть, даже если и лоскутъ отъ его платья. Но главнымъ образомъ для Ъмана пріятно серебро; остякъ, не имѣю-

щій серебра, долженъ запасти его заблаговременно, предвидя проѣздъ черезъ Ёман'гніёлъ. Потомъ лучшимъ даромъ служить ему водка. У насъ было назначено Ёману: два серебряныхъ гривенника, три бронзовыхъ перстня, изъ нихъ два со вставками, двѣ пустыя гильзы отъ штуцера Бердана, нѣсколько нитокъ бусъ; наконецъ была и водка, причемъ остяки испросили у меня право подать водки Ёману изъ имѣвшагося у меня серебрянаго стакана, но не изъ никелеваго, изъ котораго они по обыкновенію угощались сами.

Наконецъ насталъ важный моментъ жертвоприношенія. Совершеніе обряда взялъ на себя остякъ Индерма, какъ старѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ на лодкѣ остяковъ и какъ вотчпникъ мѣстностей, лежащихъ около мыса; здѣсь онъ кочуетъ зимой, ловить песцовъ и лисицъ, однакоже только на значительномъ разстояніи отъ священнаго мыса. Прежде всего онъ взялъ бутылку водки, наполнилъ ею серебряный стакачикъ, устремилъ умоляющій и призывающій взглядъ на материкъ, безмолвно вылилъ водку въ воду, затѣмъ послѣдовательно бросилъ въ воду съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица: два гривенника, двѣ пустыя гильзы, бусы, кольца, снова обратилъ умоляющій взглядъ на мысъ и поклонился; заключилъ онъ свое приношеніе новой рюмкой водки, которую съ поклономъ Ёману вылилъ въ воду. Затѣмъ онъ принялъ за непремѣнное условіе для самаго себя, а также и для другаго товарища, котораго онъ почему то считалъ равносильнымъ себѣ по приношенію жертвы, — вышить водки, по рюмкѣ которой кстати исходатайствовалъ и для всѣхъ остальныхъ гребцовъ остяковъ, находившихся на лодкѣ. Я съ своей стороны проговаривался было вѣйдти на берегъ и напиться тамъ чаю, но Индерма всѣми силами старался отсвѣтовать мнѣ это, говоря, что жертва принесена и мы должны пользоваться попутнымъ вѣтромъ, но что на обратномъ пути они сами должны во что бы то ни стало купить бутылку водки и цѣликомъ ее поставить Ёману. Вмѣстѣ съ тѣмъ остяки выражаютъ свое почитаніе мысу тѣмъ, что около него нельзя изъ губы пить воду, тутъ нельзя стрѣлять, пѣть,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже воспрещается грести или шевелить веслами; на самомъ материкѣ нѣкоторое пространство является угломъ вполне завѣтнымъ, тутъ нельзя охотиться, женщинамъ воспрещается даже ходить туда и собирать ягоды и пр.

Мысь Ыман'гніель — послѣдній, лежащій на пути отъ острова Хэ въ Надымъ; миновавъ его, приходится ѣхать въ Надымъ по совершенно открытому водному пространству, иногда не видя береговъ, въ случаѣ непогоды около мыса встрѣчается наибольшій прибой волнъ — наибольшая, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, опасность. Но тутъ же около мыса, въ случаѣ опасности, есть и средство для спасенія: это рѣчка, вода которой спокойна при всѣхъ вѣтрахъ. Такія мѣста повсюду служили первобытнымъ жителямъ для поселенія; и у названнаго мыса два крайнія его свойства, въ силу топографическихъ его особенностей, послужили вѣроятно основаніемъ тому, что остяки помѣстили здѣсь всемогущую силу — Ымана. Съ другой стороны изъ всего сказаннаго видно, что остякъ въ своемъ олицетвореніи верховной силы выразилъ свой собственный характеръ, свои потребности; созданный имъ Ыманъ — есть тотъ же остякъ, живущій своимъ домомъ, семьей, въ своихъ владѣніяхъ, въ которыя вмѣшиваться никто другой не вправѣ, иначе дерзкій подвергнется наказанію; онъ также ѣстъ оленицу и прочую дичину, рыбу, пьетъ съ любовью водку, нуждается въ деньгахъ и одеждѣ, въ украшеніяхъ и бездѣлушкахъ, притомъ женскія украшенія, бросаемыя остяками, идутъ во владѣнія женщинъ же, напр. бусы, перстни со вставками; наконецъ онъ рубить дрова, деревья отъ его топора валятся иногда съ большимъ трескомъ, разводитъ огни и видимо грѣтся, что по временамъ бываетъ неизбежно въ этой холодной странѣ, къ очерку которой въ этомъ отношеніи я и перейду теперь.

Еще далеко не доѣзжая Обдорска, именно около песка Питлярскаго, Уралъ начинаетъ показывать свои мрачныя массы и гребень и чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ онъ принимаетъ болѣе и болѣе цѣлостный видъ и ясныя очертанія, приближаясь къ до-

лянь Оби и сопровождая ее далеко за Обдорскъ; еще около Воксарковыхъ юртъ онъ рисовался передо мной въ юго-юго западномъ направленіи; при болѣе значительномъ отдаленіи отсюда, хотя онъ и не казался массивнымъ, но тѣмъ не менѣе сохранялъ ясность своихъ очертаній. Съ наибольшей ясностью на пройденномъ мною пути онъ представляется изъ окрестностей Обдорска. Уралъ отстоитъ отъ Обдорска къ западу верстахъ въ 80-ти; отсюда прежде всего рисуется передъ нимъ широкая, однообразная низменность, долина р. Оби, воды которой во время разлива покрываютъ большую часть низменности и многіе сора подходятъ близко, почти къ самому Уралу; особенно это часто случается по Малой Оби, между Обдорскомъ и Мужами. Мѣстности въ низменности наиболѣе выдающіяся заросли по обыкновенію ивняками и травами; но онѣ не нарушаютъ однообразнаго вида низменности, на западной окраинѣ которой рѣзко выступаетъ Уралъ, довольно крутой стѣпной, безъ особенно замѣтныхъ предгорій. Часть Урала, составляющая южную его половину, состоитъ изъ ряда массъ, круто падающихъ къ низменности, а иногда еще болѣе круто и внезапно кончающихся по направленію къ сѣверу; это несомнѣнно уже описанная Гофманомъ вершина Пае-Ера, съ группою другихъ къ ней прилежащихъ и въ совокупности составляющихъ часть Урала, извѣстную подъ именемъ Обдорскихъ горъ. Рядомъ съ крутыми скатами этихъ вершинъ слѣдующія далѣе къ сѣверу вершины начинаются полого и лежатъ западнѣе, почему Уралъ кажется пересѣченнымъ нѣсколькими поперечными долинами, проходами, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ; но въ общей сложности и сѣверная часть его скоро принимаетъ видъ опредѣленнаго и ясно очерченнаго хребта, съ общимъ всему Сѣверному Уралу характеромъ суровости. Скалистый и каменистый, разщеленный въ разныхъ направленіяхъ крутыми долинами и лишенный на большей части своихъ высотъ растительности, онъ, мрачный и морщинистый, носитъ на себѣ еще больше отпечатокъ мертвенности и нелюдности, чѣмъ раскинутая у его восточнаго подножія низменность,

хотя въ то же время видъ на него, при здѣшнемъ однообразіи, не лишенъ величія и нѣкоторой весьма своеобразной красоты; такой точно видъ представляли вѣроятно горы Средней Европы въ концѣ ледниковаго и въ началѣ современнаго періода. Большую часть года Уралъ покроятся конечно подъ толстыми снѣговыми покровами; еще во время моего переляго пути, въ концѣ іюля, на его уже почернѣвшемъ остовѣ бѣлѣли пятнами и полосами массы снѣга, заполнявшія очевидно долины и ущелья въ наиболѣе высокиахъ его пунктахъ. На возвратномъ пути, въ концѣ августа, можно было замѣтить, какъ вершины его снова кутались въ свѣжее снѣговое одѣяніе, которое впрочемъ скоро исчезало; около 10 сентября вершины Урала забѣлѣли на болѣе продолжительное время. По наблюденію Гофмана, вершины Обдорскихъ горъ пудрились свѣжимъ снѣгомъ съ 20 на 21 іюля и трудно сказать, какой это былъ снѣгъ, послѣдній ли весенній или первый осенній; хотя отсюда очевидно, что не всегда старыя массы снѣга успѣютъ стать прежде, чѣмъ свѣжій новый запасъ снѣга является уже на вершинахъ Урала болѣе или менѣе толстымъ и постояннымъ покровомъ. Не всегда Уралъ видѣнъ изъ Обдорска съ одинаковою ясностью; въ ненастную, пасмурную погоду онъ обыкновенно скрывается изъ виду, совершенно окутанный туманами; нерѣдко облака скрываютъ отъ глаза его отдѣльныя вершины; въ ясную погоду онъ рисуется на горизонтѣ болѣе отчетливо, одѣваясь, при значительномъ насыщеніи воздуха парами (передъ ненастьемъ), болѣе или менѣе прозрачною дымкою; съ воздухомъ болѣе чистымъ, онъ какъ бы приближается къ Обдорску и обнажаетъ весь свой мрачный остовъ, со всеми подробностями его изгибовъ и очертаній. Въ противоположность прекраснымъ лѣтнимъ днямъ, въ половинѣ и въ концѣ августа погода въ окрестностяхъ Обдорска начала замѣтно измѣняться къ худшему; нерѣдко въ теченіи нѣсколькихъ дней стояло ненастье съ холодомъ, слякотью и вѣтрами, но вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ выпадали и теплые дни: вмѣсто непроницаемой, сѣро-свинцовой пелены, сплошь и равномерно расплывавшейся по небу, на немъ

появлялись густыя бѣловатыя облака, съ довольно опредѣленными очертаніями; въ однихъ мѣстахъ онѣ тѣсно сплывались, въ другихъ разступались, выказывая скрывавшуюся за ними синеву неба. И бывали случаи, когда массы облаковъ бросали сплошную и густую тѣнь на всѣ окрестности Обдорска, на все доступное глазу протяженіе Обской долины, въ то время какъ на Уралѣ, сквозь существовавшіе между облаками промежутки, сквозь эти небесныя окна проглядывало солнце и освѣщало своими лучами тѣ или другія части хребта. Но въ игрѣ этихъ перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто свѣтовыхъ полосъ и пятень, какъ въ панорамѣ, еще съ большою силою обнаруживался суровый характеръ Урала: его каменныя вершины, заостренныя или округленныя, темныя или сѣдоватыя, лишены лѣса, а скудная кустарная или древесная растительность среднихъ высотъ и подножія была одѣта уже совершенно пожелтѣвшей листвою, тогда какъ кустарная растительность долины Оби продолжала представлять на себѣ значительное количество зеленой листвы.

Ураль несомнѣнно издавна уже вліялъ неблагопріятно на окружающія его окрестности. Въ отдаленную эпоху ледниковаго періода онъ видимо былъ закованъ громадными толщами ледниковъ, сползавшихъ съ него въ различныхъ направленіяхъ. Съ востока, у его подножія, разстился значительный водоемъ, можетъ быть даже морской заливъ, на прежнемъ ложѣ котораго въ послѣдствіи Обь пробилла себѣ долину и образовала нынѣшнюю Обскую губу. Матеріалъ изъ различныхъ горныхъ породъ выносился ледниками съ высотъ Урала и, попадая у его подножія въ водоемъ, разносился здѣсь вмѣстѣ съ глыбами льда по разнымъ направленіямъ и отлагался среди слоевъ на днѣ водоема. Во всемъ этомъ достаточно убѣждаетъ характеръ слоистыхъ образований, сопровождающихъ р. Обь, на которыя мы уже приходилось прежде указывать. Въ разныхъ слояхъ этихъ образований, на различной глубинѣ, находятся втиснутыми валуны; имѣя величину отъ одного до нѣсколькихъ футовъ въ наибольшемъ попе-

речникѣ, иногда футовъ до 5—6, они представляютъ часто на своихъ поверхностяхъ замѣчательно ясную политуру и ледниковую штриховатость; точно такого рода поверхности встрѣчаются у валуновъ и на выступахъ горныхъ породъ въ Финляндіи, въ Альпахъ и пр., однимъ словомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ происхожденіе изборожденныхъ и полированныхъ поверхностей на глыбахъ горныхъ породъ было связано съ нѣкогда дѣйствовавшими или дѣйствующими еще теперь ледниками. Одновременно съ движеніемъ ледниковъ на восточномъ склонѣ Урала, такое совершалось и на западныхъ его склонахъ, по направленію къ долинѣ Печеры, къ чему убѣдительное доказательство представляютъ наблюденія А. А. Штукенберга. вмѣстѣ съ тѣмъ нужно замѣтить, что валуны въ слояхъ вышеназванныхъ Обскихъ образованийъ никогда не встрѣчаются массами или слоями самостоятельными, но разбросаны болѣе или менѣе разредиченно въ слояхъ песчаныхъ, глинисто иловатыхъ и пр.; кромѣ ихъ, здѣсь не находится ни какихъ другихъ слѣдовъ отъ продуктовъ ледниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что продукты ледниковъ не разносились въ водоемѣ съ восточной стороны Урала большими массами или самъ водоемъ отложилъ свои слоистые осадки, доступные теперь наблюденію, въ томъ періодѣ, когда ледники значительно уменьшились въ своихъ размѣрахъ. Одновременно съ разнесеніемъ валуновъ или съ сортированіемъ заранѣе оставленныхъ ледниками типичныхъ ледниковыхъ образованийъ, на восточной сторонѣ Сѣвернаго Урала жили гигантскія млекопитающія: мамонтъ, носорогъ и первобытный быкъ.

Вліяніе Урала на его окрестности продолжается и до нынѣ, хотя нѣсколько въ иной формѣ; онъ дѣйствуетъ на нихъ какъ холодильникъ. Мѣста въ долинѣ Оби, наиболѣе близко прилегающія къ Уралу, носятъ на себѣ слѣды большей суровости, чѣмъ мѣстности дальше къ востоку отстоящія отъ Урала, хотябы при томъ эти мѣста лежали и сѣвернѣе соответственныхъ по суровости мѣстъ въ долинѣ Оби. Уралъ охлаждаетъ свои восточныя

окрестности, потому что сравнительно долго сохраняет на себѣ снѣгъ, и вѣтры западный и сѣверо-западный, проходя чрезъ его высоты, достигаютъ до Обской долины уже охлажденными; эти вѣтра по своей слябѣ и суровости считаются въ низовьяхъ Оби наиболѣе опасными во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнно въ силу этого вліянія Обдорскъ и его ближайшія окрестности бѣдны древесной растительностью; около Обдорска нѣтъ строеваго лѣса; береза здѣсь ничтожныхъ размѣровъ, лиственница низка, сучковата и корява, большая часть другихъ деревьевъ не растетъ здѣсь, какъ кедръ, сосна и пр.; мѣстами, разъединенно встрѣчается ель. Скудный запасъ деревьевъ не образуетъ здѣсь сплошныхъ лѣсовъ, а является въ видѣ перелѣсковъ, разъединенныхъ обширными, моховыми полянами съ ихъ скудной и еще болѣе однообразной полярной растительностью. Въ силу такого характера мѣстной древесной растительности Обдорскъ выстроенъ изъ привознаго лѣса, преимущественно изъ барочнаго: это большія плахи изъ южныхъ частей Оби, составлявшія нѣкогда неуклюжія посудины, приходившія въ Обдорскъ съ хлѣбомъ; всякая плаха пронизана большимъ количествомъ дыръ около 1 вершка въ діаметрѣ; при употребленіи въ постройку такія дыры забиваются соотвѣтственной величины деревянными стержнями; но при всемъ томъ Обдорскъ, построенный изъ барочнаго лѣса, кажется печальнымъ дырявымъ селеніемъ среди здѣшней холодной и пустынной страны. Есть нѣсколько домовъ, выстроенныхъ изъ лѣса, приплавленнаго изъ вершинъ р. Полюя, отстоящихъ верстъ на 60 къ юго-востоку отъ Обдорска, мѣстность видимо уже по своему болѣе восточному положенію и большому отдаленію отъ Урала, пользующаяся болѣе благоприятными условіями. Но и здѣшній строевой лѣсъ имѣетъ только до 4—6 вершковъ въ отрубѣ. Такимъ образомъ Обдорскъ на всемъ пройденномъ мною пути явился однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ пунктовъ лѣсной растительности, хотя въ строгомъ смыслѣ его нельзя считать крайнимъ сѣвернымъ предѣломъ ея распространенія. Отдѣльныя рощи изъ лиственницы можно было наблюдать далѣе къ сѣверу отъ него,

хотя деревья взятые въ отдѣльности уже не имѣютъ здѣсь правильнаго роста, который у нихъ малъ, стволъ сучковать, неровень, съ изгибами, развѣтвленіе—шатрообразное,—все напоминаетъ въ нихъ напряженную борьбу съ холодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по обрывамъ праваго берега Оби нерѣдко цѣлыми густыми плотными чащами растетъ еще ольха (*Alnaster*), иногда къ ней примѣшиваются даже рябина, осина и береза. По выходѣ изъ Оби въ губу, вдоль южнаго берега на востокъ, растительность становится нѣсколько болѣе оживленной; такъ на примѣръ около Ёман'гніела деревья имѣютъ болѣе высокій ростъ и являются въ формѣ болѣе густыхъ перелѣсковъ. Еще далѣе, по Надуму, встрѣчаются уже лѣса, въ составъ которыхъ входитъ даже кедровникъ, приносящій орѣхи. Вообще граппа древесной растительности, съ углубленіемъ на востокъ, уходитъ далѣе къ сѣверу, около Обдорска она лежитъ южнѣе, чѣмъ къ востоку отъ Тазовской губы и около Енисея, какъ это можно видѣть, принявъ въ соображеніе наблюденія О. Б. Шмидта.

По мѣрѣ того, какъ прекраснѣйшіе лѣса, кедровники, сосняки, ельняки и листвяки средняго теченія Оби исчезаютъ по направленію къ сѣверу или же идутъ туда въ формѣ рѣдкихъ, тутъ или тамъ разсыянныхъ роцъ, происходитъ измѣненіе и въ составѣ животныхъ, населяющихъ край. Большая часть млекопитающихъ, свойственныхъ лѣсной полосѣ, доходитъ частію до Березова, частію нѣсколько дальше, совершенно исчезая около Обдорска. Соболь рѣдокъ уже около Березова; онъ придерживается больше вершинъ рѣчекъ, текущихъ въ Обь со стороны Урала; нынѣ онъ въ наибольшемъ изобиліи встрѣчается по Пельуму, совершенно отсутствуя на пространствѣ между Березовымъ и Обдорскомъ; исчезаетъ въ сосѣдствѣ съ тундрой и *лось*, также *рысь*; выдра составляетъ здѣсь уже рѣдкое явленіе; *медвѣдь* попадаетъ въ долину Оби, около Обдорска, въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія. Распространеніе *волка* весьма своеобразно: будучи довольно многочисленнымъ въ среднемъ теченіи Иртыша, онъ

къ сѣверу, особенно въ лѣсистой полосѣ средняго теченія Оби, становится весьма рѣдкомъ; годъ тому назадъ онъ появился въ большемъ количествѣ около селенія Кондинскаго, но жители считаютъ это явленіе крайне рѣдкимъ. Въ окрестностяхъ Обдорска, т. е. въ нижнемъ теченіи Оби, волкъ снова становится многочисленнымъ, нападая систематически на стада домашнихъ оленей, да и сами остяки не всегда бѣгаютъ застрахованы отъ него. Между волками здѣшной мѣстности часто попадаются экземпляры частію или даже совершенно бѣлые. *Бѣлка* также избѣгаетъ окрестностей Обдорска, вмѣстѣ съ *бурундукомъ*. Но вмѣстѣ съ лѣсами на востокъ отъ Обдорска многіе изъ этихъ лѣсныхъ звѣрей уходятъ дальше къ сѣверу, особенно по Надыму; здѣсь остяки промышляютъ бѣлку, известную подъ именемъ надымской; тутъ уже чаще встрѣчается медвѣдь, а также и другіе мелкіе хищники въ родѣ горностая, колонка и пр. Надымъ, съ прилежащими къ нему вершинами Полуя, составляетъ одно изъ известнѣйшихъ мѣстъ звѣропромышленности между остяками. Наиболѣе характерными обитателями полосы бѣдной лѣсомъ или совершенно его лишенной — тундры, нужно признать сѣвернаго оленя и песца; вмѣстѣ съ ними распространяется здѣсь и лисица, а изъ мелкихъ конечно пеструшка (*Myodes*); кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ видовъ полевокъ (*Arvicola*), въ долині Оби около Обдорска часто встрѣчается водяная крыса (*Arvicola amphibius*) или кротъ, но здѣшнему выраженію, такъ что ее иногда ловятъ въ большомъ количествѣ и шкурку ея употребляютъ на мѣха. Но изъ этихъ обитателей большая часть не ограничивается одной только областью тундры и ея окраинами. Олень, какъ я уже указывалъ, уходитъ въ своемъ распространеніи очень далеко на югъ, по долині Иртыша, — почти до Тобольска, особенно по побочнымъ и болотистымъ притокамъ Иртыша. Начиная отсюда, онъ всюду встрѣчается по долині и притокамъ р. Оби, во всей лѣсной полосѣ. Въ окрестностяхъ Обдорска онъ однакоже избѣгаетъ мѣстности вполне безлѣсныя, особенно самую долину Оби; и держится преимуще-

ственно на высотахъ Урала, а съ другой стороны — въ вершинахъ р. Полуя и Надыма, гдѣ остяки, промысля бѣлокъ, ведутъ охоту и на оленя. Здѣсь въ ходу одинъ весьма оригинальный способъ ловли оленя: домашнему оленю самцу опутываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ рога веревкой и подпускаютъ его къ стаду дикихъ оленей, старѣйшій защитникъ и стражъ которыхъ — самецъ сейчасъ же нападаетъ на незваннаго гостя, стараясь поразить его рогами; начинается схватка, борцы, благодаря веревкамъ у домашняго оленя, такъ спутываются рогами, что при всемъ желаніи разойдтись, никакъ не могутъ этого сдѣлать; остается только одно — вмѣшаться въ борьбу остяку, освободить домашняго и взять въ неволю дикаго оленя. Иногда бываетъ, что дикіе олени добровольно попадаютъ въ стадо домашнихъ и обратно, нерѣдко домашніе, понавши въ стадо дикихъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ ними навсегда отъ хозяина. Въ общей сложности дикій олень повидимому рѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ большомъ изобиліи водится домашній олень; въ особенности это нужно отнести къ мѣстамъ, представляющимъ характеръ чистой тундры, по крайней мѣрѣ О. Б. Шмидтъ, во время своего пребыванія въ тундрѣ, къ востоку отъ Тазовской губы, убѣдился, что тамъ дикій сѣверный олень отсутствуетъ, будучи выгнанный стадами домашнихъ оленей. Безъ сомнѣнія такое же явленіе имѣетъ мѣсто въ тундрахъ, окружающихъ Обскую губу. Оставляя пока въ сторонѣ жизнь домашнихъ оленей и ихъ періодическія передвиженія лѣтомъ къ высотамъ Урала и къ Океану, къ концу лѣта и къ осени обратно къ Обдорску и долину Оби, укажу еще на лисицу. Этотъ всюду проникающій, вездѣ припаравливающійся образчикъ хитрости и изворотливости, принадлежитъ также къ числу обитателей безлѣсной области тундры, гдѣ частію зайцы, частію цеструшки и пр., доставляютъ ему средство къ пропитанію. Лисица, распространяясь во всей Восточной и Западной Сибири, въ лѣсныхъ и степныхъ областяхъ, является весьма обыкновеннымъ гостемъ и въ окрестностяхъ Обдорска; здѣсь она вмѣстѣ съ песцомъ не-

рѣдко подходит близко къ остяцкому жилию, даже въ долину самой Оби; вообще въ окрестностях Обской губы, какъ и въ другихъ мѣстахъ, она представляетъ весьма разнообразныя оттѣнки въ своемъ одѣяніи, отъ огненно-краснаго цвѣта до темно-бураго, съ проблесками серебристыхъ волосъ. Въ Обдорскѣ я приобрѣлъ большое количество лисьихъ шкуръ, представляющихъ полный рядъ переходовъ отъ огненнаго цвѣта до черно-бураго; форма средняя между обыкновенной лисицей и черно-бурой въ тундрѣ перѣдка и называется здѣсь сиводушкой; вмѣстѣ съ тѣмъ я располагаю подобными же шкурами изъ окрестностей Тобольска. Песець (*C. lagopus*) болѣе коренной житель тундры, хотя и онъ забѣгаетъ довольно далеко на югъ, въ лѣсную полосу, до Березова; онъ выводится по преимуществу въ сѣверныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, представляя отъ времени своей молодости до совершенно взрослага состоянія рядъ измѣненій отъ темнаго до чисто бѣлаго цвѣта; въ самомъ юномъ возрастѣ, лѣтомъ, онъ имѣетъ мягкую темно-бурюю шерсть, — *копунецъ*; затѣмъ въ формѣ *норника* и *крестоватика* у него около паховъ въ значительной степени проявляются болѣе или менѣе широкія желтоватыя пятна, которыя все болѣе и болѣе расширяются по направленію къ хребту, пока наконецъ общій цвѣтъ животнаго не сдѣлается темно-сѣрымъ, свѣгло-дымчатымъ, — *синокъ*; эта форма переходитъ въ *недопеска* желтобѣлаго цвѣта, послѣ которой уже къ зимѣ дѣлается чистый песецъ, съ бѣло-снѣжной пушистой шерстью. Иногда песецъ въ теченіе всей своей жизни сохраняетъ первоначальный цвѣтъ шерсти, свойственный самому юному возрасту; это по всему животному равномерно-распространяющійся темно-бурый цвѣтъ, принимающій зимой легкій голубоватый оттѣнокъ; это такъ называемый голубой песецъ, — разность обыкновеннаго, нынѣ весьма рѣдкая въ окрестностяхъ Обдорска, а также и въ самыхъ тундрахъ Ледовитаго моря. Обыкновенный песецъ зимой встрѣчается повсемѣстно какъ въ лѣсахъ, такъ и въ безлѣсныхъ пространствахъ, а обдорскіе остяки занимаются ловлей его даже около

своихъ юртъ, гдѣ бы таковыя ни стояли. Песець не въ каждый годъ встрѣчается въ Обдорскомъ краѣ въ одинаковомъ количествѣ; иногда онъ очень рѣдокъ, иногда же появляется повсюду въ громадныхъ количествахъ, цѣлыми стаями; въ такомъ случаѣ остяки ловятъ песцовъ просто сѣтями. Песець, вмѣстѣ съ лисицей и оленьими шкурами, въ особенности со шкурами молодыхъ оленей — *неплюй*, составляетъ главный предметъ торговли на январской Обдорской ярмаркѣ.

Направившись въ путь изъ Обдорска внизъ по Оби, я конечно долженъ былъ прежде всего интересоваться погодой, такъ какъ она могла ускорить или задержать путешествіе; послѣднее и случилось какъ разъ на второй день послѣ выѣзда изъ Обдорска. Благодаря противному сѣверному вѣтру, я долженъ былъ провести около сутокъ въ Вульпаслинскихъ юртахъ. Эти юрты, отстоящія верстъ на 60 ниже Обдорска, служатъ однимъ изъ многочисленныхъ станковъ, около которыхъ производится рыболовство по общераспространенному въ низовьяхъ Оби способу. Юрты расположены на островѣ по лѣвому берегу Большой Оби; островъ низменный, заросшій ивовыми кустарниками, травой, частію покрытый моховыми полянами и болотами; по его берегу раскинуты вереницей и на большомъ протяженіи десятки берестяныхъ чумовъ, съ обычной около нихъ убогой обстановкой. Передъ ними наставлены колья, вверху которыхъ лежатъ поперечныя перекладины; это простыя сооруженія для сушки рыбы; они иногда разставляются въ формѣ четырехугольной рѣшетки, съ нѣсколькими поперечными перекладинами, которыя увѣшаны рыбой. Рыба тутъ всякая: большіе палимы и щуки, распластанные на двѣ половины со стороны брюха; лентами срѣзанныя съ обѣихъ сторонъ мягкія части съ муксуновъ и немного поперекъ подрѣзанныя, *позёмъ*; подобнаго же рода мягкія части съ сырка, такимъ же образомъ снятыя и слегка надрѣзанныя — *юрюкъ*, или *юрюкъ*. Позёмы и юрокъ соотвѣтствуютъ сухой рыбѣ, называемой въ Восточной Сибири *юколой*. Вся эта рыба вялится

на воздухъ безъ соли и безъ всякихъ другихъ предварительныхъ приготовленій; тутъ же рядомъ съ нею висятъ и косяные остовы отъ муксуна и сырка. Къ этому прибавляются, какъ необходимая обстановка остяцкаго чума — конусъ изъ палокъ, накрытый берестомъ, и стаи по преимуществу бѣлыхъ собакъ, нерѣдко пользующихся, безъ позволенія хозяевъ, выставленной на сушку рыбой, прежде чѣмъ она сдѣлается готовой; тоже дѣлаютъ и вороны. Между сворою бѣлыхъ собакъ изрѣдка показываются смуглые, немые остяцкіе ребятишки; временно выгянетъ изъ глубины полукрытаго чума или въ какую нибудь щель однимъ несмѣлымъ, относительно узкимъ, но любопытнымъ женскимъ глазомъ остячка и чуть лишь встрѣтитъ, можетъ быть, не мѣнѣе пытливый взглядъ посторонняго, какъ закрываетъ уже то ропливо платкомъ свое широкое, округленное, смуглое, никогда немоющееся лицо, съ грубой, пропитанной жиромъ, часто морщинистой, кожей, съ выдающимися скулами, впалыми щеками, съ толстыми губами, потупляя глаза и погружая свой короткій приплюснутый при основаніи носъ въ какую нибудь случайно лежащую около нея работу. Обыкновенно она сидитъ въ чумѣ, поджавши или растянувши ноги на полу, почти неподвижно и лучше всего ее можно разсмотрѣть въ то время, когда она готовитъ любимое остяцкое кушанье — *варку*. Обрѣзавъ мягкія и жирныя части, лежація вдоль брюха муксуна, сырка, особенно нельмы, также снявъ жиръ съ ихъ внутренностей, она кладетъ все это въ котель, который и ставится на огонь; жиръ скоро начинаетъ распускаться и въ немъ съ трескомъ жарится остальное содержимое до тѣхъ поръ, пока достаточно не покраснѣетъ, причемъ остячка помѣшиваятъ въ котлѣ, опускаетъ его ниже, поднимаетъ, выкладываетъ готовое и т. д., обнаруживая всю свою невзрачную фигуру, свое убогое, кожанное, пропитанное саломъ и грязью одѣяніе. Иногда остячки не безъ умысла усердно закрываютъ свою голову; у нѣкоторыхъ она бываетъ въ сильной степени покрыта струпами, вслѣдствіе чего у нихъ голова становится совершенно лысою, тогда какъ онѣ любятъ щеголять волосами,

заплетая ихъ въ двѣ длинныя косы, и не считается противъ правилъ удлиннять ихъ почти до земли искусственными приставками. Вообще однакоже днемъ остяцкія юрты не представляютъ особеннаго оживленія; все ихъ наиболѣе подвижное населеніе—въ отлучкѣ, на рыбныхъ ловляхъ, верстахъ въ 5 — 10 и болѣе отъ юртъ, которыя пустѣютъ рано утромъ и оживляются пріѣздомъ хозяевъ поздно вечеромъ. Въ ожиданіи пріѣзда остяковъ насъ встрѣчаютъ около юртъ ихъ покровители — русскіе рыбопромышленники, которыхъ лачуги разбросаны тутъ же, между остяцкими чумами. Это—маленькія деревянныя избушки или амбарчики, самага жалкаго по внѣшности вида, и около нихъ плетеные изъ тальника сарайчики; въ первыхъ живутъ сами хозяева, во вторыхъ солятъ и сохраняютъ рыбу уже засоленную, вяленную. Какова бы ни была избушка—она еще совершенство для помѣщенія; многіе изъ рыбаковъ живутъ просто въ чумахъ или въ лачугахъ, выстроенныхъ изъ палокъ и бересты. Во время стоявшаго сѣвернаго вѣтра, принесшаго холодъ, хозяева вышли ко мнѣ на встрѣчу, къ берегу, одѣтые въ остяцкія малицы изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ; только по ихъ полнымъ лицамъ и бородамъ, по высокому росту, не рѣдко по весьма объемистому корпусу, можно было отличить ихъ отъ низкихъ и приземистыхъ остяковъ, которые никогда не представляютъ и тѣни такой плотности тѣла, какая по преимуществу отличаетъ наше торговое сословіе (въ общей сложности климатическія и жизненныя условія не особенно располагаютъ русскихъ къ полнокровію, особенно въ сѣверныхъ частяхъ Обскаго бассейна, хотя и бывають примѣры, что человѣкъ въ какихъ нибудь четыре года превращается въ Обдорскѣ изъ тощаго, костляваго существа въ полное, моллюскообразное состояніе, чему несомнѣнно способствуетъ бездѣятельный, неподвижный образъ жизни). Иногда около рыбацкой лачужки покажется хлопчущая фигура русской женщины, одѣтая въ какое нибудь пестренькое ситцевое платье, съ головой, повязанной чистымъ платкомъ и съ особеннымъ румянымъ лицомъ, — единственный предметъ въ рыбацкомъ поселеніи, не ис-

ключительно прозаическій. Въ Вульпаслинскихъ юртахъ въ періодъ рыболовства постоянно живетъ до 4—5 мелкихъ скупщиковъ рыбы, частію изъ Обдорска, частію изъ другихъ, верховыхъ поселеній, какъ это бываетъ на всѣхъ другихъ рыболовческихъ станкахъ. По общепринятому въ низовьяхъ Оби способу, они имѣютъ отъ остяковъ право на полученіе половиннаго улова или даже больше; это право покупается у остяковъ за плату, начиная съ 20 руб. до 40, а иногда и больше. Вообще условія весьма разнообразны; для ближайшей ихъ характеристики приведу нѣсколько примѣровъ изъ окрестностей Вульпаслинскихъ юртъ. Остякъ Порши отдаетъ свой, какъ здѣсь говорятъ, полуневодъ за 20 рублей, хотя и было ряжено 30 рублей, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ 160 сажень мережи для невода; остальное, такое же количество мережи должно быть свое. Въ неводъ участвовалъ онъ самъ, 2 работника и двое ребятъ; половину улова по условію получалъ арендаторъ, за 20 условленныхъ рублей и мережу; изъ своей половины Порши съ товарищами дѣлалъ позёмы и кормилъ семью, а остатки сдавалъ арендатору; изъ нихъ было пасолено, по показанію послѣдняго, $2\frac{1}{2}$ бочки; самъ Порши однако этого не провѣрялъ. За эти бочки изъ своего пая Порши получилъ 30 рублей (столько же даютъ ему, если изъ его остатковъ насолятъ 4 бочки), слѣдовательно пришлось по 10 руб. на участника въ ловлѣ; притомъ изъ 50 руб., причитавшихся остякамъ, половина была уплачена товаромъ, хлѣбомъ, мережей и пр. Въ бочкѣ среднимъ числомъ можно положить 380 муксуновъ, слѣдовательно хозяинъ, еслибъ его половина равнялась только однимъ остаткамъ отъ остяцкаго пая, получилъ бы около 1000 муксуновъ; но дѣлая половина должна быть несравненно больше этой цифры и, считая муксуна по здѣшней цѣнѣ въ 10 коп., онъ уже съ одной тысячи муксуновъ прибрѣтетъ 100 руб. на свои истраченныя 20 руб., и мережу, стоимостью на 10 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяинъ, получая сполна свою рыбу, по крайне дешевой цѣнѣ въ половину вымѣнивая на товаръ, другую остяцкую половину, и даже если бы можно было

допустить, что счетъ рыбы при ея приѣмкѣ вѣрный и плата не одна и та же за $2\frac{1}{2}$ или за 4 бочки, то и тогда оборотъ дѣла будетъ крайне выгодный для скупщика рыбы. Иногда изъ остяцкой половины поступаетъ хозяину до $4\frac{1}{2}$ —5 бочекъ, а плата за полневода доходить до 30—35 руб.; въ случаѣ, если остякъ не имѣетъ товарищей, то онъ нанимаетъ работниковъ, остяковъ же; если ихъ не находятъ, то беретъ русскихъ работниковъ отъ хозяина, при этомъ изъ платы, слѣдующей за полневода, вычитается слѣдующее рабочимъ жалованье; такъ изъ выражаемыхъ 50 р. хозяинъ вычитаетъ за 2-хъ рабочихъ 30 руб. въ свою пользу и потомъ изъ остяцкой, второй, половины рыбы беретъ за рабочихъ два пая. На такихъ то крайне измѣняющихся по характеру основаніяхъ приобрѣтаютъ скупщики рыбу, и изъ 4 — 5 человѣкъ, живущихъ въ Вульпаслинскихъ юртахъ, многіе нагружаютъ свои лодки въ теченіе лѣта 1000 — 2000 пудовъ рыбы, сухой и соленой. Въ большомъ количествѣ рыболовческихъ станковъ, разбросанныхъ въ низовьяхъ Оби, живутъ прикащики отъ крупныхъ рыбопромышленниковъ; весьма многіе ведутъ дѣла самостоятельно, — это мелкіе подчиненные промышленники, сдающіе весь запасъ заготовленной лѣтомъ рыбы крупнымъ рыбопромышленникамъ сейчасъ же по окончаніи рыбныхъ промысловъ и по приѣздѣ въ Обдорскъ. Въ Обдорскѣ, съ окончаніемъ промысловъ, какъ крупные, такъ и мелкіе рыбопромышленники должны рѣшить свои дѣла въ какихъ нибудь два-три дня: крупные — потому, чтобъ знать, сколько именно наберется клади въ ихъ суда, какъ ее умѣститъ, а мелкіе потому, чтобъ съ уходомъ судовъ въ Тобольскъ рыба ихъ не осталась въ Обдорскѣ, гдѣ тогда она потеряла бы всякую цѣнность. Начинается такимъ образомъ охота крупныхъ скупщиковъ, предварительно условливающихъ между собой, выше какой цѣны не давать за рыбу, на мелкихъ; при покупкѣ обыкновенно покупатель уплачиваетъ большую часть стоимости товаромъ: мережами, хлѣбомъ, солью, или же мелкіе рыбаки еще заранѣе берутъ въ долгъ эти товары. Иначе, рыбопромышленникъ встрѣчаетъ мелкаго продавца словами: Зачѣмъ

онъ будетъ брать у него рыбу и по дорогой цѣнѣ; вѣдь онъ, мелкій рыбакъ, не бралъ у него мережи, соли или чего другаго? Такимъ образомъ и мелкіе рыбаки часто бываютъ принуждены отдавать свою рыбу по крайне дешевой цѣнѣ, и чтобъ во всякомъ случаѣ пріобрѣсти себѣ выгоду и даже значительную, должны, какъ въ свою очередь сильные противъ слабыхъ, употреблять все мѣры добыть ее по возможности дешево отъ самихъ остяковъ, даже еслибъ это и было соединено съ неизбѣжными жертвами противъ мало принимаемыхъ здѣсь во вниманіе человѣческихъ чувствъ чести и справедливости, вообще твердой нравственности. Наконецъ къ вечеру начинаютъ показываться съ разныхъ сторонъ и сами остяки-рыболовы; лодка за лодкой пристаётъ къ берегу; у каждой лодки по неводу и по 4—5 человѣкъ остяковъ, изрѣдка между ними и русскіе. Нѣкоторые ловцы насквозь промокли, такъ какъ приходилось бродить и стоять въ водѣ, при здѣшнемъ способѣ ловли, по грудь; ихъ кожанное одѣяніе превратилось отъ воды въ слизистую, грязно-сѣрую массу, охлаждающую тѣло также, какъ и крѣпкій сѣверный вѣтеръ. Наловленная рыба выносится на носилкахъ на берегъ; въ разныхъ лодкахъ отъ 2 до 3 носилокъ, 8 же носилокъ составляютъ бочку; при мнѣ она оказалась сравнительно мелкою, какъ справедливо жаловались скупщики, и двое, трое носилокъ, по ихъ мнѣнію, ничтожный уловъ; бываетъ уловъ въ два или три раза большій, а то ловцы въ день нагружаютъ цѣлую лодку и даже добудутъ на двѣ. Но много ли рыбы, мало ли, когда она вся на берегу, остякъ управляющій неводомъ, или хозяинъ его, начинаетъ раздѣлять; выбирая рыбъ одинаковой величины, онъ кидаетъ ихъ то вправо, то влево, на двѣ кучи; одна половина его, другая—для скупщика. Если ловцы не одной семьи и имѣютъ право на пай, то и свою половину онъ дѣлитъ на соотвѣтственное количество равныхъ частей для каждаго участника. Если въ неводѣ участвуетъ русскій, пай котораго идетъ скупщику, то онъ и его не забудетъ; еще прежде общаго дѣленія на половины, онъ беретъ изъ общей кучи одну или двѣ рыбы, большихъ или малыхъ, смотря по улову, и бросаетъ ихъ

рабочему, въ его полную собственность на «присоль»; въ этой своей волѣ остякъ остается вполнѣ неприкосновеннымъ и не забудетъ не менѣ несчастнаго своего сотоварища. Всякій изъ наилучшихъ рыбу распоряжается ею по своему усмотрѣнію; къ остяцкимъ паямъ приступаютъ остячки съ ножами и готовятъ изъ рыбы обычнымъ порядкомъ позѣмы, юрокъ и пр.; часть оставшюся, по преимуществу крупныхъ рыбъ, отдають скупщику, который всю, слѣдующую ему рыбу, готовитъ въ соль въ своемъ сараѣ или просто на воздухѣ. Рыба наскоро чистится, вынимаются у ней внутренности, и она кладется въ бочку такимъ образомъ: Дно бочки посыпается довольно грязной, нечистой солью, которую кладутъ горстями и во внутрь рыбы; рыба за рыбой раскладываются въ бочкѣ одна на другую, съ предварительнымъ посыпаніемъ солью, и такъ наполняется вся бочка; черезъ нѣсколько времени рыба выдѣляетъ изъ себя воду и получается въ бочкѣ разсолъ, среди котораго рыба лежитъ до 7 дней; затѣмъ ее вынимаютъ изъ бочекъ, обмываютъ въ водѣ и, сортируя по размѣрамъ, укладываютъ въ видѣ полѣнницъ, или какъ здѣсь говорятъ, въ стопы, въ сараяхъ; тутъ она лежитъ иногда въ теченіе всего періода ловли, до отправки въ Обдорскъ или дальше. Рыба, засоленная такимъ образомъ, груба, жестка, солена и можетъ быть съѣдобною только для людей самыхъ неразборчивыхъ въ пищѣ; если при такой системѣ рыба мало солится, то скоро портится, обращается въ совершенную гниль, что и случается весьма нерѣдко у обскихъ рыбопромышленниковъ. Разсолъ, остающійся послѣ вынутой изъ бочки рыбы, берутъ остячки, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобъ за это вымыть скупщику опредѣленное количество усолѣвшей рыбы. Изъ разсола остячки вывариваютъ соль въ своихъ собственныхъ котлахъ и ею продовольствуются; этотъ способъ добыванія соли у остяковъ распространенъ во время лѣта больше, чѣмъ покупка соли. Тѣмъ же разсолонъ пользуются и русскіе рабочіе или караванные, какъ здѣсь говорятъ, чтобъ готовить свою, вышадящую имъ отъ артельщиковъ остяковъ, рыбу; вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ способовъ соленія рыбы,

къ которому прибѣгаютъ иногда рабочіе въ низовьяхъ Оби, на-помнилъ мнѣ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда люди въ своемъ перво-бытномъ состояніи еще не додумались до искусства дѣлать посу-ду, вмѣсто которой служили имъ ямы, вырытыя въ землѣ и обмазанныя глиной, какъ это по крайней мѣрѣ было во вну-тренней Африкѣ; въ томъ же родѣ посуду можно видѣть и у нижне-обскихъ рабочихъ: они вырываютъ въ землѣ яму и, под-кладывая на дно ея бересту, складываютъ туда рыбу, обливая ее рассоломъ; при такихъ условіяхъ рыба много или мало выса-ливается.

Прибывъ въ Вульпаслинскія юрты довольно рано, я до-ждался глубокаго вечера, а дальнѣйшая поѣздка все таки была невозможна; рыбаки внимательно разсматривали мою лодку, при-знали ее во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной и удобной для дальнѣйшаго плаванія, даже на бурныхъ водахъ Обской гу-бы, близость которой предчувствовалась; но оснастку они нашли рѣшительно никуда негодною, т. е. мои три якоря были слиш-комъ малы, а канаты, на которыхъ они прикрѣплялись, терпимы лишь при рѣчномъ плаваніи, при мирной стоянкѣ въ защищен-ныхъ отъ вѣтра заливахъ. Въ открытыхъ же водахъ губы до-статочно одного моментальнаго, но сильнаго порыва вѣтра, чтобъ сразу оборвать эти канаты, и рыбаки, заботясь о моемъ благо-получномъ плаваніи, предложили мнѣ всевозможное на случай опас-ности, и канаты, вполнѣ благонадежные, и запасныя веревки; они составили наиболѣе выгодную комбинацію изъ якорей, на случай остановки во время бури, давая моему, молодому и малоопытно-му казаку наставленія о способахъ прикрѣпленія веревокъ и ка-натовъ. При этомъ тянулся рядъ разсказовъ о разныхъ опасно-стяхъ и приключеніяхъ, испытываемыхъ рыбаками во время воз-вращенія изъ губы съ добытымъ запасомъ рыбы, о томъ какъ бури часто ставили ихъ на край гибели и спасеніемъ они не-рѣдко бывали обязаны простому случаю. Оборони Господи, такая погода, да плохая снасть! . . — слышалось въ заключеніе, подѣ

все болѣе и болѣе усиливавшійся гулъ вѣтра. Подъ вліяніемъ его внезапныхъ и часто повторявшихся порывовъ колыхались, ударялись другъ о друга, и поскрипывали наши лодки, не смотря на то, что онѣ стояли у самаго берега, подъ защитой хотя и не высокаго, но обширнаго острова; на самой пристани ходила легкая зыбь отъ волнъ, уже сильно ослабѣвавшихъ и мѣрно подходившихъ въ нее изъ открытаго для вѣтра пространства, — оттуда, гдѣ сердито ходили черныя большія волны съ бѣлыми гривами, за которыми дальше на Оби стояла непроницаемая мгла, скрывавшая правый берегъ. Изъ этой тьмы по временамъ, однако же рѣзко, выдѣлялся мерцавшій огонекъ. Оказалось, тамъ — остячки; еще рано утромъ онѣ отправились за рѣку собирать морошку, а къ концу дня застала ихъ на берегу непогода. Но онѣ въ такихъ случаяхъ не унываютъ, такъ какъ съ ними это не въ первый разъ: лодку — на берегъ, опрокидываютъ ее вверхъ дномъ и, разводя большой костеръ, сами кроются подъ защиту лодки отъ дождя и вѣтра; тутъ онѣ проводятъ время, какъ въ чумѣ, въ разговорахъ, въ разказахъ, въ борьбѣ и пр. и такимъ образомъ случается, живутъ вблизи отъ своего жилья, не имѣя возможности попасть въ него, день, два, три и даже недѣлю. Къ утру слѣдующаго дня вѣтеръ значительно ослабѣлъ, и 12 августа я отправился дальше внизъ по Большой Оби, которая долго еще сохраняетъ свой уже ранѣе проявившійся характеръ: фарватеръ ея идетъ неизмѣнно около праваго берега; только плеса ея становятся здѣсь замѣтно болѣе широкими, напоминающими озера, и воды ея разливаются на обширномъ пространствѣ, при чемъ образуются мели, мелководные заливы и пр. При сравнительно слабомъ противномъ вѣтрѣ, который въ ерединѣ дни смѣнялся почти совершенною тишиной, я довольно быстро подвигался впередъ и къ ночи сдѣлалъ около 100 верстъ разстоянія, съ остановками въ разныхъ рыболовческихъ стангахъ, именно въ юртахъ Самбенскихъ, Воксарковыхъ, Аурскихъ, Казымскихъ и Сумутнельскихъ. Обычными, встрѣчавшимися на водахъ обитателями, были на этомъ пути гагары (*Colymbus arcticus* и *septentrionalis*); будучи весьма ос-

торожными, онѣ издалека замѣчали лодку и, подпуская ее на разстояніе, рѣдко впрочемъ доступное на выстрѣлъ обыкновеннаго ружья, начинали выказывать свое замѣчательное искусство въ ныряньи, въ одномъ мѣстѣ исчезая подѣ водой и появляясь далеко въ другомъ, что повторялось много разѣ и въ различныхъ направленіяхъ; но нерѣдко удачно пущенный выстрѣлъ изъ Берданки, если не укладывалъ ихъ на мѣстѣ, то крайней мѣрѣ казался имъ настолько опаснымъ, что онѣ, хотя и неохотно и тяжело, оставляли родную имъ стихію. вмѣстѣ съ большимъ количествомъ чаекъ и разныхъ видовъ утокъ, показывались по временамъ и гуси; они, воспитавъ молодыхъ, собирались стадами, располагаясь по отмелямъ и заливамъ. Нарушалось однообразіе нашего плаванія и остановками около юртъ, перемѣной гребцовъ, которыми всегда состояли 8 — 10 человекъ остяковъ; по пріѣздѣ въ юрты, мы всегда наровили къ ближайшимъ мѣстамъ, гдѣ производилось рыболовство, обыкновенно также остяками. Изъ вытщенной тони невода я отбиралъ себѣ наиболѣе интересные экземпляры для сохраненія въ спиртѣ, конечно съ платой законнаго ловцамъ гонорарія; затѣмъ къ выловленной рыбѣ являлись полными хозяевами гости-гребцы; всякій изъ нихъ бралъ по приличной размѣрамъ рыбѣ, вынимались ножи, остяки усаживались на берегъ, на травку, и рыба еще трепещущая съѣдалась сырою; въ случаѣ, если тоня была изобильна, подступы къ рыбѣ повторялись многократно, если она заключала въ себѣ до 10 — 15 порядочныхъ рыбъ, то ловцамъ приходилось минутъ черезъ 5 или 10 снова бросать неводъ, чтобъ сколько нибудь достаточно удовлетворить аппетитъ пріѣзжихъ, при чемъ о какой бы то ни было платѣ здѣсь не было и рѣчи. Рыбацкія лодки встрѣчались весьма часто по Оби, вдали отъ юртъ; рисуясь часто далеко на горизонтѣ, иногда съ бѣловато-сѣрыми парусами, въ разныхъ направленіяхъ, онѣ также, какъ блестящія своей бѣлизной стаи лебедей, оживляли величественную, но пустынную рѣку. Во время значительныхъ переѣздовъ остяки-гребцы обыкновенно наровили подѣхать къ такимъ лодкамъ, конечно съ своимъ расче-

томъ; ловъ рыбы всѣ эти лодки производятъ на мелкихъ мѣстахъ; одинъ изъ четырехъ или пяти человѣкъ сходитъ съ лодки въ воду и держитъ въ своихъ рукахъ веревки отъ одного конца невода; лодка идетъ вокругъ того мѣста, гдѣ предполагается рыба, при чемъ спускается полукругомъ неводъ; когда весь неводъ оказывается спущеннымъ въ воду, то остякъ, стоящій въ водѣ и лодка сходятся, при чемъ сводятся и концы невода, который затѣмъ рыбаки тащутъ въ лодку, вмѣстѣ съ находящеюся въ немъ рыбой, если она попала. Въ изобильные рыбой года такимъ способомъ рыба добывается въ большемъ количествѣ: во всякомъ же случаѣ, остяки, закидывая тони невода нѣсколько разъ на одной отмели—салма по здѣшнему выраженію, переѣзжаютъ на другія, имъ уже извѣстныя, стоятъ болѣе или менѣе продолжительно на мѣстѣ, гдѣ ловъ наиболѣе удаченъ. Добродушные и кроткіе ловцы рыбаки по первому слову предлагали обыкновенно своимъ собратьямъ все лучшее изъ дневнаго улова, подѣляя со своей лодкой къ нашей. Замѣтивъ однажды весьма быстрое исчезновеніе штукъ 15 рыбъ, благодаря поспѣшности, съ которой гребцы поглощали кусокъ за кускомъ, я выразилъ по этому поводу удивленіе, которое однакоже возбудило только веселый смѣхъ между остяками, при чемъ они мнѣ указали на тутъ же сидѣвшаго своего собрата, который сразу съѣдаетъ 2-хъ или 3-хъ мѣрныхъ муксуновъ, тогда какъ изъ числа съѣденныхъ 15 были по большей части недомуксунки, имѣвшіе впрочемъ не меньше 3—3½ фунтовъ каждый. Тутъ же остяки принялись высчитывать, сколько они съѣдаютъ рыбы въ день, находясь на рыбной ловлѣ; оказалось, всякій порядочный остякъ съѣстъ въ разные періоды дня до 5 мѣрныхъ муксуновъ, въ сыромъ видѣ, да фунта въ 3—4 ковригу хлѣба; если положить, какъ обыкновенно, вѣсъ мѣрнаго муксуна среднимъ числомъ въ 5 фунтовъ и присокупить, что остякъ по приѣздѣ домой еще иногда съѣдаетъ муксуна въ сыромъ видѣ, да еще ѣстъ рыбу вареную, то придется признать, что остякъ можетъ съѣдать въ день не меньше полу-пуда рыбы только въ сыромъ видѣ, безъ костей и голо-

вы, вѣсь которыхъ въ муксунѣ простирается до 1 — 1½ фунтовъ. Ночью на 18 августа подулъ попутный намъ южный вѣтеръ, и мы черезъ юрты Неутинскія и Имбарскія достигли острова Яро, на которомъ находится замѣчательнѣйшій песокъ по изобильному улову на немъ всякой рыбы, въ особенности осетровъ; это—такъ называемый песокъ Яровской или Яры. Здѣсь, около всего обширнаго острова, также какъ около острововъ, лежащихъ далѣе, Нанги и Мохтаска, производитъ рыболовство одинъ изъ крупныхъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ въ обширныхъ размѣрахъ; у него въ станкѣ на островѣ Нанги я и провелъ болѣе сутокъ, среди довольно скромной, но совершенно европейской обстановки, благодаря тому, что онъ живетъ здѣсь со своей семьей, главнѣйшая представительница которой привыкла на своей родинѣ, въ окрестностяхъ Петербурга, къ комфорту и надлежащему домашнему обиходу, поддерживать которые нетрудно даже въ самомъ пустынномъ предверіи къ негостеприимному Ледовитому морю, была бы охота. Присутствіе самого хозяина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него ведется рыболовство въ обширныхъ размѣрахъ, полезно для самихъ мѣстныхъ жителей - остяковъ, такъ какъ онъ не всегда позволитъ себѣ, изъ хозяйственныхъ расчетовъ, тотъ рядъ неблагоприятныхъ дѣйствій, на которыя обыкновенно рѣшаются прикащики отъ хозяевъ, присоединяющіе къ интересамъ хозяина свои личныя и доходящіе въ удовлетвореніи своихъ стремленій до полного пропозвола и безнаказанности. Личное присутствіе крупныхъ хозяевъ рыбопромышленниковъ могло бы отстранить многое изъ крайне печальныхъ отношеній къ остякамъ прикащиковъ, конечно, при тѣхъ только условіяхъ, если прикащики не будутъ поставляться въ разныя области отъ крупныхъ рыбопромышленниковъ на подобіе того, какъ у насъ прежде посылались воеводы въ разныя мѣста «на прокормленіе». Нынѣ нѣкоторые изъ крупныхъ рыбопромышленниковъ во время всего періода рыболовства живутъ въ Тобольскѣ, занимаясь тамъ другими дѣлами, и пріѣзжаютъ только на окраины своихъ рыболовческихъ областей съ пароходами за наловленной рыбой, при

чемъ случается нерѣдко, что барышей на долю хозяина приходится меньше, чѣмъ на долю ихъ довѣренныхъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ Нанги у С. И. Бронникова, я условился возвратиться съ Надыма не позже конца августа, съ тѣмъ, чтобъ отсюда съ пароходомъ пуститься къ Обдорску, а теперь пока долженъ былъ пользоваться благопріятной погодой и спѣшить въ дальнѣйшій путь; да и было во мнѣ какое то чувство, которое подмывало меня: «дальше, дальше!» За островомъ Нанги, воды р. Оби еще болѣе потеряли свой рѣчной характеръ, рѣчные плеса превратилсь какъ бы въ отдѣльные водоемы, версты до 15—20 въ ширину; кромѣ возвышеннаго праваго берега Оби, по всѣмъ другимъ направленіямъ далеко на горизонтѣ едва виднѣлись низменныя острова; главное русло рѣки здѣсь дѣлается сильно измѣнчивымъ, а наносные рѣчные пески образуютъ обширныя мели. По выѣздѣ изъ Нанги, легкій попутный вѣтеръ надулъ слегка парусъ, и мы пустились по ровной зыби сначала къ мѣстечку Сохъ-велты-поголь, а затѣмъ къ устью Мохтаской протоки, по которой къ вечеру достигли Мохтаскаго рыболовческаго станка. На другой день мы были на пути къ станкамъ Варкуты, Ярцинги и Хэ, въ самыхъ водахъ Обской губы, придерживаясь южнаго берега; кромѣ острова Хэ, здѣсь уже нѣтъ другихъ, сколько нибудь значительныхъ острововъ, и глазу открывается раскинутая по всѣмъ направленіямъ, безпредѣльная площадь водъ, теряющаяся далеко на окраинахъ горизонта. Съ утра насъ подгонялъ впередъ вѣтерокъ, съ легкой зыбью, къ полудню онъ еще болѣе ослабѣлъ, а во второй половинѣ дня, на пути отъ Хэ въ Надымъ, насъ сопровождала совершенная тишина; вся поверхность широко раскинутыхъ водъ представлялась прекраснымъ зеркаломъ, въ которое съ недосыгаемой высоты смотрѣло солнце и золотило его своими, еще яркими лучами. Къ вечеру надъ водой появился легкій, прозрачный сѣроватый туманъ, небо также одѣлось сплошнымъ сѣроватымъ покровомъ, подобный же отгѣнокъ приняла и вода, такъ что наконецъ уже не было возможности различать, даже не на дальнемъ разстояніи, предѣловъ между

поверхностью водъ и небомъ. Наконецъ по водѣ, отъ востока къ западу, начали показываться легкія темныя полосы ряби; черезъ нѣсколько времени онѣ еще болѣе широко раскинулись по водѣ, которая приняла мало по малу черній оттѣнокъ; небо прояснилось, въ немъ показались синеватыя окна съ яркими звѣздами, тучи размѣстились въ разныхъ частяхъ неба черными пятнами, и намъ навстрѣчу подулъ легкій восточный вѣтеръ. Замокъ хохотъ чаекъ, затихли крики гагаръ, пчезла сова, почему то нашедшая нужнымъ сопровождать насъ; ночь застигла насъ около Ёман'гнѣла, гдѣ мы и рѣшались подождать свѣта.

Утромъ, 16 августа, я вошелъ въ устье Надыма и остано-вился около юртъ Хоровой, совершивъ отсюда поѣздку къ юртамъ Паули, расположеннымъ также, какъ и Хоровой, на одной изъ протокъ при устьяхъ Надыма. Надымъ впадаетъ съ ю.-ю.-в. въ Обскую губу, образуя при устьѣ множество низменныхъ острововъ; острова раздѣлены соответственнымъ количествомъ протокъ, по преимуществу весьма мелководныхъ, узкихъ; даже главный рукавъ Надыма сравнительно неширокъ; проѣзжая по нему, можно было во многихъ мѣстахъ видѣть дно или встрѣчать такую глубину 5 — 6 четвертей, по которой только могла пройти лодка; по самому фарватеру проходятъ однакоже обскія рыбацкія посудины-павозки. Судя по существующимъ картамъ, въ распредѣленіи водъ Надыма, въ ихъ разливѣ, можно было бы ожидать большаго величія, рѣзко выдающагося преобладанія водъ надъ сушей, въ родѣ того, что имѣетъ мѣсто при устьяхъ Оби, чего однакоже далеко нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Общи по характеру, по широтѣ, только долины этихъ двухъ рѣкъ, при чемъ рукава Надыма напоминаютъ лишь второстепенныя протоки, переkreщивающія долину Оби въ разнообразнѣйшихъ направле-ніяхъ. Я ѣхалъ по долинѣ Надыма изъ Хоровой въ Паули этимъ рядомъ мелкихъ протокъ, берега которыхъ окаймлены острова-ми, заросшими высокой травой, преимущественно осоками, также кустарниками изъ ивняка, по большей части невысокаго рос-

та, но вѣтвистаго и растущаго довольно густо. То же самое можно видѣть около Хоровой, гдѣ глазу открывается широкая низменность, между ивовыми кустарниками которой растетъ и смородина (*Ribes*); окраины или скрываются кустарниками, или теряются на громадномъ отдаленіи; вообще, вся мѣстность около Хоровая съ ея болотистой, мокрой, усѣянной кочками почвой, производитъ безотрадное впечатлѣніе, въ особенности къ концу лѣта. Мѣста, болѣе или менѣе выдающіяся по высотѣ и сухія, крайне рѣдки, а высоты, окаймляющія долину, повидимому очень далеки отъ главнаго русла Надыма. Въ самый разгаръ половодья Надымъ, можетъ быть, нѣсколько больше приближается къ тому виду, въ какомъ онъ представляется на картахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что видъ его долины сильно измѣняется по одному, совершенно случайному обстоятельству, именно потому, что устье его прямо открыто доступу сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Эти вѣтры, преобладающіе въ здѣшнемъ краѣ и особенно грозные по своей продолжительности и силѣ, нагоняютъ воду изъ сѣверныхъ частей Обской губы къ южному ея берегу, а также и къ устьямъ Надыма; въ это время рыболовческія суда, нерѣдко сидящія на мели и даже почти обсыхающія, настолько поднимаются, что свободно сходятъ изъ мѣстъ своей невольной стоянки, безъ всякихъ усилій со стороны находящихся на нихъ людей; притомъ же обскія рыболовческія посудины часто сидятъ весьма глубоко. Въ долину Надыма, при его устьяхъ, повышеніе уровня воды и потокъ ея изъ Обской губы еще болѣе рѣзко отражается, частію потому, что встрѣчнымъ потокомъ спираются воды самага Надыма. Такое явленіе страшно для всего живаго въ долину Надыма: здѣсь не остается ни одного клочка земли, который остался бы свободенъ отъ воды; это явленіе подобно тѣмъ наводненіямъ около Петербурга, которыя происходятъ въ немъ осенью отъ сильныхъ западныхъ вѣтровъ, но только оно болѣе широко распространяется. Остяки, во время продолжительно стоящихъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, отъ которыхъ вода въ Надымѣ поднимается все выше и

выше, уже заранѣе собираютъ свои чумы и укладываютъ ихъ въ лодки, со всѣмъ наличнымъ имуществомъ; затѣмъ, выискивая болѣе или менѣе безопасныя мѣста, останавливаются выжидать окончанія вѣтра, что длится иногда съ недѣлю и больше. Непременная гибель ждетъ человѣка, который будетъ внезапно захваченъ напоромъ воды въ долину Надыма, безъ лодки или въ плохой лодчонкѣ. Можетъ быть, только остякъ, привыкшій къ водѣ, найдется при трудныхъ обстоятельствахъ; бываютъ случаи, что бушующія волны опрокидываютъ его легкій челнъ, но остякъ и тутъ справится: держась за лодку, онъ найдетъ удобнѣйшій случай повернуть ее надлежащимъ образомъ и снова вскарабкаться въ нее, а затѣмъ онъ снова потащится своей дорогой, продолжая борьбу съ суровой, бушующей стихіей. Наводненія въ долину Надыма въ одинаковой степени опасны и для сухопутныхъ животныхъ, какъ то полевокъ, горностаевъ, песцовъ; такъ какъ они повторяются весной и осенью, то не остаются безъ вліянія на гнѣздованіе птицъ въ здѣшной мѣстности. Вѣроятно, по всѣмъ этимъ причинамъ долина Надыма кажется весьма пустынною и печальною; кромѣ небольшого количества сухопутныхъ птицъ, ее оживляли во время моего пребыванія преимущественно водныя птицы: утки, гуси, кулики и пр. Верстахъ въ 30—40 вверхъ по Надыму, начинаются лѣса, лиственница и кедровники; здѣсь со многими млекопитающими, бѣлкой, медвѣдемъ, лисицей, песцомъ и пр., встрѣчаются и гнѣзятся орлы (*Aquila fulvus*); по крайней мѣрѣ я во многихъ чумахъ у Надымскихъ остяковъ видѣлъ нѣсколько экземпляровъ орловъ, принадлежащихъ видимо къ указанному виду; остяки, взявши ихъ въ лѣсной полосѣ Надыма, держали у себя на воспитаніи, вскармливая преимущественно рыбой; съ полнымъ развитіемъ молодаго экземпляра, остяки выдергиваютъ у него перья и употребляютъ ихъ для оклейки стрѣлъ; одного такого орла я привезъ живаго изъ Надыма въ Обдорскъ. Изъ водяныхъ обитателей входятъ въ устья Надыма водящіеся въ Обской губѣ дельфины (*Delphinus leucas*) и тюлени. Дельфины, въ особенности весной, собираются въ губѣ

большими стаями и гоняясь за рыбой, не рѣдко заходятъ на отмели, откуда уже не могутъ выбраться, и становятся тогда жертвою остяковъ, которые вообще, какъ здѣсь, такъ и на Оби, не знаютъ иного промысла за дельфинами. Дельфины, попадая по большей части въ безвыходное положеніе одиночными экземплярами, иногда заходятъ въ мелководные заливы цѣлыми стадами, не имѣя возможности отсюда выбраться; такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при устьяхъ Оби попало въ руки одного мѣстнаго жителя цѣлое стадо въ 12 штукъ. Тюлень также не составляетъ предмета спеціальнаго промысла, хотя при устьяхъ Надыма и во время плаванія по губѣ онъ встрѣчается не рѣдко. Рыбы, входящія въ Надымъ изъ Обской губы, тѣ же, какъ и въ Оби: преимущественно муксунъ, нельма и осетръ. Первые ловятся неводами при устьѣ рѣки, а также и на большей части ея теченія, вмѣстѣ съ другой, мелкой рыбой. Осетръ промышляется главнымъ образомъ переметами, — это крючья на тонкихъ нитяхъ, прикрѣпленные къ одной общей веревкѣ и спущенные въ воду, съ находящеюся на нихъ наживой, состоящей изъ мелкой рыбы; этотъ способъ ловли осетра распространенъ по всему теченію Оби и Иртыша. Всѣ промысловыя рыбы, поднимаясь весной по Надыму, къ концу лѣта и осенью начинаютъ обратный ходъ въ губу. Рыбы, поднимающіяся по Надыму, также какъ и вообще ловимыя въ теченіе лѣта въ низовьяхъ Оби, менѣе икряны, чѣмъ встрѣчающіяся въ среднемъ теченіи Оби и въ Иртышѣ, хотя ловимый въ Надымѣ осетръ сравнительно крупень, среднимъ числомъ вѣситъ до 1—2 пудовъ; часто встрѣчаются экземпляры до 5 пудовъ вѣсомъ, бываютъ и 12-ти пудовые; въ рѣдкихъ случаяхъ однако и въ Иртышѣ встрѣчались одиночно осетры больше 13 пудовъ вѣсомъ. Осетръ, заходя въ большомъ количествѣ въ Надымъ и служа здѣсь рыбой, наиболѣе завлекательной для рыбопромышленниковъ, распространяется и дальше къ сѣверу; при томъ онъ придерживается восточнаго берега Обской губы, который вполне соотвѣтствуетъ по своему характеру правому берегу р. Оби и при устьѣ Тазовской губы образуетъ изгибъ на

востокъ, переходя такимъ образомъ въ западный берегъ Тазовской губы. Держась около восточнаго берега Обской губы, осетръ заходитъ весною въ небольшія рѣки, впадающія съ запада въ Обскую губу; отсюда онъ уходитъ наконецъ въ своемъ распространѣнн въ Тазовскую губу. Между другими рыбами, осетръ въ особенности привлекалъ рыбопромышленниковъ въ Обскую губу; изъ Надыма рыбопромышленность идетъ далѣе, къ сѣверу; теперь существуютъ рыболовческія поселенія въ мѣстечкѣ Линзетэ и при р. Ныдѣ, откуда успѣшный уловъ осетра влечетъ рыбопромышленниковъ еще дальше, и Тазовская губа служитъ для нихъ крайнимъ и самымъ заманчивымъ пунктомъ стремленій. Въ прежнія времена изъ Тазу въ низовья Оби самоѣды вывозили каждый годъ до 150 пудовъ осетроваго клею; нынѣ привозится только половина этого количества, такъ какъ клей идетъ въ большомъ количествѣ въ Туруханскъ, а осетръ вывозится самоѣдами къ Сургуту и Самарову. Среднимъ числомъ на каждого осетра полагается $\frac{1}{4}$ фунта клея, такъ что для полученія 150 пудовъ нужно изловить по крайней мѣрѣ 24,000 штукъ осетровъ. Прежде, чѣмъ останавливаться на здѣшнихъ рыбопромышленникахъ, появившихся здѣсь недавно и живущихъ временно, обращусь къ первобытнымъ обитателямъ долины Надыма — къ остякамъ.

Сейчасъ же послѣ того, какъ Туромъ сотворилъ воду и землю, здѣсь на Надымѣ, въ Хоровой, поселился Ёсвай, прародитель нынѣшнихъ здѣшнихъ вотчинниковъ-остяковъ, трехъ братьевъ Няульчи, Хангая и Сон'гома. Онъ городилъ въ рѣкѣ заѣздки (ѣзъ) и въ нихъ «важанилъ», т. е. спускалъ въ проходъ, оставленный въ перегородкѣ, мѣшокъ, подобный колыдану, и такимъ образомъ ловилъ рыбу. Однажды, когда случилось наводненіе и большая часть земли была затоплена, Ёсвай сидѣлъ около загороженнаго имъ заѣзка въ руслѣ рѣки и велъ свой промыселъ. Вдругъ къ нему подъѣхалъ незнакомый остякъ и сталъ просить, чтобъ Ёсвай, первый поселенецъ мѣстности, отдалъ ему ѣзъ. Ёсвай удивился просьбѣ и сказалъ, что пріѣзжій можетъ горо-

дять самъ себѣ новыи ѣзъ и важанить. Приѣзжій сказалъ, что онъ желаетъ имѣть именно этотъ ѣзъ, такъ какъ тутъ хорошо рыба попадаетъ. Ёсовой все-таки не согласился разстаться съ своей ловушкой и продолжалъ свое занятіе. Тогда вновь появившійся остякъ, предокъ нынѣшнихъ Надымскихъ вотчинниковъ, рода Тонки, Тярмасъ-Катонъ, заѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, натянулъ лукъ, направилъ свою стрѣлу въ тылъ Ёсовая и, подѣхавши на близкое разстояніе, спустилъ ее. Стрѣла угодила прямо въ затылокъ Ёсовая, и онъ мертвый повалился въ важану; находившійся при немъ сынъ страшно перепугался, но остался цѣлъ. Онъ передалъ потомъ о случившемся своей матери, которая сейчасъ же отправилась въ Паули и привезла оттуда другого своего, старшаго сына, съ которымъ снова поселилась въ Хоровоѣ, на томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ, во владѣнія ея убитаго мужа наѣхали родственники Тярмасъ-Катона, предки тѣхъ же родичей: Тонки, Индермы и др. Когда дѣти убитаго достаточно подросли и окрѣпли, то пришельцы уговорили старшаго въ родѣ, чтобъ онъ не сердился, не имѣлъ бы зла за смерть отца, за чтò обѣщали ему двухъ женъ. Но на самомъ дѣлѣ они дали только одну жену, въ чемъ снова показали себя, какъ худые люди. Нынче отъ рода Ёсоваяо стало только трое братьевъ, которыхъ потомки Тярмасъ-Катона, Тонка, Индерма и др. до сихъ поръ стараются преслѣдовать и даже принимаютъ мѣры какъ нибудь выжить ихъ изъ ихъ первобытной области обитанія.

Какъ Туромъ создалъ землю, откуда появился первобытный житель Надыма — Ёсовой, ничего неизвѣстно. Остяки знаютъ только, что мѣсто, гдѣ сначала жилъ Тярмасъ-Катонъ, было на Оби, пониже Обдорска. Оттуда Тярмасъ-Катона съ родственниками, во время наводненія, принесло водой и огнемъ Ёмана: самая вода была, какъ огонь; между тѣмъ пришельцы плыли въ простыхъ лодкахъ. Когда Ёсовой жилъ въ Надымѣ, родни у него никакой не было, вообще родъ велся плохо, былъ мало плодovitъ; дѣтей у потомковъ перваго поселенца было мало, и если у нѣкоторыхъ было по нѣскольку парней, то они всегда помирали, и

обыкновенно оставался только одинъ, отъ котораго и шелъ дальше родъ; отъ того и родни въ этомъ родѣ немного. Средній изъ трехъ братьевъ, потомковъ вошедшаго въ преданія Ёсовая, Хангай, передававшій мнѣ рассказъ, носить дѣйствительно въ своей наружности нѣчто первобытное. Онъ невысокаго роста, коренастый, плотнаго тѣлосложенія; голова пропорціональна росту, небольшая; лицо, ничѣмъ на первый взглядъ небросающееся въ глаза, округленное, подбородокъ не преобладаетъ надъ прочими частями лица, не выдается замѣтно впередъ и внизъ, какъ это обыкновенно у многихъ другихъ остяковъ; небольшой ротъ ограниченъ толстыми губами, которыя однакоже не бросаются въ глаза рядомъ съ небольшими, но полными щеками, съ короткимъ, на концѣ нѣсколько вздернутымъ кверху носомъ; невысокій лобъ на половину прикрытъ спадающими впередъ и круто обрѣзанными темными прямыми волосами, которые густо покрываютъ голову, разбиваясь на пряди. Изъ подъ значительно развитыхъ глазныхъ орбитъ, изъ глубины глазныхъ впадинъ выглядываютъ два темно-каріе, выразительные и живые, но нѣсколько запуганные глаза, округленные, съ ничтожными признаками щелеватости; кожа на лицѣ темная, негладкая, нѣсколько шаршавая. Помимо интереса, заключающагося въ приведенномъ родовомъ преданіи касательно заселенія Надыма, условій, при которыхъ здѣсь люди селились и жили, также относительно безыскусственныхъ взглядовъ остяка на ходъ явленій въ природѣ, въ немъ заключается указаніе на одну изъ чертъ жизни остяка, свойственную всѣмъ первобытнымъ народамъ, на родовую распрю, разладицу, которая въ частности и у остяковъ имѣла мѣсто въ прежнія времена, не прекратилась даже до сихъ поръ, и выражалась въ тѣхъ или другихъ формахъ, существуетъ у нихъ вмѣстѣ грубыми чертами первобытнаго склада ихъ жизни. Хангай рассказалъ мнѣ свое родовое преданіе послѣ того, какъ со скорбью объяснилъ положеніе своей сестры, находящейся въ замужествѣ за сыномъ Тонки, потомка Тярмасъ-Катона.

Старшина Тонка овдовѣлъ; у него уже взрослый, женатый сынъ; вдовый свекоръ высказываетъ свои поползновенія на сожитіе съ своей невѣсткой; сынъ ему въ этомъ не препятствуетъ и даже сочувствуетъ, но не соглашается на такую роль молодая женщина, которую поэтому и подвергаютъ побоямъ какъ мужъ, такъ и свекоръ. Мужъ однажды угостилъ свою супругу ударомъ топора, именно обухомъ въ шею, такъ что женщина нѣсколько времени лежала безъ чувствъ на землѣ,—столько именно времени, во сколько можетъ совершенно перегорѣть вязанка дровъ въ чумѣ. Свекоръ, нанося истязанія, спрашиваетъ невѣстку: «отчего же она не соглашается съ нимъ жить, вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и чѣмъ не хорошъ?»—Тонка имѣетъ за пятьдесятъ лѣтъ, у него широкое, угловатое лицо, съ сильно выдающимися скулами, сплюснутымъ носомъ; его подбородокъ также широкъ, надавленъ снизу впередъ и вверхъ, глаза узкіе, слезящіеся, кожа на лицѣ бѣлесоватая, гладкая, которая, рядомъ съ пробивающейся на ней кой гдѣ румяностью, производитъ такое впечатлѣніе, что будто бы хозяйинъ ея только что неожиданно всталъ изъ гроба или туда собирается, однимъ словомъ, онъ мужчина хоть-брось. Однажды мужъ свалилъ жену около дверей чума и, послѣ безмѣрной потасовки, вынулъ даже ножъ, чтобъ ее зарѣзать; она спаслась только потому, что на ея крики огчаянія сбѣжались женщины-сосѣдки и отклонили руки разъяренного супруга отъ совершенія страшнаго злодѣянія. Вообще мужъ не стѣснялся никакимъ орудіемъ противъ жены; онъ наносилъ ей удары большой доской, съ пропущеннымъ сквозь нее коломъ, — поплавокъ при ставкѣ переметовъ; при нанесеніи ударовъ, онъ приговаривалъ, что доведетъ ее до того же, до чего дошла его мать, упешдая въ могилу отъ непрерывно преслѣдовавшаго ее кашля: Тонка билъ свою жену до такой степени, что она, выйдя за него замужъ съ длинными, густыми волосами, умерла совершенно лысая, принеся всѣ свои волосы въ жертву супружескаго гнѣва. Къ счастью я засталъ Тонку уже женихомъ, онъ ухаживалъ за одной вдовицей изъ Паули и въ скоромъ времени имѣ-

лась въ виду свадьба; сынъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе жестокъ къ своей женѣ и угощалъ ее, въ случаѣ нужды, только кулаками. Отношенія Тонки къ невѣсткѣ считались предосудительными, и мѣстныхъ женщины, рѣшавшіяся дѣлать ему касательно этого замѣчанія, также подвергались потасовкамъ.

Надымскіе остяки имѣютъ въ большинствѣ случаевъ обычай, общіе остякамъ нижняго теченія Оби. Браки они заключаютъ въ самой близкой степени родства: не могутъ выходить замужъ или жениться другъ на другѣ дѣти родныхъ братьевъ; всякое другое родство не принимается въ расчетъ; два остяка могутъ для женитьбы мѣняться родными сестрами, съ придачей небольшого калыма съ той или другой стороны. Жена умершаго остяка принадлежитъ, какъ наслѣдственная собственность, ближайшему родственнику, родному брату, двоюродному, племяннику; по отказу родственника, она свободна выйти замужъ по своему желанію, съ калымомъ въ пользу родственника. Вмѣстѣ съ многоженствомъ, здѣсь обыкновенно неравенство брачующихся по возрасту; половая зрѣлость у женщинъ начинается около 12 — 13 лѣтъ; во время регулъ онѣ живутъ отъ всѣхъ отдѣльно; въ это время имъ воспрещается всякое прикосновеніе къ какой бы то ни было хозяйственной принадлежности, появленіе въ жильѣ, особенно прикосновеніе къ ловушкамъ, — однимъ словомъ, на нихъ лежитъ «табу» жителей острововъ Тихаго океана; всякая вещь, подвергшаяся прикосновенію «нечистой, поганой» женщины, должна быть окуриваема бобровой струей. Съ наступленіемъ періода половой зрѣлости, женщины носятъ «воропъ», нѣчто въ родѣ пояса цѣломудрїя, — принадлежность, общая у нихъ съ жителями Камчатки и Америки. Дѣвицѣ не ставится въ особенный упрекъ, если она не сохранить дѣвственности, но считается нѣсколько предосудительнымъ, если она принесетъ въ приданое мужу готовыхъ ребятъ; впрочемъ нѣкоторые остяки такому приданому бываютъ рады. Седьмая заповѣдь въ обычномъ правѣ остяковъ не существуетъ, хотя грѣхъ противъ нея не всегда остается безнаказаннымъ. Вообще, остячки не вполне лишены того

чувства, которое всякій европеецъ имѣетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи: онѣ имѣютъ своего рода симпатіи и антипатіи; отсюда, въ связи съ тѣми или другими семейными неудовольствіями, вытекаетъ расторженіе брака, что случается весьма часто. По этой причинѣ остяки-христиане въ низовьяхъ Оби считаютъ бракъ по своимъ обычаямъ для себя лучшимъ, и систематически избѣгаютъ вѣнца. Какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, на Надымѣ остяки часто остаются холостыми, по случаю недостатка калыма. Во время моего пребыванія въ Хоровоѣ, я засталъ приготовленія къ свадьбѣ; сынъ бывшаго старшины Эрэ Паина, «Пронька», некрещеный, а такъ названный потому, что родился въ Прокофьевъ день, собирался выдать свою дочь, дѣвочку 13 лѣтъ, за своего близкаго родственника по матери. Калыму вырѣжено: 100 песцовъ, 2 бобра, 1 чернобурая лисица, 2 мѣдныхъ котла, 150 оленей и 16 аршинъ краснаго сукна. Съ своей стороны отецъ невесты долженъ нарядить въ приданое: 15 нартъ рыбы, хлѣба, мяса, масла, позёмовъ, варки, рыбьяго жиру; 1 чумъ съ постелями, изъ которыхъ двѣ—накрыть сукномъ; 30 большихъ колокольцевъ, 5 дубленыхъ кожъ, ремней 45 маховыхъ сажень изъ шкуръ морскаго зайца и медвѣдя. Стоимость калыма будетъ здѣсь простираться по крайней мѣрѣ до 1000 руб. Обдорскій князь Тайшинъ, родственникъ Проньки, взялъ за свою внучку калыму болѣе 2000 руб. стоимостью. Рядомъ съ этими случаями, имѣющими мѣсто при выходѣ замужъ и женитьбѣ у богатыхъ остяковъ, для большинства плата калыма въ 5 — 15 оленей, дѣло крайне трудное, особенно въ послѣднее время, когда надежи производятъ страшныя опустошенія среди оленьихъ стадъ. Надымскіе остяки не особенно интересуются вопросами, лежащими внѣ ихъ земнаго существованія; они зарываютъ покойниковъ въ землю неглубоко, въ одеждѣ, но безъ гроба; кладутъ съ ними, что возможно, не придавая того смысла этому обычаю, какой онѣ имѣетъ у остяковъ средняго теченія Оби, съ убѣжденіемъ, что земною жизнью кончается существованіе человѣка. У нижнеобскихъ и надымскихъ остяковъ шаманство находится въ большой

силѣ; въ Паули и Хоровоѣ есть даже весьма искусные шаманы-остяки, и однажды мнѣ, во время бесѣды съ остяками въ чумѣ у Прокофья, указали на одного изъ таковыхъ. Остякъ согласился уже показать мнѣ свое искусство, какъ я услыхалъ къ несчастію, вмѣсто остяцкаго разговора, чисто русскую рѣчь: «Я не позволю!» — Отчего, спросилъ я. — Это мой работникъ, я его пошлю неводить. — Я вамъ заплачу, сколько угодно! — Я не хочу. Значитъ вышло дѣло, — нашему нраву не препятствуй; вмѣсто шамана, предо мной оказался рыбакъ, піонеръ въ распространеніи русской цивилизаціи.

Надымъ оказался фокусомъ, въ которомъ сосредоточился весь свѣтъ обской рыбопромышленности. Отъ самихъ рыбопромышленниковъ я ничего не узналъ существеннаго касательно ихъ занятій; они сами, по собственнымъ разсказамъ — народъ страждущій, обиженный остяками, которые ими благодѣтельствованы; всѣ же ихъ торговые обороты съ остяками составляютъ «комерческую тайну», неприкосновенность которой я и приму въ настоящее время рѣшимость нарушить, съ цѣлью выяснить суть этой тайны. Первостатейный элементъ, съ которымъ рыбопромышленникъ пробирается къ сѣверу по Обской губѣ, это — давно извѣстный на Оби запретный плодъ, главная составная часть «комерческой тайны», водка. Одинъ изъ торговыхъ дѣятелей въ Обдорскѣ особенно краснорѣчиво выяснялъ мнѣ всю несостоятельность въ отношеніяхъ русскихъ къ инородцамъ различныхъ приемовъ, и главнымъ пятномъ, лежащимъ на торговцахъ, считалъ торговлю водкой, увѣряя меня, что онъ въ своихъ сношеніяхъ придерживается болѣе честныхъ основаній. Но мнѣ жаль этого молодого, еще мало опытнаго человѣка; онъ не наострился еще такъ, чтобъ вести свои дѣла шито и крыто, не полагаясь даже на брата роднаго. Между тѣмъ, онъ тутъ же, изъ Самарова, писалъ къ брату слѣдующее, если ввести сюда орфографическія поправки: «Водки тебѣ не посылаю, потому что мнѣ только что отпустили 200 ведеръ, больше не было вина готоваго; остальное вино долженъ получить изъ Бе-

резова». Съ этимъ запасомъ онъ собирался отправиться въ Тазовскую губу, узнавъ объ изобиліи осетровъ въ томъ краѣ, а также и о томъ, что обскіе піонеры туда не проникали воднымъ путемъ. Проговариваются иногда и самые закоренѣлые комерсанты на счетъ своего искусства: «Я привезъ «на низъ» для собственнаго употребленія 20 ведеръ водки. Все лѣто былъ самъ пьянъ до отвалу, въ крайности поилъ рабочихъ, да еще нажилъ на этой водкѣ 500 руб., залативши за нее въ Тобольскѣ около 100 руб.». А дѣло простое; дайте сначала остякамъ по чашкѣ водки хорошей—даромъ; первую бутылку—за 1 рубль; двѣ вторыя, на половину съ водой—по полтора рубля за каждую; слѣдующія три бутылки чистой воды по два рубля, и остяки уйдутъ совершенно пьяные, а иначе — угостить ихъ подзатыльниками; эта система торговли водкой какъ въ низовьяхъ Оби, такъ и на Надымѣ, имѣетъ одинаковый характеръ. По пріѣздѣ въ Надымѣ, въ Хоровоѣ прежде всего рѣчь зашла съ остяками о водкѣ. Остяки уже пропили все, что могли, кто два рубля, кто три, кто пять; если не было денегъ, снесена заготовленная впрокъ на зиму рыба, юрокъ, позѣмы, а то шла въ ходъ имѣвшаяся на лицо зимняя одеженка, по преимуществу *ямушка*, женская шуба. Все шло по цѣнѣ крайне дешевой или въ полцѣнѣ. Больше всѣхъ позволилъ себѣ конечно Тонка, очевидно съ горя, отъ неудачъ около невѣстки въ Хоровоѣ, а частію съ радости около вновь найденной будущей въ Паули; въ Хоровоѣ онъ пропилъ 7 р. и оставилъ въ закладѣ лисицу въ 2-хъ рубляхъ, которая стоила по крайней мѣрѣ 5 руб.; въ Паули съ невѣстой прокутилъ также 5 руб. Остяки и самоѣды въ Паули пили еще болѣе усердно и въ удостовѣреніе несомнѣнности своихъ показаній дали мнѣ бирки, — палки съ зарубками, изъ которыхъ каждая означаетъ количество пропитыхъ рублей; эти бирки представлены мною въ послѣдствіи въ Омскъ; изъ нихъ есть такія: самоѣдинъ Сэувъ пропилъ 15 руб., въ этомъ числѣ ушла одна оленья шкура (постель) и двѣ малицы, каждая за одну бутылку; Пэдри — 17 руб., въ то число пошло 4 песца, оленья шкура, хорошая малица; Парессэ—25 руб., и кромѣ чистыхъ де-

негъ отдалъ одну пѣшку, 2 пуда юрюка, 20 муксуновъ (одна бутылка), одного бѣлаго песка. Все это остяки пропивали въ самый скудный періодъ, когда у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни мѣховъ. Большее празднество ихъ ожидало съ окончаніемъ рыбныхъ промысловъ; тогда всѣ они много или мало получаютъ денегъ подъ полуневода на слѣдующую весну, и эти-то деньги возвращаются обратно хозяевамъ; и если принять въ соображеніе этотъ конецъ, то итоги выйдутъ слишкомъ велики. Нѣсколько лѣтъ назадъ остяки Яче, нынѣ умершій, и еще живой Янута пропили въ короткій періодъ 100 руб., полученные за полуневода. Остякъ Ъмъ, пропившій 5 руб., просилъ меня оговорить, что онъ водку бралъ у рабочихъ, а не у нѣкоего Алексѣя, который тогда поступить съ нимъ очень жестоко, такъ какъ онъ боится, чтобъ истина не сдѣлалась извѣстною; вообще остяки пропитаны крайнею боязнью рассказывать правду, такъ какъ рыбопромышленники потомъ начинаютъ тѣснить ихъ еще больше и мстить. О качествѣ отпускаемой остякамъ водки, конечно, и говорить нечего; она самага худшаго сорта и на половину съ водой, иногда едва только пахнетъ водкой. Обыкновенно полуштофная бутылка наливается неполною, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ остяки показывали мнѣ $\frac{1}{2}$ бутылку отъ зельтерской воды, которую имъ выдаютъ какъ полуштофную. Въ большей части мѣстностей ниже Березова номинальная цѣна бутылки водки 1 рубль; но нерѣдко, кромѣ полу-бутылки отъ зельтерской воды, остякъ за рубль получаетъ только чайную чашку водки. Въ свою очередь стоимость рубля, въ мѣнѣ на товаръ, въ разныхъ мѣстахъ различна и въ общей сложности, чѣмъ ниже по Оби, тѣмъ рубль становится дороже, а остяцкій товаръ дешевле.

Обыкновенной единицей цѣнности, приравниваемой къ рублю, является, въ разныхъ частяхъ Оби, мѣрный муксунъ, имѣющій 9 вершковъ длины. Въ среднемъ теченіи Оби, между устьями Иртыша и Березовымъ, муксунъ цѣнится въ 12 коп., слѣдовательно на рубль лѣтомъ полагается $8\frac{1}{3}$ муксуновъ. По Оби между Бере-

зовымъ и Обдорскомъ полагается на рубль уже 10 муксуновъ, слѣдовательно муксунъ идетъ въ 10 коп. Ниже Обдорска, въ Вульпаслинскихъ юртахъ, полагается уже 12 муксуновъ на рубль, или одинъ муксунъ стоитъ $8\frac{1}{3}$ коп.; около юртъ Аурскихъ, острововъ Яро и Нанги на рубль 15 муксуновъ, или одинъ муксунъ идетъ за $6\frac{2}{3}$ коп. Въ юртахъ Воксарковыхъ, а также и далѣе по Обской губѣ, въ Варкутѣ, Ярцинги и Хэ, 20 муксуновъ на рубль, или одинъ муксунъ идетъ въ 5 коп. Наконецъ въ Надымѣ полагается 25 или 30 муксуновъ на рубль или каждый муксунъ идетъ въ $4\text{—}3\frac{1}{10}$ к. Лѣтъ 6 или 8 назадъ, въ Надымѣ господствовалъ одинъ только промышленникъ и бралъ по 40 муксуновъ на рубль, слѣдовательно въ $2\frac{1}{2}$ коп. штуку; такая цѣна еще и нынче стоитъ на мало-посѣщаемой р. Ныдѣ. Обыкновенно мѣра муксуна въ среднемъ теченіи Оби полагается отъ середины глаза до основанія хвостоваго плавника, и въ случаѣ, если не хватаетъ до 9 вершковъ линіи или полулиніи, муксунъ считается недомуксункомъ, каковыхъ полагается два экземпляра за одного мѣрнаго муксуна. Если недомуксунокъ, измѣренный отъ середины глаза до основанія хвостоваго плавника, хотя одной 10 доли линіи не доходить до $8\frac{1}{2}$ вершковъ, тогда онъ считается колезнемъ, каковыхъ полагается 2 за одного недомуксунка, 4 на одного муксуна. По Надыму условія мѣры рыбы еще болѣе выгодны для рыбопромышленниковъ; здѣсь мѣряютъ муксуна, какъ и всякую другую рыбу, не отъ середины, а отъ задняго края глаза и не до основанія хвостоваго плавника, а только до середины разстоянія между хвостовымъ и заднепроходнымъ плавниками. Рыбы, измѣренные по первой системѣ, были бы мѣрными муксунами, тогда какъ по послѣдней онѣ будутъ недомуксунки. При этомъ я уже не принимаю во вниманіе чисто личныхъ пріемовъ измѣренія рыбы, существующихъ повсемѣстно на Оби и въ Надымѣ; такъ напр., рыба при измѣреніи сгибается нѣсколько дугообразно и мѣрка идетъ по хордѣ; также бываетъ принимаемо за правило, что при измѣреніи голова рыбы сильно пригибается къ туловищу. При такихъ, весьма выгодныхъ для рыбопромышлен-

никовъ способахъ мѣры рыбы, приобрѣтеніе ея обходится имъ еще выгоднѣе мѣной на разные жизненные продукты и на товаръ. Такъ въ Обдорскѣ и около него, за 10 муксуновъ даютъ $2\frac{1}{2}$ пуда муки, т. е. по 4 муксуна за пудъ, причемъ цѣна муки принимается въ 40 коп.; далѣе же пудъ муки доходитъ въ Воксарковыхъ юртахъ, въ Варкутѣ до 10 муксуновъ, а въ Надымѣ до 13—15 муксуновъ; такимъ же образомъ возрастаетъ и соль, съ 10 муксуновъ за пудъ около Обдорска до 25—30 на Надымѣ, табакъ отъ 100 до 250—300 муксуновъ за пудъ. Выгода на мелкихъ вещахъ болѣе поразительна: на примѣръ на Надымѣ два мѣдныхъ кольца, стоящихъ по $\frac{1}{2}$ коп., идутъ за 1 муксуна; въ этомъ случаѣ слѣдовательно стоимость муксуна обойдется торговцу въ 1 коп., а если онъ получитъ недомуксунками, то конечно она будетъ еще меньше; также 2 бумажныхъ пояска, стоимостью по $\frac{1}{3}$ коп., идутъ за 1 муксуна или за 2 муксуновыхъ позѣма. Бродни, стоящія повсемѣстно на Оби, кромѣ низовьевъ, 3 руб., на Надымѣ идутъ за 5 руб. или за 125—150 муксуновъ, точно также разнаго цвѣта грубое сукно, цѣнностью меньше рубля за аршинъ, продается въ количествѣ 3-хъ аршинъ за 5 руб.; во всѣхъ этихъ случаяхъ муксуны приходятся промышленникамъ гораздо меньше, чѣмъ въ 3-хъ коп.; за тѣмъ фунтъ чаю, крайне подозрительнаго достоинства, ставится въ 1 р. 50 к. и въ 2 руб., т. е. цѣнится отъ 40—45 муксуновъ до 60. Фунтъ сахару—1 руб. или 25—30 муксуновъ; если принять здѣсь стоимость сахара въ 30 коп., то муксунъ обойдется хозяину въ одну коп. или немного больше. Не увеличивая списка цѣнъ на разные мѣдныя издѣлія, круги, бляхи, кольца для оленней упряжи, для женскихъ украшеній, составляющихъ вообще одинъ изъ весьма видныхъ предметовъ торговли, приведу еще слѣдующее: сальная свѣча семериковая или восьмериковая, стоимостью не больше 2 коп., идетъ на Надымѣ за 2 муксуна; шесть маленькихъ сухихъ крендельковъ, съ мѣдный пятакъ въ діаметрѣ, связка которыхъ изъ 40 штукъ стоятъ около 10 коп., идутъ за одного муксуна. Мѣстнымъ торговцамъ всѣ эти цѣны не кажутся

еще поразительно дешевыми; господствовавший на Надымѣ 8 лѣтъ назадъ рыбопромышленникъ бралъ за 5 папушъ табаку, вѣсомъ около 1 фунта и до 20—25 коп. стоимостью, по 1 песцу, цѣна котораго никогда не была меньше 1 р. 25 коп., а то доходила и до 2 р. 50 коп. А на сѣверныхъ окраинахъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ еще и нынѣ можно купить у самоѣдовъ 1 фунтъ осетроваго клею, стоящій до 2 р. 50 коп., за одну папушу табаку.

Повсемѣстно у остяковъ тому или другому поселенію принадлежитъ своя «вотчина», нѣкоторое, опредѣленное обычаемъ, пространство земли; такъ въ Хоровоѣ считается 9 человекъ вотчинниковъ остяковъ, которымъ принадлежитъ громадная площадь земель съ водами, начиная отъ Хэ до верховьевъ Надыма. Обитатели юртъ Паули также имѣютъ свои вотчины; вотчинниковъ здѣсь человекъ около 20; между преобладающимъ числомъ остяковъ есть и самоѣды. Около Надыма только нѣкоторыя мѣста, особенно замѣчательныя по изобильному лову рыбы, отдаются въ аренду. Такъ Хоровойскіе вотчинники отдаютъ въ аренду р. Шугу; въ отдачѣ въ аренду рыболовныхъ мѣстъ около Паули чередуются самоѣды съ остяками. Въ большей же части рыболовныхъ мѣстъ производится рыбная ловля самими вотчинниками, также и приѣзжающими съ Оби остяками на правахъ полуневодчиковъ отъ разныхъ рыбопромышленниковъ безъ всякой платы; иногда приѣзжіе остяки не вотчинники ловятъ двумя, тремя неводами отъ одного и того же остяка хозяина, такъ что являются сильными конкурентами для самихъ вотчинниковъ, которые въ такомъ случаѣ изъявляютъ уже неудовольствіе на приѣзжихъ. Право быть вотчинникомъ въ данной мѣстности опредѣляется давностью пребыванія въ ней жителя. Если поселеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ, то каждому изъ нихъ принадлежитъ опредѣленное пространство земель. Если родъ вымираетъ, то его вотчина поступаетъ во владѣніе другихъ, ближайшихъ родственныхъ родовъ. Нынѣ рыболовческія мѣста распределены въ до-

линѣ Оби весьма неравномѣрно между осятками, по степени доходности. Лучшее по Оби мѣсто для рыбопромышленности, островъ Яро, съ принадлежащими къ нему другими рыболовными мѣстами, составляетъ собственность двухъ вотчинниковъ, братьевъ Хозери и Полетэ; они получаютъ аренды за рыболовныя мѣста 400 руб., по 200 руб. на брата. Въ большинствѣ же другихъ мѣстностей, гдѣ также производится рыбная ловля, вотчинники, какъ полуневодчики, не имѣютъ аренды за свои вотчины. Подобнаго же рода неравномѣрное распредѣленіе рыболовныхъ странствъ, по степени ихъ доходности, имѣетъ мѣсто и въ среднемъ теченіи Оби; у однихъ осятковъ во владѣніи хорошіе пески, у другихъ почти ничего. Имѣя въ виду то, что доходы съ рыболовныхъ мѣстъ должны составить въ будущемъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ къ поднятію между осятками благосостоянія, необходимо, кромѣ желанія создать болѣе прочныя правила аренды осяцкихъ рыболовныхъ мѣстъ и равномѣрно распредѣлить доходы съ нихъ, стремиться къ тому, чтобъ удержать эти мѣста за осятками же, въ случаѣ вымиранія прямыхъ вотчинниковъ; осяцкія рыболовныя «вотчины» должны быть неприкосновенны для появляющихся въ долинѣ Оби временныхъ спекуляторовъ. Для нынѣшнихъ рыбопромышленниковъ не достаетъ именно только одного—сдѣлаться вотчинниками въ осяцкихъ владѣніяхъ, чтобъ разрушить послѣднюю основу, на которой еще можетъ держаться эта первобытная жизнь, и принести окончательную гибель для кроткаго сѣвернаго обитателя. Именно такого рода посягательство на вотчины выражено въ нижеслѣдующемъ духовномъ завѣщаніи самоѣдина, который, конечно, грамотѣ не ученъ, о законахъ не имѣетъ понятія, и написалъ свое завѣщаніе не въ примѣръ своимъ прочимъ сородичамъ, у которыхъ завѣщаній писать не принято; завѣщателемъ руководили здѣсь причины внѣшнія, опытная рука прошедшаго чрезъ всѣ земныя мытарства:

«По случаю одержимой болѣзни, ревматизма и опухоли въ животѣ, я чувствую неизбѣжную смерть, почему, на основаніи 1010 ст. X. т. 1 части и 1-го къ ней примѣчанія, вознамѣрился сдѣ-

латъ духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: Имѣя издревлѣ принадлежащее мнѣ рыболовное мѣсто съ принадлежащими къ нимъ угодьями, сорами, курьями, гольцами и заливами, котораго даже, какъ не безъизвѣстно Березовскому окружному полицейскому управленію и Обдорскимъ инородной и самоѣдской управамъ, по перепискѣ возникшей по ходатайству моему, Главное Управление Западной Сибири по разсмотрѣніи сказанной переписки положеніемъ своимъ признало меня по закону дѣйствительнымъ и прямымъ вотчинникомъ, — а потому по буквальному смыслу приложения къ ст. 1012 и ст. 1084 X т. 1 ч., пригласивъ свидѣтелей, какъ это требуется 1050 ст. того же тома и части, въ присутствіи священной особы, симъ завѣщаю: законной моей женѣ, дворянину моему брату, крестному моему отцу Обдорскому крестьянину такому то и крестной моей матери по мужѣ такой то, означенное выше рыболовное мѣсто съ принадлежащими къ нимъ угодьями женѣ и брату въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе, которыми они имѣютъ полное право, согласно 1-му примѣчанію къ 1010 ст. X т. 1 ч., какъ пользоваться сами по ровной части, такъ и при необходимости закладывать въ другія руки и отдавать въ аренду, но не иначе, какъ съ общаго всѣхъ четырехъ на то согласія, крестный и крестная имѣютъ пользоваться по смерти и ихъ дѣти, — жена же, если выйдетъ въ замужество, то изъ принадлежащей ей части половину должна отдѣлить брату. При чемъ не лишнимъ считаю присовокупить, что я, по ранѣ данной мною роспискѣ, состою должнымъ торгующему по свидѣтельству крестьянину такому то семьсотъ пятьдесятъ рублей серебромъ; дабы не оставить по себѣ худаго имени, прошу васъ, мои наслѣдники, уплатить долгъ тѣмъ порядкомъ въ вышеупомянутой роспискѣ: «что я эту сумму 750 рублей обязываюсь уплатить изъ получаемой арендной платы за выше сказанную мѣстность по 60 руб. сер. въ годъ, т. е. половину суммы годовой платы, и впредь до уплаты таковой. подъ строгой отвѣтственностью законовъ, никому другому не отдавать, кромѣ его, торгующаго крестьянина такого то,

и не отъ кого другого за меня залога или взноса не принимать — чему прошу и васъ слѣдовать не отступно, какъ по закону Творца, такъ и по закону людей, также прошу по смерти моей по долгу и религіи христіанства, предать меня землѣ по христіанскому обряду, а настоящее мое духовное завѣщаніе съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ законѣ, засвидѣтельствовать законнымъ порядкомъ. Аминь. 1874 года, іюля 27 дня. Къ сему духовному завѣщанію по безграмотству моему и по обыкновенію самоѣдинъ Пушковской ватаги, старшина такой-то приложилъ тамгу». Изъ всего сказаннаго видно, что именно завѣщаетъ ипородецъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ: громадный долгъ, мнѣическій; закабаляетъ свои родовыя владѣнія, вводя кромѣ того въ нихъ наслѣдникомъ челоуѣка, совершенно посторонняго, который конечно постарается сдѣлаться единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ рыболовнаго мѣста, коль скоро бездѣтные жена и двоюродный братъ завѣщателя уйдутъ въ могилу и когда такимъ образомъ съ ними покончится родъ.

Къ концу моего пребыванія въ Надымѣ погода сдѣлалась измѣнчивой, пасмурной и вѣтряной; воздухъ оказался свѣжимъ, прохладнымъ. Рыбаки начали сборы къ обратному пути, грузили посудины, приближались расчеты съ остяками, расплата съ ними и наемъ ихъ на будущій годъ. Мое присутствіе видимо очень стѣсняло рыбопромышленниковъ въ Хоровоѣ, гдѣ я преимущественно жилъ; но въ Паули было больше свободы: туда направлялись отъ насъ остяки, тамъ происходило что-то таинственное, комерческая тайна, — остяки возвращались молчаливыми, задумчивыми. Въ виду всего, передо мною пропсходившаго, я почувствовалъ въ себѣ тяжелую нравственную усталость и съ удовольствіемъ ждалъ случая пуститься въ обратный путь. Мысль о поѣздкѣ къ Тазовской губѣ я окончательно оставилъ, такъ какъ ѣхать воднымъ путемъ было поздно, а оленей нужно было ждать по крайпей мѣрѣ мѣсяць, когда они придутъ отъ Ледовитаго океана; притомъ мой казакъ не говорилъ посамоедски, что было весьма

неудобно. Но и это все было бы не существенно, еслибъ съ наступленіемъ весны сѣверная природа не скрылась отъ меня подъ своимъ толстымъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ, а самъ чело-вѣкъ представилъ что нибудь болѣе новое, чему бы я не былъ свидѣтелемъ на Оби и Надымѣ. И такъ, 20 августа, я распро-стился съ крайнимъ предѣломъ своего путешествія. Надымскіе остяки были крайне довольны тѣмъ, что я проводилъ у нихъ въ чумахъ цѣлые дни и даже ночи. Приэтомъ они говорили, что «другіе русскіе смотрятъ на нихъ, какъ на собакъ; говорятъ, что остяки ѣдятъ и спятъ съ собаками, значить и сами собаки». Остяки сознаютъ свою простоту, и когда я объяснялъ имъ дѣйстви-тельную стоимость вещей, покупаемыхъ ими по слишкомъ доро-гой цѣнѣ, они крайне удивлялись; когда я спрашивалъ ихъ объ ихъ религіозномъ культѣ, рассказывалъ вѣрованія остяковъ, жи-вущихъ южнѣе, то они, не зная таковыхъ, говорили, что они глупы, ничего не знаютъ, оттого ихъ такъ легко и обманываютъ русскіе.

Послѣ жертвоприношенія Ъману, мы благополучно достигли Хэ и Ярциги. Какъ здѣсь, такъ и далѣе до Варкуты, водный путь вполне удобенъ и безпрятственъ для хода лодки. Попутный юго-восточный вѣтеръ сопровождалъ насъ и на другой день, 21 августа, на пути отъ Варкуты къ Мохтаску. Было пасмурно, надъ губой носился туманъ, съ густыми мокрыми облаками; послѣ часового пути, мы потеряли изъ виду берега, остяки держали лодку сначала совершенно по вѣтру, но затѣмъ, благодаря большій мели, отклонились вправо, а потомъ, держа прямо на западъ, подошли къ Мохтаскому острову. Оказалось, что мѣстность на всемъ протяженіи отлично извѣстна остякамъ; въ наиболѣе мелководныхъ мѣстахъ у нихъ поставлены палки: здѣсь они нево-дять, забредая въ воду. Одинъ остякъ, рассказывая о всѣхъ не-удобствахъ этого способа ловли рыбы для здоровья неводчиковъ, призналъ, что онъ еще сносенъ въ жаркое время. Тотъ же остякъ, въ противоположность большинству другихъ знавшій порусски, очень правдиво жаловался на то, что въ здѣшнихъ мѣстахъ люди бѣдны, не имѣютъ защиты ни отъ русскихъ, ни отъ бога-

тыхъ остяковъ. Такъ нѣсколько лѣтъ назадъ лично ему прикащикъ въ Варкутѣ разсѣкъ полѣномъ носъ такъ, что онъ лежалъ больнымъ нѣсколько лѣтъ, суда на это онъ не пашель, а носъ дѣйствительно былъ у него нѣкогда разсѣченъ, и поперекъ его еще до сихъ поръ остался глубокой шрамъ. Недавно у него одинъ остякъ взялъ къ себѣ на зиму брата на работу, а теперь прошло больше года, — богатый остякъ и отчета не даетъ, куда дѣвалъ его брата. Все начальство, старшины, князь, засѣдатель — только для богатыхъ. Бѣдный помретъ, и о томъ, что съ нимъ случилось, никому не будетъ извѣстно, — все покроютъ, все будетъ хорошо. А чѣмъ же мы остяки — не люди? — платимъ ясаку по 3 руб. и по 3 р. 50 коп., а свое дѣло тоже знаемъ. — Вотъ ты видишь, говорилъ остякъ, мы вышли изъ Варкуты, ничего не было видно, мы берега потеряли, обходили мели, а пришли къ Мохтаскому пугору, вонъ видишь, — онъ показался; а вотъ теперь мы заѣхали въ жерло Мохтаской Оби; на это тоже надо умъ. А русскій что же? — другой умѣетъ писать, да читать; а другой что же? — не умѣетъ. На слѣдующій день, пройдя Мохтаскую протоку, я былъ снова среди широкаго воднаго пространства между Мохтаскомъ и островомъ Нанги; здѣсь также несъ насъ попутный вѣтеръ и сопровождала пасмурная погода, которая однакоже и нернатыхъ заставила подумать о возвратномъ пути въ страны, болѣе теплыя. Всѣ мели и косы около острова Нанги казались совершенно черными отъ громадныхъ стадъ гусей и утокъ; примириться съ мыслью, что это — птицы, можно было только тогда, когда, послѣ пуценнаго издали выстрѣла, мели принимали болѣе свѣтлый оттѣнокъ, а въ воздухѣ поднимались черныя густыя облака, состоявшія изъ гусей и утокъ. Среди открытыхъ водъ, вдали, на темной водной поверхности, покрытой туманомъ, ярко бѣлѣли ясныя полосы и пятна: то были стада лебедей. Все это готовилось отправиться къ югу; туда же я стремился, и черезъ нѣсколько дней былъ уже въ Обдорскѣ.

Январь, 1877 года.

С.-Петербургъ.

VII.

Обдорскъ по сравненію съ Лукоморьемъ и его жизнь; пароходы и каюкъ «В. Земцовъ». — Убыль воды, замираніе Оби, живцы и жизнь рыбъ около нихъ: грузъ пароходовъ и путь вверхъ по Оби. — Газета «Сибирякъ» и остиція пѣсни. — Приѣздъ въ Тобольскъ. — Характеръ пути на Омскъ и его обитатели. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Окраины разныхъ областей всегда привлекаютъ къ себѣ людей, по преимуществу жаждущихъ наживы; стремленіе къ наживѣ подавляетъ у такихъ людей всѣ другія, болѣе благородныя стороны человѣческихъ способностей. Такіе люди не знаютъ нравственнаго утомленія, такъ какъ у нихъ видимо отсутствуетъ самое чувство; они не ощущаютъ умственнаго голода, такъ какъ имъ чуждо все то, что не касается непосредственно ихъ узкихъ, чисто личныхъ, эгонистическихъ интересовъ. Такой именно характеръ несутъ многія изъ сѣверныхъ поселеній; то же можно сказать и объ Обдорскѣ. На весь Березовскій округъ, кромѣ никѣмъ не читаемыхъ официальныхъ изданій, выписывается одна только газета «Сынъ Отечества». По приѣздѣ въ Обдорскъ съ Надыма, я встрѣтилъ здѣсь номера этой газеты, вышедшіе еще въ то время, когда я былъ въ Петербургѣ. Изъ книгъ, здѣсь, развѣ только въ видѣ исключенія, можно встрѣтить у какого нибудь зырянина сказку объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Да, впрочемъ, еслибъ въ Обдорскѣ и было больше книгъ и газетъ, то, по малому количеству грамотныхъ, читать ихъ было бы некому; здѣсь самыя капиталныя жители въ крайнемъ случаѣ могутъ только подписать свою фамилію, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ наживать въ годъ понѣскольку тысячъ дохода, а то и за полдесятокъ тысячъ. Гражданской школы въ Обдорскѣ не существуетъ; есть только школа мисіонерская, помѣщающаяся въ нижнемъ, почти подвального характера этажѣ мисіонерскаго здапія: это — низенькая, небольшая комната, съ маленькими окнами, которыя зимой совершенно закрываются льдомъ; нужно быть крайне невзыскательнымъ, чтобъ провести нѣсколько лѣтъ въ ученія среди этой конуры; да и наставники къ тому же

таковы, что ихъ самихъ слѣдовало бы посадить на школьную скамью и учить самымъ элементарнымъ правиламъ грамматики и нравственности,—въ особенности о вредѣ лжи, алчности къ наживѣ, также о вредѣ пьянства и многихъ такихъ остяцкихъ пороковъ, которые глубоко укоренились между жителями Обдорска. Съ другой стороны, требовать отъ Обдорска большаго и нельзя; онъ занимаетъ самую характерную часть полунощной страны, извѣстной съ глубокой древности подъ именемъ Лукоморія. Здѣсь именно находятся упоминаемая въ Несторовой лѣтописи горы: «суть горы, зайдуче *луку моря*, имъ же высота яко до небесе». О той же мѣстности, имѣются слѣдующія древнія извѣстія: «На восточной странѣ, за Югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди, самоѣды зовомы, молонгозѣи, а ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ прїѣдетъ, и они дѣти свои заколаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того спѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ тако же. Сіи же люди не велики возрастомъ, плосковидны, носы малы, но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣдятъ на оленяхъ и собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье, а товаръ ихъ соболи. Въ той же странѣ иная самоѣдъ, такова же, липная слыветь, лѣтъ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылести. Въ той же странѣ есть иная самоѣдъ, но цупъ люди мохнаты, а отъ цупа вверхъ, якоже и прочіе человѣцы; а ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и оленіи кожи.» Затѣмъ слѣдуетъ перечень другихъ разновидностей самоѣды, люди, у которыхъ «рты на теменѣ», также такіе, которые «зимой умираютъ на два мѣсяца», оживая тогда, когда «солнце на лѣто вернется». Далѣе «вверху Оби рѣки великія есть земля, Бандъ именуется, лѣса въ ней нѣтъ, а люди, какъ и прочіе человѣцы, живутъ въ земли, а ѣдятъ мясо соболье, а инаго у нихъ никоторова звѣря нѣтъ, ниричи соболя, а носятъ платье все соболье, и рукавицы и поговицы, а инаго платья у нихъ нѣтъ,

ни товару никоторова. А соболи у нихъ черны весьма, шерсть живова соболя по земли ея волочить. Въ той же странѣ иная самоѣдь, по обычаю человекъ, но безъ главъ, рты у нихъ межн плечей, а очи въ грудѣхъ и пр.» Въ заключеніе ряда еще другихъ извѣстій приводится слѣдующее: «Въ восточной странѣ есть иная самоѣдь, каменская, облежить около югорскія земли, а живутъ по горамъ высокимъ, а ѣздятъ на оленѣхъ и собакахъ, и платье носятъ соболие и оленіе, а ѣдятъ мясо оленье, да и собачину и бобровину сырую ѣдятъ, а кровь пьютъ человекъ и всякую. Да есть у нихъ лекари, у которова человекъ внутри нездраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутро вынимаютъ, да очищаютъ, и паки заживляютъ». Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ о Лукоморьи, о «самояди на полуночныхъ странахъ» не трудно доискаться до многихъ весьма вѣрныхъ и цѣнныхъ фактовъ; что же касается до формы, въ которой они вошли въ преданія, то она несомнѣнно заключаетъ въ себѣ много образнаго, фигуральнаго; и если о жителей земли Балда, вмѣсто «живутъ въ землѣ», сказать живутъ въ землянкахъ или пещерахъ, что будетъ равносильно первому, то въ очеркѣ жителей не будетъ ничего несбыточнаго. Точно также, если въ извѣстіяхъ о существующей еще до сихъ поръ каменской самоѣди, слово «лекаръ» замѣнить словомъ шаманъ, дѣйствіямъ котораго еще и теперь приписывается такъ много чудеснаго, тогда также все будетъ понятно. Своеобразная дѣйствительность дала еще больше простора для вымысла простому народу, въ сказкахъ котораго Лукоморье явилось вполне странною чудесъ. Во время моего пребыванія въ Обдорскѣ, мнѣ не разъ приходили на память слова Пушкина: «У Лукоморья дубъ зеленый, золотая цѣпь на дубѣ томъ и т. д.». Во всемъ этомъ произведеніи одинъ только дубъ зеленый смущалъ меня, чтобъ признать въ сказочномъ Лукоморьи нынѣшній Обдорскъ или древнюю Обдорію. Но народная фантазія, любящая вступать въ анахронизмы, легко смѣшивающая лица и событія, тѣмъ охотнѣе могла промѣнять приземистую, скромную полярную березу на гордый и величественный дубъ; что же касается до золотой цѣпи,

то ее уже давно стараются разыскать, многие изъ сибирскихъ капиталистовъ въ нѣдрахъ лежащаго близко отсюда Урала; но, лишенные всякихъ научныхъ знаній, они напрасно зарываютъ въ землю свои капиталы; даже пынче одинъ изъ купцовъ, прослышавъ о многихъ экспедиціяхъ на нижнее теченіе Оби, пустился туда раньше всѣхъ, съ собственнымъ пароходомъ, разыскивать золото. Неудачу предпріятія уже заранѣе можно было предвидѣть. вмѣсто кота ученаго, Обдорскъ славится собаками. (См. Verein für die Deutsche Nordpolarfahrt in Bremen. Forschungsreise nach Westsibirien 1876. Rede des Herrn M. Sidoroff). По словамъ г. Сидорова «Обдорскъ представляетъ странную особенность: во всякомъ домѣ содержится до 10 штукъ собакъ, которыя въ различныхъ нуждахъ употребляются вмѣсто лошади. Во время почи всѣ собаки селенія, по данному знаку одной, сбѣгаются на открытое мѣсто и начинаютъ всеобщій вой, продолжающійся приблизительно около получаса; послѣ этого онѣ самодовольно разбѣгаются обратно по домамъ». Къ этимъ словамъ почтеннаго знатока сѣвера, нужно прибавить, что въ Обдорскѣ до 60 домовъ, которые распадаются на нѣсколько группъ; собаки каждой группы домовъ имѣютъ свои особые сборные пункты; обыкновенно случается такъ, что когда одна стая собакъ кончаетъ свой концертъ, начинается его другая и т. д. Кто имѣлъ возможность лично заинтересоваться этой собачьей жизнью въ Обдорскѣ, тому едвали покажется она менѣе занимательною, чѣмъ похождения мурлыки: «идеть на право — пѣснь заводитъ, на лѣво — сказку говорить». И такъ, еслибъ была охота продолжать дальше эту параллель, то относительно Обдорска и его окрестностей можно было бы вполне согласиться съ словами поэта: «Тамъ чудеса, тамъ лѣпшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ». Доказательства этому приведетъ любой приверженецъ комерческой тайны, способный лично натворить какихъ угодно чудесъ. Это нечисть-шайтанъ, сила, которую остякъ олицетворяетъ въ своихъ грубыхъ истуканахъ. «Вѣдь когда не влюбить — бѣда, ни за что не дать одному ночевать въ лѣсу: гонить, пугаетъ. То со-

бакой покажется, залаетъ, то засвищетъ; а то, какъ есть чело-
вѣкъ, — пробѣжить, такъ лѣсъ ходенемъ заходить. Что вы ду-
маете? право такъ!» Въ силу этого, весьма многіе русскіе, во из-
бѣжаніе неудовольствій съ шайтанами, въ наиболѣе чтимыхъ остя-
ками мѣстахъ непременно приносятъ жертву, бросаютъ деньги,
кольца, пьютъ водку; то же дѣлаютъ нѣкоторые передъ началомъ
рыбнаго промысла. Но въ виду перехода къ предметамъ болѣе
серьезнаго характера, я сдѣлаю выписку еще изъ одного неиз-
даннаго, касательно Обдорска, документа, который написанъ не
менѣе своеобразно, какъ и извѣстія лѣтописей: «Объ образѣ жизни
птицъ перелетныхъ полиціи ничего неизвѣстно, а о жизни мѣст-
ныхъ она умалчиваетъ, такъ какъ всѣ онѣ относятся къ разряду
хищныхъ и притомъ безкрылыя; сидятъ на яйцахъ зимой, во вре-
мя обдорской ярмарки, всыживаютъ песцовъ, недопесковъ, не-
плюевъ, собакъ, лисицъ и пр. Главная пища во время насжи-
ванія — водка; закуска — исландскій мохъ. Курцы въ Обдорскѣ
нѣтъ, а пѣтуховъ водится порядочное количество, они часто же-
нятся на мѣстныхъ гусыняхъ и рожаютъ живыхъ дѣтенышей». Эти
сидящія на яйцахъ обдорскія и имъ подобныя птицы гораздо
страшнѣе сидящихъ на вѣтвяхъ русалокъ; благодаря имъ, обдор-
ская ярмарка все больше и больше падаетъ; въ прежніе года на
ярмаркѣ продавалось разныхъ товаровъ на 42—77 т. руб., въ
последніе на 22 — 29 т. р. Конечно, эти цифры имѣютъ только
относительное значеніе, показанная же величина ихъ гораздо
меньше дѣйствительной; затѣмъ въ числѣ главныхъ предметовъ
сбыта здѣсь не принята во вниманіе водка. Ярмарка имѣ-
етъ мѣсто въ Обдорскѣ въ то время, въ концѣ декабря и
въ началѣ января, когда остяки и самоѣды появляются здѣсь
для внесенія ясака. вмѣстѣ съ внесеніемъ ясака, инородцы
привозятъ продукты своей добычи, преимущественно пушной
товаръ, песцовъ разныхъ возрастовъ, лисицъ, волковъ, частію
бѣлку, затѣмъ шкуры оленей старыхъ и молодыхъ, неплюй,
пѣшка, соболя понятно нѣтъ на ярмаркѣ. Желая сбыть свой
товаръ, инородцы въ то же время должны обзавестись разнаго

рода продуктами на весь годъ; имъ нужно хлѣба, преимущественно печенаго, соли, сукопъ, холста и разныхъ бездѣлушекъ для калыма и приданаго. У многихъ остяковъ и самоѣдовъ ярмарка назначается условленнымъ срокомъ свадебъ; многіе во время ярмарки выбираютъ себѣ женъ и т. д. Причины пониженія оборотовъ обдорской ярмарки весьма разнообразны: это—имѣющіе мѣсто въ послѣднее время сильные падежи оленей у остяковъ и самоѣдовъ, въ силу которыхъ многія семьи приходятъ въ совершенное раззореніе, и расширеніе власти рыбнпромышленниковъ, которые по всему нижнему теченію Оби зарагѣе снабжаютъ жителей необходимымъ жизненными продуктами. Въ то же время многіе изъ самоѣдовъ изъ окрестностей Тазовской избы, приходившіе прежде въ Обдорскъ, нынѣ избѣгаютъ его, благодаря весьма невыгодному для инородцевъ складу порядковъ на ярмаркѣ, и ищутъ новые пути для сбыта своихъ произведеній—Туруханскъ, окрестности Сургута, Самарово и пр.; также еще далеко до начала ярмарки, зыряне уже объѣзжаютъ тундру съ своими товарами и, отбирая у инородцевъ ихъ наличные мѣха, везутъ ихъ прямо, черезъ сѣверный Уралъ, въ Россію. Что же касается до общихъ порядковъ на ярмаркѣ, то едва ли о печальной ихъ сторонѣ нужно распространяться; это понимаютъ и сами инородцы, избѣгая Обдорска; многіе изъ жителей Березова пріѣзжаютъ на ярмарку только съ 5—10 ведрами водки и въ заключеніе увозятъ мѣховъ на столько, что могутъ потомъ сносно и безбѣдно просуществовать цѣлый годъ.—«Ужасъ, ужасъ, эта жизнь въ Обдорскѣ, да еще зимой, во время ярмарки», рассказывала мнѣ уважаемая старушка, уроженка южной Сибири, живущая уже четыре года въ Обдорскѣ; «тьма, снѣгъ, морозъ; по улицамъ вездѣ пьяные, крикъ, драки; да тутъ же еще и собаки въ разныхъ мѣстахъ завываютъ.» Не говорю о мелкихъ драмахъ, разыгрывающихся на ярмаркѣ, но бываютъ и крупныя. Такъ инородцы, проведя такъ или иначе день, на другой не только не всегда досчитываются до того или другаго количества бывшихъ съ ними денегъ и шкуръ, но нерѣдко лишаются и своихъ послѣднихъ оле-

ней, потому именно, что воровство оленей принимаетъ здѣсь уже систематическій характеръ, въ родѣ русскаго конокрадства. Ловкіе люди во время ночи объѣзжаютъ окрестности Обдорска, гдѣ обыкновенно располагаются инородцы съ чумами и стадами оленей, и чуть лишь замѣтятъ стадо или часть его вдали отъ хозяйскаго глаза, какъ подхватываютъ его, угоняя отъ хозяина. Обыкновенно оленекрады, чтобъ не быть легко выслѣженными, гонятъ стадо на Обдорскъ, по хорошо выбитой дорогѣ; около Обдорска дѣлаютъ нѣсколько петель также по многочисленнымъ, уже ранее проложеннымъ, оленьимъ слѣдамъ и затѣмъ уже выгоняютъ оленей по той изъ дорогъ, которая считается наиболѣе выгодной для безопаснаго скрѣтія слѣдовъ воровства. На утро инородцы, спохватившись объ оленяхъ, начинаютъ ихъ искать по слѣдамъ, доходятъ до Обдорска и здѣсь, конечно, теряютъ ихъ въ тысячахъ другихъ слѣдовъ и по совершенно торнымъ дорогамъ, расходящимся отъ села въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. По какой дорогѣ идти, куда бѣжать? Неизвѣстно. Между тѣмъ, олени въ одну почъ окажутся верстъ за 60 — 100, а въ сутки они будутъ верстъ за 200, въ стадѣ какого нибудь зырянина, около Мужей или въ другомъ направленіи отъ Обдорска: такъ именно организовано оленекрадство; олени передаются обыкновенно изъ рукъ въ руки. Въ оленекрадствѣ подозрѣніе падаетъ всегда на зырянъ; обвиняются зыряне и во многихъ другихъ преступленіяхъ. Дѣйствительно, остяки часто, благодаря зырянамъ, лишаются своего имущества, находящагося при «шайтанахъ»; во время лѣта, зыряне, встрѣчаясь съ одинокими остяками, пасущими оленей по Уралу, смѣшиваются, какъ бы нечаянно, съ ихъ стадами свои и затѣмъ, при раздѣленіи, уводятъ вмѣстѣ съ своими значительную часть остяцкихъ оленей. Рассказываютъ о случаяхъ, что зыряне, опавшая остяковъ - пастуховъ водкой, угоняли спокойно ихъ стада или даже убивали пастуховъ. Вообще, о зырянахъ остяки такого мнѣнія: если что потерялось и попало къ нимъ въ руки, то не ищи, не найдешь концовъ.

Въ началѣ сентября, передъ приходомъ пароходовъ, мертвый до этого Обдорскъ оживаетъ; собираются постоянные его обитатели, проведеншіе лѣто на рыбной ловлѣ въ сорахъ и на пескахъ въ низовьяхъ Оби; дома, которые были до этого времени заколочены, раскрываютъ свои окна и ставни; въ Полуѣ прибываютъ лодка за лодкой, каюкъ за каюкомъ; наконецъ, показываются павозки: рыбаки кончили свой промыселъ и ждутъ пароходовъ; съѣзжаются крупные и мелкіе рыбопромышленники и ведутъ таинственно сдѣлки касательно покупки и продажи рыбы. Къ преобладавшему до сихъ поръ собачьему населенію Обдорска прибавляются новые элементы: остяки, рабочіе. Вездѣ начинаютъ показываться пестрые голпы народа, въ радости отъ окончанія промысловъ, на-веселѣ. Тутъ инородцы въ малицахъ, въ этихъ сѣверныхъ одеждахъ шерстью вверхъ, закрывающихъ вмѣстѣ голову (о нихъ преданіе естественно могло сказать: «по пупъ люди мохцаты»); они же—одѣтые въ гуся, женщины въ ягушку, рабочіе въ зипуны, въ старые солдатскіе сюртуки, которые когда-то были сдѣланы изъ толстаго грубаго сукна, но отъ которыхъ теперь остались только лохмотья. Къ вечеру гуль, по обыкновенію, усиливается; можно видѣть трогательныя сцены нѣжныхъ объятій, цѣлованія, за цимъ распрю, ссору, затѣмъ снова наступленіе мира въ одной и той же компаніи или четѣ. Ночной мракъ накрываетъ повсемѣстно валяющихся остяковъ и самоѣдовъ, ноги которыхъ были не въ силахъ дотащить ихъ хозяевъ до надлежащаго пріюта. Десять человекъ остяковъ, пріѣхавшихъ съ однимъ хорошо мнѣ знакомымъ рыбакомъ, желавшимъ освѣдомиться о времени прихода пароходовъ, въ сутки оставили имущества и денегъ на 25 руб. въ Обдорскѣ. Когда я на другой день, встрѣтившись съ мопмъ уважаемымъ знакомымъ, спросилъ, гдѣ же остяки оставили свои деньги и имущество, онъ, основываясь на словахъ остяковъ, указалъ почти на шесть домовъ, изъ которыхъ у двухъ главныхъ какъ разъ тутъ же и оказались домохозяева.—А, такъ это ваши дома? какъ же такъ? значить и вы, господа, торгуете водкой?—обратился я къ цимъ изъ любопытства.—«Гм..., да какъ же иначе,

кто же здѣсь живетъ въ Обдорскѣ безъ этого, кромѣ, можетъ быть, одного, двухъ домовъ?» былъ отвѣтъ, въ справедливости котораго я уже раньше имѣлъ возможность убѣдиться. Понятно, въ виду всего этого, съ какимъ нетерпѣніемъ я долженъ былъ ждать пароходовъ, чтобъ оставить Обдорскъ. Почти каждый день я выходилъ изъ-подъ горы, гдѣ на водахъ Полуя стояла моя лодка, и смотрѣлъ съ возвышенности, на которой расположенъ Обдорскъ, въ даль, на южную часть теченія р. Оби, и много разъ уходилъ назадъ съ понуренной головой. Наконецъ, 5-го сентября подъ горой, между остяками разнеслось извѣстіе «кабакъ бѣжить», такъ между ними извѣстенъ пароходъ.

Дня черезъ два къ Обдорску пришли уже 4 парохода; послѣ короткой остановки около села, пароходы исчезли въ низовьяхъ Оби и тащили оттуда посуду за посудой; нѣкоторые уходили надолго и являлись обремененными цѣлымъ десяткомъ павозковъ. Съ появленіемъ пароходовъ движеніе въ Обдорскѣ еще усплилось, толпа сдѣлалась болѣе пестрою, а Полуей почти на версту былъ совершенно заставленъ судами; десятки мачтъ отъ павозковъ и баржъ торчали лѣсомъ въ высотѣ; промежутки между ними были сплошь заставлены сотнями лодокъ и небольшихъ каюковъ. Повсюду шла перегрузка рыбы изъ мелкихъ судовъ въ большія и запахъ плохо засоленной рыбы далеко разнесся надъ водами Полуя. На берегахъ появилось множество импровизированныхъ чумовъ, въ которыхъ шла обычная праздничная жизнь инородцевъ. Пароходы навезли, кромѣ многихъ уже имѣвшихся въ Обдорскѣ продуктовъ, еще и такіе, какихъ лишена природа на нашихъ сѣверныхъ окраинахъ; то были овощи: картофель, капуста, огурцы, рѣпа, рѣдька, не находящіеся въ посѣвѣ около Обдорска. При бывшихъ здѣсь опытахъ посѣва, картофель давалъ громаднаго роста мякину, но мелкіе клубни съ толстой кожей; рѣдька также была весьма мала, хотя въ Березовѣ большая часть овощей, при хорошемъ уходѣ, родится весьма удачно, рѣдька бываетъ большихъ размѣровъ. Въ числѣ привезенныхъ плодовъ были и арбузы изъ Омска; сравнительно съ

другими, арбузы были дешевы; огурцы, стоящіе на мѣстѣ до 30 коп. за сотню, въ Обдорскѣ продавались по 3 руб.; картофель за ведро 30 — 50 коп., при стоимости на мѣстѣ въ 2 коп. Арбузы стоили по 20 коп. за штуку или по 2 руб. за десятокъ. И странную представлялъ иногда картину сильно выпившій остякъ или самоѣдь: держа въ рукахъ разрѣзанный пополамъ арбузь, онъ уставлялъ на его розовую и сочную внутренность свою плоскую или угловатую физиономію, пребывая въ такомъ видѣ долгое время неподвижнымъ; затѣмъ, вонзая во внутренность арбуза свои грязные пальцы съ острыми и твердыми ногтями, сжимая его въ кулакѣ, отправлялся самодовольно дальше, останавливаясь глазами на разныхъ случайно встрѣчающихся предметахъ и какъ бы забывая объ арбузѣ. Было нѣчто весьма своеобразное въ этомъ союзѣ сѣвернаго инородца, сына суровой природы, съ плодомъ палящаго солнца степной части южной Сибиріи, также, какъ въ прогулкѣ негра, по разсказу Э. Б. Шмидта, на собакахъ въ окрестностяхъ Николаевска на Амурѣ. Въ виду скорой возможности оказаться въ сибирскомъ отечествѣ арбуза, я искренно пожелалъ стращѣ сѣвернаго оленя и ея обитателямъ лучшей участи, болѣе вкусныхъ плодовъ цивилизаціи, чѣмъ тѣ, съ которыми имъ до сихъ норъ пришлось по преимуществу сталкиваться; съ этими мыслями я оставилъ 9-го сентября Обдорскъ и направился на пароходѣ «Сибирякъ» вверхъ по теченію р. Оби. Въ то же время я распростился со своимъ каюкомъ, въ надеждѣ, что его путь по Оби не былъ послѣднимъ. Проведя цѣлое лѣто въ изслѣдованіяхъ природы и обитателей долины Оби, я прихожу къ заключенію, что эта область представить еще много интереснаго для изслѣдованій научныхъ и практически важныхъ, и только рука объ руку съ такими изслѣдованіями возможно ожидать существенныхъ измѣненій къ лучшему въ жизни обскихъ обитателей. Получивши каюкъ въ даръ отъ В. Т. Земцова, я въ свою очередь предоставляю его въ пользованіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя явятся въ долину Оби съ научными цѣлями, и такимъ образомъ прекрасная лодка пусть будетъ на

суровомъ сѣверѣ разсадникомъ идей «человѣколюбія, истины и справедливости».

Послѣ выѣзда изъ Обдорска легко было замѣтить сильное измѣненіе въ видѣ р. Оби; вода ея уже сильно упала; убыль воды началась около 20-го августа и шла весьма быстро; уровень въ сутки понижался на $\frac{1}{4}$ аршина, на поларшина и больше; главнымъ образомъ, въ промежутокъ времени около 20 дней, убыло воды сажени на двѣ или даже до $2\frac{1}{2}$. Разницу между высшимъ лѣтнимъ уровнемъ воды и существующимъ осеннимъ легко можно было усмотрѣть на высокихъ подмытыхъ песчаныхъ ярахъ. Благодаря сильному понижению уровня воды, Обь приняла болѣе скромныя размѣры, не теряя однакоже своего величія: протоки сузились, многіе совершенно исчезли; обнажились мели; острова приняли болѣе опредѣленныя очертанія; на громаднѣхъ протяженіяхъ обсохли берега, имѣющіе то песчаный характеръ, то состоящіе изъ песка съ галькой и валунами или же иловатые, изобилующіе органической грязью (няша), и поэтому топкіе. Не осталось слѣдовъ и отъ тѣхъ широко разливавшихся соровъ, которые связывали протоки и рукава р. Оби. Съ понизившимся уровнемъ Оби оказалось меньше простора для рыбы; она двинулась по направленію къ главнымъ рукавамъ и въ самое русло Оби. Теперь ловъ рыбы былъ наиболѣе удобенъ, но рыбаки не могутъ вполне воспользоваться этимъ періодомъ, такъ какъ должны снѣзиться къ югу, въ верховья Оби, дабы не замерзнуть въ пути. Между тѣмъ, съ наступленіемъ морозовъ, для мѣстныхъ жителей открываются еще новыя способы ловли рыбы, именно со времени наступленія замора въ р. Оби. О заморѣ Оби и о вліяніи его на передвиженія рыбъ вообще я уже говорилъ въ письмѣ изъ Березова. Здѣсь я укажу на совокупность причинъ, которыми по всему вѣроятію обуславливается это явленіе. По всему нижнему теченію Оби, вода зимой начинаетъ краснѣть, она имѣетъ тогда непріятный вкусъ и выдѣляетъ пузыри. Раньше всего вода замираетъ въ притокахъ Оби; въ Обдорскѣ, въ По-

луѣ даже ледь приобрѣтаетъ въ себѣ качество порченной воды: оная нечиста, даетъ горькую, непріятную на вкусъ воду; поэтому зимою обдоряне ѣздятъ за льдомъ на р. Обь за нѣскольکو верстъ отъ села; слѣдовательно сама Обь, во время замерзанія, имѣетъ еще свѣжую воду. Рассказываютъ, что порченная вода даетъ въ стаканѣ красный осадокъ. На этомъ основаніи можно думать, что порча воды происходитъ отъ избытія въ обской водѣ окиси желѣза, на связь которой съ замираніемъ Оби указываетъ еще слѣдующій фактъ. Замираніе начинается съ притоковъ Оби, текущихъ въ нее съ правой, восточной стороны; порченная вода показывается первоначально около праваго берега самой рѣки и, уже значительное время спустя, распространяется на лѣвую сторону; въ то же время замираніе распространяется въ малой степени на лѣвые притоки Оби, текущіе со стороны Урала; а вершины этихъ притоковъ въ горной части остаются свободными отъ замиранія. Если взять во вниманіе, что лѣвые притоки текутъ изъ области алювіальныхъ образованій, избытующихъ окисью желѣза, что можно видѣть также на ручьяхъ во время лѣта на правомъ берегу Оби (это ручьи ржавые, съ красноватой водой), то вліяніе окиси желѣза на замираніе будетъ весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе, что лѣвые притоки Оби, подверженные въ меньшей степени замиранію, текутъ въ коренныхъ, кристаллическихъ породахъ. И очень можетъ быть, что избытіе окиси желѣза, вліяя на отлагающіеся въ водахъ органическіе осадки, обусловливаетъ и самое выдѣленіе газовъ, что можетъ совершаться и само по себѣ, при весьма медленномъ теченіи Оби и ея правыхъ притоковъ. Въ низовьяхъ Оби, вмѣстѣ съ красной водой, встрѣчается и бѣлая, но также порченная, невкусная; въ среднемъ теченіи Оби, говорятъ, бѣлая вода преобладаетъ, хотя около Березова, въ Сосвѣ, и уже во время своего проѣзда замѣчалъ красный отгнѣнокъ въ водѣ. Вообще вода Оби и Сосвы, при обмываніи ею фотографическихъ аппаратовъ, дѣйствовала возстапавливающимъ образомъ, что и указываетъ на присутствіе въ ней метала. Область, на которой происходитъ въ обскомъ бассей-

нѣ замираніе Оби, въ разные года измѣняется: то она бываетъ шире, то уже; иногда замираніе распространяется на верховья такихъ рѣкъ, гдѣ оно не бываетъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, напр., по рр. Кондѣ, Сосвѣ и пр. Съ чѣмъ именно связано это измѣненіе въ широтѣ, на которой распространяется въ разные года замраніе: съ климатическими ли причинами, или съ измѣняющеюся быстротой теченія—это вопросъ нерѣшенный. Кромѣ уже ранѣе указанныхъ мною періодическихъ явленій въ жизни рыбъ, зависящихъ отъ замора, я приведу еще нѣсколько мелкихъ. Если рыба не удалась заблаговременно въ верховья рѣкъ или Обскую губу, то она ищетъ приюта около такъ называемыхъ живцовъ, источниковъ съ свѣжей, непорченой водой; около такихъ живцовъ рыба набивается подо льдомъ громадными массами, такъ что даже спираетъ теченіе живою водою; если источникъ имѣетъ только на одну четверть аршина глубины, то она набивается въ него нѣсколькими этажами, рыбы лежатъ положительно другъ на другѣ. Дѣлается это такимъ образомъ: когда къ живцу подходит стая рыбъ и занимаетъ все свободное пространство, то рыбы другихъ, вновь приходящихъ стай подлѣзаютъ подъ первыхъ съ такой силой и натискомъ, что, мало по малу, послѣ долгихъ усилій подрываютъ даже почву, углубляя ее и отстраняя на стороны; иногда рыбы образуютъ приэтомъ слой въ нѣсколько четвертей и, плотно натиснувши другъ друга, представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ плотины. Въ такомъ случаѣ скудный запасъ воды въ источникѣ скопляется передъ рыбами и своей медленной струей омываетъ всѣхъ ихъ въ той или другой степени. Такъ передъ живцомъ иногда бываетъ растянутъ по руслу источника цѣлый подледный, углубленный въ землю рукавъ, заполненный рыбой. Рыбаки обыкновенно стараются открыть входъ къ живцу и когда найдутъ возможнымъ запереть его, то тогда для рыбы не будетъ никакого исхода, она составитъ полную собственность рыбака, которому тогда остается, прорубивъ ледъ, брать ее руками или черпать сакомъ. Въ такихъ мѣстахъ рыба набивается цѣлыми десятками чудовъ; по входъ къ живцу дол-

жень быть запертъ осторожно и настоящій, а не второстепенный, иначе рыба быстро исчезаетъ. Другой случай съ тѣми же живцами или рѣчками со свѣжей водой указываетъ на замѣчательную у рыбъ стойкость въ стремленіи къ самосохраненію, также на существующую у нихъ память о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно найдти спасеніе отъ замора. Рыбаки обыкновенно запруживаютъ рѣчку, несущую свѣжую воду, устраивая плотный валъ при устьѣ такой рѣчки; они дѣлаютъ передъ валомъ во льду отверстіе, черезъ которое запруженная свѣжая вода выходитъ на поверхность льда; вмѣстѣ съ тѣмъ валъ устраивается такъ, чтобъ свѣжая вода не уходила подъ ледъ. Около вала дѣлается дверь и ставится морда (или гимга по здѣшнему выраженію); рыба, стараясь пробраться въ рѣчку, заходитъ во дворъ и въ морду въ такомъ количествѣ, что въ короткіе промежутки времени морда совершенно наполняется рыбой; также около вала рыбу черпаютъ саками. Во время замора, рыба становится бѣлою идохнетъ; но въ смѣси воды порченной со свѣжей, напримѣръ, при послѣднемъ способѣ ловли, рыба гибнетъ еще быстрее.

Все пароходы уже вышли изъ Обдорска съ грузомъ къ 11 сентября; всѣхъ пароходовъ оказалось затѣмъ на Оби 5. Это были: «Сибирякъ», «Тоболякъ», «Степанъ», «Василій», «Союзъ». Они вели за собой 6 баржъ, вмѣстимостью до 25 т. пудовъ каждая и 25 павозковъ различной величины, среднимъ числомъ до 10 тысячъ пудовъ вмѣстимостью каждый; слѣдовательно, грузъ всѣхъ посудинъ, состоявшій изъ соленой и сухой рыбы и изъ разныхъ другихъ продуктовъ, доходилъ до 400 тысячъ пудовъ. Прибавляя сюда затѣмъ мороженую рыбу, вывозимую съ Иртыша и Оби, количествомъ до 100—150 тысячъ пудовъ, получимъ уловъ рыбы на Оби и Иртышѣ въ 500—550 т. пудовъ. Всѣхъ больше былъ обремененъ кладью «Сибирякъ», служившій для насъ помѣщеніемъ. Сначала онъ тащилъ за собой до 9 посудинъ, затѣмъ къ нему начали прибавляться еще павозки, до 11, такъ

что всего грузу за нимъ по крайней мѣрѣ можно было предполагать до 100—120 тысячъ пудовъ. Поэтому ходъ парохода въ 120 силъ былъ медленный; картина, которую представляла Обь, была однообразная и уже довольно унылая; все живое двигалось къ югу; чайки—халевы, утки, гуси—все мало по малу подвигалось вверхъ по теченію. Чайки неуклонно шли въ слѣдъ за павозками, въ которыхъ находились ихъ рыбаки-покровители; чайки именно тогда начинаютъ думать объ отлетѣ, когда рыбаки начинаютъ собирать свои снасти и прекращать тони, отъ которыхъ прожорливыя пернатые въ теченіе лѣта собираютъ свои крохи и въ силу чего чувствуютъ себя около рыбаковъ, какъ дома. Расгительность запестрѣла наводящими тоску осенними красками; передъ глазами рисовалась желтая опадающая листва ивъ и березъ, покраснѣвшія осины, опадающія желтыя хвои лиственницы рядомъ съ потемнѣвшею зеленью ели и кедра. Наступили темныя ночи, перѣдко со слякотью, холодомъ и вѣтромъ; по ночамъ, во мракѣ, мелькаютъ огоньки съ десятка буксируемыхъ пароходомъ посудинъ, располагавшихся длинною вереницею; иногда по вечерамъ на берегахъ Оби остяки совершали свои жертвоприношенія «кулю», умилостивляя его или гадая о благополучіи дальнѣйшаго ихъ рыбнаго промысла; ихъ ворожба представляла нѣчто таинственное; на берегу рѣки, во тьмѣ ночной, перебѣгали съ мѣста на мѣсто огоньки; они были одиночны или показывались сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, иногда совершенно исчеза. Къ явленіямъ, сопровождавшимъ наше путешествіе, приведу еще слѣдующую цитату: «На дняхъ нашъ пароходъ остановился въ Кушевашахъ для грузки дровъ; павозки были оставлены за нѣсколько верстъ и рабочіе для носки дровъ должны были идти нѣшкомъ или ѣхать за пароходомъ на лодкахъ. Дрова были уже нагружены, пароходъ далъ нѣсколько свистковъ и снялъ сходни, какъ на берегу слышался шумъ; явившійся на шумъ капитанъ парохода встрѣтилъ на берегу массу рабочихъ, которые въ свою очередь представили къ нему троишь, съ ящикомъ; въ ящикѣ было скрыто нѣсколько остяцкихъ истукановъ

или, какъ здѣсь говорятъ, шайтанчиковъ, съ ихъ имуществомъ, одеждами и деньгами. Одинъ изъ рабочихъ имѣлъ окровавленную физіономію и ножъ въ рукахъ, почему и нужно думать, что шайтанчики не достались лакомкамъ на чужую собственность даромъ и вѣровавшіе въ святость истукановъ не отдали ихъ безъ сопротивленія, изъ котораго можетъ быть и сами не вышли невредимыми. Ящикъ съ шайтанами былъ доставленъ на пароходъ; находящійся здѣсь натуралистъ подвергъ его тщательному разсмотрѣнію и нашелъ его весьма интереснымъ для своихъ научныхъ выводовъ, почему и изъявилъ желаніе сейчасъ же приобрести его для доставки въ Петербургъ, во что бы то ни стало. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія нашихъ уважаемыхъ читателей, мы снова должны заявить наше сожалѣніе о томъ, что этотъ случай похищенія языческихъ предметовъ для поклоненія одинъ изъ тысячи подобныхъ случаевъ, остающихся неизвѣстными. Обыкновенно вмѣстѣ съ истуканами похищается находящееся при нихъ имущество, деньги и даже вещи самихъ остяковъ. Если похищеніе самихъ шайтановъ не можетъ имѣть особенно важныхъ послѣдствій, такъ какъ шайтанчика не трудно приготовить новаго, то похищеніе ихъ имущества должно имѣть послѣдствія, ибо остяки изъ имущества шайтановъ заимствуютъ въ крайнихъ случаяхъ деньги, одежду, мѣха; въ этомъ отношеніи шайтаны играютъ у остяковъ роль первобытныхъ, безпроцентныхъ ссудныхъ кассъ; благодаря ограбленію шайтановъ, остяки впадаютъ еще въ большую зависимость отъ торговцевъ и рыбопромышленниковъ. Намъ передавали, будто бы нѣкоторые изъ рыбопромышленниковъ даже нажились отъ имущества, взятаго отъ остяцкихъ шайтановъ».

Изъ Обдорска на пароходъ «Сибирякъ» выѣхали также члены экспедиціи отъ Московскаго общества мореходства въ Обскую губу, капитанъ Даль и помощникъ его Раудзенъ, и члены экспедиціи къ Байдаратской губѣ отъ Петербургскаго общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ, гг. Матвѣевъ и Васильевъ. При однообразіи дорожныхъ впечатлѣній, пассажиры

часто собирался въ рубкѣ парохода и вели бесѣды какъ о своихъ нынѣшнихъ приключеніяхъ, такъ и о давно прошедшихъ. Черезъ нѣсколько дней весьма медленнаго пути и эти матеріалы для бесѣдъ холостой компаніи начали истощаться, становились однообразными. Къ счастію пассажировъ, на пароходѣ появилась иллюстрированная и литературная газета, подъ названіемъ «Сибирякъ». Въ ней помѣщались текущія новости, статьи о состояніи Обскаго края, повѣсти, рассказы, біографіи извѣстныхъ рыбаковъ, стихотворенія, телеграммы и частныя объявленія. Газета выходила «ежедневно при удобномъ случаѣ»; подписка на нее принималась «во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Обдорскѣ»; условія подписки были весьма тягостны: въ годъ требовался за газету цѣлый скелетъ мамонта, въ мѣсяць — 365 муксуновъ въ обыкновенный годъ и 366 въ високосный, въ день — 24 песца или 48 недопесковъ. Остяки могли получать номера газеты бесплатно, съ обязательствомъ покупать въ редакціи по 1 бутылкѣ водки, съ платою за нее по 7 оленей. При такихъ условіяхъ на газету не было ни одного подписчика и выходящіе номера ея читались по вечерамъ въ рубкѣ парохода, передъ акуратно собиравшимися пассажирами. Нынѣ редакторъ-издательница этой газеты, Нельма Шыжьяновна Сыркова, паходится уже въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ главными сотрудниками, изъ которыхъ ершь велъ въ газетѣ внутреннее обозрѣніе, окунь содержалъ телеграфное агенство, скорбный палымъ писалъ стихотворенія и пр. Пользуясь лестнымъ вниманіемъ обитателей великой рѣки, я получилъ въ полную собственность единственный экземпляръ названной газеты и здѣсь позволю себѣ привести цѣликомъ передовую статью изъ 3-го номера этой газеты: «Намъ сообщали, что дѣло объ улучшеніи быта рыбъ довольно быстрыми шагами пошло впередъ; депутаты отъ разныхъ видовъ обскихъ рыбъ представлялись уже къ одному изъ нынѣшнихъ путешественниковъ натуралистовъ, занимающемуся ихтиологіей. Депутатами были избраны г-да и г-жи стерлядь, ершь, язъ, минога и нельма. Депутація была принята весь-

ма благосклонно, при чемъ почтенный ершь обратился отъ лица всѣхъ своихъ сотоварищей депутатовъ и отъ имени всѣхъ своихъ собратьевъ, еще живущихъ въ водѣ по сорамъ, рѣкамъ и рѣчкамъ, также пребывающихъ или въ бочкахъ рыбопромышленниковъ на пескахъ, или въ стопахъ на павозкахъ, съ нижеслѣдующей рѣчью: «Отецъ родной, ходатайствуй передъ наукой, чтобъ насъ не гноили рыбопромышленники, вмѣсто того, чтобъ заготавливать насъ въ прокъ! Участъ наша, если вамъ угодно будетъ хоть сколько нибудь въ нее вникнуть, по истинѣ самая горькая, особенно съ того времени, какъ по несчастію угодишь въ неводъ; какъ и вездѣ, малый и слабый страдаетъ болѣе, чѣмъ сильный, большой; часто случается, что всю мелочь изъ нашихъ собратій просто выбрасываютъ на берегъ, на съѣденіе халевамъ и воронамъ, въ то же время остяки и рыбопромышленники, для добыванія изъ насъ жира, складываютъ насъ въ чаны или въ корчаги и здѣсь гноятъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не выдѣлимъ жиръ вмѣстѣ съ самымъ отвратительнѣйшимъ запахомъ. Наше молодое поколѣніе и мелкіе наши собратья гибнутъ въ громаднѣйшихъ количествахъ, въ особенности тогда, когда насъ запираютъ въ сорахъ; число погибающихъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ себѣ подобнаго ни въ какихъ сферахъ животной или человѣческой жизни. То количество людей, которое гибло въ варварскихъ походахъ Тамерлана и другихъ азійскихъ завоевателей, также въ кровопролитнѣйшія войны европейскія, со временъ Греціи, Рима и среднихъ вѣковъ до войнъ крымской и франко-прусской, ничто въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ нашихъ женъ и дѣтей, которыя становятся жертвою варварства въ одномъ ничтожномъ сору, въ теченіе одной только осени. Если нынѣ образованный міръ такъ возмущенъ кровопролитными войнами на Балканскомъ полуостровѣ, то не менѣе, по нашему мнѣнію, заслуживали бы негодованія и варварства со стороны рыбопромышленниковъ въ судьбѣ нашей. И если младшіе изъ нашихъ собратій гибнутъ преждевременно, то старшіе, послѣ своей многотрудной жизни рядомъ съ замираніемъ Оби, съ затираніемъ среди

льдовъ, попадаютъ затѣмъ прямо въ горькую и грязную соль въ чанахъ рыбопромышленниковъ. Положеніе дѣлъ становится тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что насъ, распоровши брюхо, ночи живыхъ кладутъ въ бочки пьяные засольщики, невѣжественные въ дѣлѣ засола также, какъ всѣмъ извѣстное, неопрятное и щетиристое четвероногое въ апельсянахъ. Отецъ родной, будьте рыболюбивы, примите мѣры къ снятію съ насъ этой кары, которая уже давно тяготѣетъ надъ нами, какъ бы за грѣхи наши и употребите ваше вліяніе на то, чтобы вывести насъ изъ этой «нищеты и безъизвѣстности!»—Господинъ ученый въ краткихъ, но ясныхъ выраженіяхъ благодарилъ депутатовъ за ихъ къ нему расположеніе, объявивъ, что самъ онъ цѣлое нынѣшнее лѣто изучалъ эти печальныя стороны въ бытѣ рыбъ и уже довелъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства; увѣривъ депутатовъ, что ихъ довѣрителю по своей доброкачественности — лучшіе на земномъ шарѣ, онъ указалъ на то, что въ нынѣшнемъ году для изученія края, также для поднятія въ немъ уровня человѣческаго образованія и благосостоянія, были командированы при содѣйствіи начальства, экспедиціи отъ различныхъ ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ обществъ, при чемъ онъ очертилъ кратко изслѣдованія гг. членовъ Бременской экспедиціи, также Даля и Раудзепя, Матвѣева и Орлова съ Васильевымъ. Въ заключеніе онъ объяснилъ, что можетъ быть благодаря трудамъ всѣхъ этихъ экспедицій, судьба Обскихъ рыбъ настолько измѣнится, а приготовленіе ихъ въ прокъ улучшится, что онѣ будутъ извѣстны не однимъ только крестьянскимъ желудкамъ при-уральскаго края, но даже получатъ возможность путешествовать по Европѣ, появятся на столахъ цивилизованнѣйшихъ людей и послужатъ приятной пищей прелестнѣйшимъ въ мірѣ созданіямъ; онѣ познакомятся съ внутреннимъ складомъ довольно здоровыхъ и краснощекыхъ москвитянокъ, блѣднолицыхъ обитательницъ Петербурга, чувствительныхъ, голубоглазыхъ иѣмокъ, солидныхъ и иѣсколько холодныхъ англичанокъ, живыхъ, юрливыхъ француженокъ, узнаютъ весь жаръ итальянской натуры. Наконецъ, можетъ быть

и эта чудная голандка, дочь капитана, попробуетъ вашъ вкусъ и почувствуетъ, что я былъ вашимъ, мм. гг. и мм. г-ни, усерднымъ и пламеннымъ защитникомъ отъ варварства. «Депутаты до такой степени были тронуты этой рѣчью и ея теплотой, что нѣкоторые изъ нихъ сейчасъ же пожелали остаться въ спирту у господина естествоиспытателя, съ желаніемъ отправиться въ разные европейскіе и американскіе музеи «людей посмотреть и себя показать».

На прощанья съ Обью и ея коренными обитателями—остяками, я вспомнилъ, что остяки не всегда проводятъ время угрюмо и молчаливо, окруженные вѣчной нуждой. Они такъ или иначе умѣютъ веселиться, на вечеринкахъ поютъ и пляшутъ, устраивая маскарады. Пѣсни остяка — не всегда случайная импровизація, по поводу перваго встрѣчнаго предмета. У меня записана весьма популярная между устьями Иртыша и Березовымъ пѣсня, составленіе которой остяки приписываютъ одной женщинѣ, живущей еще и до сихъ поръ въ Ендырскихъ юртахъ; къ сожалѣнію, эту поэтесу мнѣ не удалось видѣть, хотя я и познакомился съ лицами, которыхъ касается пѣсня; ея содержаніе приблизительно слѣдующее. «Софья Оокѣвна объясняла своему любовнику Аванасью, съ которымъ она неразлучно ходила въ лѣсу и промышленяла много горностаевъ, что она бы этого не дѣлала, еслибъ не пылала страстью къ Аванасью. Это былъ тотъ самый Аванасій, который купилъ корову за 5 рублей, убилъ ее деревяннымъ чернемъ топора, оставилъ на саяхъ и которую затѣмъ съѣли собаки. Ай люли, «безтолковый, негодный» помощникъ старшины, Иванъ Михайлычъ (Софья Оокѣвна была его невѣрная жена)». Другая, весьма популярная пѣсня, того же автора, бичуетъ нѣкоего остяка Луку Гордѣича, который съ Оби поѣхалъ торговать въ Верхотурье. Но доѣхавъ только до селенія Меркушинскаго, онъ утонулъ въ разныхъ удовольствіяхъ, забылъ свой домъ, жену, дѣтей и возвратился домой ни съ чѣмъ. Въ другомъ варіантѣ пѣсня болѣе снисходительна, поѣздку въ Верхотурье Луки Гордѣича считаетъ довольно смѣлымъ подвигомъ и если герой и

увлекся новой для него жизнью, то въ концѣ концовъ все таки привезъ домой разныхъ товаровъ и его жена, Арина Михайловна, рассказывала сосѣдкамъ, что Лука Гордѣичъ навезъ и чаю и сахару и холста и пр.

Въ самомъ концѣ сентября въ воздухѣ было довольно холодно, намъ уже не далеко оставалось до цѣли нашей поѣздки; на берегахъ Иртыша показался временно снѣгъ, который видимо далѣе къ сѣверу выпалъ въ большемъ изобиліи; 29 сентября съ самаго ранняго утра показались въ воздухѣ вереницы перелетныхъ птицъ, преимущественно гусей; часовъ съ 4 утра до 2 дня не было момента, въ теченіе котораго нельзя было бы тутъ или тамъ въ высотѣ видѣть вереницу птицъ; даже больше: вереницы рисовались въ поднебесьи цѣлыми десятками въ разныхъ сторонахъ; по мѣрѣ того, какъ одни пчезали изъ виду, другіе появлялись, численность стадъ была поразительна, не говорю о томъ, сколько могло пролетѣть въ этотъ день особей. Наконецъ черезъ 20 слишкомъ дней медленнаго хода, мы оказались въ Тобольскѣ. Въ Тобольскѣ я пробылъ больше недѣли; въ теченіе этого времени я, между прочимъ, имѣлъ возможность сообщить отчетъ городскому обществу, указавъ въ немъ на большую часть главныхъ фактовъ, уже приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ выше. Въ заключеніе своего пребыванія въ Тобольскѣ, я считаю долгомъ благодарить за искреннее вниманіе и содѣйствіе въ моихъ изслѣдованіяхъ: начальника губерніи Ю. П. Пелено, городского голову В. Д. Жарникова, также А. П. Дзержинскаго, которому я обязанъ за услуги, оказанныя мнѣ во время самаго путешествія и за научныя порученія, которыя онъ выполняетъ для меня и до сихъ поръ.

Мой путь лежалъ отъ Тобольска на Омскъ, сначала вверхъ по Иртышу, затѣмъ по Вагаю до Истяцкихъ юртъ, отъ которыхъ дорога поворачиваетъ черезъ юрты Балахлейскія и др., къ долинѣ р. Ишима, на Готопупово и Абатскую станцію, откуда

начинается до Омска обыкновенный большой сибирский трактъ. Характеръ мѣстности, внѣшній видъ поселеній на всемъ этомъ пути уже значительно отличается отъ того, что можно видѣть внизъ по Иртышу отъ Тобольска. По Иртышу и по Вагаю лежатъ холмистая мѣстность, пересѣченная крутыми оврагами, сопровождающими мелкія рѣчки и ручьи. Нѣкогда видимо господствовавшіе здѣсь густые хвойные лѣса, теперь разчищены; ихъ мѣсто заняли пашни, луга или мелколѣсье; но во многихъ мѣстахъ по дорогѣ уцѣлѣли еще стройные сосновые боры, ельники и даже кедровники, а отдѣльные кедры, иногда огромнаго роста и большой толщины, растутъ еще около самыхъ поселеній, охраняемые обычаемъ отъ беспощаднаго топора. Въ хвойныхъ лѣсахъ сохранились всѣ характерные звѣри; часто медвѣдь посѣщаетъ жилище человѣка, а въ зимнее время тутъ или тамъ появляются въ большомъ количествѣ рыси. По выѣздѣ изъ Тобольска въ тарантасѣ, насъ на первой же станціи засталъ снѣгъ и еще черезъ нѣсколько станцій пришлось тарантасъ перемѣнить на сани. Санний путь былъ въ весьма хорошемъ состояніи по всей лѣсной полосѣ, въ долинѣ Вагая. Съ переваломъ къ Ишиму, на пути къ Готопуповской станціи, въ характерѣ мѣстности произошла довольно рѣзкая перемѣна. Хвойный лѣсъ исчезъ, вмѣсто его появился березнякъ рощами или перелѣсками, которые раздѣлялись другъ отъ друга обширными, безлѣсными площадями, заросшими травой. Среди этихъ безлѣсныхъ равнинъ гулялъ свободно вѣтеръ и хотя погода все время стояла снѣжная и снѣгъ падалъ густыми хлопьями, однако на пути встрѣчалось много мѣстъ, совершенно голыхъ, съ которыхъ снѣгъ уносился вѣтромъ. Почва на безлѣсныхъ пространствахъ частию плотная, кочковатая; на мѣстѣ ея еще недавно были озера, теперь высохшія; озера были соленыя, такъ какъ самая почва въ настоящее время солонцевата. Соляныя озера разныхъ величинъ встрѣчаются и до сихъ поръ въ долинѣ Ишима. Съ исчезновеніемъ хвойнаго лѣса, перемѣнилась наружность деревень: — онѣ состояли изъ лачугъ, выстроенныхъ изъ осины и березы, съ крышами

изъ дерна; это маленькія избушки, съ небольшими окнами, узкія. Такой характеръ мѣстность представляла на большей части пути къ Омску, съ тою разницею, что въ однихъ мѣстахъ березнякъ и вообще мелколѣсье были болѣе изобильны, въ другихъ встрѣчались рѣже. Вообще, отъ станціи Абатской, и въ особенности отъ Орловой, мѣстность представляетъ чаще обширныя безлѣсныя пространства, съ плотной, степной почвой, по видимому мало плодородной; и самое безснѣжье стоитъ здѣсь весьма продолжительно. Около половины октября отъ Орловой я ѣхалъ до самаго Омска въ тарантасѣ, сопровождаемый буранами, — которые нужно признать за явленіе весьма характерное для степей. Изъ Омска я выѣхалъ обратно на Тюмень 31 октября и на этомъ пути долженъ былъ нѣсколько разъ мѣнять то тарантасъ на сани, то сани на тарантасъ. Такъ въ тарантасѣ я ѣхалъ отъ Омска до Орловой, затѣмъ въ саняхъ до Ишима, около котораго санный путь былъ крайне плохъ и я выѣхалъ изъ города снова въ тарантасѣ, что продолжалось почти до Ялуторовска, откуда я опять сѣлъ въ сани и на послѣдней станціи къ Тюмени въ послѣдній разъ на всемъ пути ѣхалъ въ тарантасѣ. Всѣ эти перемѣны тарантаса на сани и обратно, соотвѣтствовали безлѣсности пройденныхъ пространствъ, связанной со скудостью въ снѣгѣ.

Въ теченіе всей этой дороги я однако не могъ вполнѣ забыть глубокаго Сѣвера. Березовыя дубровы и рощи въ степи соотвѣтствовали скуднымъ перелѣскамъ хвойныхъ лѣсовъ на полярныхъ границахъ древесной растительности; открытыя пространства степей, съ плотной или болотистой почвой, уподоблялись въ моемъ представленіи съ проблесками сѣверной тундры. Во время моего пребыванія въ степи, тундра несомнѣнно была уже одѣта толстымъ снѣжнымъ покровомъ и многіе изъ ея лѣтнихъ обитателей уже пропеселись надъ степью въ страны болѣе теплыя, другіе же изъ обитателей тундры, во время всего моего пребыванія въ степи, носились цѣлыми стадами около дорогъ; они на безснѣжныхъ степныхъ пространствахъ собирали растительныя зерна

для своего пропитанія. Это были подорожникъ снѣжный (Plectrophanes nivalis), альпійскій жаворонокъ (Alauda alpestris); въ то же время бѣлыя куропатки (Lagopus albus) стадами или парами носились надъ степью; чудную картину представляли эти птицы въ то время, когда онѣ разсаживались по кустарникамъ, рѣзко выдѣляясь своимъ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ отъ окружающей ихъ пожелтѣвшей травы или черной почвы. Всѣ эти птицы перемѣшивались съ тетеревами, оживлявшими своимъ присутствіемъ дубравы, съ разными видами полевыхъ воробьевъ (Fringilla), какъ то: коноплянки (F. cannabina), щегла (F. carduelis) и пр. Даже и люди, русское населеніе, не одинъ разъ заставляло меня переноситься мысленно на Сѣверъ, къ первобытнымъ условіямъ существованія тамошняго человѣка. Когда я отводилъ свою усталость въ танцахъ на деревенскихъ вечеринкахъ и свадьбахъ, во время пути по степи, мнѣ не разъ приходилось вспомнить остяка Тонку и другихъ ему подобныхъ. По Вагаю можно наблюдать татаръ, около Омска киргизовъ, а живущее среди нихъ или отдѣльно, русское населеніе во многомъ мало отъ нихъ отличается. Самостоятельнаго, прочнаго культурнаго развитія, крѣпко сложившагося характера въ русскомъ человѣкѣ какъ бы не существуетъ; онъ легко подчиняется привычкамъ племени даже мало развитаго. Такъ у русскихъ, живущихъ около татаръ, существуетъ нѣчто въ родѣ калыма, только подъ другимъ названіемъ; говорятъ, необходимо дать или выряжено отцу не вѣсты 30 — 50 рублей *на-подъемъ*. Самое положеніе женщины въ русской семьѣ печальнѣе, чѣмъ у татаръ; такъ, русская женщина должна сшить жениху или мужу, на какія хочетъ средства, красную рубашку, плисовые штаны, крымскую шапку; дѣвцы должны сами себя одѣвать, отецъ или глава семейства объ этомъ не заботится; онѣ должны заткать на платьѣ и прочую одежду, иначе, чтобъ прикрыть свою наготу, онѣ бывають поставлены въ необходимость приносить въ жертву свои неприкосновенныя въ дѣвическомъ состояннн блага, чѣмъ и пользуются въ особенности странствующие торгоши. У крестьянъ наиболѣе

состоятельныхъ, кромѣ жены, всегда бываютъ такъ называемыя сударки, которыхъ даже держать на дому. Сожитіе свекрововъ съ невѣстками, во время отлучекъ сыновей, также обыкновенное явленіе. При этомъ я не привожу массы примѣровъ звѣрства мужей по отношенію къ женамъ.

Въ отношеніяхъ крестьянъ кредиторовъ къ должникамъ существуетъ также страшный обычай—долгъ съ каждымъ годомъ удваивается. Такимъ образомъ, какъ рассказываютъ, одинъ крестьянинъ должникъ за одну крымскую шапку, стоившую 3 р., поставилъ уже 500 копенъ сѣна, разъ оплошавши; а долгъ все росъ да росъ, такъ что наконецъ несчастный любитель шапки взвылъ передъ своимъ кредиторомъ.

5 ноября я былъ уже въ предѣлахъ Пермской губерніи, Западная Сибирь осталась позади; при этомъ я считаю въ настоящее время долгомъ благодарить Н. Г. Казнакова за содѣйствіе, оказанное мнѣ въ путешествіи и за любезное гостепрѣимство, которымъ я пользовался въ Омскѣ, во время своего двухнедѣльнаго здѣсь пребыванія.

Теперь мнѣ оставалось преодолѣть одно только несчастіе — ѣзду на вольныхъ почтахъ и на большомъ протяженіи; эта ѣзда дорогая, неудобная, медленная, на измученныхъ лошадяхъ, часто въ дырявыхъ, перекладныхъ саняхъ. Но съ нѣкоторыми остановками въ Екатеринбургѣ, въ Перми и въ Казани, я достигъ наконецъ Нижняго Новгорода, гдѣ 23 ноября съ большимъ удовольствіемъ сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ два дня былъ въ Петербургѣ.

8-го февраля, 1877 года,

С.-Петербургъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1880 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

СТРАН.

Выѣздъ изъ Петербурга и пребываніе въ Москвѣ, — каменные орудія г-жи Стрекаловой. — Тульскій уѣздъ, — остатки каменнаго вѣка по рѣчкѣ Тулицѣ. — Употребленіе орудій между крестьянами и распространеніе ихъ. — Описаніе найденныхъ орудій. — Осколки около «городища». — Городище и раскопки въ немъ. — Раскопка сосѣдней могилы, — желѣзнаго вѣка; засыпанная пещера.....

1 — 8

II.

Результатъ раскопокъ около Карачарова и поѣздка въ Воронежъ. — Свѣдѣнія о Костинскѣ, или Костѣнкахъ, Гмелина; мои задачи. — Приѣздъ въ Костѣнки и первыя экскурсіи. — Правый берегъ Дона и его терасы. — Разсказъ о мамонтѣ мѣстныхъ жителей. — Разные случаи залеганія костей мамонта. — Кости въ коренномъ мѣстозалеганіи. — Раскопка въ амшаникѣ и открытіе орудій съ костями мамонта. — Пепелища и кости, какъ кухонные остатки; дальнѣйшія раскопки. — Человѣкъ преслѣдовалъ мамонта. — Человѣкъ жилъ на открытомъ воздухѣ. — Отдаленность эпохи его существованія. — Каменный вѣкъ новѣйшаго періода, въ черноземѣ. — Описаніе орудій, найденныхъ съ костями мамонта. — Новѣйшія орудія. — Отъѣздъ изъ Костѣнокъ.....

9 — 48

III.

Путь въ долину Оки. — Приѣздъ на западный склонъ Урала. — Кунгурская пещера. — Посѣтители пещеры и свѣдѣнія о ней. — Значеніе ея у раскольниковъ. — Мои задачи и экскурсіи въ ней. — Описаніе пещеры: входъ, ледяныя отдѣленія, среднія части и конецъ пещеры — озеро. — Впечатленіе, выносимое изъ пещеры. — Роль пещеръ въ вѣрованіяхъ перво-

бытныхъ народовъ—остяки.—Происхожденіе пещеры, измѣненія въ ней.—Выборъ мѣста для раскопки. — Температура пещеры.— Пещера, вѣроятно, не была обитаема въ до-историческія времена.....

48 — 64

IV.

Поѣздка изъ Казани въ Красновидово и Богородскъ. — Тerasы Волжскихъ береговъ и ихъ сходство съ Донскими.—Красновидовская коса и находимыя въ ней кости ископаемыхъ животныхъ. — Поѣздка на лѣвый берегъ Волги и селеніе Карташиха. — Залеганіе каменныхъ орудій по лѣвому берегу Волги.—Описаніе каменныхъ орудій изъ Карташихи.—Путь въ Хрящевку, внизъ по Волгѣ.—Хрящевская коса и находимыя на ней кости ископаемыхъ животныхъ. — Отъѣздъ изъ Новодѣвичья въ дальнѣйшее странствованіе, — на Араратъ и заключеніе.....	64 — 77
Объясненіе къ картѣ.....	78 — 79
Объясненіе таблицъ, изображающихъ каменныя орудія.....	79 — 81

I.

Выѣздъ изъ Петербурга и пребываніе въ Москвѣ, — каменные орудія г-жи Стрекаловой. — Тульскій уѣздъ, — остатки каменнаго вѣка по рѣчкѣ Тулицѣ. — Употребленіе орудій между крестьянами и распространеніемъ ихъ. — Описаніе найденныхъ орудій. — Осколки около «городища». — Городище и раскопки въ немъ. — Раскопка сосѣдней могилы, — желѣзнаго вѣка; засыпанная пещера.

1-го іюня я оставилъ С.-Петербургъ и направился въ Москву, гдѣ на слѣдующій день снова принялся за осмотръ коллекцій на Антропологической выставкѣ, которыя я уже видѣлъ нѣсколько раньше. На выставкѣ находилась между прочимъ коллекція каменныхъ орудій изъ Тульской губерніи, принадлежащая г-жѣ Стрекаловой. Въ числѣ ихъ были довольно большіе кремневые наконечники копій и шлифованные кремневые топорики; на основаніи этихъ орудій можно было думать, что въ Тульской губерніи обитали нѣкогда люди, хорошо умѣвшіе какъ обивать камень, такъ и шлифовать его для приготовленія необходимыхъ домашнихъ принадлежностей. Однакоже дальнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстахъ и условіяхъ, среди которыхъ залежали орудія въ почвѣ, я не получилъ на выставкѣ и поэтому, на пути къ Воронежу, нашелъ не лишнимъ остановиться въ Тулѣ, куда и выѣхалъ изъ Москвы 3-го іюня. На слѣдующій день я былъ уже, поздней ночью, въ селѣ Рудневѣ, лежащемъ верстахъ въ 20-ти отъ Тулы, по Веневскому тракту, почти на с.-в. отъ города. Вообще, большая часть селъ, около которыхъ были находимы орудія, какъ и Руднево, лежатъ по верхнему теченію р. Тулицы. Въ направленіи къ Рудневу, начи-

ная отъ Тулы, тянется мѣстность довольно холмистая, но высокіе холмы имѣютъ весьма мягкія очертанія; представляя пологіе ска- ты, они при сліянїи другъ съ другомъ образуютъ то чашеобраз- нья, то корытообразныя углубленія; обрывы по бокамъ холмовъ являются въ видѣ рѣдкихъ исключеній и то по преимуществу въ самой долигѣ Тулицы, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обнажаются камен- ноугольные пзвестняки. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди долинъ, размыты весенними потоками овраги. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней я совершилъ рядъ экскурсій какъ около Руднева, такъ и въ окрестностяхъ другихъ деревень, какъ то Ершовой, Крюковой, Сухотиной, Федяшевой, Фуниковой и пр. Изъ распросовъ у мѣстныхъ жителей, крестьянъ, я узналъ, что каменные орудія были находимы ими и при томъ преимуще- ственно на пашняхъ; но такъ какъ пашни давно уже обрабатываются, а орудія издавна выбирались при полевыхъ работахъ, то въ настоящее время они почти исчезли. И въ самомъ дѣлѣ, я осмо- трѣлъ въ разныхъ мѣстахъ большое количество полей и не видалъ не только цѣлыхъ орудій, до даже болѣе или менѣе характерныхъ для каменнаго вѣка кремневыхъ обломковъ. Тѣмъ не менѣе, од- нако у крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, какъ оказалось, камен- ныя орудія распространены весьма сильно; сказать точнѣе, нѣтъ почти деревни, въ которой кто либо изъ жителей не имѣлъ бы одной или нѣсколькихъ каменныхъ стрѣлъ. Владѣтельницами ору- діи являются преимущественно старухи, для которыхъ эти орудія составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ лекарственныхъ средствъ; повидимому вѣра въ лекарственную силу каменныхъ орудій нигдѣ не достигаетъ такой степени, какъ въ Тульской гу- берніи, хотя орудія подъ именемъ «громовыхъ стрѣлъ» имѣютъ большое значеніе при леченіи болѣзней и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Во многихъ изъ вышеназванныхъ деревень я встрѣчалъ старухъ, владѣющихъ иногда стрѣлками штукъ до 10 и болѣе; у старухъ, славящихся наиболѣе своимъ чудесническимъ искус- ствомъ, всякая стрѣлка имѣетъ даже свое названіе, по именамъ святыхъ или же присоединяется названіе «спаситель» къ стрѣлкѣ,

помогающей наиболѣе отъ всякихъ недуговъ. Лечать стрѣлками посредствомъ укола больнаго или же спусканіемъ воды; послѣдній способъ леченія заключается въ томъ, что на стрѣлку льется вода, которая затѣмъ собирается въ сосудъ и дается для питья больному или для обливанія страждущей части тѣла. Несмотря на то, что вѣра въ лекарственное значеніе каменныхъ орудій или «громовыхъ стрѣлъ» есть суевѣріе, относящееся къ области отживающихъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе она повсемѣстно распространена по деревнямъ Тульского уѣзда; въ каждой деревнѣ навѣрное есть знахарка, промышленяющая стрѣлками; всякій пациентъ за труды навѣрное приноситъ своей мнимой исцѣлительницѣ хлѣба, холста и разныхъ другихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту крестьянъ. Такимъ образомъ знахарка, умно ведущая свое дѣло, можетъ круглый годъ существовать; благодаря своимъ операціямъ надъ громовыми стрѣлками, она можетъ имѣть пациентовъ не только изъ своего, но даже и изъ сосѣднихъ селъ, гдѣ другія цѣлительницы недуговъ не такъ искусно ведутъ свое дѣло. На этомъ основаніи крестьянки чрезвычайно дорожатъ «громовыми стрѣлами», лучшія изъ которыхъ добыты повидимому весьма давно и переходятъ по наследству изъ рода въ родъ, причемъ иногда служатъ даже предметомъ ожесточеннаго спора между наследницами. При трудности многимъ имѣть стрѣлки, я видѣлъ у нѣкоторыхъ женщинъ простые камни или валунчики, болѣе или менѣе своеобразной формы, или даже раковины, то ископаемыя, то еще нынѣ живущія, морскія, — все это также слыветъ подъ именемъ стрѣлокъ. Но исключая эти случайные предметы, не относящіеся къ каменному вѣку, нужно думать, что настоящія каменные орудія весьма распространены у крестьянъ, такъ что еслибъ собрать все то, что я видѣлъ или что знаю по рассказамъ, то полагаю уже изъ этихъ предметовъ, находящихся въ посѣщенныхъ мною деревняхъ, можно было бы составить порядочный музейчикъ. Такъ, въ деревнѣ Федяшево я встрѣтилъ старуху, въ распоряженіи которой было до 6 штукъ каменныхъ орудій — изъ нихъ два или три наконечника

копій. Оказалось, что старуха, имѣющая лѣтъ 90 отъ роду, лѣтъ 70 живетъ въ Федяшевѣ, куда она вышла замужъ и принесла орудія, какъ приданное и наслѣдство отъ матери изъ Воронежской губерніи. Понятно, что она ни за какія деньги не хотѣла уступить хотя одну вещь, говоря, что желаетъ помереть вмѣстѣ съ ними. При такихъ условіяхъ пріобрѣтеніе орудій, въ особенности для человѣка случайно и не надолго захватшаго въ край, весьма затруднительно, хотя мнѣ все таки удалось пріобрѣсти по-купкою нѣсколько интересныхъ экземпляровъ.

Одно изъ орудій, добытыхъ въ селѣ Барановѣ, наконечникъ копья изъ красноватаго кремня, фиг. 32; длина его около 105 мм., ширина—39 мм.; форма его стрѣловидная, съ двумя пріостренными концами, одинъ бокъ имѣетъ болѣе правильное очертаніе, чѣмъ другой. Во всякомъ случаѣ этотъ наконечникъ относится къ типу совершеннѣйшихъ орудій неолитическаго, новѣйшаго періода, точно также, какъ и слѣдующій наконечникъ, приближающийся болѣе къ овальной формѣ, съ двумя немного закругленными концами, фиг. 33. Онъ имѣетъ такую же длину, какъ и первый наконечникъ, около 105 мм., съ шириною около 35 мм. Сдѣланъ онъ изъ темнаго, плотнаго кремня. Вмѣстѣ съ этими двумя добыты мною въ Барановѣ два форменныхъ, призматическихъ кремневыхъ осколка, одинъ изъ краснаго, другой изъ темнаго кремня, съ обитыми ребрами. Длина одного 58, другаго 60 мм. Подобный этимъ осколокъ я получилъ въ селѣ Ершовѣ и каменный, обитый топорикъ—въ Рудневѣ.

Если мнѣ не удалось найти около вышеназванныхъ деревень такихъ мѣстъ, гдѣ бы орудія залегали вмѣстѣ съ кремневыми осколками и другими принадлежностями каменнаго вѣка, то это еще не значить, чтобъ таковыя не нашлись впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ отъ одного изъ крестьянъ я слышалъ, что стрѣлки не рѣдко вымываются изъ почвы на берегу ручья Бѣжка, около села Высокаго, въ выселкахъ, Ча-

стинской волости, въ 12 верстахъ отъ Тулы. Съ другой стороны, на третій день своихъ экскурсій, ниже по теченію рѣчки Тулицы, между деревней Тулицей и селомъ Торховымъ, я самъ наткнулся на слѣды пребыванія людей каменнаго періода, но повидимому относящіяся къ новѣйшей эпохѣ. Версты на двѣ ниже деревни Тулицы, въ рѣчку Тулицу впадаетъ съ лѣвой стороны небольшой ручей. Кремневые осколки и въ довольно большомъ количествѣ встрѣчаются на мысу, образуемомъ ручьемъ и рѣчкой; вмѣстѣ съ этими, вполне типичными обломками, часто встрѣчаются камни со слѣдами человѣческихъ ударовъ, но по общей формѣ не подходящія ни къ какому изъ типовъ каменныхъ орудій; да при томъ о многихъ можно сказать, что они и не были ни въ какомъ случаѣ орудіями. И дѣйствительно, если о многихъ, находимыхъ здѣсь, кремневыхъ обломкахъ можно сказать безъ сомнѣнія, что они относятся къ каменному вѣку, то о другихъ камняхъ, со слѣдами ударовъ, нужно думать иначе, а именно, что они относятся къ періоду еще болѣе повому. И въ этомъ не трудно было убѣдиться послѣ того, какъ я произвелъ раскопку въ городищѣ, лежащемъ на самой стрѣлкѣ, образуемой Тулицей и впадающимъ въ нее ручьемъ. Стрѣлка, или мысъ, начиная отъ сліянія двухъ водныхъ потоковъ, по направленію въ глубь материка все болѣе и болѣе повышается. Со стороны Тулицы мысъ образуетъ весьма крутой и высокій обрывъ, съ выходами каменно-угольнаго известняка; скатъ къ ручью былъ первоначально не очень крутъ и очевидно искусственно возвышенъ. Примѣрно, саженьхъ въ 70 отъ начала мыса, проведенъ ровъ, который, перерѣзывая мысъ, соединяетъ Тулицу съ ручьемъ. Такимъ образомъ, мысъ, ограниченный съ трехъ сторонъ крутыми скатами, представляетъ площадь трехугольника, постепенно возвышающуюся отъ начала или вершины, въ глубь материка, къ основанію. Одинъ насыпной валъ идетъ по самой окраинѣ трехугольника, другой на разстояніи сажени, внутри, паралельно первому, второй внутренній валъ наиболѣе возвышенъ, кромѣ того по окраинѣ рва, обращенной внутрь, сдѣ-

лана огромная насыпь, значительно господствующая надъ ближайшими окрестностями. Однимъ словомъ, здѣсь мы видимъ укрѣпленіе или городокъ, который былъ направленъ для защиты противъ непріятеля. Нападающему на городокъ было въ одинаковой степени трудно приступить къ нему какъ со стороны материка, такъ и со стороны ручья и рѣчки. Защищающіеся могли легко спастись и наносить вредъ непріятелю изъ за двойныхъ валовъ, окаймляющихъ городокъ. Городковъ, подобныхъ вышеописанному, я видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ большое количество; одно возвышеніе въ этомъ именно родѣ я осматривалъ на берегу озера Глубокаго, недалеко отъ Селигера, въ верховьяхъ Волги; множество такихъ же укрѣпленій встрѣчается по Иртышу и Оби; въ особенности сходно съ Тульскимъ такъ называемое Кучумово городище, расположенное на мысѣ, образуемомъ Иртышемъ и рѣчкой Сибиркой. Впослѣдствіи я видѣлъ два такихъ укрѣпленія на отвѣсномъ берегу Сылвы, около Кунгура, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится Кунгурская пещера. Кромѣ того, я замѣчалъ подобныя сооруженія на сѣверныхъ склонахъ Кавказа, между Грознымъ и Владикавказомъ, и наконецъ въ Закавказьи, въ Делижанскомъ ущельи.

Такъ какъ типичные кремневые осколки находились близко отъ городища по рѣкѣ Тулицѣ, то я сдѣлалъ нѣсколько раскопокъ въ мѣстахъ наиболѣе характерныхъ; такъ я провелъ продольную канаву по срединѣ городища и за тѣмъ поперегъ, съ нѣкоторыми впрочемъ перерывами. Почти по срединѣ или, такъ сказать, въ центрѣ городища я наткнулся на остатки жилья, которые заключались въ перегорѣлой глинѣ и пеплѣ и шли въ глубину около сажени. Въ верхнемъ слоѣ, носившемъ черноземный характеръ, попадались кости разныхъ домашнихъ животныхъ; изъ дикихъ были весьма многочисленны остатки кабана, въ особенности коренные зубы. Затѣмъ весьма часто встрѣчались камни, имѣющіе форму топора и по краямъ обитые и весьма вѣроятно, что они употреблялись въ домашнемъ быту строи-

телями укрѣпленія, которые однако знали и желѣзо. Между костями и камнями, въ нижней части черноземно-растительнаго слоя, вмѣющаго отъ одной до двухъ четвертей аршина толщины, я нашелъ желѣзный стержень, съ расширеніемъ на одномъ концѣ; онъ напоминалъ пестъ, которымъ можно было толочь или растирать различныя вещества. Но кромѣ того, за предѣлами городка, въ самой высокой части горы, находились и могилы, принадлежавшія очевидно строителямъ укрѣпленія. По рассказамъ, или, иначе сказать, по повѣрьямъ мѣстныхъ жителей, здѣсь былъ погостъ, что думаютъ они потому, что здѣсь даже въ пашняхъ встрѣчается множество человѣческихъ костей. Значить была церковь и сюда сносили хоронить покойниковъ православные христіане. Однакоже это далеко не такъ; здѣсь незамѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ-бы то ни было построекъ. Въ одномъ только мѣстѣ я нашелъ кучу камней, изъ которыхъ нѣкоторые были весьма значительныхъ размѣровъ, большая же часть мелкихъ. Эти камни нельзя было считать явленіемъ случайнымъ или же естественнымъ; они лежали прямо, на поверхности почвы, на которой въ другихъ мѣстахъ никакихъ подобныхъ камней не было, — слѣдовательно это ни какъ не могли быть валуны. Поэтому то я и рѣшился узнать, что находится подъ камнями; ожиданія мои дѣйствительно не были обмануты; подъ камнями, на глубинѣ аршина, въ самомъ дѣлѣ оказались человѣческія кости. Тутъ были сильно разрушившіеся черепа, весьма часто кости ногъ, изрѣдка трубчатыя кости; все это было разбросано на площади около двухъ квадратныхъ сажени безъ видимаго порядка; въ одномъ мѣстѣ лежалъ скелетикъ довольно полный младенца, которому едва-ли было нѣсколько мѣсяцевъ во время смерти; здѣсь были кости конечностей младенца, его черепа, ребра и позвонки. Это обстоятельство, относительно большая полнота дѣтскаго скелета и совершенная беспорядочность костей взрослыхъ людей, ихъ не полнота, — весьма странно. Наиболѣе были сохранены нижнія челюсти, которыхъ было вырыто до пяти штукъ. Вмѣстѣ съ костями были найдены два желѣзныхъ ножа. Отсюда очевидно, что строи-

тели городка относились уже къ желѣзному вѣку и по всему вѣроятію жили въ болѣе древній его періодъ, чѣмъ племя, воздвигавшее на могилахъ покойниковъ курганы. Найденная мною около городка могила, по отсутствію на ней вполнѣ ясныхъ признаковъ, по которымъ-бы можно было отличить ее, больше всего напоминаетъ кладбища каменнаго вѣка около Волосова, въ долинѣ Оки, и въ окрестностяхъ села Фатьянова, въ Ярославской губерніи. Къ тому же, изобиліе камней, которые весьма часто встрѣчаются въ жильѣ обитателей городища и носятъ на себѣ ясные слѣды обработки, значительно приближаетъ ихъ къ жителямъ каменнаго вѣка; а очень можетъ быть, что эти строители крѣпости смѣнили тѣхъ обитателей каменнаго вѣка, которые оставили здѣсь, въ окрестностяхъ, хорошо обдѣланные наконечники копій, стрѣлы и шлифованные топоры изъ кремня. Съ другой стороны было-бы весьма интересно опредѣлить отношеніе строителей городка къ жителямъ курганнаго періода; для этого слѣдовало-бы раскопать курганъ, находящійся недалеко отъ городища, не больше, какъ въ одной верстѣ разстоянія, по лѣвую сторону ручья. Но такъ какъ курганныя раскопки не относились къ моимъ прямымъ задачамъ и притомъ, имѣя въ виду еще далекое и продолжительное странствованіе, я изъ экономіи во времени, 9 іюня закончилъ свои изслѣдованія по р. Тулицѣ и черезъ Тулу долженъ былъ направиться на Воронежъ. Въ заключеніе, впрочемъ, упомяну о томъ, что между городищемъ и деревней Тулицей, въ обрывѣ лѣваго берега, какъ разъ около мельницы, по рассказамъ крестьянъ, ломавшихъ камень, была ими обнаружена пещера. Зайдя въ ея узкій ходъ, они могли видѣть пустоту, въ большую комнату дальше не было ничего видно, идти же они не рѣшились. При входѣ они видѣли даже обгорѣлыя деревья. Къ сожалѣнію, осыпью съ высоты обрыва входъ совершенно завалило и мы никакими силами не могли открыть его, даже въ присутствіи тѣхъ крестьянъ, которые первоначально обнаружили пещеру.

II.

Результатъ раскопокъ около Карачарова и поѣздка въ Воронежъ. — Свѣдѣнія о Костинскѣ, или Костѣнкахъ, Гмелина; мои задачи. — Приѣздъ въ Костѣнки и первая экскурсія. — Правый берегъ Дона и его терасы. — Разсказъ о мамонтѣ мѣстныхъ жителей. — Разные случаи залеганія костей мамонта. — Кости въ коренномъ мѣстозалеганіи. — Раскопка въ амшаникѣ и открытіе орудій съ костями мамонта. — Пепелища и кости, какъ кухонные остатки; дальнѣйшія раскопки. — Человѣкъ преслѣдовалъ мамонта. — Человѣкъ жилъ на открытомъ воздухѣ. — Отдаленность эпохи его существованія. — Каменный вѣкъ новѣйшаго періода, въ черноземѣ. — Описаніе орудій, найденныхъ съ костями мамонта. — Новѣйшія орудія. — Отъѣздъ изъ Костѣнокъ.

Раскопка, произведенная въ 1878 году около села Карачарова графомъ А. С. Уваровымъ и мною, съ поразительной ясностью убѣдила насъ въ томъ, что нѣкогда, во времена отъ насъ чрезвычайно отдаленныя, здѣсь, въ отечествѣ Ильи Муромца, человѣкъ существовалъ совмѣстно съ мамонтомъ, носорогомъ и другими ископаемыми животными. Доказательства были на столько убѣдительно, что подобный же выводъ неизбежно приходилось распространить и на иные пункты Россіи, — такого же совмѣстнаго сосуществованія человѣка нужно было ожидать и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ находятся кости вымершихъ дилювіальныхъ животныхъ. Оправдательнаго приговора нашему выводу не пришлось долго ожидать, помимо находокъ въ Полтавской губерніи и въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, что въ различныхъ географическихъ работахъ о Россіи, весьма часто приводилось указаніе Гмелина на бывшій нѣкогда въ Воронежской губерніи городъ Костенскъ, который будто бы отъ изобилія находимыхъ въ немъ ископаемыхъ костей получилъ свое названіе. Желаніе убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли бывшій нѣкогда городъ Костенскъ изобилуетъ ископаемыми костями, которыя могли сами по себѣ представлять для меня высокій интересъ, равно какъ надежда

узнать, не сопровождаются ли эти кости какими либо остатками человеческой дѣятельности, — составили цѣль моей поѣздки изъ Тулы въ Воронежскую губернію. И я долженъ прибавить, что результаты этой поѣздки превзошли всякія, даже самыя смѣлыя ожиданія.

10 іюня я былъ уже въ Воронежѣ и какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующій, обращался за ближайшими справками относительно Костенска къ представителямъ мѣстной администраціи; но при всемъ отмѣнномъ ко мнѣ вниманіи какъ административныхъ, такъ и частныхъ лицъ, я не добылъ ничего новаго относительно Костенска. Этого города уже не существуетъ: по описаніямъ онъ превращенъ въ село Костенское; но это названіе также никому не извѣстно. На картѣ я нашелъ село Костѣнки, которое и оказалось бывшимъ нѣкогда городомъ Костенскомъ. Но чтобъ въ немъ находились какія либо кости или тому подобныя «рѣдкости», — объ этомъ рѣшительно никто не зналъ. Мнѣ снова пришлось обратиться къ Гмелину и остановиться для размышленій на его указаніяхъ изъ «Путешествія по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества, 1771 года». Къ счастью, я нашелъ эту книгу въ мѣстной публичной библіотекѣ. Наблюденія Гмелина относятся къ 1769 году, слѣдовательно сдѣланы ровно 110 лѣтъ тому назадъ. На стр. 53, отъ 1-го ноября, онъ говоритъ: «Уже довольно извѣстно, что въ окрестности города *Кистинска*, лежащаго на Дону въ 30 верстахъ отъ Воронежа, находятъ мамонтову кость. Дабы тѣмъ лучше о семъ удостовѣриться, поѣхалъ я туда, и по приѣздѣ моемъ на мѣсто, какъ скоро начали копать, то на песчаномъ берегу рѣки Дона немедленно оказались безпорядочно разсѣянныя слоновыя кости. Зубы, челюсти, ребра, лбы, стегна и берцы, неокаменѣлыя, но въ естественномъ своемъ состояніи, или отъ долговременности трунорѣховатыя, лежали на три локтя въ глубину и около 40 сажень въ длину. Кромѣ слоновыхъ остатковъ не могъ я найти никакихъ костей отъ другихъ звѣрей, и при томъ совсѣмъ невозможно мнѣ такъ же было собрать

полный скелетъ. Жители заражены ложнымъ мнѣніемъ о великомъ подземельномъ четвероногомъ звѣрѣ, котораго бытіе открывается послѣ его смерти. Хотя и не можно доумѣться, откуда бы зашли слоновья кости въ сію страну, гдѣ нынѣ ни малѣйшаго ихъ слѣда не находятъ, по крайней мѣрѣ извѣстно, что такое оныя суть, и слѣдовательно разсѣянные о томъ басни не могутъ насъ болѣе привести въ заблужденіе». Затѣмъ Гмелинъ и впоследствии не забылъ ни Костенка, ни находимыхъ въ немъ «слоновыхъ костей»; онъ посвятилъ этому еще слѣдующія строки:

Стр. 119, *отъ 10 апрѣля*. По полудни отъѣхалъ я съ г. Д. Гильденштетомъ изъ *Воронежа* и въ глубокую ночь пріѣхалъ въ *Кастинскъ*, на 30 верстъ отстоящій отъ *Воронежа* городокъ, о которомъ я уже, объявляя о слоновыхъ костяхъ, упоминалъ.

«*Отъ 11 апрѣля*. Сего утра потребовалъ я отъ воеводы работниковъ, дабы еще осмотрѣть положеніе костей, и увѣриться съ надлежащею ли точностью вызналъ я въ первый разъ свойство оныхъ? Хотя и начали уже копать; но какъ берегъ совсѣмъ покрытъ былъ выступившею сильно водою, то сіе обстоятельство было причиною, что не можно было сію работу продолжать на прежнемъ мѣстѣ, ниже избрать тоже самое положеніе. Такимъ образомъ учредилъ я, чтобъ удалясь отъ берега на два аршина предприняли сіе дѣло; однако въ той же самой линіи съ примѣченнымъ мною мѣстомъ, гдѣ я прошедшей осени нашель слоновья кости. При томъ употребилъ я сію предосторожность, чтобъ съ самаго начала рыли землю прямо въ глубину и съ обѣихъ сторонъ. Послѣ верхняго слою слѣдовалъ даже до уподобляющейся на берегу рѣки Дона земли, которая въ глубину занимала около сажени, болѣе или менѣе перемѣшанный съ пескомъ мергель, такъ что я никакой другой земли примѣтить не могъ. Казалось правда, какъ будто въ глубину на два аршина примѣшено было нѣсколько глины, простирающейся въ глубь почти на два дюйма; однако скоро потомъ оказались опять мергель и песокъ, а глины не можно было открыть никакихъ болѣе слѣдовъ. Какъ при копаніи до

того довели, что сравнивались уже съ берегомъ, то въ трехъ разныхъ мѣстахъ подлѣ воды велѣлъ я разсматривать песокъ, и для того копать глубже, въ томъ мнѣніи, что я опять увижу найденныя мною прежде слоновыя кости, хотя работники, извѣдавъ, какъ они сказывали, чрезъ долговременное искусство, увѣрили, что сей трудъ будетъ тщетенъ. Самымъ дѣломъ они говорили правду, ибо по продолжавшейся черезъ два дни работѣ совсѣмъ не видно было никакихъ тому признаковъ, и я не безъ причины сталъ думать, что занимаемое оными мѣсто весьма малое пространство въ себѣ заключаетъ, и что помянутыя кости лежатъ покрыты пескомъ, безъ примѣсу другой земли. Можетъ статься, что рѣка Донъ разлившись сильно унесла ихъ съ собою; но полно я совсѣмъ не могъ найти слѣдовъ ни одной кости, хотя бы то была истлѣвшая или на части раздѣленная. Мнѣ было надлежало прежде, то есть при случаѣ объявленія, о сихъ костяхъ упомянуть, что опрочъ того мѣста, гдѣ оныя въ такомъ множествѣ находятся, не можно ни въ верху, ни въ низу открыть ни малѣйшихъ примѣтъ ихъ присутствія. Какаѣ же бы тому причина, что ихъ положеніе занимаетъ столь малое пространство? И какимъ образомъ оное къ тому опредѣлено, чтобъ толь великое ихъ число вмѣстятъ въ свои предѣлы? Кто видѣлъ слоновой скелеть, и находящіяся при *Кастинскъ* кости похочетъ съ ними сравнить, тотъ ни мало ни сумнѣвался, почтетъ ихъ за настоящіе остатки отъ слоновъ: ибо кто станеть противъ сего спорить, чтобъ сходствующія во всемъ со слоновыми кости не были прежде самымъ дѣломъ слоновыя части? Такимъ образомъ въ разсужденіи вещи довольно извѣстно, какого она свойства; однако симъ вопросъ еще не рѣшенъ: но остается показать, откуда взялись сіи слоновыя кости. Въ кунсткамерѣ при Императорской Академіи Наукъ показываютъ великое оныхъ множество, которыя въ разныхъ странахъ Россійскаго государства, особливо въ Сибири, найдены. Удивительно, что ихъ по большей части, или, такъ сказать, почти всегда открываютъ при берегахъ рѣкъ. Развѣ въ самыя древнѣйшія времена случилась всеобщая перемѣна и обращеніе ве-

щей на земномъ шарѣ; или другія какія особенныя приключенія подали причину къ скрытымъ подъ землею въ сихъ странахъ костямъ? Можетъ легко статься, что находящіяся въ *Сибири* и на *Дону* одинакаго происхожденія. Возможное дѣло, что слоны, видя себѣ погибель, удалились изъ своего отечества, и померли въ болѣе или менѣе отдаленныхъ южныхъ или сѣверныхъ странахъ. Близость *Персїи* можетъ конечно привести насъ на сіи мысли въ разсужденіи находящихя на *Дону* слоновыхъ костей; а изъ сего не трудно вывести, что иные слоны уклонились далѣе на сѣверъ, и тамъ погибли. Сколько мнѣ извѣстно, то въ *Сибири* никогда столь великаго множества слоновыхъ костей вмѣстѣ не находили, какъ здѣсь; но онѣя разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ. Естьли сіе въ самомъ дѣлѣ такъ находится, то мои догадки нѣсколько подтверждаются. А что рѣчные берега обыкновенно бываютъ мѣстомъ погребенія для слоновъ, то кажется, что сіе съ великою вѣроятностію можно изъяснить, ежели только принять въ разсужденіе, что вода разлившись влечетъ за собою мертвыя ихъ тѣла. И такъ, хотя мы подлинно не знаемъ, какимъ образомъ они сюда зашли; однако въ семъ нѣтъ никакого сумнѣнія, что на *Дону* находятся слоновыя кости».

Эти показанія Гмелина относительно находенія въ *Костенскѣ* костей мамонта, — онъ называетъ ихъ слоновыми потому, что тогда еще не отличали вымершаго ископаемаго гиганта отъ нынѣ живущихъ его собратій, — въ высшей степени интересны. Изъ нихъ видно, что кости дѣйствительно были находимы на правомъ берегу *Дона* и на громадномъ протяженіи, какъ въ этомъ удостовѣрился изслѣдователь, посѣтивъ *Костенскъ* въ первый разъ, въ началѣ ноября. Вторая раскопка его въ *Костенскѣ* кончилась неудачно, но при этомъ Гмелинъ указалъ на рядъ почвенныхъ условій, среди которыхъ онъ производилъ раскопку; по нимъ можно приблизительно опредѣлить мѣсто, около котораго производилась раскопка. Въ тоже время Гмелинъ вдался въ разсужденія относительно исторіи происхожденія костей, не зная, что мамонтъ — коренной абори-

генъ нашихъ странъ, а не слонъ, которому бы было необходимо идти изъ теплыхъ странъ въ холодныя искать себѣ погибели. Точно также замѣчаніе знаменитаго путешественника прошлаго столѣтія о томъ, — «что oprичъ того мѣста, гдѣ оныя — кости — въ такомъ множествѣ находятся, не можно ни въ верху ни въ низу откpыть ни малѣйшихъ примѣтъ ихъ присутствія» — требовало pовѣрки. Эту именно пpовѣрку показанія я и поставилъ себѣ задачей, благопріятное рѣшеніе которой въ смыслѣ приращенія научныхъ истинъ, повлекло за собою другіе, еще болѣе поучительные результаты.

11 Іюня вечеромъ я выѣхалъ изъ Воронежа, въ сопровожденіи мѣстнаго становаго пристава, который, вмѣстѣ со своимъ служебными дѣлами, долженъ былъ также водворить и устроить меня въ Костѣнкахъ, какъ нынѣ называется бывшій во времена Гмелина городокъ Кастенскъ. Проводя ночь въ селѣ Гремячѣмъ, на слѣдующій день утромъ я былъ уже въ Костѣнкахъ. Пришлось на первой разъ остановиться въ сельской избѣ, куда мой спутникъ собралъ сельскій сходъ для своихъ служебныхъ цѣлей. Послѣ рѣшенія разныхъ мирскихъ дѣлъ былъ предложенъ между прочимъ роковой вопросъ о костяхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ на него былъ полученъ отрицательный; представители сельскаго мира стояли на своемъ даже и тогда, когда пришелъ къ намъ почтенный старецъ, о. Семень, состоящій въ селѣ священникомъ уже болѣе 35 лѣтъ. — «Нѣтъ! нѣтъ, — какія кости!...». — «Не видали, нѣтъ, — гдѣ!...» «Да, вотъ, было...» начиваетъ одинъ мирянинъ. — «Да, что было?!».. перебиваетъ его другой, болѣе авторитетный, и т. д. Хотя показанія мѣстныхъ жителей были бы для меня въ высшей степени полезны и облегчили бы предстоящія изысканія, тѣмъ не менѣе настойчивость въ вопросахъ я считалъ вполне излишнею; нужно было только терпѣніе. Да и отрицанія обывателей на счетъ костей не были на столько существенны и рѣшительны; самый тонъ ихъ, выраженіе лица и позы говорившихъ, съ неизбѣжнымъ почесываніемъ затылковъ, не лишали

надежды на благоприятные результаты. Я переѣхалъ за тѣмъ на постоянную квартиру и, оставшись одинъ, долженъ былъ тотъ-часъ же приступить къ обзору мѣстности, среди которой расположено село Костѣнки. По указанію одного рыбака, я осмотрѣлъ берегъ Дона, изъ котораго весной вымываются кости большихъ звѣрей; затѣмъ обошелъ такъ называемый Чекалинъ оврагъ, въ которомъ по рассказамъ также находились кости. По возвращеніи на квартиру, я нашелъ у себя старуху съ обломкомъ кости мамонта, найденной также въ Костѣнкахъ. Старушка получила за нее весьма «приличное вознагражденіе»,—въ силу чего мнѣ не пришлось долго ждать другихъ приношеній. Къ позднему вечеру въ моемъ распоряженіи была уже порядочная куча обломковъ отъ мамонтовыхъ костей, съ указаніемъ мѣста, гдѣ онѣ были найдены, а также приблизительно съ условіями находженія. 13 іюня я совершилъ экскурсію поперекъ долины Дона и по лѣвому его берегу; по приѣздѣ домой, нашелъ новый запасъ костей, найденныхъ въ разныя времена крестьянами и крестьянками въ Костѣнкахъ или въ окрестностяхъ села. На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ правый берегъ Дона, съ его обрывами и лугами. 15 іюня я обошелъ вершины всѣхъ овраговъ, лежащихъ около Костѣнокъ, осмотрѣвъ при этомъ цѣлый рядъ обнаженій почвы. Послѣ этихъ четырехдневныхъ странствованій, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе ознакомиться съ топографіей мѣстности, съ распределеніемъ почвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ рядъ указаній относительно мѣстъ, въ которыхъ залегаютъ ископаемые остатки.

Кости были находимы мѣстными жителями при рытвѣ погребовъ и другихъ ямъ, также при добываніи глины; кромѣ того онѣ обнажались въ берегахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они были подмываемы водами р. Дона, во время его половодья; обнаруживались также кости въ оврагахъ и т. д. Разбирая условія залеганія костей, я пришелъ къ тому заключенію, что въ одномъ случаѣ онѣ лежатъ въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ животное по-

гибло или кончило свое существованіе, въ другомъ онѣ находятся во вторичныхъ пластахъ, будучи увлечены, въ особенности водой, изъ своего первоначальнаго мѣстозалеганія. Случаи втораго рода мнѣ пришлось наблюдать много разъ; кости лежали одиночно, даже въ разныхъ слояхъ, не сопровождаясь ни какими человѣческими остатками. Интереснѣе было для меня найти кости въ ихъ первоначальномъ положеніи и для этого мнѣ предстояло сдѣлать раскопку. Но такъ какъ остатки вымершихъ животныхъ лежатъ на различныхъ высотахъ, начиная отъ уровня Дона до вершинъ овраговъ, восходящихъ на высоту большую 200 футовъ, то при этомъ необходимо было взять во вниманіе топографію всей мѣстности.

Какъ и у большей части нашихъ рѣкъ, у Дона правый берегъ возвышенный; на эти высоты праваго берега я выѣхалъ въ первый разъ, на пути изъ Воронежа, около селенія Гремячаго, до котораго дорога шла сначала по высотамъ праваго берега р. Воронежа, затѣмъ по лугамъ, разстилающимся въ долину Дона. Подъѣзжая къ Костѣнкамъ, на пути отъ Гремячаго, можно вполне ясно видѣть, что высоты праваго берега Дона въ здѣшнемъ мѣстѣ образованы отложеніями мѣловой эпохи. Мѣловыя образованія, будучи подмыты водами Дона, представляютъ къ его долину цѣлые ряды крутыхъ обрывовъ. Въ тоже время, возвышаясь надъ уровнемъ долины футовъ на 240—250, онѣ въ видѣ плоской возвышенности уходятъ на западъ отъ рѣки. На всей своей поверхности плоская возвышенность покрыта, сверхъ мѣловыхъ отложеній, толщами глинъ, имѣющихъ иногда до нѣсколькихъ саженъ мощности; въ глинѣ весьма часто встрѣчаются валуны изъ діорита, а также изъ гранита, который во многихъ мѣстахъ представляется почти разсыпавшимся въ дресву; въ числѣ валуновъ встрѣчается и красный шокшинскій кварцитъ, съ весьма замѣтными на немъ ледниковыми шрамами и штриховатостью. Вообще, эти глины съ валунами, которые я могъ наблюдать въ обнаженіяхъ, въ особенности въ вершинѣ Покровскаго овра-

га, на протяженіи многихъ верстъ, нельзя не принять иначе какъ за продукты отложенія ледниковаго періода. И весьма интересно то, что уже на этихъ глинахъ лежитъ пласть чернозема, измѣняющійся въ своей мощности отъ полуаршина до двухъ.

При спускѣ съ возвышенности къ берегу Дона замѣтна терраса, состоящая изъ толщи глинъ, въ которой миѣ не пришлось замѣчать валуновъ; не замѣтно также въ этихъ глинахъ и слоеватости. На подобныхъ преимущественно глинахъ расположено село Костѣнки; можно сказать, что это—вторая терраса на берегу Дона, никогда не заливаемая его разливомъ. Въ видѣ первой террасы, нынѣ обыкновенно заливаемой водой, является цѣлая полоса луговъ въ долині рѣки. У подошвы праваго берега Дона, изъ подъ слоя глинъ бьютъ источники; вода ихъ прохладная даже лѣтомъ, имѣетъ часто свѣтломолочный или сѣрый цвѣтъ. Иногда подобные ручьи, выходя на поверхность почвы, размываютъ себѣ овраги, которые въ особенности увеличиваются, благодаря дождевымъ и снѣговымъ водамъ. Изъ ручьевъ, перерѣзывающихъ высоты праваго берега въ Костѣнкахъ, замѣчательны три: ручей Чекалинъ, Покровскій и Александровскій. Каждому изъ этихъ ручьевъ соответствуютъ овраги, служащіе имъ долинами; наиболѣе огромный оврагъ Покровскій, дробящійся въ своихъ вершинахъ на цѣлый рядъ второстепенныхъ вѣтвей. Отложенія этихъ ручьевъ весьма характерны; само собою разумѣется, онѣ слоисты и состоятъ изъ глины, красноватой или сѣрой, иногда съ гальками изъ бѣлаго мѣла, или же съ примѣсью чернозема, снесеннаго сверху и окрашивающаго глину въ темноватый цвѣтъ; иногда же ручьи отлагаютъ щебень изъ болѣе или менѣе чистаго бѣлаго мѣла. — Лѣвый берегъ Дона, противъ Костѣнокъ, отложе, чѣмъ правый; онъ начинается пологими песчаными холмами, которые далѣе, къ востоку, въ глубь материка, становятся болѣе возвышенными. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по лѣвому берегу почти непосредственно отъ долины начинаются высокіе холмы, съ крутыми скатами къ рѣкѣ, на примѣръ около деревни Каменки, или же Костѣнокъ. Толщи

чернозема на холмахъ по лѣвому берегу менѣе значительны, чѣмъ по правому.

Кости ископаемыхъ животныхъ, съ различными при нихъ остаткамъ, находимы были мною исключительно на правомъ берегу Дона, если не принимать вниманіе находокъ, сдѣланныхъ мною въ черноземѣ, что имѣло мѣсто и на лѣвомъ берегу. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію пунктовъ, въ которыхъ кости были найдены, я долженъ сказать, чѣмъ объясняютъ ихъ изобиліе мѣстные жители около Костёнокъ. По ихъ рассказамъ, жилъ нѣкогда на землѣ звѣрь, по названію *индеръ*. Однажды онъ подошелъ изъ глубины материка къ Дону; голова его была у водъ рѣки, туловище тянулось по всему Чекалину оврагу, съ вершинами котораго кончался хвостъ животнаго, такъ что великанъ, сообразно съ длиною оврага, имѣлъ больше двухъ верствъ въ длину. Индеръ долженъ былъ перейти на другой, противоположный берегъ Дона; но такъ какъ за чудовищемъ шли его дѣти и онъ боялся, что при переходѣ черезъ рѣку они могутъ потонуть, то онъ «вздумалъ перепить Донъ». И дѣйствительно, онъ началъ пить, рѣка стала уменьшаться и наконецъ сдѣлалась не больше Чекалина ручья. Тогда звѣрь подумалъ, что пора переходить и чтобъ дать знать объ этомъ дѣтямъ и заставить ихъ идти, онъ оглянулся назадъ, но въ это время отъ натуги лопнулъ, такъ что кости его разлетѣлись на большое протяженіе. Одни рассказываютъ, что ихъ разнесло на семь верствъ, другіе — на тридцать семь; вѣроятно, при этомъ, что обѣ стороны основываютъ свои показанія на дѣйствительныхъ случаяхъ находенія костей индера на указанныхъ разстояніяхъ, относя кости различныхъ особей къ одному баснословному чудовищу, сообразно вышеприведенному объ немъ разсказу. Сказочные размѣры индера на столько занимательны и поразительны для дѣтскаго воображенія хотя иногда и старыхъ разскащиковъ, что дѣйствительная величина мамонта-индера кажется имъ ничтожною и невѣроятною, вызывающею вопросъ: «неужели онъ былъ такой маленькій?».

Преданіе о мамонтѣ, какъ о животномъ подземномъ, приведенное Гмелинымъ, въ Костѣнкахъ мнѣ слышать не удалось; хотя извѣстно, что сходный съ этимъ разсказъ о мамонтѣ существуетъ у якутовъ въ Восточной Сибири и у многихъ другихъ азіатскихъ народовъ.

Я лично осмотрѣлъ нѣсколько пунктовъ, въ которыхъ кости мамонта залегаютъ, будучи перенесены изъ своего первоначальнаго положенія. Обнаженіе въ Чекальномъ оврагѣ было однимъ изъ таковыхъ. Сверху лежалъ нетолстый слой чернозема; мощность его не превосходила 11 вершковъ (0,5 м.); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была значительно меньше, притомъ внизу слоя была примѣсь песку или гальки. Затѣмъ наклонно, клиномъ лежалъ слой изъ чистой, бѣлой мѣловой гальки; другой слой гальки направлялся клиномъ въ противоположную сторону; въ первомъ были замѣтны прослойки изъ перегнившей растительности. Подъ ними ниже лежала сѣрая глина въ видѣ фигуры, напоминающей въ продольномъ разрѣзѣ трехугольную шляпу; подъ этой же глиной лежалъ снова глинистый пластъ, содержащій бѣлую мѣловую гальку, какъ это было видно въ одномъ, уже раньше названномъ слоѣ. По тому же оврагу въ разныхъ мѣстахъ можно было видѣть наносъ наслоеннымъ нѣсколько иначе; такъ, сѣрая глина лежала непосредственно подъ черноземомъ; измѣнялась она и по оттѣнкамъ, также, какъ и другіе пласты глины. Однимъ словомъ, здѣсь видѣнъ наносъ быстро текучаго горнаго источника; вода во время своего весенняго половодья, послѣ таянія снѣговъ, быстро стремится по крутому скату съ высотъ къ уровню Дона; на пути она захватываетъ встрѣчающійся ей матеріалъ, въ особенности же мѣлъ, обнаженія котораго находятся въ вершинахъ оврага и галька изъ котораго такъ часто распространена въ наносахъ; размываетъ она и пласты чернозема, растворомъ котораго также часто окрашиваетъ свои осадки. Порядокъ расположенія слоевъ въ вышеописанномъ обнаженіи совершенно такой же, какой мнѣ пришлось видѣть въ различныхъ горныхъ странахъ Си-

бири и Кавказа; вышеописанный панось не принадлежит къ особенно древнимъ. Тѣмъ не менѣе, въ немъ были найдены мною кости мамонта; онѣ лежали въ вышепазанномъ слоѣ сѣрой глины, на глубинѣ около 2 метровъ (немного меньше сажени). Кости были сильно раздроблены, такъ что въ большей или меньшей степени сохранились въ цѣлости тѣла позвонковъ; при нихъ не было никакихъ остатковъ человѣческой дѣятельности.

Второй пунктъ, въ которомъ были найдены кости при условіяхъ подобныхъ вышеописанному случаю,—это берегъ Дона, не далеко отъ выхода Чекалина ручья въ долину рѣки, на такъ называемомъ Глинищѣ. Во время лѣта Донъ отступаетъ довольно далеко отъ этого мѣста, въ половодье же воды его подходятъ непосредственно къ Глинищу, которое въ такомъ случаѣ служитъ берегомъ. При размывахъ, изъ берега выступаетъ всегда болѣе или менѣе значительное количество костей; въ одномъ изъ пунктовъ, гдѣ онѣ попадаютъ послѣ разлива рѣки наиболѣе часто, я произвелъ раскопку и убѣдился въ справедливости показаній мѣстныхъ жителей. Кости были раздроблены и находились въ глинѣ на значительной глубинѣ; сама же глина имѣла сѣрый цвѣтъ, была, можетъ быть, слегка песчаниста и частію слоиста. Вообще, по виду ея можно заключить, что она — продуктъ воднаго отложенія и кости въ ней замыты; онѣ не сопровождались остатками человѣческой дѣятельности. — Мѣсто, подобное Глинищу, было вѣроятно, раскопано Гмелинымъ.

Былъ осмотрѣнъ мною еще одинъ пунктъ на берегу Покровскаго ручья, по лѣвой его сторонѣ, почти на краю Костёнокъ. Одинъ изъ крестьянъ рылъ здѣсь погребъ и встрѣтилъ при этомъ большое количество костей мамонта. Кости были расположены въ слоѣ, въ составъ котораго въ изобиліи входилъ мѣлъ въ видѣ гальки и щебня. Но орудій здѣсь, какъ и въ предыдущихъ мѣстахъ, встрѣчено не было. — Не буду впрочемъ перечислять дальнѣйшія мѣста, въ которыхъ встрѣчаются кости ископаемыхъ животныхъ; укажу только на берега Александровскаго ручья, также на самый берегъ Дона, на второй терасѣ. Нужно

упоминуть и о томъ, что кости находятся подъ черноземомъ на самой плоской возвышенности. Обращики костей изъ этихъ мѣстъ были доставлены мнѣ крестьянами; по внѣшнему виду костей видно, что онѣ подвергались дѣйствию воды, лежали въ слояхъ наносныхъ; впрочемъ я не производилъ здѣсь раскопокъ, по недостатку времени, хотя и увѣренъ, что существуетъ еще много пунктовъ, гдѣ кости находятся въ ихъ первоначальныхъ мѣсто—залеганіяхъ, къ описанію каковыхъ и обращаюсь.

Пунктъ, на которомъ я долженъ былъ, послѣ всѣхъ моихъ развѣдокъ въ селѣ Костѣнкахъ, сосредоточить свое главное вниманіе, лежалъ на лѣвомъ берегу Покровскаго ручья, недалеко отъ его выхода въ долину Дона. Какъ и съ правой стороны, слѣва отъ впаденія Покровскаго ручья въ долину Дона поднимается высокая гора Коновалова; болѣе или менѣе круто понижаясь, она образуетъ мысъ, по одну сторону котораго лежитъ долина Дона, по другую долина ручья. Вся гора мѣловая, оконечность ея или мысъ соотвѣтствуетъ второй терасѣ и состоитъ изъ сѣрой глины. Здѣсь мнѣ нужно было избрать мѣстечко, которое бы не было подмываемо ни Донскою водою, ни ручьевою; такой пунктъ скоро найденъ и мнѣ представился удобный случай начать въ немъ систематическія раскопки. — Дѣло въ томъ, что псаломщику Фёдору Абрамовичу Мануилову, большому любителю пчелъ, нужно было выкопать *амшаникъ*, яму, въ которой сохраняются пчелы во время зимы. Я съ удовольствіемъ взялъ на себя эту работу. Новый амшаникъ нужно было выкопать около стараго, который уже давно заброшенъ, заваленъ мусоромъ; густая чаща вишневику раскинулась теперь тамъ, гдѣ прежде проводили зиму медоносныя насѣкомыя. По рассказамъ, въ старину, когда рыли этотъ амшаникъ, находили здѣсь много костей. Федоръ Абрамовичъ, подъ каковымъ именемъ его знаетъ все село, отвелъ мнѣ мѣстечко, сообразное съ его хозяйственными потребностями, обозначивъ его четырьмя, воткнутыми съ землю палками. 16 іюня, съ 8-мью нанятыми рабочими, я принялся за дѣло; исполненіе моихъ на-

деждъ послужило мнѣ лучшею наградой за работу. Я вырылъ помѣщеніе для трудолюбивыхъ насѣкомыхъ въ той самой почвѣ, на которой вѣкогда совершалась жизнь самая своеобразная, самая поучительная. И очень можетъ быть, что пчелы по многимъ фактамъ своего общественнаго благоустройства превзойдутъ того человѣка, который оставилъ слѣды своего существованія въ глубинѣ земли на слоѣ глины, послужившемъ основаніемъ для ихъ нынѣшняго жилища.

Рано утромъ зазвенѣли заступы и желѣзныя лопатки моихъ рабочяихъ; на пространствѣ, отведенномъ мнѣ Федоромъ Абрамовичемъ, я проложилъ канаву. Пришлось снимать слой чернозема, оказавшійся весьма толстымъ и въ то же время тучнымъ. На глубинѣ его, около полуаршина, начали попадаться мелкіе осколки кремней, очевидныя остатки каменнаго вѣка, но только новѣйшаго періода; изрѣдка встрѣчались даже обломки довольно грубой глиняной посуды; эти вещи не представляли, впрочемъ, для меня особеннаго интереса, такъ какъ таковыя я уже не разъ находилъ въ окрестностяхъ Костёнокъ. Тѣмъ не менѣе онѣ не переставали показываться въ черноземѣ до глубины одного аршина; затѣмъ прекратились, — наступила безотрадная пора раскопокъ. Внизу пошелъ слой чернозема, не содержащій никакихъ, ни человѣческихъ, ни животныхъ остатковъ. Наконецъ къ вечеру, когда весь слой чернозема, мощностью отъ 1,15 м. до 1,4 м. (1 арш. 10 верш. до 2 арш.) былъ снятъ, обнаружилась сѣрая глина, а вмѣстѣ съ нею и тѣ ископаемые остатки, которые произвели на меня неизгладимо-глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Въ глинѣ, какъ разъ на границѣ ея съ черноземомъ, я началъ встрѣчать первоначально типичныя кремневые осколки каменнаго вѣка, потомъ замѣтилъ глину, перемѣшанную съ золой и втиснутыми въ нее кремневыми осколками и наконецъ тутъ же рядомъ были найдены осколки коренныхъ зубовъ и лопапка мамонта. Такимъ образомъ, къ концу работъ перваго дня, были вырыты мною изъ глубины почвы самыя неопровержимыя доказательства того, что здѣсь,

какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, -- на р. Удаѣ Полтавской губерніи и около Карачарова, Владимірской губерніи, -- человѣкъ не только существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и охотился на него, но даже больше, онъ преслѣдовалъ его, шелъ по пятамъ за нимъ. Мамонтъ, этотъ гигантъ дилювіальной эпохи, былъ какъ бы единственнымъ животнымъ, на котораго были обращены всѣ взоры, силы и вниманіе человѣка; можно сказать, что человѣкъ былъ хищнымъ спутникомъ мамонта въ такой же степени, какъ, по выраженію покойнаго Э. Э. Брандта, ископаемый насорогъ былъ его вѣчнымъ товарищемъ «ewiger Begleiter» — по распространенію; впрочемъ въ пользу послѣдняго, сказать между прочимъ, я не нашелъ пока здѣсь доказательствъ, признавая всю справедливость выраженія покойнаго академика по отношенію ко всѣмъ другимъ мѣстностямъ. Всѣ послѣдующіе дни приносили мнѣ все большую и большую массу доказательствъ въ пользу заключенія, сдѣланнаго мною въ первый день. На слѣдующій день я раскопалъ остальное пространство, отведенное подъ амшаникъ, снявшп первоначально всю толщу чернозема, въ верхней части котораго также содержались орудія; затѣмъ слѣдовалъ промежутокъ въ нижнихъ частяхъ безъ осколковъ кремней, наконецъ глина, давшая мнѣ еще большую массу орудій и костей мамонта. Какъ кремшевые осколки, такъ и очевидно обдѣланныя орудія отличались своимъ чрезвычайнымъ изяществомъ. Кости, принадлежавшія преимущественно мамонту, были различныхъ сортовъ; здѣсь находились ребра, трубчатыя кости, вѣроятно разбитыя, коренные зубы, бивни и пр. Какъ орудія, такъ и кости не были разсѣяны на всемъ пространствѣ равномерно; были пункты, гдѣ онѣ не встрѣчались, въ другихъ лежали одиночно; но въ нѣкоторыхъ мыстахъ онѣ были скучены и при томъ такъ, гдѣ кости, тамъ и орудія и другіе слѣды пребыванія человѣка или обратно, начинаютъ встрѣчаться болѣе или менѣе часто орудія, тогда будутъ и кости. Это правило было до такой степени очевидно, что мои рабочіе, совершенные скептики по отношенію ко всѣмъ моимъ предпріятіямъ и словамъ, быстро его усвоили. Обыкновенно занятый

выборкой орудій изъ глинны, выбрасываемой со дна ямы, я не рѣдко слышалъ возгласъ того или другаго изъ рабочихъ: «Баринъ, маслы (кости) пошли!» — кричавшій уже зналъ, что будутъ орудія, нужно было мнѣ спускаться въ яму самому и вести раскопку собственными руками или же непосредственно наблюдать какъ за положеніемъ остатковъ, такъ и за дѣйствіями рабочаго. Случалось и обратно, — «баринъ, кремни пошли!» — значить кости будутъ, снова нужно лезть въ яму. Это соотношеніе въ изобиліи костей и орудій сопровождалось другимъ, въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ; въ такихъ именно мѣстахъ, изобилующихъ костями и орудіями, появлялась зола и въ большомъ количествѣ пережженные кости, угли, а также пережженные камни; очевидно, въ такихъ пунктахъ человѣкъ жилъ и разводилъ огонь; здѣсь онъ сидѣлъ, отдыхалъ и грѣлся, также готовилъ себѣ пищу. Замѣчательно еще то, что въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ кости были скучены, костяныхъ углей и перегорѣлыхъ камней было изобиліе, — я добылъ часть мамонтовой тазовой кости съ вертлюжной впадиной. Впадина этой кости была обращена вверхъ; похожая объемомъ и формой на весьма порядочную чашку, она была также заполнена золой и пережженными костями, какъ будто она служила первобытному человѣку посудиною, на что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ большая доля вѣроятности. Но есть еще одинъ не менѣе замѣчательный фактъ, указывающій, что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пепелищемъ, оставленнымъ человѣкомъ. Изъ числа орудій, встрѣчающихся обыкновенно съ массою костей, золы и угля, большая часть — самые лучшіе экземпляры, хорошо, даже изящно обдѣланы. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ мало костей, встрѣчаются только осколки кремня; значитъ около пепелища человѣкъ употреблялъ орудія въ дѣло, здѣсь въ тоже время онъ готовилъ ихъ, отбрасывая осколки въ сторону отъ очага. — Къ концу втораго дня амшаникъ былъ почти готовъ; это была яма въ пять съ половиною аршинъ, около 4 метр. въ длину, въ четыре съ небольшимъ аршина, или 3 метра въ ширину и въ 2 ар-

шина, 6 вершк. (1,7 м.) въ глубину. Яма имѣла въ общемъ видъ четырехугольника; одинъ изъ угловъ ея былъ обращенъ на сѣверъ, и въ немъ то было сосредоточено наибольшее количество костей, съ пепломъ и орудіями. Другой уголъ, гдѣ также орудія и кости были скучены, но въ меньшей степени, чѣмъ въ первомъ, былъ обращенъ на югъ. Оба пункта съ костями и пепломъ отстояли другъ отъ друга не больше, какъ на 3 аршина.

На третій день я нашелъ необходимымъ проложить новую канаву, внѣ амшаника, на сѣверо-западъ отъ него, такъ какъ въ вырытой раньше ямѣ, во время двухъ первыхъ дней, кости преимущественно попадались кромѣ сѣвернаго угла ямы и по сѣверо-западной ея сторонѣ. Канавка была вырыта 18 іюня параллельно сѣверо-западной сторонѣ амшаника; она имѣла также длину около 4 метровъ, съ шириною до 1,4 м. (около 2-хъ аршинъ). Мы сняли слой чернозема, въ верхнихъ частяхъ котораго встрѣтили большое количество кремневыхъ обломковъ; затѣмъ слѣдовалъ, какъ и при всѣхъ другихъ, раньше произведенныхъ раскопкахъ, нижній черноземный слой безъ остатковъ каменнаго вѣка; въ слоѣ глины — опять орудія и кости. Канавка была проложена на разстояніи около 2-хъ аршинъ отъ первой; проложить ее ближе не было возможности, такъ какъ по среди обѣихъ ямъ лежалъ плетень, раздѣляющій владѣнія Федора Абрамовича отъ его сосѣда, крестьянина Фокіна. Во вновь вырытой ямѣ кости первоначально начали попадаться на сторонѣ, обращенной въ амшанику, нами вырытому, такъ что стѣна, раздѣлявшая двѣ ямы, была въ послѣдствіи нами значительно подрыта и для забора представлялась нѣкоторая опасность обрушиться. Но еще въ большемъ изобилии кости съ орудіями начали попадаться въ сѣверо-восточномъ концѣ канавы, именно въ томъ, который ближе всего прилегалъ къ сѣверному концу раньше вырытаго нами амшаника, который, какъ я уже сказалъ, также отличался изобиліемъ остатковъ чело-вѣческой дѣятельности. Около этихъ именно мѣстъ я сосредоточилъ вниманіе и раскопки на четвертый день; такъ въ но-

вомъ амшаникѣ былъ подрѣтъ уголъ къ старому амшанику, а въ сосѣдней канавѣ былъ сдѣланъ значительный подкопъ къ близъ лежащей ригѣ и вообще, во всѣмъ сѣверо-западномъ концѣ ямы — было вырыто большое разшпреніе, которое почти подходило къ сѣверному концу нашего амшаника. Эти послѣдніе пункты была какъ бы центромъ изобилія всѣхъ ископаемыхъ остатковъ; изъ костей здѣсь преобладали бивни мамонта; въ большинствѣ случаевъ они были поломаны на отдѣльные куски, и лежали или горизонтально или же торчали въ землѣ почти стоймя; нѣкоторые большіе куски бивней были поломаны очевидно уже послѣ того, какъ были оставлены человекомъ; обломки лежали рядомъ и мѣсто излома одного куска соотвѣтствовало другому. Благодаря этому; я могъ составить значительные куски, а въ одномъ случаѣ собралъ почти цѣлый бивень, принадлежавшій очень молодому экземпляру. Вообще, какъ бивни, такъ и другія кости относились къ экземплярамъ мамонта различныхъ возрастовъ, начиная отъ самаго юнаго до вполне совершеннаго. Несмотря на то, что бивни сохранились весьма плохо, часто распадались въ труху и щепки или на пластинки, совершенно теряя свой первоначальный видъ, я успѣлъ выбрать, составить и привезти въ Петербургъ для обращика обломки бивней трехъ экземпляровъ мамонта, вполне различныхъ возрастовъ; при томъ очевидно, какъ бивень самаго юнаго экземпляра лежитъ на другой, очевидно трубчатой кости. Тоже самое можно было усмотрѣть и на коренныхъ зубахъ: множество зубовъ — были большой величины и принадлежали экземплярамъ взрослымъ; затѣмъ слѣдовали зубы среднихъ размѣровъ, одинъ такой былъ найденъ въ полной цѣлости сидящимъ въ зубной лункѣ — альвеолѣ; наконецъ добытъ зубъ самаго молодого экземпляра. По нетолько разнообразію по возрастамъ, а и число экземпляровъ, отъ которыхъ добыты остатки, можно усмотрѣть на лопаткахъ; я вырылъ до 15 штукъ лопатокъ или, сказать точнѣе сочленительныхъ впадинъ ихъ, съ прилегающими къ нимъ частями; я уже не говорю о различіи ихъ размѣровъ и слѣдовательно о различіи возрастовъ животныхъ, которымъ онѣ принад-

лежали. Ясно изъ лопатокъ, что здѣсь опять-таки были животныя разныхъ возрастовъ; главное же то, что изъ 15 лопатокъ— 10 штукъ относятся къ одной сторонѣ, лѣвыя лопатки; слѣдовательно здѣсь были остатки по меньшей мѣрѣ 10 мамонтовъ. Десять экземпляровъ— это наименьшее число потому, что невозможно опредѣлить принадлежали ли другія части лопаточныхъ частей тѣмъ же особямъ; точно также нельзя сказать, къ тѣмъ ли же особямъ относятся коренные зубы, бивни и пр., найденные при той же раскопкѣ. При этомъ замѣчательно то, что обломки лопаточныхъ частей были сосредоточены по преимуществу въ одномъ мѣстѣ, именно въ амшаникѣ, гдѣ была найдена и тазовая кость съ чашеобразной вертлюжной впадиной. Вообще нужно замѣтить, что кости были какъ бы сортированы, такъ какъ выше я уже указалъ на другой пунктъ, въ которомъ по преимуществу были сосредоточены бивни. Третій и четвертый день дали вмѣстѣ съ массою костей, преимущественно бивней, и прелестнѣйшія каменныя, кремневыя орудія. То были скребки, съ прекрасно, весьма правильно обитыми рѣзущими краями; тутъ же были орудія, принадлежащія частію къ ножамъ, частію напоминающія копыя; концы ихъ были ланцетообразны, обоюдоостры; при томъ ясно видно, что эти концы имѣли не всегда рѣзущіе края произшедшими отъ простаго удара, но что здѣсь остріе было обдѣлано черезъ цѣлый рядъ ударовъ, такъ какъ въ послѣдствіи получалось остріе у кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ. Между этими орудіями, которыя будутъ ниже описаны, около пепелищъ находились также грубые камни, которымъ иногда придана топоробразная форма рядомъ ударовъ; эти камни напоминаютъ Сантъ-Ашельскіе топоры; подобные же камни, грубо обитые, встрѣчались около Карачарова съ костями ископаемыхъ животныхъ и съ кремневыми обломками. Но есть еще одно, въ высшей степени замѣчательное обстоятельство—это топоробразные обломки коренныхъ зубовъ мамонта. Дѣло въ томъ, что на большей части костей можно легко отличить изломъ; т. е. свѣжій ли онъ, произшедшій во время раскопки; или же принимая въ соображеніе по-

ложеиіе костей въ почвѣ, произошелъ послѣ, подѣ вліяніемъ массы чернозема, подѣ его давленіемъ; пли же наконецъ можно сказать, что такой то обломокъ имѣлъ тотъ же видъ, когда еще жилъ до-историческій человекъ и что въ такомъ видѣ вышелъ осколокъ изъ рукъ послѣдняго. Есть случаи, когда послѣднее утверждать невозможно, относительно многихъ костей, довольно сильно разрушившихся, о другихъ же—это возможно. Къ числу такихъ костей относятся—зубы мамонта, конечно коренные. Изъ всѣхъ костей мамонта они наименше всего подвержены разрушенію; доказательствомъ тому служатъ два зуба, сохранившіеся еще въ альвеолахъ; одинъ изъ нихъ совершенно цѣлый, другой съ нѣскольکو разрушенной коронкой; сюда же нужно отнести зубъ самаго молодого экземпляра, совершенно цѣлый. Всѣ же другіе коренные зубы, найденные при раскопкахъ, были разбиты и, мнѣ кажется, не безъ участія человека. Правда, зубы эти могутъ и естественнымъ образомъ, подѣ вліяніемъ давленія и нѣкоторой степени гнилости, распадаться поперекъ, параллельно эмалевымъ складкамъ. Но всѣ найденные мною осколки весьма крѣпки, прочно сохранились, такъ что не даютъ никакого повода думать о ихъ самостоятельномъ распаденіи. И судя по ихъ положенію, мнѣ кажется, что не было ни одного зуба, принадлежащаго большому экземпляру мамонта и который бы человекъ оставилъ въ цѣлости, кромѣ зубовъ молодыхъ животныхъ, на которые я только что указалъ. Всѣ весьма многочисленныя осколки коренныхъ зубовъ, принадлежащихъ большимъ экземплярамъ мамонта, были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ раскопокъ и притомъ, какъ и орудія, въ большемъ количествѣ находились около пепелницъ, тамъ же, гдѣ встрѣчались хорошо выдѣланныя орудія. Вместе съ тѣмъ, изъ всей ихъ массы нельзя было подобрать хотя нѣскольکو, изъ которыхъ бы можно было составить хотя одинъ зубъ или только часть его. Рядомъ лежало нерѣдко множество осколковъ, о которыхъ можно было сказать, что они очевидно относятся къ различнымъ зубамъ, а не къ одному или двумъ, тутъ же на мѣстѣ распавшимся. По самымъ плоскостямъ излома было напро-

тивъ очевидно, что онѣ старинныя и именно въ такомъ видѣ оставлены человѣкомъ. На мысль объ участии человѣка въ разбивкѣ зубовъ наводитъ и преобладающая форма осколковъ: они въ плоскости имѣютъ видъ овала и весьма напоминаютъ каменные топоры новѣйшей эпохи каменнаго вѣка: я въ самомъ дѣлѣ, будучи приврѣпленными къ черену, они весьма легко могли замѣнять частію топоры, частію молотъ, какъ и тѣ грубо обитые камни, которые рядомъ съ ними находились и, какъ я сказалъ, напоминаютъ Сантъ-Ашѣльскіе топоры. У нѣкоторыхъ изъ топоробразныхъ осколковъ мамонтовыхъ зубовъ края нѣсколько обиты, указывая на то будто осколки на самомъ дѣлѣ употреблялись, замѣняя топоры. Рядомъ съ топоробразными осколками встрѣчались въ громадномъ количествѣ весьма мелкіе, происшедшіе можетъ быть частію отъ разрушенія нѣкоторыхъ зубовъ, но вѣроятно также и отъ работъ инструментами изъ зубовъ мамонта.

Весь матеріалъ, касающійся исторіи человѣка и мамонта, вырытъ мною сравнительно съ небольшого пространства; тѣмъ не менѣе въ немъ можно усмотрѣть цѣлый рядъ поразительныхъ данныхъ въ отношеніяхъ первобытнаго человѣка къ животнымъ, весьма давно вымершимъ. Имѣя въ виду все выше сказанное, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ, составлявшимъ для него господствующую пищу. Кости мамонта, найденныя около пепелищъ, суть дѣйствительныя кухонныя остатки первобытнаго человѣка. Но прежде, чѣмъ набросить хоть слабый контуръ картины изъ жизни человѣка глубочайшей древности, я долженъ сказать, что попавшій въ мои руки матеріалъ можетъ быть ничтоженъ сравнительно съ тѣмъ его количествомъ, которое до послѣднихъ временъ сохранилось въ нѣдрахъ земли, въ селѣ Костѣнкахъ. Кости и орудія были собраны мною съ небольшого пространства, въ нѣсколько квадратныхъ сажень; здѣсь по крайней мѣрѣ въ трехъ мѣстахъ были самые неоспоримые слѣды огня, съ углями и золою и, такъ ска-

зять, съ кухонными остатками. Далѣе на сѣверо-востокъ отъ вырытаго нами амшаника, на разстояніи одного или двухъ аршинъ, лежалъ старый амшаникъ, нынѣ заваленный и заросшій вишневиномъ; при рытьѣ его, по рассказамъ, также находились кости, съ совершенно такимъ же характеромъ по своему виду, какъ и вырытыя мною въ новомъ, съ орудіями. Поэтому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ старомъ амшаникѣ были также остатки слѣдовъ человѣка, какъ и въ новомъ. За тѣмъ въ сѣверо-западномъ концѣ канавы, параллельной новому амшанику, кости были найдены въ наибольшемъ изобиліи, но вести раскопку дальше было невозможно: съ одной стороны былъ уже старый амшаникъ, съ другой, куда пменно направилась масса костей, стояла рига, строеніе, подкопъ подъ которое повлекъ бы за собой много непріятностей со стороны его хозяевъ; но также несомнѣнно, что кости распространялись и подъ ригу. Всѣ работы по изслѣдованію доисторическаго человѣка пришлось мнѣ заключить такъ, чтобъ это не было убыточно для современныхъ обитателей ската, лежащаго по лѣвому берегу Покровскаго ручья. Такъ, по рассказамъ, во дворѣ того же крестьянина Оюкина, во владѣніяхъ котораго лежала канава около новаго амшаника, при рытьѣ погреба была встрѣчена большая масса костей. Здѣсь, только съ одной стороны, около погреба представилась мнѣ возможность проложить канаву, безъ вреда ностройкамъ хозяина; яма имѣла также около 4-хъ метровъ въ длину, съ шириною около одного метра; на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метра въ слобъ, лежащемъ между черноземомъ и глиной, я нашелъ снова кремневые осколки, въ числѣ пяти штукъ, затѣмъ кусочки перегорѣлыхъ костей и наконецъ мелкіе осколки отъ коренныхъ зубовъ мамонта. Хотя на массу костей я не наткнулся, (можетъ быть она направилась въ какую нибудь изъ остальныхъ трехъ сторонъ отъ погреба), тѣмъ не менѣе найденные мною и вышеназванные мелкіе остатки убѣждаютъ, что человѣкъ эпохи мамонта жилъ и здѣсь, разводя огонь, работая и правя свое оружіе, это въ какихъ нибудь саженьяхъ 50—60 отъ мѣста первой раскопки. Наконецъ

укажу на третій пунктъ, который лежитъ къ с.-в. отъ вырытаго мною амшаника, на разстояніи приблизительно 200 сажени отъ него, во дворѣ крестьянина Григорія Шаева. Нѣсколько времени тому пазадъ здѣсь былъ рытъ также погребъ, при рытѣ котораго были найдены и кости. Спрашивая хозяйку, которая рыла погребъ и вынимала кости, изъ которыхъ нѣкоторыя я получилъ, были ли находимы съ костями «кремешки»? я получилъ отвѣтъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ: — Не знаю, можетъ и былъ, да я не смотрѣла, вѣдь намъ это «не-къ-чему». Проложивши канаву около погреба, именно около той его стороны, гдѣ по указанію хозяйки лежали кости, я самъ убѣдился въ истинѣ; хозяйкой была вырыта только часть; на остальной запасъ костей наткнулся я; кости лежали на той же глубинѣ, какъ и во всѣхъ вышеописанныхъ случаяхъ, только сверху чернозема былъ наваленъ мусоръ отъ зданія, бывшаго нѣкогда около этого мѣста. Изъ костей встрѣчались исключительно только трубчатая, также кости ногъ, тѣже трубчатая были доставлены мнѣ самой хозяйкой. Но золы и углей не было найдено здѣсь; однакоже между костями было найдено нѣсколько кремневыхъ обломковъ, которые и указываютъ, что гибель животнаго, оставившаго здѣсь свои кости, находилась въ связи съ участіемъ человѣка. И такъ, очень можетъ быть, что здѣсь не было человѣческаго жилища, человѣкъ не разводилъ здѣсь огня; убивъ животное, взявъ лучшія его части, онъ оставилъ излишекъ. Въ высшей степени интересно то, что на одной изъ вырытыхъ здѣсь костей, я нашелъ слѣды зубовъ небольшого хищника, въ родѣ хорька или ему подобнаго; это именно доказываетъ, что кости лежали еще свѣжія и можетъ быть даже съ мясомъ въ нѣкоторой дали отъ человѣческаго жилища и доставляли пищу дикимъ животнымъ, такъ какъ предполагать у домашнихъ животныхъ тогдашнихъ людей вполне невѣроятно.

Такимъ образомъ всѣ три раскопанные мною пункта указываютъ на весьма тѣсное отношеніе до-историческаго или, сказать

точнѣе, палеолитическаго человѣка къ мамонту; и дѣйствительно, нужно согласиться, что человѣкъ преслѣдовалъ гиганта на всѣхъ пунктахъ, видя въ немъ главную добычу для своего пропитанія. Что человѣкъ питался мамонтомъ, это видно изъ разбитыхъ его трубчатыхъ костей, встрѣчающихся около пепелищъ; тамъ гдѣ кости были вдали отъ жилья, онѣ остались не расколотыми; въ такомъ видѣ найдено большинство костей во дворѣ крестьянина Григорія Шаева, о которыхъ, какъ я сказалъ, нужно думать, что онѣ были оставлены можетъ быть даже съ мясомъ. И трудно было бы остановиться на иномъ заключеніи, кромѣ того, что человѣкъ стаскивалъ кости мамонта къ своему жилью для своего пропитанія, въ виду имѣвшагося на нихъ мяса, частію же для того, чтобы имѣть ихъ при себѣ, какъ орудіе. Человѣкъ того времени обладалъ, очевидно, аппетитомъ въ большей степени, чѣмъ современный; чѣмъ же онъ могъ питаться, кромѣ мамонта?—Кости другихъ животныхъ около пепелищъ составляли ничтожную величину; самъ Гмелинъ находилъ кости исключительно мамонтовыхъ; притомъ другой изъ современниковъ тогдашняго человѣка былъ медвѣдь, повидному, обыкновенный бурый; отъ него я нашелъ между костями весьма хорошо сохранившійся клыкъ; за тѣмъ тутъ же былъ также вѣроятно ему принадлежащій обломокъ кости ноги, окорокъ отъ которой, очевидно, разнообразилъ кухню палеолитическаго человѣка; сохранился еще обломокъ кости, трубчатой, животнаго, равнявшагося величиной волку. Можно конечно предположить, что кости мелкихъ животныхъ или даже средней величины вполне разрушились отъ времени; такое предположеніе справедливо только частію, ибо между костями мамонта я нашелъ маленькій клыкъ, принадлежащій хищнику, похожему на хорька или куницу, такому именно, слѣды зубовъ котораго я нашелъ на мамонтовой кости, вырытой во дворѣ крестьянина Оюкина. При всемъ этомъ, оцѣнивая пищевой матеріалъ первобытнаго человѣка, не нужно забывать и того, что онъ едва ли могъ шкурой мамонта прикрывать свою наготу или дѣлать изъ нее себѣ одежду, которая

также была для него необходима, какъ и пища. Въ этомъ отношеніи для него была гораздо полезнѣе шкура медвѣдя, пѣшпная еще и до сихъ поръ, или же шкуры другихъ хищниковъ, до хорька и куницы включительно. Можно съ другой стороны полагать, что едвали первобытный человѣкъ оставлялъ безъ употребленія, по отношенію къ защитѣ отъ холода, и шкуру мамонта, покрытую густыми и длинными волосами; въ виду этого соображенія представляется только вопросъ, могъ ли тогдашній человѣкъ справляться со шкурой мамонта, такъ какъ мы знаемъ, что шкура ближайшаго родственника этого вымершаго толстокожаго, нынѣшняго слона, съ трудомъ поддается металлическому ножу, а остатки мамонтовой кожи, найденные въ Сибири, скорѣе могутъ быть распилены, чѣмъ разрѣзаны. Конечно, первобытному человѣку представлялось много работы со шкурой гиганта; но если онъ имѣлъ средства убивать его, то справиться съ его шкурой было дѣломъ второстепеннымъ, въ особенности когда человѣку приходилось имѣть дѣло съ мамонтомъ въ свѣжемъ его видѣ.

Вопросъ о вѣроятномъ назначеніи шкуры мамонта въ хозяйствѣ первобытнаго человѣка весьма интересенъ по отношенію къ мысли о его жилищѣ; мы знаемъ, что до сихъ поръ жители глубокаго сѣвера пользуются не только мясомъ убиваемыхъ ими животныхъ, но также и шкурами, идущими на одежду и въ тоже время на защиту отъ холода, при устройствѣ ихъ жилища. Достаточно указать на зимніе чумы остяковъ, самоѣдовъ и тунгусовъ; это — конусъ изъ болѣе или менѣе высокихъ палокъ, одѣтый оленьими шкурами. Весьма вѣроятно, что нѣчто подобное было извѣстно и нашему палеолитическому человѣку, для котораго одна мамонтовая шкура и съ большимъ успѣхомъ могла замѣнить при устройствѣ жилища до десятка оленьихъ. Останавливаясь на такомъ предположеніи, я однакоже очень хорошо помню пещерную теорію первобытнаго жилья, помню въ тоже время и то, что при обсужденіи вопросовъ, касающихся глубокой древности чело-

вѣка, нужно прежде всего имѣть въ виду факты, а не теорію, хотя бы даже касающуюся пещерныхъ жилищъ, которую, я кстати сказать, въ послѣднее время многіе изъ занимающихся судьбами первобытнаго человѣка начали съ увлеченіемъ переносить изъ богатыхъ пещерами гористыхъ странъ Западной Европы на равнины Европейской Россіи, гдѣ пока мы не знаемъ еще съ надлежащей точностью ни одной пещеры. Вполнѣ отдавая справедливость сообразительности людей палеолитическаго періода, способности ихъ пользоваться всѣми тѣми удобствами, которыя создала для нихъ природа, въ томъ числѣ и пещерами, какъ жильемъ, гдѣ онѣ находились, я однако же долженъ указать на три случая находенія слѣдовъ палеолитическаго человѣка въ различныхъ пунктахъ Европейской Россіи и во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ жилъ на открытомъ воздухѣ; такъ было около Карачарова, около Гонцовъ на р. Удаѣ и тоже мы видимъ въ Костѣнкахъ. Исключая опять таки гористыя окраины Европейской Россіи, богатая пещерами, нужно сказать, что палеолитическій человѣкъ счумѣлъ устроиться и въ центральныхъ ея частяхъ, бѣдныхъ пещерами или ихъ совершенно не имѣвшихъ; отсюда слѣдуетъ, что во времена глубокой древности не одинъ только пещеры служили жильемъ человѣку и что онъ для спасенія себя отъ холода долженъ былъ устранивать себѣ жилье, хотя бы даже на подобіе пынѣшняго самоѣдскаго и остицкаго, но только изъ шкуръ гигантскихъ, нынѣ вымершихъ животныхъ. Принимая въ соображеніе массы костей, найденныхъ мною въ Костѣнкахъ, также прекрасныя орудія, слѣдуетъ заключить, что человѣкъ палеолитическаго періода достигъ на равнинахъ Европейской Россіи значительнаго культурнаго развитія. Очевидно, что онъ былъ силенъ въ это время въ порядочныя общества; такого именно сообщества требовала охота на гигантскихъ животныхъ; съ другой стороны требовалось многихъ усилій, и не нѣсколькихъ только человѣкъ, собрать эту массу костей и много численныхъ экземпляровъ мамонта, раскинуть ее на широкомъ пространствѣ. На ту же общественность указываютъ нѣсколько

рядомъ лежащихъ пепелищъ или же это доказываетъ только то, что нѣсколько семействъ разводили себѣ огонь въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ.

Громадный періодъ времени долженъ отдѣлять насъ отъ той эпохи, когда жилъ человѣкъ палеолитическаго періода въ окрестностяхъ нынѣшняго села Костѣнокъ; мѣстность того времени имѣла совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который она имѣетъ въ настоящее время; тогда не существовало цѣлыхъ толщъ почвы, составляющихъ нынѣ характерную особенность центральной Россіи и обуславливающихъ ея плодородіе, — это черноземъ; тогда не существовало этихъ громадныхъ черноземныхъ толщъ, составляющихъ одно изъ самыхъ характерныхъ звѣньевъ въ послѣдиплювіальныхъ образованіяхъ Европейской Россіи. Въ-место чернозема верхній слой почвы составляла глина, съ валунами изъ сѣверо-западной части Россіи, Олонецкой губерніи и Финляндіи; валуны попали сюда черезъ посредство ледниковъ, можетъ быть покрывавшихъ еще часть сѣверо-русскаго края и Финляндію въ то время, когда человѣкъ уже жилъ въ Воронежской губерніи. Доходили ли ледники до Воронежской губерніи или же сѣверные валуны были принесены сюда черезъ посредство водныхъ бассейновъ, — сказать трудно; тѣмъ не менѣе ледниковыя явленія должны были приходить къ концу въ то время, когда мы встрѣчаемъ здѣсь человѣка. Однакоже климатическія условія были видимо очень суровы, какъ можно заключить по окружавшей въ то время человѣка фаунѣ. Кромѣ мамонта, медвѣдя и небольшого хищника, въ теченіе палеолитическаго періода въ центральной Россіи жили, какъ это можно судить по остаткамъ, найденнымъ въ Полтавской губерніи и въ Карачаровѣ, ископаемый носорогъ, благородный олень, первобытный быкъ, заяцъ, средній по признакамъ между бѣлякомъ и русакомъ. Первобытный быкъ и лось жили очевидно въ концѣ диллювіальной эпохи и въ Воронежской губерніи, около Костѣнокъ; по крайней мѣрѣ я имѣю отсюда остатки скелета этихъ животныхъ; и очень можетъ быть, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ здѣшнемъ краѣ найдутся

доказательства, что эти животные, вмѣстѣ со многими другими, были также предметомъ промысла для первобытнаго человѣка. — Почва, служившая мѣстомъ поселенія для человѣка, была какъ я уже сказалъ — глина, отложенная можетъ быть дѣйствіемъ воды; коль скоро она обсохла, то начала частію покрываться атмосферною пылью, служащей обыкновенно матеріаломъ для образованія лёса; на глинѣ также строятъ себѣ жилище человѣкъ, стаскивая къ нему предметы добычи; такимъ образомъ накопился глинистый же слой, болѣе рыхлый, чѣмъ ниже лежащій, и достигающій около $\frac{3}{4}$ аршина въ толщину, съ человѣческими остатками. Судя по костямъ, онѣ долго лежали на открытомъ воздухѣ и сильно вывѣтрплсь. За тѣмъ наступилъ періодъ времени, съ болѣе благоприятными климатическими условіями: бесплодная и голая почва начала покрываться растительностью травянистой и древесной и видимо весьма богатой; эта растительность дала матеріалъ для образованія чернозема. Съ началомъ этого періода человѣкъ дилювіальной эпохи исчезъ или перешелъ на другое мѣсто искать себѣ пропитанія; по какимъ причинамъ, сказать трудно, можетъ быть потому, что съ измѣненіемъ климатическихъ условій измѣнился и животный миръ. Какъ бы то ни было, съ началомъ образованія чернозема прекратились остатки человѣческой дѣятельности; образовалась толща чернозема, мощностью отъ $\frac{3}{4}$ до 1 аршина, въ которой не было никакихъ орудій; слѣдовательно мѣстность въ теченіе всего этого и должно быть весьма продолжительнаго періода образованія толщи чернозема не была обитаема. Наконецъ въ пласту чернозема на глубинѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина, мы снова встречаемъ остатки человѣческой дѣятельности; но человѣкъ этого періода жилъ при совершенно иныхъ условіяхъ. Это человѣкъ сравнительно новаго періода; его окружалъ уже иной животный миръ; гиганта мамонта и всѣхъ его спутниковъ не было и слѣда. Лошадь, небольшія жвачныя, небольшіе хищники составляли предметъ его добычи. Но промыселъ былъ по видимому скуденъ, такъ что жители этого періода искали и въ водѣ себѣ пропитанія.

На берегу Дона, на вышеописанномъ Глиницѣ, я нашелъ массу раковинъ съ остатками зубовъ жвачнаго животнаго, также съ углями и обломками горшковъ. Это очевидно кухонные остатки, подобные нѣсколько датскимъ киекенмеддингамъ и вполне сходные съ таковыми же изъ долины Оки въ имѣніи князя Голицына, съ озера Буртнекъ, въ Остѣ-Зейскомъ краѣ и пр. Человѣкъ этого періода, также не знавшій употребленія металовъ, выдѣлывалъ орудія изъ кремня того же сорта, какъ то было и у людей палеолитическаго періода; научились люди эпохи употребленія въ пищу ракушекъ готовить изъ глины посуду, хотя и грубую; изъ глины же дѣлали они и разныя другія домашнія принадлежности. Наконецъ должно было прекратиться существованіе и этихъ народовъ; домашнія ихъ принадлежности снова покрылись толщею чернозема, среди котораго въ верхнихъ слояхъ встрѣчаются слѣды пастушескихъ народовъ, очевидно уже знавшихъ металы.

Теперь мнѣ остается остановиться на найденныхъ мною орудіяхъ и главнымъ образомъ на добытыхъ съ костями мамонта. Я нашелъ только одно довольно хорошее ядро, отъ котораго отбивались осколки для различныхъ потребностей; ядро это небольшое и отъ него могли отбиваться только мелкіе осколки; плоскости на немъ и ребра не вполне правильны, общая же его форма коническая; оно представлено въ натуральную величину на фиг. I. Былъ мною найденъ также довольно большой камень изъ кремня, по формѣ подобный вышеназванному ядру; онъ могъ служить также матеріаломъ для осколковъ, а также орудіемъ для ихъ отбиванія отъ другихъ ядеръ. Вообще же, по формѣ большей части осколковъ и орудій нужно предполагать, что у современниковъ мамонта существовали ядра болѣе правильной формы и болѣе изящные. Въ самомъ дѣлѣ изъ громадной массы осколковъ большая часть отличается и правильностью своей формы, и величиной, начиная отъ имѣющаго до 110 мм. въ длину до самыхъ мелкихъ. Наибольшій изъ найденныхъ мною изображенъ

въ двухъ видахъ на фиг. 2 *a* и *b*.; за тѣмъ слѣдуетъ второй, средней величины фиг. 3 *a* и *b* и наконецъ два еще меньшей величины фиг. 4 и 5. Кромѣ того, осколки подобной же формы, какъ послѣдніе два, но едва достигающіе длины 10—15 мм., также находятся въ собранной мною коллекціи. Плоскости излома у нашихъ осколковъ гладки, края острые, — самыя плоскости и грани на осколкахъ обыкновенно правильны. Встрѣчаются изслѣдователи, называющіе всѣ осколки ножами, но это названіе едва ли можно считать вѣрнымъ; правда, многіе изъ нихъ могутъ быть употребляемы въ своемъ первоначальномъ видѣ для рѣзанія, но съ другой стороны не нужно забывать, что изъ осколковъ же готовились другія, настоящія орудія. Рядъ такихъ орудій, найденныхъ съ костями мамонта, изображенъ у насъ, начиная съ фиг. 6. Это первое въ ряду орудіе относится къ числу самыхъ лучшихъ въ собранной мною коллекціи и служитъ яснымъ доказательствомъ той степени искусства, которой достигъ человѣкъ палеолитическаго періода въ обработкѣ кремня. При взглядѣ на орудіе, приходитъ въ голову мысль, что это ножъ. И въ самомъ дѣлѣ, — орудіе снизу имѣетъ совершенно гладкую поверхность, сверху представляетъ рядъ красивыхъ граней; конецъ его и одинъ изъ боковъ весьма остры, такъ что здѣсь было лезвье; вся нижняя часть орудія отбита рядомъ ударовъ, и большая половина бока, противоположнаго острию, такъ что при рѣзаніи возможно очень удобно съ этой стороны надавливать пальцемъ на орудіе и вообще, вся нижняя часть такъ обдѣлана, что орудіе удобно держать въ рукѣ или же вставить его въ черенъ. Второе изъ изображенныхъ фиг. 7 *a* и *b* сдѣлано по тому же типу, какъ и первое; у него существуетъ верхній приостренный конецъ и острие, противоположный которому бокъ притупленъ цѣлымъ рядомъ ударовъ; по видимому этотъ инструментъ былъ уже въ работѣ, такъ какъ острие его притуплено. Къ тому же типу относятся ножи, представленные на фиг. 8 и 9, при томъ на послѣднемъ также ясны слѣды употребленія. Отъ него существуетъ цѣлый рядъ пере-

ходовъ къ такимъ кремневымъ обломкамъ, въ которыхъ на первый разъ никакъ нельзя предположить орудія, но тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ приходится на подобномъ предположеніи остановиться. Одно изъ такихъ орудій представлено на фиг. 10; у него также существуетъ острей, противоположная сторона котораго притуплена; оно очевидно употреблялось, какъ рѣзущій инструментъ; отъ этого въ свою очередь существуетъ переходъ къ такимъ осколкамъ, которые слегка напоминаютъ топоръ, съ приставленнымъ къ нему черенемъ; и на лезвѣ этихъ орудій видны слѣды употребленія, — фиг. 11. Укажу еще на два орудія, въ высшей степени характерныя. Одно изъ нихъ представляло первоначально простой ланцетовидный осколокъ, съ весьма острыми краями и концомъ. Житель каменнаго вѣка очевидно воспользовался этимъ осколкомъ, примѣнивъ его къ употребленію какъ орудіе; для этого онъ отбилъ рядомъ ударовъ одинъ его бокъ, какъ было у предыдущихъ орудій, и получилъ ланцетъ подобный тѣмъ, какими еще недавно камчадалы пускали себѣ кровь, — ф. 12. Но какъ на верхъ совершенства, въ которомъ выразилась идея ножа и ланцета, нужно указать на орудіе, изображенное на фиг. 13. Здѣсь первобытный обитатель у ножа приготовилъ ланцетовидный конецъ искусственно, послѣдовательными ударами, которые были весьма правильны, такъ что края ланцета вышли очень остры, при томъ удары были дѣлаемы съ двухъ сторонъ на одномъ и томъ же краѣ.

Коль скоро первобытный человѣкъ эпохи мамонта достигъ искусства заострять края инструментовъ и созналъ пользу ланцетной формы, то для него не трудно было дойти и до идеи о стрѣлѣ и копьѣ. И дѣйствительно, между найденными мною орудіями есть такія, которыя доказываютъ, что первобытный человѣкъ дошелъ и до этого изобрѣтенія. Этотъ выводъ можно подкрѣпить, имѣя въ виду слѣдующія три орудія, ф. 14, 15 и 16. На первый взглядъ эти орудія вполнѣ напоминаютъ конецъ изображеннаго ножа-ланцета на фиг. 13, такъ

что даже приходпт на мысль принять ихъ за обломки отъ подобнаго орудія. Но такое заключеніе едва ли было бы основательно. Орудіе могло сломаться тогда, когда оно было бы въ употребленіи. Между тѣмъ слѣдовъ употребленія не видно ни на концахъ, ни на острыхъ краяхъ; при томъ не вѣроятно, чтобъ ланцетъ могъ сломаться не на концѣ, а въ наиболѣе толстомъ своемъ мѣстѣ. Края нашихъ орудій остры, довольно правильно, хотя съ одной стороны, обиты; на одномъ пзъ боковъ они имѣютъ по выемкѣ, что и приближаетъ ихъ къ ножу-ланцету. Но эта общность формы вытекаетъ очевидно изъ того, что человѣкъ не съ разу специализировалъ форму ланцета къ различнымъ примѣненіямъ, къ разнымъ инструментамъ и что первоначально у него даже должны были различныя орудія мало отклоняться другъ отъ друга по своему виду. Что человѣкъ эпохи мамонта болѣе или менѣе зналъ форму стрѣлы, можно видѣть на орудіи, изображенномъ на фиг. 17.

Есть еще одинъ сортъ орудій, которыя выдѣлывались первобытнымъ человѣкомъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ, — это скребки. Наилучшій изъ нихъ изображенъ на фиг. 18, сверху; снизу на верхнемъ его концѣ выдѣланъ въ формѣ полукруга, весьма правильно, край, долженствовавшій играть при скобленіи главную роль; какъ по тщательности выдѣлки скребущаго края, такъ и вообще по изяществу своей внѣшней формы это орудіе не уступаетъ наилучшимъ представителямъ этого типа инструментовъ новѣйшихъ временъ. Слѣдующіе скребки изображены на фф. 19 и 20. Скребущія края этихъ орудій, на верхнемъ концѣ, съ нижней стороны также выдѣланы весьма искусно, хотя и съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ употребленное при выдѣлкѣ скребка вышеописаннаго. Въ заключеніе укажу еще на одно орудіе, которое частію напоминаетъ скребокъ, фиг. 21; скребки подобной формы довольно часто встрѣчаются во Французскихъ пещерахъ, судя по экземплярамъ, имѣющимся у насъ отъ раскопокъ Лартэ и Кристи. Но край въ

нашемъ орудіи, соотвѣтствующій скребущему, не имѣетъ надлежащей обработки и скорѣе на немъ можно замѣтить слѣды употребленія, какъ рѣзущаго инструмента.

И такъ, я представилъ цѣлый рядъ принадлежностей изъ домашняго обихода первобытнаго человѣка, современника мамонта; я изобразилъ произведенія рукъ человѣческихъ, начиная съ кремневаго ядра и осколковъ до ножей, копій и скребковъ. Еще раньше, при описаніи мѣстъ залеганія орудій съ костями, я указалъ на вѣроятное употребленіе осколковъ, имѣющихъ видъ топора, отъ коренныхъ зубовъ мамонта, также на болѣе или менѣе значительной величины камни, служившіе можетъ быть молотками или топорами. Имѣя въ виду представленный мною очеркъ кремневыхъ орудій, едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что они суть произведенія рукъ человѣческихъ; точно также, принимая во вниманіе условія ихъ залеганія, съ золою, углями и съ костями разныхъ животныхъ, придется остановиться на томъ заключеніи, что въ Костѣнкахъ мы имѣемъ неопровержимыя доказательства въ пользу того, что человѣкъ отдаленнаго отъ насъ палеолитическаго періода жилъ одновременно съ преобладавшимъ здѣсь въ то время мамонтомъ. Но въ описанныхъ выше орудіяхъ заключается ли дѣйствительно все, чѣмъ располагалъ человѣкъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ и для борьбы съ природою?—Можно сказать, что конечно не все, что въ придачу къ орудіямъ каменнымъ, которыя онъ умѣлъ уже выдѣлывать съ значительнымъ совершенствомъ, у него навѣрное существовали и костяныя издѣлія; подобное совмѣстное существованіе орудій изъ камня и кости имѣло мѣсто у всѣхъ народовъ древняго и новаго періода каменнаго вѣка, начиная съ древнѣйшихъ обитателей Французскихъ пещеръ до современныхъ дикихъ народовъ крайняго Сѣвера и острововъ Тихаго Океана. Только для сохраненія костяныхъ орудій на открытомъ воздухѣ существуетъ гораздо меньше шансовъ, чѣмъ на примѣръ въ пещерахъ, гдѣ вліяніе климатическихъ условій,

дожда, снѣга и холода, гораздо меньше на нихъ отражается. Но можетъ быть пвъ Костѣнкахъ найдется уголокъ, гдѣ подобныя орудія сохранились; скажу даже больше,—какъ въ Костѣнкахъ, такъ и вообще по правому берегу Дона есть большая вѣроятность отыскать матеріалъ еще болѣе богатый для возстановленія быта палеолитическаго человѣка, и для опредѣленія его отношеній не только къ мамонту и медвѣдю, но даже и къ другимъ, нынѣ не существующимъ здѣсь животнымъ, какъ-то къ носорогу, первобытному быку, къ разнымъ видамъ оленя и пр. Ограничившись на нынѣшній годъ вышеописанными раскопками въ селѣ Костѣнкахъ, я прекратилъ работы съ намѣреніемъ продолжать ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Теперь же, послѣ десятидневнаго пребыванія здѣсь, я долженъ былъ спѣшить въ далекій путь.

Въ заключеніе я долженъ указать на тотъ общезвѣстный фактъ, что въ орудіяхъ каменнаго вѣка, находимыхъ въ черноземѣ, и принадлежащихъ къ неолитическому періоду, мы замѣчаемъ болѣе искусную форму, чѣмъ какая замѣтна на орудіяхъ, лежавшихъ подъ черноземомъ и принадлежавшихъ къ періоду палеолитическому; хотя странно то, что большая часть осколковъ, найденныхъ въ черноземѣ, въ амшанкѣ, на глубинѣ полуаршина, весьма напомпала найденныя подъ черноземомъ и при томъ, между осколками я нашелъ также накопечникъ стрѣлы или копья фиг. 22, весьма напоминающій найденныя съ костями мамонта и изображенныя на фф. 14, 15 и 16. Но за то въ томъ же черноземѣ находятся орудія въ родѣ изображеннаго на фиг. 23. Это наконечникъ стрѣлы, выдѣланннй со всею правильностью; онъ напоминаетъ орудія, найденныя мною въ Тульской губерніи. Онъ сдѣланъ изъ темнаго мѣловаго кремня и этимъ отличается отъ всѣхъ принадлежностей каменнаго вѣка, эпохи мамонта. Изъ подобнаго же кремня или же имѣющаго роговой цвѣтъ, я добывалъ орудія на лѣвомъ берегу Дона, противъ Костѣнокъ.

Уложивши собранныя мною вещи, 21 іюня, я отправилъ ихъ въ Воронежъ; поздно вечеромъ того же числа оставилъ я село Костёнки съ его обитателями, въ которыхъ трудно теперь признать бывшихъ нѣкогда горожанъ; отдавая полную справедливость ихъ добродушію, я долженъ сказать, что они сохранили въ своихъ нравахъ и обычаяхъ столь много старинныхъ элементовъ, что антропологъ и этнографъ найдутъ здѣсь обильную для себя пищу. Замкнутые въ кругъ своихъ сельскихъ и земледѣльческихъ занятій, они относятся съ крайнимъ недоумѣніемъ ко всему, что выходитъ за предѣлы этого круга. Мой пріѣздъ возбудилъ въ нихъ суевѣрный страхъ, мои занятія были приняты, какъ дѣло «антихриста», такъ что иногда я съ трудомъ могъ найти рабочихъ. Но въ послѣдніе дни, повидимому, этотъ страхъ исчезъ и охотники, даже изъ женщинъ, появлялись на работы въ избыткѣ. И тѣ добрыя отношенія, въ которыхъ я разстался съ представителями Костёнокъ, послужатъ въ будущемъ вѣрнымъ залогомъ за дальнѣйшія усилія въ изслѣдованіи здѣшней, въ высшей степени интересной мѣстности.— По пріѣздѣ въ Воронежъ, я занялся укупоркой и укладкой добытаго мною матеріала; 23 іюня 9 ящиковъ съ костями и орудіями были заколочены, увязаны и сданы для отправки въ Петербургъ. Ночью на 24 іюня я оставилъ Воронежъ и черезъ Козловъ и Ряжскъ направился на Рязань.

III.

Путь въ долину Оки. — Пріѣздъ на западный склонъ Урала — Кунгурская пещера. — Посѣтители пещеры и свѣдѣнія о ней. — Значеніе ея у раскольниковъ. — Мои задачи и экскурсія въ ней. — Описаніе пещеры: входъ, ледяныя отдѣленія, среднія части и конецъ пещеры—озеро. — Впечатлѣніе, выносимое изъ пещеры. — Роль пещеръ въ вѣрованіяхъ первобытныхъ народовъ—остяки. — Происхожденіе пещеры, измѣненія въ ней. — Выборъ мѣста для раскопки. — Температура пещеры. — Пещера, вѣроятно, не была обитаема въ до-историческія времена.

По выѣздѣ изъ Рязани на пароходѣ, по р. Окѣ, я долженъ былъ остановиться въ двухъ пунктахъ, сначала около Муромъ,

затѣмъ ниже по теченію рѣки, въ имѣніи князя Голицына. Въ первый день по приѣздѣ въ Муромъ, я снова осмотрѣлъ то мѣсто-залеганіе костей мамонта, посорога, первобытнаго быка и другихъ животныхъ, которое было уже обследовано мною въ предшествовавшемъ году вмѣстѣ съ графомъ А. С. Уваровымъ и професоромъ Антоновичемъ. Это мѣсто лежитъ около Карачарова. На слѣдующій день, по правую сторону Оки, именно около селенія Волосова, которое также мнѣ было извѣстно по прошлогоднимъ моимъ изслѣдованіямъ, я снова собралъ массу каменныхъ и частію костяныхъ орудій: то были наконецники стрѣлъ, топорики, скребки, также шилья изъ кости и даже костяной крючекъ для ловли рыбы. Волосово расположено на песчаныхъ холмахъ среди долины Оки. Эти холмы издавна служили мѣстомъ жительства для людей каменнаго вѣка; здѣсь осталось даже кладбище этихъ обитателей, въ раскопкѣ котораго мнѣ пришлось участвовать въ прошломъ году съ графомъ Уваровымъ. Въ долинѣ Оки, въ разныхъ мѣстахъ, разбросана масса подобныхъ песчаныхъ холмовъ, которые всѣ были въ большей или меньшей степени обитаемы до-историческимъ человѣкомъ, — въ случаѣ, впрочемъ, если эти холмы совершенно не заливались во время разлива рѣки, при весеннемъ ея половодьи. Такіе же холмы находятся ниже по теченію Оки, въ имѣніи князя Л. С. Голицына; холмъ, на которомъ расположена усадьба князя, былъ нѣкогда обитаемъ людьми каменнаго вѣка; другой, лежащій верстахъ въ трехъ отъ усадьбы, такъ называемый Плехановъ боръ, также изобилуетъ остатками каменнаго вѣка; какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ мною собранъ былъ здѣсь большой запасъ орудій. Песчаные холмы разбросаны не только около двухъ вышеназванныхъ пунктовъ, но и въ другихъ мѣстахъ долины Оки. Такого характера холмъ находится около самой Рязани; на немъ расположено село Борки. Затѣмъ я замѣчалъ ихъ около Киструсь и селенія Починокъ; очевидно, какъ и выше описанные, эти холмы также были обитаемы въ теченіе каменнаго вѣка; къ сожалѣнію, по недостатку времени, я не имѣлъ возмож-

ности остановиться въ послѣднихъ пунктахъ; что же касается до подробнаго описанія какъ мѣстъ находенія, такъ и самыхъ остатковъ каменнаго вѣка около Мурома и Плеханова бора, то я готовлю его для И. Р. Географическаго Общества, по порученію котораго я въ первый разъ совершилъ поѣздку въ долину Оки.

29-го іюня я былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30-го сѣлъ на пароходъ п обычнымъ, знакомымъ уже мнѣ путемъ, черезъ Казань, по Волгѣ и Камѣ, направился въ Пермь, а отсюда въ Кунгуръ, который былъ главною цѣлью моихъ стремленій, благодаря находящейся около него пещерѣ. — Имѣя доказательства въ пользу того, что равнины Европейской Россіи были обитаемы въ дилювіальную эпоху и что люди того времени умѣли жить на открытомъ воздухѣ, можетъ быть устраивая себѣ жилища, я ни какъ не могъ отрицать и того, что люди могли пользоваться пещерами, какъ мѣстомъ обитанія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ находились. Къ числу такихъ пунктовъ принадлежитъ между прочимъ Уралъ; академикъ Лепехинъ въ своемъ путешествіи указываетъ на многія изъ пещеръ въ бассейнѣ р. Печоры, которыя еще недавно служили предметомъ обожанія у вогуль, отправлявшихъ въ нихъ различныя религіозныя празднества. Лепехинъ находилъ въ этихъ пещерахъ, вмѣстѣ съ истуканами, кости различныхъ нынѣ живущихъ животныхъ. Кунгурская пещера — одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ и самая обширная на западномъ склонѣ Урала. Не была ли она также когда нибудь обитаема человекомъ, не представляла ли она пріюта жителямъ отдаленной древности? — это былъ вопросъ, разрѣшить который я пріѣхалъ въ Кунгуръ 5 іюля; послѣ довольно продолжительныхъ работъ въ пещерѣ, я не нашелъ доказательствъ для рѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ. — Кунгурская пещера пользуется издавна извѣстностью. Лепехинъ, приступая къ ея описанію, говоритъ: «Въ трехъ верстахъ отъ Кунгура, въ верхъ по рѣкѣ Силвѣ, на правомъ берегу по теченію, цѣлыя горы состоятъ изъ алебастроваго

камня, откуда алебастръ во всѣ окрестности развозится. Въ сѣхъ горахъ на самомъ рѣчномъ берегу въ горѣ, Ледяная прозываемой, находится та славная пещера, о которой г. Страленбергъ въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи упоминаетъ». (Депехинъ, Дневныя записки о путешествіи по разн. провинц. Россійскаго Государства. Ч. II, 1812 г. стр. 225). Г. Киттары, бывшій въ пещерѣ въ сороковыхъ годахъ и подробно описавшій ея вѣшній видъ, указываетъ на сохранившуюся въ одномъ изъ отдѣленій пещеры надпись, принадлежавшую Маріи Меньщковой; «знаменитые изгнанники, говоритъ онъ, во время проѣзда черезъ Кунгуръ, не упустили случая осмотрѣть рѣдкой пещеры: надпись состояла изъ имени и фамиліи и была написана крупнымъ славянскимъ почеркомъ» (Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, 1848 годъ. Ч. XXII, стр. 376). Кунгурская пещера и до сихъ поръ продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе какъ любопытныхъ, такъ и изслѣдователей. Такъ, въ 1859 году, въ августѣ мѣсяцѣ пещеру посѣтили два художника, Иконниковъ и Головинъ, рисунки которыхъ, представляющіе разные виды во внутренности пещеры, поступили въ мое распоряженіе, благодаря любезности Д. Д. Смышляева. Во время обратнаго пути изъ Сибири, въ 1875 году, члены экспедиціи профессора Норденшильда были въ пещерѣ и г. Штуксбергъ посвятилъ ей небольшое описаніе въ своемъ отчетѣ о путешествіи. Не говоря о многихъ другихъ посѣтителяхъ пещеры, долженъ указать на поляковъ, которые на пути въ Сибирь, во время продолжительныхъ остановокъ въ Кунгурѣ, ходили въ пещеру большими обществами; по лично переданнымъ мнѣ разговорамъ извѣстнаго изслѣдователя Сибири, д-ра Б. Дыбовскаго, они будто дѣлали небольшія раскопки и находили кости животныхъ; но послѣднее обстоятельство, какъ я потомъ лично убѣдился на мѣстѣ, не было вѣрно. По пріѣздѣ въ Кунгуръ, я встрѣтилъ здѣсь молодаго геолога изъ Казани, П. И. Кротова, который только что кончилъ свои странствованія по пещерѣ и нашелъ въ породахъ, ее составляющихъ, каменно-угольныя раковины, почему и всю гору, заклю-

чающую въ себѣ пещеру, нужно отнести къ каменноугольной формаци, въ противоположность прежде существовавшимъ мнѣніямъ.

Однако же при всей извѣстности Кунгурской пещеры, объ ней не было никакихъ данныхъ, по отношенію ея обитаемости; извѣстно было только то, что въ ней живали нѣкогда раскольники; — это, говорятъ, продолжается и до сихъ поръ въ пещерахъ глухихъ частей Урала. Раскольниковъ загоняли въ пещеру религиозныя вѣрованія, можно сказать даже, фанатизмъ. Заходя въ пещеру, они жили въ ней по цѣлымъ годамъ, не выходя; къ такимъ сподвижникамъ приходили иногда миряне съ блага свѣта, въ этотъ вѣчный мракъ, и многіе считали за религиозный подвигъ остаться здѣсь на нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ; то были мужчины и женщины. Иногда сами сподвижники выходили за пищей и тогда въ деревняхъ осыпались всѣми дарами хотя и изъ скуднаго крестьянскаго хозяйства; пища заготовлялась обыкновенно на продолжительный періодъ времени, также и дрова, — это именно послѣднее обстоятельство интересно для насъ потому, что при всей трудности хода въ пещеру въ нее было возможно не только проникнуть, но даже занести все необходимое для существованія. И такъ, если въ послѣднее время загоняли чело-вѣка въ Кунгурскую пещеру религиозныя вѣрованія, то можетъ быть въ глубокой древности онъ шолъ туда и спасался отъ холода, отъ дикаго звѣря и пр.?—Рѣшить этотъ вопросъ заочно, на основаніи существующихъ описаній, было невозможно и въ первый день по пріѣздѣ въ Кунгуръ я отправился въ село Баннос, розыскалъ вожаковъ, а на слѣдующій—долженъ былъ ознакомиться съ физико-географическимъ характеромъ пещеры, предпринявъ по ней экскурсію. Нужно было добыть данныя относительно температуры пещеры, ея орографіи и положенія съ уровнемъ рѣки Сылвы, касательно ея почвы и т. д. Планъ пещеры и приблизительно вѣрный былъ уже данъ въ описаніи Киттары, помѣщенномъ въ названномъ выше журналѣ. Со мною

былъ жокакъ, крестьянинъ Романовскій, который уже лѣтъ 40 странствуетъ по пещерѣ, имѣя отъ роду около 60 лѣтъ; у Лепехина, по его собственному выраженію, былъ жокакъ, составлявшій «физиологическую рѣдкость. Онъ былъ мужикъ лѣтъ въ 60, и совсѣмъ безволосный отъ самаго дня своего рожденія». Романовскій былъ на столько знакомъ съ пещерой, что не нужно было предпринимать предосторожностей въ родѣ протягиванія веревки и разсыпанія по дорогѣ соломы.

Пещера расположена на правомъ берегу р. Сылвы, недалеко отъ западнаго края села Баннаго; слоп алебаstra и известняковъ крутой стѣной поднимаются въ высоту, будучи нѣсколько выведены изъ своего горизонтальнаго положенія. Входъ въ пещеру расположенъ у основанія или подошвы этихъ пластовъ и обращенъ на югъ, но не на сѣверъ, какъ говорятъ Киптары; входящему же въ пещеру приходится идти на сѣверъ, — таково первоначально направленіе пещеры. Входъ лежитъ весьма невысоко надъ уровнемъ Сылвы и вода довольно близко подступаетъ къ нему, особенно во время разлива рѣки. 6 іюля, въ 11 ч. 30 м. дня я сдѣлалъ наблюденія около входа и получилъ слѣдующіе результаты; температура воздуха на открытомъ пространствѣ въ тѣни: $27,3^{\circ}$ С.; барометръ-анероидъ показывалъ: 757,8 мм. За тѣмъ пришлось спуститься немного внизъ, къ самому входу, въ жерло котораго были помѣщены тотъ часъ же вышеназванные инструменты, причемъ, 10 минутъ спустя, они показывали: термометръ— 0° С.; барометръ: 756,6. Въ 12 часовъ, 20 м. инструменты въ томъ же жерлѣ показывали: термометръ— 0° С.; барометръ—755,3. Такая рѣзкая разница между температурою воздуха на открытомъ пространствѣ, въ тѣни, и въ жерлѣ пещеры подтвердилась, какъ будетъ сказано ниже, и послѣдующими наблюденіями. При такомъ различіи понятнo изъ пещеры, въ самомъ ея жерлѣ, идетъ стремительно токъ холоднаго воздуха; многіе изъ посѣтителей, приходя отъ жары господствующей на дневной поверхности, къ жерлу пещеры, съ намѣреніемъ про-

браться въ нее, но охваченные холоднымъ вѣтромъ, поддаются страху и возвращаются обратно, оставляя навсегда желаніе постранствовать въ таинственномъ подземельи. Такъ какъ входъ лежитъ въ ямѣ, то лѣтомъ, во время дождей, онъ часто наполняется дождевою водою, которая, при низкой температурѣ, тамъ замерзаетъ и если входъ не разчпщается по какимъ либо причинамъ ото льда, то можетъ быть имъ совершенно запертъ; въ такомъ видѣ нашель его Лепехинъ, въ августѣ, 1770 года, а въ послѣдствіи Киттары. — Тотчасъ послѣ сдѣланнаго наблюденія надъ температурою и давленіемъ воздуха около жерла, мы пустились въ путь; сажени черезъ двѣ, по узкому проходу, ползкомъ, почти на животѣ, мы взошли въ первое небольшое отдѣленіе пещеры; это невысокая, чашевидная, какъ говорятъ вожаки, «комната». Изъ нее еще, сквозь отверстіе прохода въ пещеру, видѣнъ дневной свѣтъ. На дальнѣйшій путь, съ наступленіемъ совершенной тьмы, пришлось зажечь свѣчи; выходъ лежитъ нѣсколько влѣво отъ главнаго входа; требуется немного спуститься по камнямъ внизъ и направиться въ самую узкую часть входа; спуститься нужно внизъ головой, ползти на животѣ сажени полторы или двѣ; въ одномъ мѣстѣ этотъ проходъ дѣлаетъ изгибъ, такъ что, чтобъ пройти, требуется особенная гибкость стана; проходъ неудобенъ еще и тѣмъ, что дво его покрыто льдомъ; сильная струя холоднаго воздуха проходить здѣсь на встрѣчу, изъ глубины пещеры и нужно особенное искусство, чтобъ сохранить огонь на свѣчѣ не потухшимъ. За тѣмъ проходъ расширяется, нѣсколько саженей приходится идти, сильно согнувшись, до такъ называемой «второй комнаты». Повсюду на пути лежитъ ледяной, гладкій полъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по льду разсыпана мелкая, гипсовая мука, происхождение которой какъ для меня, такъ и для всѣхъ моихъ вожаковъ, которыхъ было пять человекъ, оставалось загадочнымъ. Но за тѣмъ я остановился на томъ заключеніи, весьма вѣроятномъ, что гипсъ или алебастръ въ большей или меньшей степени примѣшанъ къ замерзшей водѣ п если ледъ, подтаявая сверху, испаряетъ воду подъ

вліяніемъ постоянной здѣшной струи вѣтра, то гипсъ и остается въ видѣ чистой, бѣлой муки. Романовскій рассказывалъ, что въ прежніе года онъ видалъ здѣсь слѣды, на самой гипсовой мукѣ, въ родѣ мышинныхъ,—теперь же ихъ не было. Вторая комната соотвѣтствуетъ пятому гроту на планѣ Киттары, который, какъ и Лепехинъ, всѣмъ отдѣленіямъ пещеры, извѣстнымъ въ простонародьи подъ именемъ комнатъ, придаетъ названіе гротовъ. Второе отдѣленіе пещеры, навболѣе восхитительное изъ всѣхъ другихъ, имѣетъ приблизительно округленную форму, съ чашевиднымъ, довольно высокимъ потолкомъ; оно сплошь, по стѣнамъ и потолку, усыяно снѣговыми кристаллами; кристаллы громадной величины сплочены между собою въ одну массу съ самыми прихотливymi выступами и узорами. Это, слѣдуя сибирскому выраженію, та «куржа», тѣ массы снѣговыхъ кристалловъ, которые зимою покрываютъ вѣтви нашихъ деревьевъ, придавая имъ довольно фантастическія формы, но только куржа изъ кристалловъ большихъ, оледѣнѣвшихъ, прозрачныхъ, напоминающихъ хрусталь. Г. Киттары описываетъ вторую комнату подъ именемъ грота, слѣдующимъ образомъ: «Войдя въ него, мы были поражены той дивной красотой, которая доставляла ему знакомое всѣмъ туземцамъ названіе «Бриліантоваго-Грота». Глаза наши не вдругъ свыклись съ миліонами блестящихъ и разноцвѣтныхъ искръ, щедро сыпавшихся на насъ сверху и производившихъ столь сильный эффектъ, что вопросъ — отчего зависитъ блескъ этотъ,—родился въ умѣ нашемъ не скоро; но зато разрѣшить его было весьма не трудно. Весь сводъ и верхняя часть стѣнъ густо покрыты здѣсь снѣговыми кристаллами, отражавшими падашіе отъ факеловъ лучи свѣта въ видѣ разноцвѣтныхъ искръ, между которыми порой долетали до глазъ толстые пучки лучей, какъ будто бы свѣтъ отражался отъ зеркальных обломковъ. Этотъ искрометный сводъ украшался тремя люстрами, то есть изъ трехъ мѣстъ его опускалось по длинной, довольно толстой цѣпи, составленной изъ сѣпленныхъ снѣговыхъ кристалловъ; на концѣ каждая изъ такихъ цѣпей была расширена, и

давала въ этомъ мѣстѣ начало многимъ снѣговымъ шнурамъ, украшеннымъ весьма крупными кристаллами. Несмотря на просьбы дамъ не разрушать этихъ люстръ, одна изъ нихъ была сбита для разсмотрѣнія кристаллическихъ формъ снѣга: но къ сожалѣнію большая часть изъ нихъ разрушилась во время паденія; цѣлыхъ кристалловъ осталось немного, и всѣ они, какъ оказалось, принадлежали къ формѣ, о которой до сихъ поръ не случилось мнѣ ни читать, ни слышать. Это были тонкія, совершенно правильныя пластинки, имѣвшія полтора дюйма длины и около дюйма ширины; одна поверхность ихъ была почти гладкая, другая снабжена продольными бороздками, всѣ онѣ были прозрачны, имѣли равную длину и только слегка различались шириной. Крупныя кристаллы, блестящія на сводѣ подобно зеркальнымъ поверхностямъ, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ этой же формѣ. Длина бриліантоваго грота равна шести, ширина — пяти, а вышина — тремъ сажениамъ. Влѣво отъ входа возвышается гора, состоящая изъ каменьева то крупныхъ, то мелкихъ, перемѣшанныхъ съ землею; она примыкаетъ всей своей вышиной къ западной сторонѣ грота, а вершиной касается свода; стѣны грота весьма неровны, особенно сѣверная, дающая два значительные выступа. Дно покрыто мелкими камнями. Выходъ помѣщенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются между собой сѣверная и восточная стѣны; онъ весьма просторенъ по всѣмъ измѣреніямъ и представляетъ за собою картину, отнимающую у посѣтителя желаніе идти далѣе. За этимъ выходомъ открывается глазамъ крутой скатъ длинной ледяной горы, столь ровной и гладкой, что она казалась сдѣланною изъ полированнаго мрамора. Надъ этою ледяною массою возвышается сводъ, верхній край котораго соединяется съ вершиною горы, а противоположный, вмѣстѣ со скатомъ, далеко углубляется внизъ и исчезаетъ отъ взора. Расстояніе между сводомъ и горою вначалѣ равно двумъ съ половиною аршинамъ, а потомъ уменьшается.

«По этой то скользкой дорогѣ, подъ низкимъ сводомъ, съ опасностію скатиться быть можетъ въ бездну, надлежало про-

должать путь. Недоумѣніе наше — идти ли впередъ, возвратиться ли обратно—было продолжительно. Проводники наши также находились въ большомъ затрудненіи, и едвали не въ первый же разъ видѣли этотъ крутой ледяной скатъ. Они называли его «притчей», которой прежде не бывало; прежде, по словамъ ихъ, была тутъ «ледяная гора», но не крутая, и съ пробитой по ней дорогой. Одинъ старожилъ, съ нами бывший, увѣрялъ, что когда онъ посѣщалъ въ послѣдній разъ эту пещеру, лѣтъ сорокъ тому назадъ, то такой горы вовсе не было, а на мѣстѣ ея находился только «угоръ» изъ крупныхъ каменьевъ, между которыми замѣтенъ былъ и ледъ. Изъ всего этого не трудно было заключить, что ледяной скатъ образовался мало по малу, и что, со временемъ, увеличиваясь все болѣе-и-болѣе, онъ можетъ соединиться со сводомъ и совершенно прервать сообщеніе брильянтоваго грота съ остальною пещерою. Эта послѣдняя мысль вселила въ насъ рѣшимость воспользоваться оставшеюся еще пока возможностью, и, не смотря на опасности перехода, ледяная гора скоро осталась за нами. Сдѣланные на поверхности льда надрубы весьма много облегчили путь, особенно подъ конецъ, гдѣ сводъ оказался такъ низокъ, что нужно было ползти подъ нимъ. Длина ледянаго ската не превышаетъ одиннадцати сажень; за нимъ слѣдуетъ въ томъ же направленіи, то есть прямо на сѣверъ, довольно просторный проходъ, восточная стѣна котораго, при самомъ началѣ, снабжена отверстіемъ, ведущимъ въ весьма занимательное отдѣленіе пещеры.

«Это—чистый и пространный гротъ, длиною равный осьми, шириною—пяти сажениамъ. Ровный сводъ его вначалѣ достигаетъ трехъсаженной вышины, но подъ конецъ грота все болѣе-и-болѣе понижается. Вправо отъ входа возвышается большая гора, образованная изъ каменьевъ, перемѣшанныхъ съ землею; она всю свою ширину примыкаетъ къ стѣнѣ, а вершиною касается свода. Начиная отъ самаго входа, гротъ направленъ къ юго-востоку и, не смотря на тщательный обыскъ, не представлялъ выходовъ; дно его удивительно ровно и покрыто тонкою ледяною

корою. Это отдѣленіе пещеры было украшено многими ледяными фигурами столь дивно прихотливой формы, что онѣ надолго къ себѣ приковывали взоръ посѣтителя. Первый между ними, бросающійся въ глаза предметъ былъ большой ледяной круглый столбъ, совершенно правильный, съ гладкою, какъ бы полированной поверхностью; онъ помѣщался на ледяномъ же пьедесталѣ, имѣвшемъ видъ усѣченнаго конуса. Этотъ столбъ, вмѣстѣ съ его подножіемъ, кажется высѣченнымъ изъ бѣлаго мрамора, и имѣетъ вышину не превышающую сажени, а ширину равную почти двумъ аршинамъ. Чтобы взглянуть на его вершину, мы вырубилъ на пьедесталѣ ступени; но весьма ошиблись, думая увидѣть ровную поверхность; столбъ имѣлъ внутри глубокою воронкообразную пустоту, до половины наполненную весьма чистою снѣговою водою, которую получалъ онъ по каплѣ со свода. Другіе предметы были не менѣе интересны: мѣстахъ въ десяти на полу находились ледяныя вазы своею правильностію могущія поразить самый строгій глазъ; форма ихъ была не прихотлива: на круглой, бѣло матовой подножкѣ помѣщался корпусъ вазы, имѣвшій видъ цилиндра, внизу округленнаго, а въ срединѣ нѣсколько расширеннаго; безцвѣтный и прозрачный ледъ, его составлявшій, былъ снабженъ на поверхности различной глубины бороздами, что придавало вазѣ видъ граненой; наконецъ сходство съ искусственными вазами вполне довершалось пустотой, находившейся внутри цилиндра и до половины наполненной чистою, капающею со свода водою. Мы не упустили случая напиться этой воды, что бы имѣть въ послѣдствіи право сказать: что были подъ землею и пили тамъ чистѣйшій нектаръ горъ изъ хрустальныхъ вазъ, сдѣланныхъ рукою природы. Всѣ десять вазъ, нами видѣнныхъ, были совершенно сходны между собою; вышина каждой изъ нихъ равнялась пяти, а ширина—тремъ вершкамъ. Остальные предметы, украшавшіе описываемый гротъ, были уже не столь интересны; между ними наиболѣе заслуживали вниманія формы, совершенно сходныя, по правильности, величинѣ и цвѣту, съ сахарными головами». (Ледяная пещера въ окрестностяхъ

Кунгура, въ Ж. М. Вн. Дѣль, 1848, ч. XXII, стр. 363—368). Къ прекрасному и вполне правдивому описанію второй комнаты или залы г. Киттары весьма трудно что либо прибавить; я самъ лично нашелъ здѣсь только небольшія перемѣны; такъ, я не видѣлъ въ этой комнатѣ люстръ изъ снѣговыхъ кристалловъ, пѣлость которыхъ старались сохранить сопровождавшія почтеннаго автора Кунгурскія дамы; что же касается до ледяныхъ кристалловъ, то они сохранили ту же большую величину и тотъ же видъ чистаго, прозрачнаго горнаго хрусталя до такой степени, что потомъ, когда я въ послѣдній разъ ходилъ въ пещеру и когда между шедшими за мною любопытными были и представительницы дамскаго пола, то нѣкоторыя изъ нихъ срывали кристаллы со стѣнъ и, завертывая въ платки, клали въ карманы, дабы принести ихъ въ Кунгуръ;—нечего и говорить, чѣмъ кончилась эта попытка перенесенія кристалловъ изъ холоднаго подземелья на лѣтній воздухъ дневной поверхности. Въ моемъ дневникѣ отмѣчено, что термометръ и барометръ показывали, сейчасъ же при входѣ нашемъ во вторую комнату, минутъ 10-ть спустя послѣ входа въ пещеру и сдѣланнаго тамъ наблюденія, +2 с. и 756, 1 мм. Но въ этомъ случаѣ мнѣ кажется, что температура эта показана выше дѣйствительной и что термометръ не былъ достаточно выдержанъ,—на такія соображенія наводятъ наблюденія, сдѣланныя мною впослѣдствіи дальше, около мѣста раскопки, въ «долгой комнатѣ» или залѣ. Сравнивая описаніе внѣшняго вида пещеры, сдѣланнаго г. Киттары, можно придти къ тому заключенію, что обледѣненіе переднихъ отдѣленій Кунгурской пещеры идетъ всё болѣе и болѣе; такъ на пути къ «второй комнатѣ», вмѣсто воды, я встрѣтилъ ледъ, точно также какъ на днѣ самой комнаты я нашелъ тотъ же ледъ, лежащій сплошнымъ покровомъ, вмѣсто мелкихъ камней. На дальнѣйшемъ пути, ледяная гора еще болѣе увеличилась; пришлось прорубать входъ около подошвы этой горы или же въ другомъ мѣстѣ, по самому ея скату; но главное то, что Романовскій даже не пытался розыскивать боковую залу, съ ледяными столбами и ваза-

мя, которую описываетъ Киттары, какъ это видно изъ приведенной цитаты; входъ этотъ совершенно запертъ льдомъ; вожакъ много старался розыскать входъ въ другую, боковую комнату, лежавшую на юго-западъ отъ ледяной горы, но ледъ заградилъ и туда весь проходъ. Пришлось намъ идти обычнымъ путемъ; за ледяной горой слѣдуетъ такъ называемая «долгая комната», состоящая изъ цѣлаго ряда отдѣленій, то расширяющихся, то суживающихся. Чѣмъ дальше слѣдуешь по этимъ отдѣленіямъ, тѣмъ температура болѣе возвышается; «куржа» или ледяные кристаллы мало по малу исчезаютъ; почва лишается ледяного покрова. Въ одномъ изъ отдѣленій я намѣтилъ мѣсто для раскопокъ; оно лежитъ между ледяною горой и остатками домика, выстроеннаго старообрядцами или раскольниками. Около домика, гдѣ прежде также не было, повидимому, льда, теперь полъ значительно заледѣнѣлъ, такъ что льдомъ залито и основаніе прежняго жилья. Недалеко отъ домика, по направленію въ глубину пещеры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на полу торчатъ ледяныя массы въ видѣ сахарныхъ головъ. Вблизи ледяной горы, до которой отдѣленія шли по направленію къ сѣверу, пещера направляется къ сѣверо-востоку; здѣсь находится, кромѣ отдѣленія съ домикомъ, по плану Киттары, пять комнатъ, изъ которыхъ многія достигаютъ огромной высоты и ширины; но всѣ онѣ довольно однообразны, съ сводообразными потолками и съ дномъ, сплошь заваленнымъ осыпями сверху, состоящими часто изъ громадныхъ камней; за «долгой комнатой» уже нѣтъ льду, изрѣдка на полу встрѣчается вода и грязь. Термометръ въ отдѣленіи около домика въ 12 ч. 50 м. дня показалъ $+4^{\circ}$ С. при давленіи воздуха 756,9 мм.; — эта температура вѣроятно выше дѣйствительной. По срединѣ пещеры, въ «столовой», или четырнадцатое отдѣленіе по плану Киттары, въ 1 ч. 55 мин. температура воздуха была $+5^{\circ}$ С. при давленіи въ 757,1 мм. Отъ «столовой» начинается довольно трудный путь: сначала подъемъ въ отверстіе черезъ груды камней, затѣмъ въ одномъ мѣстѣ приходится ползти почти на животѣ по скату, покрытому мокрою глиной; отъ «столовой» же вся пе-

щера направляется въ общемъ на юго-западъ. Съ концомъ второй трети пещеры, послѣ длиннаго и узкаго коридора, открывается послѣднее отдѣленіе: это громадная зала, съ двумя другими, идущими отъ нее на юго-западъ; въ конечной изъ этихъ комнатъ находится небольшой водный бассейнъ, между камнями. Затѣмъ слѣдуютъ, по направленію къ западу, три просторныя отдѣленія, изъ которыхъ послѣднее — заключаетъ въ себѣ озеро. Озеро имѣетъ саженъ около 12—15 въ длину; вода его чрезвычайно прозрачна, такъ что посѣтитель не предупрежденный легко можетъ оказаться въ водѣ, — что и случилось; сквозь воду прекрасно видно все дно, которое состоитъ изъ чистой, весьма вязкой глины; между поляками, посѣщавшими пещеру, находились скульпторы, вылепившіе изъ нее бюсты; эта глина лежитъ какъ на днѣ озера, такъ и по его окраинамъ. Вода, при всей своей прозрачности, горька и непріятна на вкусъ и, по видимому, лишена всякой жизни: въ ней не видно ни одного живаго существа, ни растительнаго, ни животнаго, — такъ утверждалъ Романовскій, бывшій здѣсь безсчетное количество разъ, то же показалось и мнѣ, послѣ моего трехкратнаго посѣщенія озера. Всмотриваясь внимательно въ воду, я нашелъ на ея поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пленчатый налѣтъ, который оказался потомъ состоящимъ изъ массы мельчайшихъ кристалловъ гипса. Въ 2 ч. 30 м. температура воды имѣла $5,5^{\circ}$ С., при температурѣ воздуха въ $6,3^{\circ}$ С. и при давленіи 757,3 мм. — 13 іюля, когда я былъ здѣсь, вода была нѣсколько теплѣе, при температурѣ воздуха въ 6 ч. веч., равной 6° С. и при давленіи въ 759 мм.; 14 іюля, 4 часа дня термометръ показывалъ $6,5^{\circ}$ С., барометръ 757,4, температура воды имѣла 7° С.; во всякомъ случаѣ колебанія температуры какъ воды послѣдняго отдѣленія, такъ и воздуха — весьма незначительны, хотя давленіе, какъ это видно изъ приведенныхъ наблюденій — различно въ разное время. 6 іюля я вышелъ изъ пещеры въ 4 часа дня; термометръ показалъ въ жерлѣ пещеры 0° С., барометръ — 755,3; температура воздуха на открытомъ пространствѣ въ тѣни равнялась 26° С., при давленіи

756,8 мм. 13 іюля, черезъ часть послѣ наблюденія у озера въ 7 часовъ температура у входа, въ жерлѣ пещеры была 0° С., при давленіи, 756,9; на открытомъ пространствѣ, температура $23,6^{\circ}$ С., давленіе 757,8. Отсюда видно, что давленіе воздуха въ глубинѣ пещеры находится въ соотношеніи съ давленіемъ его на открытомъ пространствѣ. Что же касается до температуры, то она въ глубинѣ пещеры остается довольно постоянною и никогда не доходитъ до нуля, такъ какъ озеро никогда не замерзаетъ. Съ другой стороны, изъ наблюденій видно, что самая задняя часть пещеры лежитъ ниже ея входа и можетъ быть на одномъ уровнѣ съ р. Сылвой; на это послѣднее соображеніе наводитъ еще и то обстоятельство, что уровень воды въ пещерѣ колеблется и наибольшимъ бываетъ одновременно съ высшимъ уровнемъ Сылвы. Во время разлива рѣки вода въ пещерномъ озерѣ на столько поднимается, что заливаетъ часть сосѣднихъ залъ или комнатъ; и тамъ, гдѣ она разливается временно по полу сосѣднихъ отдѣленій, на полу находится также вязкая глина. Возвышается уровень озера и тогда, когда вода въ р. Сылвѣ поднимается отъ изобилія дождей. При такихъ условіяхъ задняя часть пещеры никакъ не могла представить для меня интереса по отношенію къ раскопкамъ, — ибо впередъ можно предвидѣть, что она не представляла удобствъ для жизни человѣка въ какой бы то ни было періодъ времени и всякіе поиски какъ его слѣдовъ, такъ и другихъ обитателей были бы тщетны, — а работа была бы напрасною тратою силъ. Возвратившись въ первый разъ обратно уже описанной дорогой, во второй разъ я прошелъ кратчайшимъ путемъ, проходомъ, лежащимъ не далеко отъ втораго, меньшаго озера и выводящимъ въ «долгую комнату», недалеко отъ домика, — этотъ проходъ, въ одномъ мѣстѣ весьма узкій, не показанъ на планѣ Киттары. Не представленъ также на планѣ вышеназваннаго автора проходъ, идущій отъ ледяной горы; по разсказу Романовскаго, этотъ проходъ выводилъ къ озеру съ другой стороны, такъ что огонь, зажженный около того мѣста, гдѣ мы были, около креста, былъ видѣнъ съ той именно стороны,

куда входъ прекатился, благодаря расширенію и накипаемъ около ледяной горы. Общая длина пещеры, по направленію, пройденному нами первоначально, по показанію Киттары, равняется 278 сажениамъ; но, по разсказу старика Романовскаго, когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ два, вышеназванные мною художника снимали рисунки съ пещеры, то одновременно съ этимъ производились измѣренія пещеры канатомъ, по которымъ вышло, что пещера по главному ходу имѣетъ до 500 саженей протяженія. Кромѣ того, Лепехину разсказывали, что пещера будто бы простирается всего на 10 верстъ, и г. Киттары увѣряли, что будто бы пещера тянется во всю длину Сылванскихъ горъ; «въ доказательство того мѣстные жители приводятъ случаи съ посѣтителеми, имѣвшими неосторожность заблудиться въ Ледяной пещерѣ и выйдящими наконецъ изъ нея верстахъ въ тридцати отъ входа. Всѣ эти разсказы могутъ быть весьма справедливы», добавляетъ г. Киттары въ заключеніе своей статьи. Я въ послѣднее время ничего объ этомъ не слыхалъ и напротивъ, разсказы, переданные Лепехину и Киттары относительно длины пещеры, отъ одного десятка верстъ до нѣсколькихъ, мнѣ кажутся вполне невѣроятными. По крайней мѣрѣ долженъ я указать на то, что если иногда посѣтителемъ, взявшимъ плохихъ жожаковъ, приходилось заблуждаться въ пещерѣ, то они ни какъ не выходили изъ предѣловъ нынѣ извѣстныхъ пространствъ. У заблудившихся, обыкновенно, кончался запасъ свѣчей и они должны были оставаться въ томъ или другомъ отдѣленій пещеры безъ движенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось однажды съ однимъ купцомъ, который со своими спутниками, оставшись безъ свѣчей, далъ все возможныя клятвы и обѣты, молясь о своемъ спасеніи, которое и состоялось. Крестьяне села Баннаго, зная, что партія любопытныхъ, уйдя въ пещеру, долго не возвращается, пошли на розыски и нашли заблудившихся, полумертвыхъ отъ страху и усталости, среди непроницаемой тьмы пещеры. По разсказамъ, одинъ изъ такихъ посѣтителей воздвигъ около озера крестъ, въ память своего избавленія отъ грозившей ему гибели.

Выходя на дневной свѣтъ изъ вѣчнаго, господствующаго въ пещерѣ мрака, чувствуешь въ себѣ облегченіе; яркій свѣтъ лѣтняго дня, его теплота, зелень, разстилающаяся по лугамъ, красующаяся на деревьяхъ, ясное голубое небо, даже чвриканье воробья, гнѣздящагося тутъ же въ скалистыхъ обрывахъ, все это производитъ обаятельное впечатлѣніе на путешественника, только что выходящаго изъ подземелья. Но, въ свою очередь, человѣкъ находитъ величіе въ противоположностяхъ, въ контрастахъ; Кунгурская пещера есть именно одно изъ такихъ величественныхъ явленій, противоположныхъ тѣмъ, которыя совершаются непосредственно на земной поверхности, доступной дѣйствию солнечнаго луча; для человѣка столько же поразительны, сколько и поучительны эти пустоты въ земной корѣ, съ ледяными горами, съ кристалами изъ прозрачнаго льда, не издавшими никогда свѣта, но при случайномъ его доступѣ, хотя отъ свѣчи или отъ факела, преломляющими его и разлагающими на самые фантастическіе и игривые оттѣнки и переливы. Поучительны эти громадныя своды, иногда пестрые, какъ бы рѣзные, съ массой камней, обрушившихся сверху, и разбросанныхъ въ самомъ прихотливомъ беспорядкѣ по полу; поразительны узкіе ходы пещеры, въ которыхъ гробовое молчаніе нарушается глухимъ гуломъ струи холоднаго вѣтра; замѣчательны трубы нерѣдко пробурвливающія потолокъ пещеры и по стѣнамъ которыхъ съ высоты почвы сочатся медленно водяныя капли, точащія при паденіи камни и полирующія или гравящія ихъ безъ шума и треску. И тутъ же въ сосѣдствѣ съ ледяною скалою интересно видѣть озѣра, никогда пезамерзающія, съ водою, прозрачною, какъ хрусталь, но которую, повидимому, отъ вѣка вѣковъ, ни одно изъ самыхъ низкихъ растительныхъ или животныхъ существъ не оживляло своимъ присутствіемъ, не нарушило ея мертвеннаго покоя. Эта пещера напомнила мнѣ ту картину, въ формѣ которой остяки рисуютъ себѣ доступный имъ загробный міръ, куда они должны перейти послѣ смерти. Признавая существованіе семи міровъ, изъ которыхъ пять служатъ

пріютомъ для высшихъ существъ, остяки, какъ обыкновенные смертные, считаютъ для себя доступными только два міра; одинъ — это тотъ, на которомъ они живутъ теперь, терпя нужду и страдая въ борьбѣ съ природой и людьми, жаждущими наживы. Второй — еще худшій міръ: — это вѣчно мрачное подземелье, лучъ свѣта не имѣетъ себѣ туда доступа; но тамъ есть озѣра, текутъ рѣки. Остякъ, переходя въ этотъ подземный, загробный міръ, живетъ также, какъ и на этомъ свѣтѣ; но только тамъ никто другъ съ другомъ не говоритъ, всѣ хранятъ вѣчное молчаніе. Всякій владѣетъ тамъ тѣмъ, что имѣлъ на землѣ, — поэтому съ покойникомъ и кладется все лучшее его достояніе, начиная съ олея, который убивается, до платья и орудія и даже, какъ я уже говорилъ въ моихъ «Письмахъ и отчетахъ о путешествіи въ долину р. Оби», съ умершимъ ставится иногда водка; при томъ, такъ какъ на томъ свѣтѣ пріобрѣсти ничего нельзя, то родственники посылаютъ своимъ покойникамъ запасъ платья и пр. Происхожденіе этого вѣрованія у остяковъ находится очевидно въ связи съ той отдаленной до-исторической эпохой, когда первобытные люди обитали въ пещерахъ, и даже племени можетъ быть съ тѣмъ ея періодомъ, когда они не выработали еще себѣ достаточно понятнаго языка.

Кунгурская пещера, какъ показываетъ ея топографія, ея низкое положеніе надъ уровнемъ Сылвы, относится видимо къ недавно происшедшимъ; съ другой стороны, ея физико-географическій характеръ дѣлаетъ мало вѣроятнымъ то, чтобъ она служила когда либо вполне удобнымъ мѣстообитаніемъ для человека; хотя ея низкая температура относительно лѣтней на открытомъ воздухѣ — условіе, неудобное для жизни въ ней; но за то будучи постоянной, она во время зимы могла дѣлать пещеру относительно выгоднымъ убѣжищемъ отъ крѣпкихъ холодовъ и вьюговъ, господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе и то, всегда ли пещера была въ такой степени ледяная, какъ теперь и всегда ли она во время лѣта имѣла

такую низкую температуру, тѣмъ болѣе, что разростаніе «ледяной горы», лежащей за второй комнатой, произошло повидимому въ не очень давнее время, какъ то слѣдуетъ изъ показаній Кигтары и изъ моихъ наблюденій. Во всякомъ случаѣ, я считалъ нелишнимъ, въ виду извѣстности или славы Кунгурской пещеры, сдѣлать въ ней тѣ или другія раскопки, хотя и съ малыми шансами на успѣхъ, послѣ ея предварительнаго осмотра. Дѣло въ томъ, что было чрезвычайно трудно выбрать мѣсто, вполне подходящее для раскопокъ. Заднія части пещеры, какъ лежащія весьма низко надъ уровнемъ Сылвы, какъ залпаемыя водой, также среднія, изобилующія обвалами, я призналъ вполне неудобными для раскопокъ. Всего вѣроятнѣе было встрѣтить слѣды человѣка въ первыхъ отдѣленіяхъ пещеры, но въ первой комнатѣ произошелъ очевидно не весьма давній обвалъ потолка, такъ что дно загромождено громадными глыбами камней, своротить которые съ мѣста нѣтъ никакой физической возможности. Раскопки во второй комнатѣ точно также были не мыслимы по крѣпкой ледяной корѣ, закрывающей полъ и по промерзшей почвѣ. Осталась одна возможность произвести раскопку въ началѣ «долгой комнаты», немного ближе раскольниковяго домика. Мѣсто раскопки лежало саженьяхъ въ сорока отъ входа; здѣсь по полу были расквнуты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громадныя глыбы камней; но въ одномъ пунктѣ былъ промежутокъ, безъ камней; сверху лежала почва, частью органическаго происхожденія; она была мягкая, съ остатками растений; въ послѣдствіи я рѣшилъ или убѣдился, что эта частью растительная земля нанесена сверху, съ земной поверхности, черезъ разсѣлины, находившіяся въ потолкѣ пещеры. Почва эта была талая сверху на нѣсколько вершковъ, за тѣмъ книзу сдѣлалась мерзлою, а на разстояніи полуаршина смѣнилась также мерзлою глиною, содержавшею въ себѣ довольно часто желваки гипса, въ слою же наносной почвы было найдено нѣсколько сучьевъ и одна довольно длинная палка; глина не заключала въ себѣ никакихъ органическихъ остатковъ. Наблюденія въ пещерѣ

у мѣста раскопки и у входа были сдѣланы въ слѣдующіе дни, и дали слѣдующій результатъ.

7-го іюля, 12 ч. дня, на открытомъ воздухѣ, передъ входомъ въ пещеру,—температура $27,5^{\circ}$ С.; давленіе 755;5; при входѣ въ пещеру, въ жерлѣ ея: термометръ— 0° С.; барометръ—752,7 мм.—12 ч. 45 минутъ, «зало долгое» у мѣста раскопки: температура почвы— 0° С. и воздуха $+2^{\circ}$ С.; барометръ—753,6.; въ этомъ наблюденіи, какъ въ сдѣланномъ въ первый разъ, температура воздуха немного преувелчена, какъ это показали слѣдующія за тѣмъ наблюденія. Того же числа въ 6 часовъ вечера, въ «долгой комнатѣ» температура воздуха была $+1^{\circ}$ С.; барометръ—755,5; затѣмъ сейчасъ же у входа въ пещеру, въ жерлѣ— 0° С. баром.—754,1, на открытомъ воздухѣ: темпер.— $23,4^{\circ}$ С., барометръ—753,8.

8-го іюля, 3 ч. дня, въ «долгой комнатѣ»: температура почвы— 0° С., воздуха — $+1^{\circ}$ С.; барометръ—757 мм. Тамъ же 5 час. 30 мин. вечера температура воздуха $+1^{\circ}$ С., барометръ—755,3; при входѣ въ жерлѣ, 6 ч. вечера, темпер.— 0° С., барометръ—755 мм.; на открытомъ воздухѣ темпер.— 22° С., барометръ—755,4.

11-го іюля, въ 1 ч. 45 м. дня температура воздуха у мѣста раскопки $+1^{\circ}$ С., барометръ—760,7 мм.; въ 2 ч. дня у входа въ пещеру, въ жерлѣ, температура — 0° С., барометръ—759,6.

На третій день раскопки, въ ямѣ, имѣвшей около 2-хъ саженьей или 5 метровъ въ длину, на глубинѣ одного метра, около полуторыхъ аршинъ, почва, бывшая до того твердою, промерзлою, сдѣлалась болѣе мягкою и наконецъ совершенно талою, температура ея на глубинѣ была таже, какъ температура воздуха въ пещерѣ, т. е. $+1^{\circ}$ С. Но если первоначально раскопка замедлялась твердостью мерзлой почвы, то затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ гнѣздъ талой земли, или глины, сопровождавшихся только небольшими камнями, появились глыбы гипса большой величины;

разбивъ ихъ, мы подвигались дальше и наконецъ должны были остановиться на глубинѣ одной сажени или 2 съ небольшимъ метровъ. Затѣмъ пришлось еще сдѣлать пробу нѣсколько дальше раскольничьяго домика, гдѣ почва тоже была сверху мягкая и притомъ талая; но здѣсь за глиной съ кусками алебаstra еще скорѣе, чѣмъ въ первомъ мѣстѣ раскопки пошли большія и почти сплошныя глыбы камней и также пришлось скоро прекратить работы. И такъ раскопки въ холодномъ подземельи потребовали большаго труда, вызвали онѣ хотя и при $+1^{\circ}\text{C}$. много поту, тѣмъ не менѣе результатъ ихъ былъ отрицательный; повидимому мертвенная, пустынная нынѣ пещера не имѣла когда либо инаго характера: не только человѣкъ, но и звѣри не заходили въ нее, даже помирать, такъ какъ здѣсь не найдено ни одного обломка орудія, ни одной кости, принадлежащей какому либо звѣрку. Этимъ отрицательнымъ результатомъ увеличиваются шансы за то, что пещера не служила убѣжищемъ древнему человѣку, хотя сказать это вполне положительно нельзя, такъ какъ на Уралѣ были пещерные обитатели не только въ новѣйшій періодъ времени, но даже и въ древнѣй, какъ то доказываютъ находки каменныхъ и костяныхъ орудій, съ костями различныхъ животныхъ, добытыя на Уралѣ же, и въ это же лѣто, однимъ изъ членовъ экспедиціи, находившейся подъ начальствомъ профессора Карпинскаго. Что же касается до одного изъ главныхъ сотоварищей, рядомъ съ которымъ встрѣчался человѣкъ диллювіальнаго періода въ Россіи, — мамонта, то онъ также водился въ окрестностяхъ Кунгура и нужно надѣяться, что рано или поздно будетъ доказано, что и здѣсь ископаемый гигантъ служилъ предметомъ добычи для человѣка. Довольно большое количество мамонтовыхъ костей было найдено нѣсколько времени назадъ въ самомъ Кунгурѣ, при какихъ то техническихъ сооруженіяхъ. Съ другой стороны, одинъ изъ крестьянъ села Баннаго принесъ мнѣ обломокъ мамонтоваго бивня, съ указаніемъ, что онъ былъ найденъ, вверхъ по теченію Сылвы, около деревни Шумковой; кромѣ того, онъ разсказывалъ, что на мѣстѣ находженія обломка остались еще ко-

сти. Въ виду этого я долженъ былъ совершить экскурсію въ эту деревню, отстоящую отъ Кунгура верстъ на 25. По пріѣздѣ въ деревню, мнѣ дѣйствительно указали на мѣсто, гдѣ послѣ маленькой раскопки, обнаружилась еще часть мамонтоваго бивня; но затѣмъ—никакихъ другихъ костей. Бивень лежалъ подъ толщей сѣрой глины, имѣвшей около двухъ саженой мощности; въ глинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же внизу, были прослойки гальки.

Около 20-го іюля я оставилъ Кунгуръ, направившись на Осу, гдѣ вѣлъ на параводъ, который по Камѣ, доставилъ меня въ Казань.

IV.

Поѣздка изъ Казани въ Красновидово и Богородскъ. — Терасы Волжскихъ береговъ и ихъ сходство съ Донскими. — Красновидовская коса и находимыя въ ней кости ископаемыхъ животныхъ. — Поѣздка на лѣвый берегъ Волги и селеніе Карташиха. — Залеганіе каменныхъ орудій по лѣвому берегу Волги. — Описаніе каменныхъ орудій изъ Карташихи. — Путь въ Хрящевку, внизъ по Волгѣ. — Хрящевская коса и находимыя на ней кости ископаемыхъ животныхъ. — Отъѣздъ изъ Новодѣвичья въ дальнѣйшее странствованіе, — на Араратъ и заключеніе.

Пробывши нѣсколько дней въ Казани, я отправился въ путь, вмѣстѣ съ профессоромъ геологін здѣшняго университета, А. А. Штукенбергомъ, которому уже были извѣстны многіе изъ пунктовъ, гдѣ мы должны были остановиться. Наша цѣль заключалась въ желаніи ближе ознакомиться съ нѣкоторыми мѣстонахожденіями костей различныхъ дилювіальныхъ животныхъ въ долинѣ Волги, точно также, намъ желательно было собрать матеріалъ по распространенію остатковъ каменнаго вѣка. Съ равняго утра сѣли мы на одинъ изъ легкихъ пассажирскихъ пароходиковъ, который быстро дотащилъ насъ, внизъ по теченію Волги, до села Красновидова. Въ тотъ же день, съ праваго берега Волги, на которомъ расположено Красновидово, мы совер-

шили экскурсію на лѣвую сторону рѣки, — въ окрестности села Карташихи и поздно вечеромъ возвратились оттуда съ богатой добычей каменныхъ орудій новѣйшаго, неолитическаго періода. На слѣдующій день, рано утромъ, отправились осматривать такъ называемую «красновидовскую косу», на которой еще профессоръ Головкинскій добылъ массу костей ископаемыхъ животныхъ; нѣкоторый матеріалъ собрали здѣсь и мы. За тѣмъ, опоздавши на пароходъ, лодкой спустились до села Богородскаго, расположеннаго также на правомъ берегу Волги; отсюда была совершена экскурсія въ деревню Табаево, расположенную на правомъ берегу Камы. Около деревни мы нашли массу кремневыхъ обломковъ и горшковъ; цѣлыя же орудія были выбраны жителями деревни, которые оказались татарами, — и это къ великому нашему сожалѣнію; сыны Алаха явились крайне недовѣрчивыми и подозрительными; отъ нихъ было не только невозможно получить какія бы то ни было каменные орудія, но даже мы не добились точныхъ свѣдѣній относительно мѣста на Камѣ, изъ котораго, по разсказамъ, вымываются кости ископаемыхъ животныхъ. Весь результатъ этой экскурсіи ограничился только личнымъ нашимъ осмотромъ мѣстъ залеганія остатковъ каменнаго вѣка. Послѣ этого мы возвратились въ Богородскъ и на слѣдующій день, 28 іюля, отправились пароходомъ въ Сингилей.

Какъ и на большей части теченія, около Красновидова правый берегъ Волги крутой, высокій, нерѣдко поднимается надъ водами рѣки почти отвѣсною стѣною изъ разноцвѣтныхъ пластовъ пермской формаціи; въ пермскихъ отложеніяхъ около Красновидова преобладаетъ красноватый оттѣнокъ, почему и село получило свое названіе. Высоты праваго берега Волги часто перерѣзаны, подъ тѣмъ или другимъ угломъ къ рѣкѣ, оврагами, лощинами или долинами. Въ этихъ именно впадинахъ лежитъ обыкновенно глина, но уже не съ такими раковинами, какія заключаются въ пермскихъ пластахъ, а съ болѣе новыми,

прѣсноводными. Бывшій мой спутникъ по экскурсіи, А. А. Штукенбергъ, весьма продолжительно занимался изученіемъ этихъ отложеній и наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что онѣ суть продуктъ воднаго бассейна, разстилавшагося нѣкогда, въ послѣтретичную эпоху, на большей части пространства по прибрежью Волжской долины; водоемъ послѣтретичной эпохи разливался преимущественно около мѣстностей, прилегающихъ къ долинѣ Волги съ лѣвой стороны и наиболѣе низменный; въ область же пространства праваго берега онъ вдавался только въ долины или ложбины, лежащія значительно ниже высшаго уровня пермскихъ пластовъ. Слѣдствіемъ этого является весьма характерная черта, свойственная топографіи долины р. Волги, — это ея терасы. Верхняя изъ нихъ образована пермскими пластами, вторая — глинами съ прѣсноводными раковинами, продуктъ отложенія бывшаго здѣсь послѣтретичнаго прѣсноводнаго бассейна; наконецъ третья тераса, наиболѣе низменная — это заливная равнина, полоса поемныхъ луговъ долины Волги, покрытая во время лѣта, когда уровень рѣки значительно низокъ, кустарниками и густою травой, дающею прекрасный сборъ сѣна; во время половодья весной эта равнина бываетъ сплошь залита водой. — Наиболѣе высокий уровень, до котораго достигаютъ воды Волги во время весенняго разлива, служитъ предѣломъ, до котораго распространяется эта третья тераса и за которымъ выше лежитъ вторая. Если сравнить все здѣсь сказанное объ общемъ типѣ строенія береговъ Волги съ тѣмъ, что я выше представилъ относительно общаго топографическаго типа на берегахъ рѣки Дона, въ окрестностяхъ села Костѣнокъ, то въ томъ и другомъ мы найдемъ замѣчательную аналогію и чрезвычайное сходство; разница только въ томъ, что главная масса, лежащая въ основаніи первой или верхней терасы на берегахъ Волги, — пермскіе пласты — замѣнены на берегу Дона мѣловыми образованіями. Впрочемъ эта замѣна опермскихъ пластовъ, составляющихъ верхнюю терасу, мѣломъ происходитъ и въ самой долинѣ Волги, ниже по ея теченію, въ окрестностяхъ Сингплея и далѣе.

Самъ я лично не видалъ ни одного факта, по которому можно было бы опредѣлить отношеніе пластовъ въ окрестностяхъ Красновидова, составляющихъ вторую терасу, къ ледниковому періоду; мнѣ не удалось видѣть обнаженій, которыя содержали бы въ себѣ валуны. Предоставляя рѣшеніе этой задачи гг. професорамъ Казанскаго университета, барону Розену и А. А. Штукенбергу, специально и долго занимавшимся послѣтретичными образованіями въ долинѣ Волги, вслѣдъ за проф. Н. А. Головкинскимъ, я ограничусь здѣсь однимъ сопоставленіемъ, которое заставляетъ меня смотрѣть на составные элементы второй терасы въ долинѣ Волги въ Казанской губерніи, какъ на образованіе послѣдниковое или же отложившееся въ концѣ этого періода. Къ такому заключенію я прихожу, опять таки имѣя въ виду аналогію въ строеніи терасъ на Волгѣ и на берегахъ Дона. Мнѣ кажется, что глины, составляющія на правомъ берегу Дона около Костёнокъ вторую терасу, отложены послѣ тѣхъ толщъ глинъ, которыя лежатъ сверхъ мѣла и въ изобиліи содержатъ валуны; вѣроятно въ такихъ же точно отношеніяхъ находятся глины второй Волжской терасы къ образованіямъ съ валунами, именно къ ледниковымъ. Разница только въ томъ, что послѣтретичныя образованія Волжской долины развиты болѣе сильно, чѣмъ соответственныя имъ на Дону; онѣ обладаютъ большей мощностью, и занимаютъ обширную площадь, такъ какъ на второй же терасѣ расположена напримѣръ Казань. Но мнѣ кажется въ высшей степени интересною одна черта общая образованіямъ, составляющимъ вторую терасу на берегахъ Волги и Дона,—это изобиліе содержащихся въ нихъ костей различныхъ по большей части нынѣ вымершихъ дилювіальныхъ животныхъ. Выше, относительно разнообразія въ условіяхъ залеганія костей такихъ животныхъ на берегахъ Дона, въ окрестностяхъ села Костёнокъ, былъ приведенъ мною весьма значительный рядъ указаній, въ особенности если включить сюда случаи находженія костей съ каменными орудіями. По отношенію къ долинѣ Волги я не имѣю подъ руками такихъ свѣдѣній, которыя разбросаны

по большей части въ различныхъ литературныхъ источникахъ. Упомяну о случаѣ обнаруженія костей мамонта, найденныхъ въ послѣднее время при какихъ то техническихъ работахъ около самой Казани; кости лежали на большой глубинѣ, въ послѣдтретичныхъ, глинистыхъ отложеніяхъ; кости эти я видѣлъ въ Казанскомъ университетѣ. Вѣроятно, вся масса костей ископаемыхъ животныхъ, находимыхъ въ долинѣ Волги, кроется именно въ этихъ отложеніяхъ, занимая то или другое положеніе, сообразно съ топографіей мѣстности и съ характеромъ самыхъ отложеній. Но при томъ, мнѣ кажется, что въ этомъ то отношеніи, касательно условій залеганія костей въ почвѣ, мы и не имѣемъ сколько нибудь прочныхъ и достаточно изобильныхъ данныхъ для долины Волги. На сколько мнѣ извѣстно, большая часть костей ископаемыхъ животныхъ была найдена уже вымытой изъ почвы, изъ мѣсть своего кореннаго залеганія; находки были сдѣланы по долинѣ рѣчки Казанки, наконецъ по теченію самой Волги, до Сарепты включительно; кости выволакивались со дна рѣкъ рыбацкими неводами; обнажались изъ рѣчныхъ, новѣйшихъ наносовъ послѣ разлива рѣкъ; недавно былъ вырытъ громаднѣйшій черепъ первобытнаго быка, *Bos latifrons* съ двухъ саженой глубины, подо дномъ Волги, при работахъ для сооруженія Сызранскаго моста. Но, безспорно, наибольшее преимущество по изобилію встрѣчающихся костей ископаемыхъ животныхъ, нужно отдать двумъ пунктамъ, доселѣ извѣстнымъ въ долинѣ Волги, — это косы Красновидовская и Хрящевская; насколько можно было судить изъ словъ нѣкоторыхъ пассажировъ на пароходахъ, подобныя же косы встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Волги, не говоря о косѣ около Табаева, при устьѣ Камы, куда наша экскурсія не была удачна. О Хрящевской косѣ рѣчь будетъ дальше; теперь же передъ нами коса Красновидовская, куда мы пріѣхали столько же для того, чтобъ собрать остеологическій матеріалъ, сколько для того, чтобъ опредѣлить пунктъ, изъ котораго кости выносятся; послѣдній изъ поставленныхъ вопросовъ и до сихъ поръ остался для насъ загадкой.

Красновидовская коса, какъ и всѣ другія, во время весенняго половодья Волги залпвается водой; съ пониженіемъ воднаго уровня, она обнажается; главный составной ея матеріаль песокъ, на которомъ и находятся кости съ выходомъ его изъ воды. Въ послѣдствіи, когда песокъ обсыхаетъ, онъ начинаетъ переноситься вѣтромъ и такимъ образомъ кости, лежащія весной на поверхности, снова исчезаютъ лѣтомъ и осенью подъ его собственными масамя, — но нѣкоторые остеологическіе предметы все таки остаются не погребенными. Красновидовская коса лежитъ около праваго берега Волги, немного вверхъ по теченію отъ Красновидова; кости находятся въ самомъ отдаленномъ отъ села концѣ косы, въ сѣверо-западномъ ея углу. Дальше за косой, выше по теченію, рѣка значительно отступаетъ отъ праваго берега, отъ осадковъ верхней и средней терасъ; между послѣдними и обычнымъ русломъ Волги идетъ на большомъ протяженіи довольно широкая полоса можетъ быть собственныхъ, но весьма древнихъ отложений Волги. Професоръ Н. А. Головкинскій доказываетъ, что кости различныхъ животныхъ, точно также какъ и деревья, находимыя на косѣ, вымываются именно изъ этихъ отложений, образованіе которыхъ вышеназванный изслѣдователь относитъ къ эпохѣ мамонта. (О послѣдтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ, въ ея среднемъ теченіи, стр. 68). Но во всякомъ случаѣ если часть костей, находимыхъ на косѣ и могла залегать на указываемомъ г. Головкинскимъ пространствѣ, то другая, большая часть костей должна имѣть коренное мѣстозалеганіе въ другомъ мѣстѣ, въ образованіяхъ въ настоящее время размытыхъ. На правомъ берегу Волги, постоянно подмываемомъ, могли быть такіе же пункты залеганія костей, какъ на берегахъ Дона, около Костѣнокъ,—это вторая тераса. Матеріаль второй терасы и могъ сортироваться на столько, что глинистыя части его могли отложиться въ одномъ мѣстѣ, песокъ съ костями—въ другомъ. По крайней мѣрѣ кости, найденныя нами на Красновидовской косѣ, по своему внѣшнему виду не показываютъ, чтобъ имъ при-

шлось до косы совершить продолжительное странствование и вѣроятно, что онѣ вымыты изъ ближайшихъ окрестностей. Изъ найденныхъ здѣсь костей было множество мелкихъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько плечевыхъ костей рыбъ; несмотря на свою тонкость и хрупкость, эти рыбы кости были совершенно цѣлы; было множество и другихъ мелкихъ костей животныхъ, между прочимъ позвонки мелкихъ хищниковъ. Всѣ эти кости были совершенно цѣлы, непотерты; встрѣчалось множество костей, принадлежавшихъ большимъ млекопитающимъ, какъ то лошади, быку, носорогу и мамонту. Въ Казанскомъ университетѣ хранятся черепъ ископаемой лошади, который, сколько мнѣ казалось, весьма сходенъ съ черепомъ дикой лошади изъ Средней Азии. Въ этомъ же университетѣ я видѣлъ одну половину нижней челюсти обыкновеннаго рѣчнаго бобра, найденную около Красновидова. Въ виду того, что здѣсь существовалъ нѣкогда бобръ, можно задать вопросъ о томъ, не суть ли находимыя здѣсь деревья остатки бобровыхъ построекъ, какъ это было и на Окѣ? Г. Головкинскій, жившій въ окрестностяхъ здѣшней мѣстности, собралъ нѣкогда на косѣ нѣсколько десятковъ пудовъ костей разныхъ животныхъ. Всѣ находимыя на косѣ кости имѣютъ темный или чернобурый цвѣтъ, указывающій на ихъ продолжительное пребываніе въ водѣ. Всѣ ли изъ находимыхъ здѣсь костей относятся къ ділювіальному періоду — это вопросъ весьма трудный для рѣшенія.

Есть немного случаевъ, въ числѣ которыхъ находится и вышеуказанный, когда Волга отступаетъ болѣе или менѣе отъ праваго берега; въ большинствѣ же случаевъ она почти исключительно держится около него своимъ главнымъ русломъ; заливная же ея равнина лежитъ преимущественно около ея лѣваго берега и часто бываетъ изрѣзана старпцами, озерами и протоками. Эта равнина достигаетъ по большей части нѣсколькихъ верстъ въ ширину; такъ это и противъ Красновидова. Переправившись отъ этого села на лѣвый берегъ, мы должны были

пробираться сначала по песчанымъ мѣстамъ, заросшимъ густыми кустами ивы и шиповника, за тѣмъ вышли на тропинку, которая повела насъ по разнымъ лугамъ съ иловатою почвою. Трава расплалась по ней густымъ ковромъ или же была уже скошена; на пути не было встрѣчено ни одного значительнаго по высотѣ холма, который бы не заливался водой, во время разлива Волги. Въ этомъ отличіе долины Волги отъ тѣхъ мѣстностей по Окѣ, которыя были преимущественно обитаемы въ до-историческія времена и на которыхъ осталась масса каменныхъ и костяныхъ издѣлій каменнаго вѣка, — это именно песчаные холмы, разбросанные около Мурома и въ имѣніи князя Голицына, также противъ села Павлова. Пересѣвши лѣвое побережье Волги, мы добрались до села Карташихи, которое расположено на второй терасѣ, на самомъ рубежѣ съ заливною равниною; во время разлива Волги, вода близко подступаетъ къ селу, подмывая окраины разстилающихся здѣсь пологихъ холмовъ. Въ этихъ то обнаженіяхъ отъ размыва водой обнаруживаются остатки дѣятельности людей каменнаго вѣка; это глинныя черепки, съ характернымъ на нихъ узоромъ, кремневые обломки, ножи, скребки; мѣстные жители находятъ здѣсь наконечники стрѣлъ и пр. Одно изъ такихъ обнаженій находится около самаго села; изъ него явствуетъ, что орудія лежатъ въ нетолстомъ здѣсь растительномъ слоѣ. Мы совершили экскурсію еще дальше отъ села, внизъ по теченію рѣки и въ заключеніе версты за 3 — 4, наткнулись на новое обнаженіе, гдѣ вымыты были изъ береговъ тѣ же остатки, черепки и кремневые обломки. Обитатели каменнаго вѣка, оставившіе здѣсь слѣды своей дѣятельности, стояли очевидно на довольно высокой степени культурнаго развитія; они умѣли выдѣлывать прекрасныя каменные орудія, шпифуя ихъ или обивая. Въ силу этой хорошей обдѣлки, они были давно замѣчены мѣстными жителями, крестьянами, которые и собирали орудія какъ въ обнаженіяхъ около своего собственнаго села, такъ и дальше, и даже на пашняхъ. Такимъ образомъ, ознакомившись личнымъ осмотромъ съ характеромъ мѣстъ находженія каменныхъ орудій около Карташихи,

мы приобрѣли лучшіе экземпляры отъ крестьянъ названнаго села. Условія залеганія орудій совершенно тѣже и около татарскаго селенія Табаева, на Камѣ; кремневые осколки, скребки и черепки здѣсь также вымываются во время разливовъ рѣкъ Камы и Волги изъ нижнихъ окраинъ второй терасы. По словамъ А. А. Штукенберга, совершенно подобныя же остатки каменнаго вѣка находятся около Спасскаго затона, лежащаго ниже слиянія Камы съ Волгой. На основаніи всего этого можно думать, что слѣды каменнаго вѣка новѣйшаго неолитическаго періода распространены въ громадномъ количествѣ на всемъ обширномъ протяженіи Волги, въ особенности по лѣвой ея сторонѣ, по теченію; принимая во вниманіе вышеуказанныя условія мѣстъ находженія орудій, около Карташихи и Табаева, нужно предполагать, что тѣ же условія распространяются и на другія мѣстности, въ которыхъ орудія встрѣчаются. На пути отъ лѣваго берега Волги къ Табаеву, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки встрѣчается высокій, песчаный холмъ; вдаваясь языкомъ въ заливную равнину, онъ съ другой стороны сливается съ рядомъ холмовъ, принадлежащихъ ко второй терасѣ. Холмъ заросъ громадными соснами, березнякомъ и дубомъ, — это густой, высокій, какъ бы дѣвственный лѣсъ, возвышающійся надъ лугами, съ ихъ травой, озѣрами и кустарниками. Этотъ холмъ весьма напоминаетъ нѣкоторыя изъ мѣстностей по Окѣ, въ которыхъ находятся орудія. И въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ изъ обнаженій, произведенныхъ размывами, мы нашли какъ черепки, такъ и осколки каменнаго вѣка; и если дѣвственный лѣсъ когда нибудь исчезнетъ, то нужно думать обнаженная почва доставитъ здѣсь большой матеріалъ для археологовъ. Точно также, мнѣ бросились въ глаза песчаные холмы, на лѣвомъ берегу Волги, около Нижняго Новгорода; они лежатъ версты на 3 ниже города, по теченію рѣки, и также очень напоминаютъ многіе изъ песчаныхъ холмовъ съ каменными орудіями въ Окинской долинѣ, и еслибъ кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей обратилъ вниманіе на эти холмы, то кажется не возвратился бы съ нихъ безъ археологической добычи. И такъ,

если масса остатковъ каменнаго вѣка, находимыхъ на окраинахъ заливной равнины Волги, въ мѣстахъ незаливаемыхъ водой, свидѣтельствуесть о продолжительномъ здѣсь пребываніи человѣка, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не посѣщаль по временамъ и тѣ пункты въ долинѣ рѣки, которые очищались отъ воды во время ея низкаго стоянія. Нѣсколько осколковъ изъ кремня, найденныхъ около Казани, на берегу озера, лежащаго въ заливной равнинѣ, доказываютъ, дѣйствительно, не только то, что подобные переходы существовали, но даже и то, что во время каменнаго вѣка неолитическаго періода видъ долины Волги не отличался существенно отъ современнаго и что рѣка точно также, широко разливаясь весной, къ осени сильно понижалась, обнажая большую часть своей заливной равнины. Вообще, въ существенныхъ чертахъ, населеніе каменнаго вѣка распредѣлялось около Волги также, какъ и въ настоящее время.

Для общей характеристики орудій каменнаго вѣка въ Поволжьѣ сдѣлаю очеркъ нѣкоторыхъ принадлежностей изъ Карташихъ; орудія встрѣчались исключительно изъ камня; костяныхъ же не было найдено, точно также, какъ и костей животныхъ, служившихъ тогдашнему человѣку пищею; для выясненія послѣдняго вопроса нужно ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій.— Въ орудіяхъ, добытыхъ въ Карташихѣ, преобладаетъ мѣстный кремень пермской формаціи, который въ залежахъ встрѣчается на противоположномъ берегу Волги, такъ чтобы получить его, жители должны были переплывать рѣку; странно, что на правомъ берегу орудія рѣдки. Пермскій кремень довольно мягокъ и хрупокъ; онъ даже рѣжится мѣловымъ кремнемъ изъ Воронежской губерніи и каменно-угольнымъ Тульской. Иногда, впрочемъ, этотъ кремень имѣлъ болѣе значительную твердость. Издѣлія изъ кремней, полной твердости и крѣпости, довольно рѣдки; кромѣ кремневыхъ, около Карташихи встрѣчаются орудія изъ эоценоваго песчаника, за которымъ можетъ быть приходилось странствовать далеко на югъ или же покупать его;

шли въ дѣло и валуны, которые обдѣлывались въ видѣ молотковъ и долотъ. Прежде всего я представляю топорикъ изъ пермскаго кремня, хорошо обитый съ двухъ сторонъ, фиг. 24. Длина его около 120 мм., ширина 48 мм. Слѣдующее орудіе съ однимъ изъ концовъ, копьеобразно обитымъ; оно несомнѣнно и выполняло назначеніе копья; его длина около 135 мм., наибольшая ширина около 55 мм. фиг. 25. До какой степени жители умѣли обивать орудія, служить доказательствомъ прекрасно приготовленный наконечникъ стрѣлы, изъ очень твердаго, бѣловатаго кремня; фиг. 26. вмѣстѣ съ тѣмъ представляю здѣсь скребокъ изъ того же пермскаго, довольно твердаго кремня, фиг. 27. Другой скребокъ сдѣланъ изъ очень твердаго и красиваго красноватаго кремня, напоминающаго халцедонъ, фиг. 28. Укажу на орудія шлифованныя; къ числу ихъ относится топоръ, изображенный на фиг. 29; собственно говоря, онъ относится къ числу такихъ орудій, которыя называются полупшлифованными; на внѣшности топорика видно, что онъ первоначально былъ обитъ рядомъ правильныхъ ударовъ и уже за тѣмъ у него сточено съ одного конца остріе. Второй топоръ, фиг. 30, отточенъ еще болѣе тщательно; оба эти орудія сдѣланы изъ пермскаго кремня, точно также какъ и послѣднее, изображенное на фиг. 31. Это послѣднее орудіе, такъ называемое тесло, имѣетъ до 125 мм. въ длину и около 53 мм. въ ширину; оно относится къ типу орудій, весьма часто встрѣчающемуся по всей сѣверной и средней Россіи, напр. на Окѣ. У настоящихъ же типичныхъ орудій этого рода вдоль острія сдѣлана бываетъ обыкновенно продольная, корытообразная выемка; у изображеннаго здѣсь таковой не имѣется, хотя у нѣкоторыхъ изъ найденныхъ у насъ она существуетъ.

28 іюля поздно вечеромъ, мы пріѣхали въ Сингилей, а отсюда на слѣдующій день, панявъ лошадей, направилсь сухимъ путемъ, по нагорному, правому берегу Волги въ селеніе Мордово; отсюда должны были сдѣлать еще нѣсколько верстъ сухимъ путемъ до главнаго русла Волги. Здѣсь намъ пришлось переѣзжать

громадную рѣку первобытнымъ способомъ, на карбазѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ и везущую насъ лошадь. Лѣвый берегъ Волги оказался здѣсь песчанымъ, съ промоинами и рыгвинами; песокъ во многихъ мѣстахъ былъ сыпучимъ; вся мѣстность на пути къ селу Хрящевкѣ, на Черемшанѣ, являлась заросшею ивнякомъ и изрѣдка топодемъ. И судя по наноснымъ вѣтвямъ и палкамъ у корней деревьевъ, даже въ самыхъ высокихъ пунктахъ, весь лѣвый берегъ Волги заливается во время половодья, такъ что воды ея и Черемшана сливаются въ этотъ періодъ гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно. По приѣздѣ въ Хрящевку, мы узнали отъ мѣстныхъ жителей, что на косѣ, лежащей верстахъ въ 7 отъ ихъ села внизъ по теченію Волги, послѣ весенняго спада воды дѣйствительно попадаетъ множество костей, и въ томъ числѣ и крупныхъ. Кости собираются нѣкоторыми изъ жителей и идутъ въ продажу скупщикамъ, доставляющимъ ихъ, вмѣстѣ со свѣжими костями въ Петербургъ, гдѣ онѣ употребляются на сахарныхъ заводахъ. Ископаемыя кости не даютъ хорошаго угля, но прибавляются скупщиками для «вѣсу»; при этомъ большія кости измельчаются. Приѣздъ нашъ былъ уже довольно запоздалымъ, такъ какъ лучшія кости были выбраны; тѣмъ не менѣе на слѣдующій день мы все таки направились къ косѣ. Версты четыре нужно было ѣхать сухимъ путемъ, по направленію къ устью Черемшана. По дорогѣ можно было ясно замѣтить и здѣсь существованіе второй террасы, которую мы нашли состоящею изъ новѣйшихъ каспійскихъ образованій, изъ болѣе или менѣе чистой или песчанистой глины; самому верхнему слою глинъ А. А. Штукенбергъ придаетъ названіе трубчатой; на этомъ слоѣ лежитъ мѣстами мощный пластъ чернозема. Нѣсколько ниже устья Черемшана, въ виду громаднѣйшихъ стадъ дикихъ гусей (*Anser cinereus*), разсыпанныхъ по отмелямъ Волги, мы сѣли въ лодку и версты черезъ три пути, остановились около Хрящевской косы. Эта коса довольно обширна, части ея, противоположныя теченію, довольно значительно возвышались надъ уровнемъ воды и имѣли видъ бугровъ. Поверхность этихъ бугровъ была усѣяна довольно крупной галь-

кой почти сплошь Между этой то галькой и находились кости; нѣсколько дальше внизъ по теченію, галька исчезала и замѣнялась мелкимъ пескомъ, вмѣстѣ съ которымъ исчезали мало по малу и кости. Несмотря на то, что крупныя кости были выбраны, намъ удалось найти таковыя довольно значительной величины; мелкихъ же, и въ особенности обломковъ, въ нѣсколько часовъ мы добыли цѣлыя кучи. Изъ частей скелета крупныхъ животныхъ можно было находить довольно часто принадлежащія мамонту; такъ мнѣ удалось найти между прочимъ прекраснѣйшій зубъ мамонта малаго возраста; зубъ былъ совершенно цѣлъ; обломки бивней были въ громадномъ количествѣ разбросаны по всюду, они были впрочемъ весьма мелки. Найдено нѣсколько зубовъ носорога (*Rhinoceros tichorhinus*); весьма часто встрѣчались кости первобытнаго быка (*Bos latifrons*), особенно нижнія челюсти; также были весьма обыкновенны остатки лошади; изрѣдка встрѣчались обломки роговъ благороднаго оленя (*Cervus elaphus*), это именно были его рога; весьма хорошо сохраненный рогъ этого вида былъ пріобрѣтенъ моимъ спутникомъ въ Хрящевкѣ, — онъ былъ найденъ на этой же костѣ. Къ сожалѣнію, я не могу дать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній на счетъ найденныхъ нами какъ здѣсь, такъ и на Красновидовской костѣ костей, такъ какъ не получилъ еще отъ А. А. Штукенберга ни одного образчика; помню только, что какъ и на Красновидовской костѣ, такъ и на Хрящевской встрѣчались кости рыбъ и мелкихъ млекопитающихъ. Въ моихъ рукахъ находятся теперь части верблюжьяго черепа, найденныя здѣсь же г. Гончаровымъ и принадлежащія Горному Институту. Въ приготовленной мною къ печати статьѣ о дикихъ верблюдахъ Средней Азіи я описалъ водившагося по Волгѣ дилувіальнаго верблюда, какъ *Camelus volgensis*. Внѣшній видъ хрящевскихъ костей тотъ же, какъ у красновидовскихъ; онѣ цвѣтомъ бурья или темныя. Въ лежащемъ передо мной черепѣ верблюда большая часть отверстій заполнена мелкими камешками; тоже замѣчалось на многихъ костяхъ, найденныхъ нами лично. Всѣ кости очевидно нанесены сверху, но изъ какихъ пунктовъ,

гдѣ ихъ коренное мѣстозалеганіе—этотъ вопросъ также остался для насъ неразрѣшеннымъ.

Кончивши осмотръ Хрящевской косы, мы направились въ нашей ладѣ дальше, и къ вечеру прибыли на пароходную пристань, Новодѣвичье, отстоящую отъ косы верстъ на 20; быстрое теченіе рѣки скоро мчало насъ къ цѣли. Поздно вечеромъ я долженъ былъ разстаться съ добрѣйшимъ моимъ сотоварищемъ А. А. Штукенбергомъ: онъ направлялся обратно къ Казань, мнѣ же предстояла еще далекая дорога. Новодѣвичьимъ кончилась первая часть моихъ странствованій; за ней предстояла еще другая. Я долженъ былъ спѣшить на высоты Арарата и въ его окрестности, съ тою же цѣлью—въ этой «колыбели человѣчества»,—прослѣдить судьбу до-историческаго человѣка, въ зависимости отъ окружавшихъ его физико-географическихъ условій. Такимъ образомъ изъ Новодѣвичья я направился на Саратовъ и Астрахань; отсюда, черезъ Каспій, на Петровскъ и черезъ Сѣверный Дагестанъ, на Владикавказъ и Тифлисъ. Только въ сентябрѣ я достигъ южныхъ окраинъ нашего отечества, — въ концѣ ноября я былъ въ Петербургѣ. Эта вторая часть моего путешествія была совершена по порученію Московскаго Археологическаго Общества; въ представленномъ уже мною этому Обществу отчетѣ приняты тѣже методы наблюденія по отношенію къ природѣ и къ человѣку, и этотъ самый отчетъ, вмѣстѣ съ настоящимъ должны составить одно цѣлое.

25 Января, 1880 г.

С.-Петербургъ.

Объясненіе къ картѣ.

Прилагаемая къ отчету карта представляет окрестности села Костёнокъ въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ. Благодаря любезности О. Э. Штубендорфа, она снята съ подлинной съёмки, фотографически, въ Картографическомъ заведеніи Главпаго Штаба. На картѣ представлены преимущественно окрестности Костёнокъ, лежація поправому берегу Дона, на которомъ расположено и самое село. По отсутствію надписей для названій овраговъ на оригиналѣ, ихъ не имѣется и на копіи; но овраги, о которыхъ рѣчь идетъ въ текстѣ, легко отыскать, если принять за исходную точку главнѣйшей изъ овраговъ, перерѣзывающихъ высоты праваго берега и выходящихъ къ долинѣ Дона; — это оврагъ Покровский, наиболѣе глубокій, длинный и вѣтвистый въ своихъ вершинахъ. На картѣ онъ лежитъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ находится надпись «Костёнкл. Дв. 288». При устьѣ этого оврага, заключающаго въ себѣ главное нынѣшнее населеніе Костёнокъ, были вырыты мною самыя богатые остатки по до-историческому быту человека, — во дворѣ Федора Абрамовича Мануилова, по лѣвому берегу текущаго въ оврагѣ Покровскаго ручья. Слѣдующій далѣе на сѣверъ оврагъ — Чекалнѣ, съ ручьемъ того же имени; онъ направленъ въ общемъ на юго-западъ, къ вершинамъ оврага Покровскаго; какъ указано въ текстѣ, по теченію Чекална ручья я находилъ перенесенныя кости; при устьѣ же ручья, на правомъ берегу его, лежатъ нѣсколько домиковъ; противъ нихъ у водъ Дона, находится «Глинще», о которомъ также была рѣчь въ текстѣ. Нѣсколько южнѣе Покровскаго оврага при его устьѣ, лежитъ еще небольшой оврагъ, съ небольшимъ ручейкомъ, безъ названія; этотъ овражекъ составляетъ какъ бы вѣтвь перваго; въ немъ я также находилъ кости; судя по ихъ характеру, можно думать, что онѣ въ мѣстахъ ихъ залеганія будутъ сопровождаться кремневыми орудіями, — хотя подлежащихъ раскопокъ я не дѣлалъ. Еще далѣе къ югу лежитъ ручей Александровскій, въ оврагѣ того же имени; здѣсь расположено селеніе Александровка; кости здѣсь также находились.

За неимѣніемъ подробной карты, я не могъ на мѣстѣ, съ надлежащей точностью, нанести на нее всѣ пункты, въ которыхъ кости и орудія были найдены, — между тѣмъ подобное обозначеніе пунктовъ на картѣ было бы весьма важно для исторіи самыхъ изслѣдованій и для того, чтобъ всякій изслѣдователь могъ впоследствии розыскать тотъ или другой пунктъ, о которомъ говорится въ описаніи. Съ картой же въ рукахъ, въ родѣ здѣсь прилагаемой, такую работу сдѣлать на мѣстѣ весьма легко. Въ этомъ главнѣмъ образомъ и заключается цѣль — этого плана окрестностей села Костѣнокъ; воспользоваться имъ въ этомъ направленіи я предполагалъ самъ при вторичномъ посѣщеніи Костѣнокъ; съ другой же стороны такой планъ будетъ весьма полезенъ для будущихъ изслѣдователей. Для будущихъ же изслѣдованій въ окрестностяхъ Костѣнокъ остается еще широкое поприще, съ одной стороны на сѣверъ, до Гремячаго, на югъ, за Александровку и наконецъ на западъ, гдѣ лежатъ цѣлые ряды овраговъ.

Объясненіе таблицъ, изображающихъ каменные орудія.

Всѣ орудія изображены въ настоящую ихъ величину. На первыхъ трехъ таблицахъ представлены кремневые орудія, найденныя въ Костѣнкахъ, въ амшаникѣ, кромѣ наконечника, изображеннаго на фиг. 23, таб. III. Всѣ орудія найдены съ костями мамонта; стр. 21—40.

Таблица I.

1. Ядро; найдено на второй день раскопки; стр. 37.
2. Кремневый осколокъ или ножъ, изображенный съ одной изъ сторонъ и съ боку; найденъ во второй день раскопки; стр. 98.
3. Тоже осколокъ или ножъ, представленный въ двухъ видахъ, какъ и первый на фигурѣ 2-й. Найденъ во второй день раскопки; стр. 38.
4. Осколокъ или ножъ, найденный на 4-й день раскопки, стр. 38.
5. Тоже осколокъ, меньшихъ размѣровъ, найденъ на четвертый день; стр. 38.
6. Ножъ; одно изъ самыхъ лучшихъ орудій; найденъ на третій день раскопки; стр. 38.

Таблица II.

7. Ножъ, подобный предыдущему: первоначально былъ хорошо обитъ; за тѣмъ края его притуплены отъ употребленія; изображенъ въ двухъ видахъ; найденъ на третій день раскопки; стр. 38.

8. Ножъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предыдущій; съ выемкой на одномъ изъ боковъ; найденъ на третій день раскопки, стр. 38.
9. Ножъ еще меньшей величпы, съ притупленнымъ лезвиемъ и обитымъ бокомъ; найденъ на второй день раскопки; стр. 38.
10. Ножъ болѣе грубый, чѣмъ предыдущіе, но того же типа; найденъ на четвертый день раскопки, стр. 39.
11. Рѣжущее орудіе тогоже типа, какъ и предыдущія; черенъ обращенъ вверхъ, а рѣжущій край—книзу и вправо; стр. 39.
12. Кремневый ланцетъ, съ обломаннымъ концомъ; найденъ во второй день раскопки; стр. 39.
13. Ножо-ланцетъ;—лучшій и типичнѣйшій экземпляръ; найденъ на третій день раскопки; стр. 39.
14. Наконечникъ копья; найденъ на четвертый день раскопки; стр. 39.
15. Тоже наконечникъ копья съ одной изъ сторонъ и въ поперечномъ разрѣзѣ; стр. 39.

Таблица III.

16. Наконечникъ копья или стрѣлы, съ боку и въ наибольшемъ поперечномъ разрѣзѣ; найденъ на четвертый день раскопки; стр. 39.
17. Наконечникъ копья или стрѣлы; найденъ на второй день раскопки; стр. 40.
18. Скребокъ: лучшій изъ экземпляровъ, найденъ на третій день раскопки; стр. 40.
19. Скребокъ; найденъ на второй день раскопки; стр. 40.
20. Скребокъ; найденъ на четвертый день раскопки; стр. 40.
21. Орудіе, среднее между скребкомъ и ножомъ; найдено на второй день раскопки; стр. 40.
23. Наконечникъ стрѣлы, найденный въ черноземѣ, около Костёнокъ; стр. 42.

Таблица IV.

22. Наконечникъ стрѣлы или копья изъ чернозема, въ Костёнкахъ, изъ амшаника; вырытъ въ первый день раскопки; стр. 42.
24. Кремневый топоръ, околоченный; Карташиха, въ долицѣ Волги, стр. 74.
25. Наконечникъ копья; Карташиха, стр. 74.
26. Наконечникъ стрѣлы; Карташиха, стр. 74.
27. Скребокъ изъ мѣстнаго кремня, Карташиха, стр. 74.
28. Скребокъ изъ твердаго кремня, Карташиха, стр. 74.
29. Полушлифованный кремневый топоръ, Карташиха, стр. 74.

N 23726.

Таблица V.

30. Шлифованный топоръ, Карташиха. стр. 74.
 31. Тесло, Карташиха, стр. 74.
 32. Накопечникъ копы изъ красноватаго кремня, добытъ въ селѣ Бараповѣ, Тульской губерніи, стр. 4.
 33. Накопечникъ копы изъ темнаго кремня, паденъ въ селѣ Бараповѣ, Тульской губерніи, стр. 4.
-

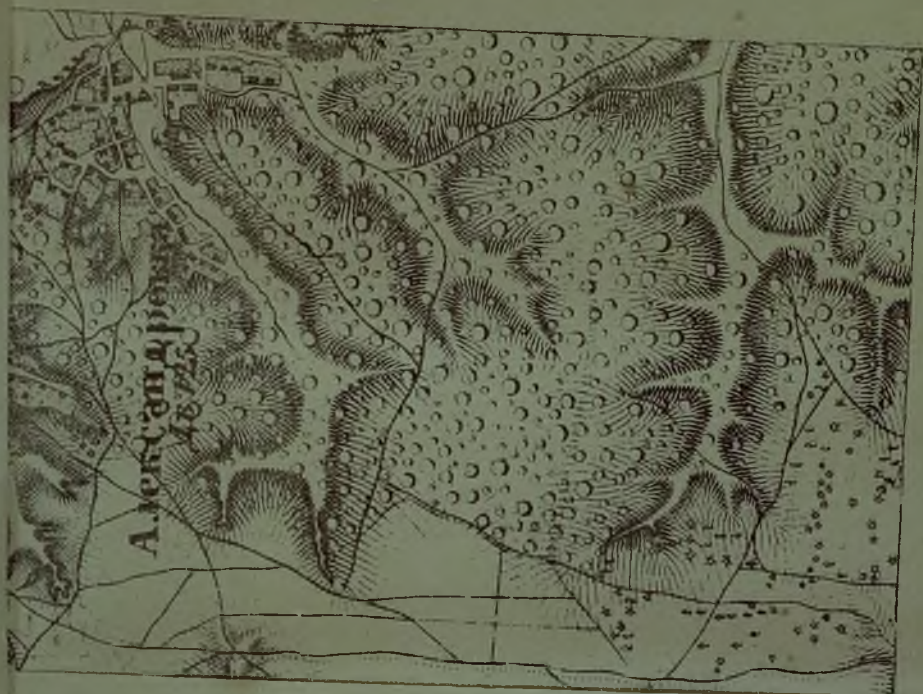
ОПЕЧАТКИ.

На стр. 31, 4-я строка снизу напечатано:
у домашних животных тогдашних
людей.

Слѣдуетъ читать:
домашнихъ животныхъ у тогд
нихъ людей.

На стр. 34, строка 2 и 3 сверху напечатано:
которую, я кстати сказать,

Слѣдуетъ читать:
которую, кстати сказать,

A. MONTAGNE DE PERSIE

20.

19.

16.

21.

18.

23.

17.

22.

26.

27.

28.

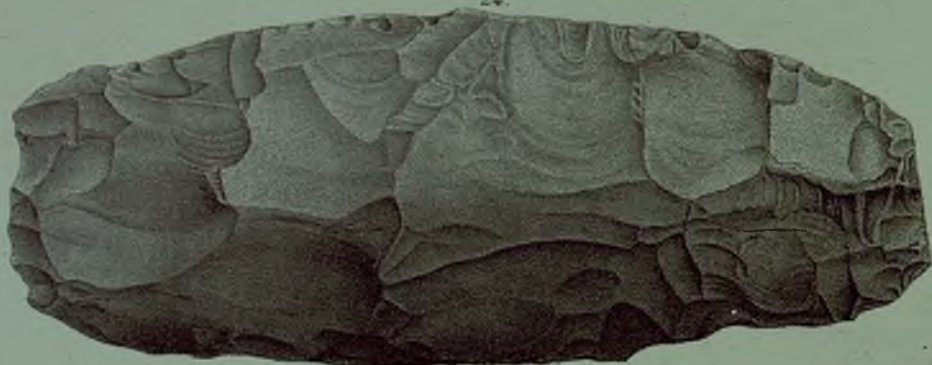
29.

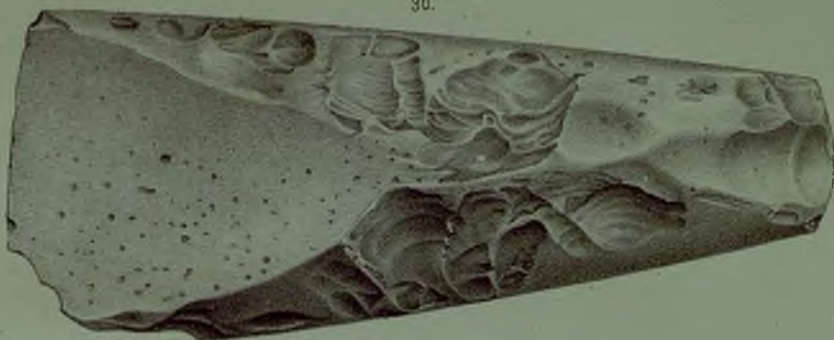
25.

24.

30.

31.

32.

33.

